

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Российская ИСТОРИЯ

В номере:

К 70-летию начала Второй мировой войны

Война, официальная пропаганда и массовое сознание

«Мы ждали второго фронта»: союзники глазами советского общества

Фронтовой анекдот: народное творчество или инструмент агитации

Проблема национального и интернационального в национальной политике в СССР

Война и гражданское население

«Весь народ сильно сдал телом»: дневник инженера И.А. Харкевича

Оккупационный режим и коллаборационизм

Война как профессионально-техническое противостояние

Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г.: сравнительные характеристики

Органы военных сообщений Красной армии и эксплуатация железных дорог

Морская радиоэлектронная разведка СССР в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг.

100-летие «Вех»: «круглый стол»

Россия, Крым и казачество в XVIII в.

Основан
в марте
1957 года

Выходит
6 раз
в год

МОСКВА
НАУКА

6
ноябрь
декабрь
2009

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А.Н. МЕДУШЕВСКИЙ (*главный редактор*),
А.В. ГОЛУБЕВ (*зам. главного редактора*), **Д. ДАЛЬМАНН** (*Германия*),
А.Е. ИВАНОВ, **А.В. ИГНАТЬЕВ**, **А.П. КОРЕЛИН**, **В.А. КУЧКИН**,
Л.Н. НЕЖИНСКИЙ, **Е.И. ПИВОВАР**, **Ю.С. ПИВОВАРОВ**,
В.Н. ПЛЕШКОВ, **Н.М. РОГОЖИН**, **А.Н. САХАРОВ**,
Д. СВАК (*Венгрия*), **С.С. СЕКИРИНСКИЙ**, **В.А. ТИШКОВ**, **В.В. ТРЕПАВЛОВ**,
ДЖ. ХОСКИНГ (*Великобритания*), **В.В. ШЕЛОХАЕВ**

Адрес редакции:

117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19. Тел. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41
Наша электронная почта:
otech_ist@mail.ru
otech_ist1@mail.ru

Ответственный секретарь М.А. Новикова
Тел. 8-499 723-69-10

EDITORIAL BOARD

A.N. MEDUSHEVSKY (*Editor-in Chief*),
A.V. GOLUBEV (*Deputy Editor-in-Chief*), **DITTMAR DAHLMANN** (*Germany*), **A.E. IVANOV**,
A.V. IGNATIEV, **A.P. KORELIN**, **V.A. KUCHKIN**, **L.N. NEZHINSKY**,
E.I. PIVOVAR, **Yu.S. PIVOVAROV**, **V.N. PLESHKOV**, **N.M. ROGOZHIN**,
A.N. SAKHAROV, **GYULA SZVÁK** (*Hungary*), **S.S. SEKIRINSKY**,
V.A. TISHKOV, **V.V. TREPAVLOV**, **GEOFFREY HOSKING** (*United Kingdom*),
V.V. SHELOKHAEV

Address:

19, Dm. Ulianova, Moscow, Russia. Tel. 8-499 723-69-10; 8-499 723-69-41

Managing Editor M.A. Novikova
Tel. 8-499 723-69-10

РУКОПИСИ ПРЕДСТАВЛЯЮТСЯ В РЕДАКЦИЮ В ЧЕТЫРЕХ ЭКЗЕМПЛЯРАХ, ОБЪЕМОМ НЕ БОЛЕЕ 1,5 АВТОРСКОГО ЛИСТА (36 СТР. МАШИНОПИСИ ЧЕРЕЗ ДВА ИНТЕРВАЛА), А ТАКЖЕ В ЭЛЕКТРОННОМ ВАРИАНТЕ (ДИСК И РАСПЕЧАТКА НЕ БОЛЕЕ 1,5 ПЕЧАТНОГО ЛИСТА). В СЛУЧАЕ ОТКЛОНЕНИЯ МАТЕРИАЛА РУКОПИСИ И ДИСКИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

МНЕНИЯ, ВЫРАЖЕННЫЕ В СТАТЬЯХ, ОТРАЖАЮТ ЛИЧНЫЕ ВЗГЛЯДЫ АВТОРОВ И НЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО СОВПАДАЮТ С ТОЧКОЙ ЗРЕНИЯ РЕДКОЛЛЕГИИ И РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА.

К 70-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В данном номере журнала продолжена публикация материалов к 70-летию начала Второй мировой войны. Важнейшим слагаемым этого глобального военного конфликта стала начавшаяся 22 июня 1941 г. Великая Отечественная война, которую Советский Союз вел против нацистской Германии. Именно советско-германское противостояние 1941–1945 гг. находится в центре внимания представленных статей, затрагивающих вопросы, ранее не становившиеся предметом специального изучения или оказавшиеся на периферии исследовательских интересов. К ним относится, прежде всего, проблема соотношения массового сознания, идеологии и политической пропаганды, раскрываемая на материале устной истории, СМИ, а также официальных документов и архивных источников. Другой самостоятельной проблемой выступает положение гражданского населения в годы войны – особенности повседневной жизни, а также стратегии выживания на оккупированных территориях. Наконец, отдельное внимание обращается на профессионально-технические параметры войны, в частности, сравнительный анализ трудовых ресурсов промышленности, состояния коммуникаций и разведок воюющих государств.

Война, официальная пропаганда и массовое сознание

© 2009 г. А.В. ГОЛУБЕВ*

«МЫ ЖДАЛИ ВТОРОГО ФРОНТА»:

союзники глазами советского общества в годы Второй мировой войны

На протяжении XVIII–XIX столетий, после того, как Россия вошла в число ведущих европейских держав, она неоднократно оказывалась участником самых разнообразных коалиций. В разное время ее союзниками выступали Великобритания, Франция, Пруссия, Австрия, Швеция, даже Турция; но те же державы время от времени оказывались и в числе ее противников. Не случайно появилось знаменитое высказывание Александра III об армии и флоте как единственных союзниках Российской империи. Тем не менее и в течение XX в. Россия дважды в ходе двух мировых войн выступала в составе могущественной коалиции. Неудивительно поэтому, что образ врага и образ союзника как в годы двух мировых войн, так и в межвоенный период, играли в сознании российского общества важную роль, в том числе при решении внутривойсковых проблем. Однако если в преддверии Первой мировой войны в обществе существовало достаточно ясное представление о потенциальных врагах и союзниках, то накануне Второй мировой войны ситуация была намного более неопределенной.

* Голубев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, руководитель Центра Института российской истории РАН.

Статья подготовлена в рамках научного проекта «Образ союзника в советском обществе в геополитическом контексте 20–40-х гг. XX в.» (Программа Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов»).

После заключения в мае 1935 г. советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимопомощи эти страны, казалось бы, могли рассматриваться как потенциальные союзники. Но с самого начала в общественных настроениях сквозило явное недоверие к ним, а официальная пропаганда даже не пыталась изменить ситуацию¹.

Подписание советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 г. было встречено со смешанными чувствами. Казалось, что угроза войны отодвинулась. Вместе с тем многие высказывали откровенное недоверие в отношении новых «заклятых друзей».

После подписания пакта Германия могла претендовать на роль союзника, во всяком случае, на Западе ее противники советско-германское партнерство рассматривали как нечто, весьма близкое к союзническим отношениям (подобная точка зрения существует и в современной российской историографии²). Но в общественном сознании СССР фашистская Германия оставалась скорее самым опасным и вероятным противником, чем союзником; соглашения 1939 г. воспринимались в лучшем случае как тактический ход советского правительства, чему имеется достаточно свидетельств. С одной стороны, сохранялась память о союзе с Англией и Францией в Первой мировой войне; с другой – память о прошлой германской войне и немецкой оккупации Украины, образы и представления, внедрявшиеся антифашистской пропагандой 1930-х гг., вели к росту антинемецких настроений.

Нападение Германии на Польшу в СССР встретили со смешанными чувствами. В 1920–1930-х гг. большинством политически и социально активного населения Польша скорее воспринималась как потенциальный противник, чем как союзник, или бывшая часть Российской империи, или соседнее, близкое по своим историко-культурным корням, славянское государство. Более того, для многих советских людей именно «панская Польша» являлась олицетворением всего худшего, что было (или могло быть) на Западе. Примером может служить анонимное письмо на имя председателя Совнаркома В.М. Молотова, отправленное в 1940 г. из Магнитогорска, в котором говорилось: «Мы уже сейчас на положении панской Польши: сахару нет, конфет нет, печенья нет, макаронных изделий нет, масла нет, муки совершенно никакой»³. И неважно, что ситуация в реальной «панской Польше» была совершенно иной.

После заключения пакта между СССР и Германией многие советские граждане пришли к выводу, что судьба Польши предрешена. Так, жители Ленинграда, в частности, отмечали, что «Германия в этом договоре развязала себе руки в отношении Польши... Она безнаказанно приберет Польшу к рукам».

При этом участие СССР в новом разделе Польши мало кем предполагалось. Как предсказывал в беседе с сослуживцами сотрудник Наркомлеса СССР, «Германия пактом о ненападении и торговым договором свяжет [СССР] по рукам и ногам, чтобы в это время разделаться с Польшей». Большинство комментариев носило достаточно отстраненный характер; иногда встречались такие предположения: «В результате договора сильно пострадает Польша, ее сильно пощипают, хотя она заслуживает этого»⁴.

После начала военных действий высказывались даже более жесткие оценки: «Польша своим криком и дерзким поведением вынудила Германию выступить»⁵. Однако подобные настроения вряд ли преобладали. Как вспоминал позднее К. Симонов, «когда началась война немцев с Польшей, все мое сочувствие так же, как и сочувствие моих товарищей по редакции военной газеты, где мы вместе работали, было на стороне поляков, потому что сильнейший напал на слабейшего и потому, что пакт о ненападении пактом, а кто же из нас хотел победы фашистской Германии в начавшейся европейской войне, тем более легкой победы? Быстрота, с которой немцы ворвались и шли по Польше, оgorошивала и тревожила»⁶.

Вместе с тем вступление советских войск в Западную Украину и Белоруссию и последовавшее присоединение этих областей к СССР было встречено скорее одобрительно. Одни рассматривали это как возможность распространения социализма на новые территории, другие же – как восстановление законных границ и интересов Рос-

сии. Академик В.И. Вернадский, в частности, записывал в дневнике в октябре 1939 г.: «Политика Сталина–Молотова реальная, и мне кажется правильной государственно русской»⁷.

Как отмечал Симонов, сказалась атмосфера напряженности в советско-польских отношениях последних десятилетий. Кроме того, отодвигалась западная граница, было предотвращено соглашение между Гитлером и западными державами, которого так боялось советское руководство. К тому же ни Англия, ни Франция, объявив войну Германии, вопреки своим обещаниям так и не пришли на помощь Польше. Неудивительно поэтому, что Симонов встретил вступление советских войск на территорию Польши «с чувством безоговорочной радости»⁸. Те же настроения владели и многими красноармейцами, которые участвовали в походе в Западную Украину и Белоруссию. Один из них в ноябре 1939 г. писал своему другу, тоже красноармейцу, в Ленинградский военный округ: «В этом году и мне пришлось идти в рядах непобедимой славной Красной армии вызволять от гнета помещиков наших братьев украинцев и белорусов». Другой гордо заявлял: «О международной обстановке не забываем и всегда готовы по зову правительства выступить на защиту своих священных границ, а также для освобождения трудящихся любого государства, которые хотят мирной жизни»⁹.

Таким образом в 1939 г., если говорить о преобладающих тенденциях, ни Польша, ни выступившие на ее стороне Англия и Франция не рассматривались в советском обществе в качестве союзников ни сейчас, ни в перспективе. Одно из немногих исключений составлял председатель Оборонной комиссии Союза писателей Вс. Вишневский, имевший в те годы доступ к закрытой для других информации и регулярно общавшийся с крупными военными деятелями, в том числе с наркомом обороны К.Е. Ворошиловым. Уже 1 сентября 1939 г. он записал в дневнике: «Возможно, что в нужный момент мы объявим лозунг “восстановления Польши”, найдем кадры народные, демократические и т.п. в самой Польше, перетянем на свою сторону ряд элементов. Нас предпочтут немцам»¹⁰.

Вообще, во второй половине 1939 – первой половине 1941 г. в общественном мнении царил очевидная растерянность. Мало кто верил в долговременность партнерских отношений с гитлеровской Германией; вместе с тем в официальной пропаганде Англия и Франция рассматривались как главные виновники войны, агрессоры, потенциальные противники. А.А. Жданов, например, весной 1940 г. заявил на ленинградском партактиве, что для СССР «приятнее, полезнее и ценнее иметь под боком не антисоветских англо-французских союзников с намерением напасть либо на Германию, либо на Ленинград... [но] страну, которая с нами в дружественных отношениях»¹¹. Имелась в виду Германия.

Подобные настроения фиксировались и в различных группах, составлявших советскую номенклатуру, причем порой в еще более недвусмысленной форме. Так, командующий Сибирским военным округом, командарм 2 ранга С.А. Калинин утверждал, что в 1940 г. неизбежна война СССР, Германии, Японии, Италии против англо-французской коалиции. А буквально за несколько дней до начала войны И.Ф. Филиппов, представитель ТАСС в Германии и одновременно заместитель руководителя советской резидентуры в Берлине, в разговоре с немецким собеседником (который, кстати, оказался осведомителем «бюро Риббентропа») и отразил содержание беседы в своем донесении) утверждал, что возможный «союз между Россией, Америкой и Англией – это чушь. В России не питают иллюзий относительно буржуазных государств. Россия может полагаться лишь на саму себя»¹².

Постепенно, в ходе Второй мировой войны, особенно во время «битвы за Британию», в советском массовом сознании, наряду с традиционным недоверием к Англии, складывается уважительное и сочувственное отношение к ее борьбе с фашизмом. Отношение к Франции, которую традиционно воспринимали в России с симпатией, было тем более позитивным и, после ее оккупации нацистами, сочувственным, несмотря на дипломатическое признание правительства Виши и все зигзаги официальной пропа-

ганды¹³. Что же касается Соединенных Штатов, как заметил американский исследователь Ф. Баргхорн, учитывая общее отношение к США как советского руководства, так и, особенно, широких масс, «было нетрудно “продать” Америку» в качестве союзника¹⁴.

Тем не менее международная ситуация, сложившаяся к весне 1941 г., многих наблюдателей, особенно хорошо информированных, подталкивала к определенным выводам. Писатель Вс. Вишневский возглавлял Оборонную комиссию Союза советских писателей, редактировал журнал «Знамя», присутствовал на закрытых совещаниях в Главном управлении политической пропаганды Красной армии, общался с крупными военными деятелями того времени, к тому же, зная иностранные языки, постоянно слушал сообщения английского, немецкого, французского радио. Весной 1941 г. в его дневниках появляются записи о возможных вариантах дальнейшего развития событий. Запись от 10 февраля: «Наше выступление против Германии и “оси” – в выгодный момент, в блоке с “демократическим блоком”». Запись от 15 марта: «Мы выступаем, чтобы доломать Гитлера, в коалиции с “демократиями” Запада. *Вариант наиболее ходовой в общественных разговорах* (курсив мой. – А.Г.)». И вместе с тем (в записи от 3 марта) – «с англо-американским миром – враги второй очереди – возможен компромисс, лет на 10–15»¹⁵.

В первые дни войны, в речи И.В. Сталина 3 июля 1941 г., было сказано о том, что советский народ имеет «верных союзников в лице народов Европы и Америки, в том числе в лице германского народа» (курсив мой. – А.Г.); сочувственные заявления западных правительств были упомянуты лишь вскользь¹⁶. Любопытно, что подобная формулировка содержится в очерке И. Эренбурга, написанном еще 22 июня: «У советского народа есть верные союзники – это народы всех пораженных стран – парижские рабочие и сербские крестьяне, рыбаки Норвегии и жители древней Праги, измученные сыновья окровавленной палачами Варшавы»¹⁷.

Однако уже 12 июля в Москве было подписано советско-английское соглашение о совместных действиях против гитлеровской Германии, положившее начало оформлению антигитлеровской коалиции. Тон советской прессы и пропаганды стал меняться в благоприятную для союзников сторону.

В годы Великой Отечественной войны в массовом сознании образ союзника предстает в самых различных ипостасях. Наряду с позитивными представлениями часто встречаются и проявления традиционного недоверия (особенно в отношении Англии), которое лишь усугубилось в предвоенные годы.

В одной из первых работ, посвященных теме восприятия союзников советским обществом, утверждается: «Никаких опросов населения в СССР тогда не проводилось, но по сохранившимся воспоминаниям о войне нет оснований утверждать о наличии каких-либо расхождений общественного мнения с официальной позицией в отношении союзников»¹⁸. Действительно, социологических опросов в современном понимании тогда не существовало, но в какой-то степени их заменяли информационные материалы НКВД, партийных и советских органов, а также доступные сейчас историкам документы личного происхождения. Основываясь на этой источниковой базе, можно попытаться восстановить спектр настроений, существовавших тогда в советском обществе по отношению к союзникам. Открытым остается вопрос об относительном удельном весе тех или иных настроений; об этом можно судить лишь по частоте упоминаний об этом в документах, отдавая себе при этом отчет, однако, что внимание, например, информаторов НКВД к тем или иным высказываниям далеко не всегда отражает их реальную распространенность. Тем не менее очевидно, что общественное мнение далеко не сводилось к воспроизведению положений официальной пропаганды. Как будет показано ниже, существовал очень широкий спектр мнений в отношении союзников, от абсолютно позитивных, до резко негативных, иногда неожиданных, иногда весьма – с точки зрения современного историка – обоснованных и рациональных.

Нельзя не согласиться с В.В. Позняковым, который пришел к выводу, что «советской внутренней пропаганде удалось добиться многих из поставленных перед нею

целей... ей удалось отделить в массовом сознании советского народа “простых людей” этих стран от их политических и государственных структур»¹⁹. Впрочем, существует и иная точка зрения. Так, А.В. Фатеев полагает, что «советский пропагандистский аппарат, пресса сделали немало для создания позитивного образа союзников по оружию – США, Великобритании. В результате среди значительной части народа, интеллигенции возникли иллюзии относительно возможностей длительного послевоенного сотрудничества с либеральными державами антигитлеровской коалиции»²⁰. Представляется, однако, что подобные настроения существовали не только *благодаря*, но и *вопреки* официальной пропаганде (тем более, что они фиксировались и до войны, хотя высказывались гораздо осторожнее и, как правило, в узком кругу)²¹.

Уже в первые дни войны в сводках НКГБ были отмечены высказывания о том, что политика М.М. Литвинова, направленная на союз с Англией и Францией, была верной. Характерно, что подобные высказывания проходили по разделу «антисоветских», один из говоривших это был арестован²². Очевидно, «органы» еще не успели осознать новую международную реальность, несмотря на заявления с обещаниями помощи со стороны правительств США и Англии, прозвучавшие 22 июня. Впрочем, в дальнейшем, особенно в 1941–1942 гг., в таких же сводках НКВД сомнения относительно результативности отношений с союзниками, не совпадающие с тоном прессы на данный день, также проходили по разряду «антисоветских»²³.

Любопытно мнение московского инженера Ладыженского, высказанное в августе 1941 г.: «Надо было начать войну с Германией нам, и тогда, когда Германия воевала с Францией. Сейчас Англия добилась своего, она столкнула своего злейшего конкурента – Германию с идеологически чуждой и по мнению Англии подлежащей ослаблению Россией... Наверно Англия раньше предлагала нам воевать против Германии, тогда бы для последней действительно были два фронта и мы бы победили»²⁴.

Как отмечает, основываясь на ленинградских материалах, Н.А. Ломагин, «сближение СССР с Англией и США в первые недели войны воспринималось населением с большой настороженностью и не являлось существенным фактором в развитии настроений – война с Германией представлялась своего рода дуэлью, в которой “демократии” в лучшем случае будут играть роль честных секундантов». И далее: «Большой интерес к международным событиям, которые в довоенном Ленинграде скорее напоминали мечты и грезы, нежели имели какое-нибудь реальное значение, через два месяца войны практически полностью исчез, уступив место насущным вопросам борьбы за выживание... По-прежнему по отношению к демократическим государствам доминировало недоверие»²⁵. Действительно, такие настроения были распространены и неоднократно фиксировались в разных регионах, но вряд ли они столь безоговорочно преобладали в массовом сознании.

Да и об исчезновении интереса к международным событиям говорить трудно. О том, какое значение придавали советские граждане союзу с западными державами, говорит следующий факт. В октябре 1941 г. на предприятиях Омска были проведены собрания, посвященные итогам 3-х месяцев войны. Как отмечал в докладной записке секретарь горкома ВКП(б), «большинство присутствующих интересовали такие вопросы: взаимоотношения между Китаем и Японией, позиция Турции и Японии в происходящей войне, чем конкретно помогают Англия и США Советскому Союзу в борьбе с нацизмом, почему Англия активно не выступает против Германии»²⁶. К записке было приложено около 70 вопросов (из заданных 160), которые в совокупности дают любопытную картинку «состояния умов» советского тыла начала войны.

Прежде всего, явно доминируют вопросы, связанные с внешнеполитическими акцентами войны, складыванием антигитлеровской коалиции (в значительной степени это было связано с Московской конференцией трех держав, которая состоялась в конце сентября 1941 г. и о которой сообщала советская пресса). Война между Японией и Китаем или позиция Турции, действительно, интересовали многих, но основная масса «внешнеполитических» вопросов пришлось все же на взаимоотношения СССР с Англией и США. Более того, позиция Англии была темой для 13 вопросов, 3 вопроса за-

трагивали Англию и США одновременно, и 4 вопроса относились к политике США.

Что же интересовало в те дни омичей применительно к позициям двух союзных держав? «Почему Англия не посылает сухопутные войска против Германии?.. Почему Англия плохо помогает нам и плохо бомбит Германию?.. Почему Англия не привлечет Турцию на свою сторону?.. Почему Англия не откроет второй фронт на Балканах?.. Почему Англия не высаживает своих десантов на оккупированную зону Франции и не бьет там Германию?». И, конечно, «чем конкретно помогает нам США и Англия... что мы платим за это *наличными деньгами* (курсив мой. – А.Г.)»²⁷.

Сразу же вспомнили о том, что уже пришлось пережить народам европейских стран, в частности, Великобритании. Незаметно Отечественная война стала восприниматься как продолжение Второй мировой, причем СССР в сознании многих с самого начала оказывался «на правильной стороне», выступая чуть ли не союзником Англии, ее преемником в качестве главного противника Германии, и уж, во всяком случае, товарищем по несчастью. Это ощущение хорошо передал в своей документальной прозе С. Кржижановский, назвавший защитные полосы на московских окнах «стеснительной, мешающей и солнцу, и глазу одеждой с чужого лондонского плеча». И добавил: «А там и сама война с лондонских плеч на наши»²⁸.

Пожалуй, наиболее позитивно союз с Англией и США оценивала интеллигенция. Академик В.И. Вернадский, например, 16 июля 1941 г. отметил в дневнике: «Общее удовольствие, что отошли от Германии, и очень популярен союз с Англией и демократиями»²⁹. В августе 1941 г. на 1-м Всеславянском митинге писатель А.Н. Толстой говорил о «могучей союзнице», «могущественной и свободолюбивой Великобритании»³⁰. В информационных документах НКВД были отмечены высказывания советских граждан о том, что речь Сталина 3 июля 1941 г. была рассчитана на завоевание симпатии в Англии и Америке, «которых мы объявили союзниками». Были, впрочем, и обратные высказывания, например: «Надеяться на помощь Англии и Америки – безумие»³¹. Подобные настроения существовали и в офицерском корпусе. Так, генерал-майор М.И. Потапов, попавший в плен к немцам, на допросе в сентябре 1941 г. безапелляционно заявил, что «русские считают Англию плохим союзником»³².

В информационных сводках НКГБ за сентябрь 1941 г. приводятся высказывания москвичей относительно межсоюзнических отношений. Характерно, что все они носят критический характер. В частности, вступление советских и британских войск в августе 1941 г. в Иран вызвало следующие комментарии: «Наконец-то нашелся фронт, с которого мы можем получать победные сводки. И как ловко, с какой демагогией проделано все это: сначала мы перечислили все наши благодеяния, оказанные Персии, потом уже сделали вывод о взятии ее за горло. Самое же главное – проделали все это в союзе с Англией, спрятавшись за ее спину. За Англией не страшно. Наше командование может драться только на кулаках... Англичане уже одурачили СССР после вступления английских войск в Иран. Они держат под ударом Баку, который раньше или позже будет у нас отобран. Сейчас англичане нами командуют, они добились полностью того, о чем мечтали два года тому назад. Такой результат следует отнести за счет нашего слабого и неквалифицированного руководства и увлечения идеей мировой революции со стороны наших вождей»³³.

Иногда сама необходимость в создании антигитлеровской коалиции подвергалась сомнению. Уже 23 июня 1941 г. А.П. Остроумова-Лебедева записывала в дневнике: «Утром была речь Черчилля. Англия обещает нам помогать деньгами и техникой... Мне, лично, их помощь кажется не очень существенной. Истощенный, утомленный народ. Да и многие примеры их помощи: Франция, Греция, Югославия... Неужели развязавшаяся война между нами и Гитлером вызвана коварной политикой Англии?.. Неужели это есть результат... политики “коварного Альбиона”? Неужели это они натравили разъяренного дикого быка – Гитлера на нашу страну?»³⁴ В докладной записке Берия, поданной Сталину в сентябре 1941 г., приводились следующие слова одного из работников Наркомата среднего машиностроения: «Я не хочу, чтобы в результате войны победителями оказались Англия и Америка, потому что в верхних слоях опять

будут евреи, так как Америка – еврейская страна, и она старается, чтобы в России господствовал еврейский капитал. Пусть лучше владеет Россией Германия и Гитлер»³⁵. Подписание США и Великобританией Атлантической хартии вызвало следующий комментарий московского режиссера П.: «Соглашение между Рузвельтом и Черчиллем без нашего участия доказывает, что мы только орудие в их руках. Англия добилась своего, мы своей плохой дипломатией и политикой получили разгром, а Англия снова вершит судьбами мира»³⁶.

Есть свидетельства того, что союз СССР и демократического Запада негативно оценивался представителями интеллигенции и по другим, противоположным мотивам. Это было связано с их резко отрицательным отношением к советскому строю как таковому. Например, историк С.Б. Веселовский записал в дневнике 20 января 1944 г.: «К чему мы пришли после сумасшествия и мерзостей семнадцатого года? Немецкий и коричневый фашизм – против красного. Омерзительная форма фашизма – в союзе с гордым и честным англосаксом против немецкого национал-фашизма»³⁷. Более развернуто эта точка зрения изложена в дневнике Л. Осиповой, оказавшейся на оккупированной территории и сотрудничавшей с немцами. В феврале 1942 г. она отмечала: «Все упорнее идет шепоток, что союзники, американцы и англичане, оказывают громадную помощь большевикам». А примерно через год, в январе 1943 г., последовал такой комментарий: «Какое несчастье для русского народа, что ему приходится ждать помощи от немцев, а не от настоящих демократических народов. Но эти демократические народы усиленно помогают большевикам, предают русский народ на издевательства и уничтожение. Неужели они не понимают, какую петлю они готовят на свою собственную голову?.. Говорят, что они понимают только свою выгоду. И этого нет. Всякому русскому колхознику ясно, что выгоднее было бы дать немцам разбить большевиков, а потом вместе с Россией разбить немцев»³⁸. Характерно, что помощь союзников здесь явно расценивается как решающий фактор в ходе войны. Трудно сказать, насколько такая точка зрения была распространена; она, например, не встречается в высказываниях, зафиксированных в НКВД-НКГБ или в других опубликованных письмах и дневниках.

Достаточно распространенным, и среди сторонников, и среди противников антигитлеровской коалиции, было скептическое отношение к мотивам поддержки, которую союзники оказывали (или обещали оказать) СССР. Практически никто не сомневался, что союзники заботятся прежде всего о собственных интересах. Как вспоминал философ А.А. Зиновьев, «мы знали о том, что западные страны вроде Англии, Франции и США гораздо больше боялись победы гитлеровской Германии, чем нашей... Мы были уверены, что страны Запада, враждующие с Германией, рано или поздно присоединятся к нам в борьбе с Германией и помогут нам разгромить ее»³⁹. Московский журналист Н.К. Вержбицкий в ноябре 1941 г. записал в дневнике: «США, сбросившие фиговый листок нейтралитета, помогут во имя спокойствия и невероятных гешефтов»⁴⁰.

Вместе с тем для большинства была характерна уверенность в экономической мощи союзников, их превосходстве в ресурсах, особенно с учетом возможностей СССР⁴¹. Как отмечал по поводу показаний пленных советских офицеров сотрудник «бюро Риббентропа» Г. Хильгер в августе 1942 г., «генерал Власов и особенно полковник Боярский⁴² в своих высказываниях преувеличивали военные и экономические возможности США и Англии. Эти представления являются прямым следствием соответствующей советской пропаганды. Показательно, насколько интенсивно она способна воздействовать даже на критически настроенных людей (курсив мой. – А.Г.)»⁴³. Характерна убежденность немца в том, что представления достаточно осведомленных офицеров, занимавших в Красной армии высокие командные должности, о превосходящем экономическом потенциале союзников объясняются исключительно пропагандой.

Впрочем, одной уверенности в экономической мощи США и Великобритании было недостаточно. Разноречивые отклики вызвал доклад Сталина 6 ноября 1941 г., где он впервые говорил о реальной помощи союзников. Наряду с удовлетворением и

надеждами на скорое открытие второго фронта были и такие оценки: «Сталин теперь открыто расписался в полном бессилии СССР в войне с Германией. Из доклада следует понимать, что теперь все зависит от помощи Америки и Англии»⁴⁴.

Даже вступление в войну США было воспринято неоднозначно. 10 декабря 1941 г. в блокадном Ленинграде И.Д. Зеленская записала в дневнике: «Вчера по радио – война между Японией и Америкой. Эта дьявольская война разливается как океан. Является страх за дальневосточный фронт, за доставку американского вооружения. А с другой стороны, может быть и лучше, как широко вскрытый нарыв»⁴⁵.

Подписание англо-советского и американско-советского соглашений в мае–июне 1942 г. вызвало следующие комментарии: «Договору с Америкой нельзя придавать существенного значения, так как он составлен в крайне запутанных выражениях и предусматривает главным образом выгоды Америки, а не интересы СССР... Договор означает предоставление американским банкирам концессий, а стало быть и расширение частной инициативы внутри Советского Союза... В нашей смертельной борьбе против Германии у нас нет другого выхода, чем этот тесный союз с Англией, но боюсь, что договор все же более выгоден Англии, чем нам. Англия основательно связывает нас по рукам и ногам не только на время войны, но и на послевоенное время»⁴⁶.

Англия вообще вызывала наибольшие опасения в качестве союзника. Уже в октябре 1941 г. Н.К. Вержбицкий записал в дневнике: «На нас обрушилась военная промышленность всей Европы, оказавшаяся в руках искуснейших организаторов. А где английская помощь? А может быть, английский империализм хочет задушить нас руками Гитлера, обессилить его и потом раздавить его самого? Разве это не логично, с точки зрения английских империалистов? Весь мир знает, как тонко умеет “англичанка гадить”»⁴⁷. В записной книжке писателя А.И. Пантелеева за 1942 г. сохранилась такая запись: «С первых дней мировой войны 1914 года в Англии стал популярен, стал крылатым циничный лозунг: “Англия будет драться до последнего русского солдата”. Не вспомнилась ли по душе эта милая шутка отцов выросшим и возмужавшим деткам?»⁴⁸.

По свидетельству А. Верта, в СССР в 1942 г. постоянно «делались нелестные сравнения между отчаянным сопротивлением русских в Севастополе и “малодушной” капитуляцией англичан в Тобруке», высказывалось убеждение, что «англичанам верить нельзя» и так далее⁴⁹. В военном дневнике известного историка Б.Г. Тартаковского за сентябрь 1942 г. сохранилось упоминание о некоем командире, который во время боя кричал немцам «Это вам не Англия!»⁵⁰. Отношение к Англии ярко выразилось, в частности, в вопросе, заданном в Архангельской обл. летом 1944 г.: «На протяжении многих десятилетий Англия проводила политику против России, а в послереволюционные годы являлась одним из главных организаторов и участников интервенции против Советской страны. Можно ли быть уверенным, что теперешний союз СССР с Англией является достаточно прочным»⁵¹.

Конечно, встречались и иные высказывания. Так, некий писатель в сентябре 1941 г. говорил: «Политическим идеалом является Англия. Черчилль – идеал вождя»⁵². Сравнения советских лидеров с Черчиллем в пользу последнего неоднократно фиксировались и в блокадном Ленинграде⁵³. В частности, применительно к Черчиллю, отмечалось его мужество, готовность, как лидера нации, взять на себя ответственность за военные неудачи английской армии⁵⁴.

Отношение к Америке было в общем иным. «За годы войны жители страны Советов поверили в настоящую, а не временную дружбу с американским народом. Воины и труженики тыла отдавали им заслуженное предпочтение перед другими союзниками. Американцы выполняли обязательства по оказанию помощи Красной армии, успешно воевали на Тихом океане и в Северной Африке, освободили Италию от фашистов, одержали важную победу над немецкими войсками в Арденнах», – подчеркивает, например, В.Ф. Зима, несколько идеализируя ситуацию⁵⁵. На самом деле, конечно, и отношение к Америке на протяжении всей войны оставалось двойственным.

В частности, своеобразным напоминанием о пропаганде и утвердившихся массовых стереотипах предвоенных лет служили довольно распространенные выска-

звания о том, что «для американцев и англичан одинаково ненавистен гитлеризм и коммунизм», что «Англия изменит нам и воевать придется долго – пока не ослабнет и Советский Союз и Германия, тогда Англия и Америка продиктуют свои условия и нам, и Германии», что, наконец, «у нас такие союзники, которые в одинаковой степени ненавидят и Германию, и Советский Союз»⁵⁶. И вполне логичными выглядели следующие опасения: «Не может ли получиться так же с Англией и Америкой, как получилось с Германией, которая была в дружественных отношениях с нами и в то же время вероломно напала на нас?»⁵⁷.

Недавно был опубликован секретный циркуляр немецких оккупационных властей от 28 февраля 1943 г., где приводились образцы слухов, которые немецкие спецслужбы планировали распускать на оккупированной территории. Некоторые из них напрямую затрагивали отношения СССР с союзниками, например: «Рузвельт прислал Сталину телеграмму, в которой он его настоятельно предостерегает от продвижения вперед, так как немцы хотят заманить русских в ловушку. Если Сталин не последует этому совету, Рузвельт угрожает приостановить поставки для России и заключить сепаратный мир с Гитлером... Черчилль полетел на громадном самолете в Турцию и приглашал туда же и Сталина, чтобы предостеречь его против дальнейшего наступления, т.к. немцы хотят его заманить в ловушку»⁵⁸. Понятна цель распространения этих слухов; можно предположить, что какими-то путями они проникали и в советский тыл. По крайней мере, многие высказывания, которые фиксировались вдали от линии фронта, напоминали образцы немецкой пропаганды.

Порой в обыденном сознании образ союзника сливается с образом врага. Так, в декабре 1944 г., по поводу уступок, сделанных союзниками СССР в польском вопросе, один из поляков, жителей Вильнюса, говорил: «Если бы не Англия, то нынешней войны не было бы и Польша не воевала бы, а теперь Англия, втянув Польшу в такую войну, делает все, что потребует Советское правительство»⁵⁹. Другими словами, ответственность за начало войны связывалась в сознании части советского общества не только с фашистской Германией, но и с Англией.

Многие западные дипломаты и журналисты склонны были считать, что простые люди гораздо более позитивно относятся к Западу, чем официальные власти. Это постоянно подчеркивается в книге Баргхорна, который даже озаглавил один из ее разделов «Русский народ: ахиллесова пята Кремля», имея в виду как раз отношение к Западу, в частности, США. Однако и архивные материалы, и свидетельства многих современников говорят о том, что ситуация была намного сложнее. По словам того же Верта, отношение к союзникам со стороны населения временами было намного более прохладным, чем отношение властей. «Обычно предполагается, что добрый русский народ настроен гораздо больше в пользу Запада, чем его правительство. В тот момент наблюдалось обратное», – заключает он, имея в виду 1943 г.⁶⁰ Это было связано в первую очередь с ожиданиями второго фронта.

В массовом сознании тема второго фронта занимала особое место. Хотя боевые действия против Италии и затем Германии велись союзниками в Северной Африке, а с 1943 г. и на Апеннинском полуострове, т.е. в Европе, в качестве «настоящего второго фронта» советское общество соглашалось признать лишь массивную высадку союзных войск на территории Франции. Отсутствие «настоящего второго фронта» было объявлено одной из основных причин тяжелых поражений Красной армии летом 1942 г. По мнению многих, открытие второго фронта означало скорый конец войны, и его ждали постоянно. Так, уже в декабре 1941 г. московский врач Е.И. Сахарова записывала в своем дневнике: «Сегодня Англия объявила войну Финляндии, Румынии и Болгарии. Это очень хорошо. Это очень хорошо. Это то, что т. Сталин назвал вторым фронтом. Если активна будет деятельность Англии, то нам, безусловно, станет значительно легче и не будут так дробиться наши военные силы»⁶¹. Политрук Ю.И. Каминский писал домой с фронта в июне 1942 г.: «Поздравляю вас всех с договором 26 мая и соглашением о втором фронте. Это сразу вернет войне ее первоначальные темпы, но только в другую сторону, с нашей земли в Европу»⁶².

То, что тема второго фронта была одной из важнейших в массовом сознании, доказывают сохранившиеся перечни вопросов, которые задавали в ходе различных собраний, лекций и бесед в Азербайджанской ССР, Башкирской и Удмуртской АССР, Архангельской, Воронежской, Ивановской, Омской, Ульяновской областях⁶³. Суммируя их, можно выделить основные проблемы, волновавшие советское общество применительно к теме антигитлеровской коалиции. Когда и где откроют второй фронт, чем объясняются задержки с его открытием? Выполняют ли союзники свои обязательства в отношении поставок оружия, продовольствия, снаряжения в СССР? Ряд вопросов касался также ситуации на других театрах военных действий, позиции нейтральных стран, движения Сопrotивления.

Часть советских граждан ввел за официальной пропагандой к идее второго фронта относилась скептически. В ноябре 1941 г. в Ленинграде были отмечены такие, например, высказывания: «О втором фронте я думаю, что он будет, но тогда, когда будет крах всей системы. Этого ждут Англия и Америка»⁶⁴. Подобные настроения высказывались не только публично. Так, в январе 1942 г. один из руководителей московской подпольной группы⁶⁵ отмечал в своем донесении: «В связи с англо-советским коммюнике о беседах И.В. Сталина и В.М. Молотова с г. Иденом один гражданин у газетной витрины сказал: “Второй фронт не хотят создавать, нам приходится самим воевать с немцами, а условия мира хотят диктовать”. Другой откликнулся, сказав: “Да, это такой союзник, что деньгами только расплачивается”»⁶⁶. Виновниками в задержке второго фронта считали все тех же англичан, в первую очередь У. Черчилля. Один из собеседников А. Верта в 1942 г. утверждал, что русские должны были быть благодарны Черчиллю уже за то, что он не встал на сторону немцев, и предсказывал, что пока Черчилль остается у власти, второго фронта не будет⁶⁷. Кстати, подобные представления были вполне в духе коммунистического мировоззрения. В январе 1943 г. на одном из номерных заводов Свердловска был задан следующий вопрос: «Не правы ли профашистские элементы Англии, говоря, что действительным врагом Англии является не фашизм, а коммунизм? Ведь конечной целью коммунистов является ликвидация капиталистического строя вообще и в частности в Англии»⁶⁸.

Бомбардировки, которым подвергали союзники территорию Германии, вызывали в общем удовлетворение. Инженер В.А. Лапшин 3 июня 1942 г. записал в дневнике: «Газеты сообщают о бомбежке Кельна, куда летало 1000 английских бомбардировщиков, сбросивших 10 000 бомб в течение 90 минут. Вот это была бомбежка. Вероятно, камня на камне не осталось от Кельна. Хороший урок фашистским мерзавцам. На бомбы только отвечать бомбами в тройном размере. Авось почувствуют, что значит бомбить беззащитные города, как у нас, так и в Европе»⁶⁹.

«Мы ждали второго фронта, / а он был так занят – дела! / Он был не похож на друга, / этот ленивый хитрюга, / когда сталинградская вьюга / в степях отпевала тела...», – напишет много позднее Е. Евтушенко, вспоминая свое военное детство.

Своего апогея ожидания второго фронта достигли летом и осенью 1942 г., в дни Сталинградской битвы, вернее, ее оборонительной фазы.

Тяжелые поражения советских войск весной и летом 1942 г. заставили многих задуматься о перспективах войны и возможных последствиях открытия или, напротив, задержки с открытием второго фронта. К тому же заключение «Договора о союзе и сотрудничестве» с Англией в мае 1942 г. и появление советско-английского и советско-американского коммюнике, где легко читался намек на возможную высадку союзников в Европе, вызвали многочисленные комментарии и в тылу, и в армии. Наряду с оптимистическими высказываниями, многие, в том числе и находящиеся на фронте, высказывали крайне скептическое отношение к союзникам. Так, младший политрук Тишкевич по поводу советско-английского договора высказался так: «То не договор, а просто бумага для утешения народа и обмана. Никогда Англия нам не помогала, и не будет помогать. Надеяться на то, что будет открыт второй фронт, не приходится»⁷⁰.

Как отмечалось в спецсводке Особого отдела НКВД Сталинградского фронта от 30 июля 1942 г., в которой обобщались материалы военной цензуры, «заклоче-

ние договора и соглашения между великими державами – СССР, Великобританией и США – о взаимной помощи и об открытии союзниками в 1942 году второго фронта в Европе среди военнослужащих фронта и их семей вызвало, при временных неудачах на фронте, целый ряд отрицательных суждений и разговоров. Бойцы, командиры и политработники, в своих многочисленных документах⁷¹, выражают недоверие к союзникам об открытии ими второго фронта в Европе, а отдельные лица высказываются о невозможности завершения победы над врагом без эффективной помощи со стороны союзников»⁷². Другими словами, если верить данной сводке, недоверие к союзникам уже нельзя было охарактеризовать как «отдельные настроения»; в данный момент оно преобладало. Можно привести целый ряд высказываний, иногда весьма красочных, зафиксированных в те дни особыми отделами. Так, некто А.Я. Кузьмин писал на фронт: «Союзники наши наверно только брехать красиво умеют, а пользы с них, как от козла молока. Со вторым фронтом что-то у них темпов не видно. Они все еще пока развлекаются и упиваются своим пташым полетом в поднебесье, что им, судя по их крикливым, восторженным речам, доставляет детское удовольствие. От серьезных дел они далеки. Наземное действие против Гитлера у них, вероятно, и в голове не укладывается, потому что она забита у них детскими восхищениями, да восторгами о стойкости русских. Только и хорошего, что талантливо умеют кричать и восторгаться. Ну, я, например, им все это извиняю, потому что это в их буржуйской телячьей натуре – видеть все в розовом свете». И, как бы отвечая ему, фронтовик А.К. Чубуков саркастически констатировал: «Ну что ж, пусть терпят русские девушки, англичане и американцы лишний раз передадут по радио, что они целиком с нами, болеют душой, сочувствуют... Это нам очень поможет. Несколькo миллионов вооруженной армии до зубов сидят на острове и наблюдают, как обрушиваются на нас дивизии, перевозимые с Запада, как оголяется затылок у немцев, и рассуждают, что в этом году невозможно открыть второй фронт»⁷³. Встречались и такие высказывания, авторы которых, как, например, красноармеец Хамитов, точно знали, что требуется для открытия второго фронта: «Черчилль заявил, что Англия и Америка второй фронт откроют только тогда, когда в Советском Союзе будут распущены колхозы и совхозы»⁷⁴. Кажется, именно в эти дни родилось ироническое прозвище американских консервов – «второй фронт». Но почти одновременно, после появления знаменитого приказа № 227 (или, как порой его называли, «Ни шагу назад»), появился еще один вариант «второго фронта» – так некоторые фронтовики называли заградотряды⁷⁵.

Конечно, и в тылу рассуждали о возможности открытия второго фронта. В сентябре 1942 г. Москву посетил видный американский политический деятель, лидер республиканцев У. Уилки. Он побывал во многих столичных учреждениях и предприятиях, и везде его спрашивали о втором фронте. Уилки обещал «открыть второй фронт» в будущем году, ссылаясь на возражения военных, а однажды не выдержал и заявил в ответ, что американские рабочие стараются, создавая все новое вооружение, и могут быть обижены, что их труд недооценивается в СССР, так как все разговоры только о втором фронте. В другой раз он заявил советскому собеседнику: «Я не могу с этим приехать на американские фабрики и заводы и сказать, что Россия недовольна Америкой – это отразилось бы на усилиях Америки и снизило бы темпы производства»⁷⁶.

Любопытно, что и сам Уилки, и сопровождавший его американский посол У. Стэндли были уверены, что вопросы о втором фронте задаются американскому гостю не иначе как по подсказке советских властей. Такое, разумеется, не исключено, но можно быть уверенным, что подобные вопросы прозвучали бы в любом случае – слишком большие ожидания связывались со вторым фронтом, и отнюдь не одного Уилки спрашивали об этом. Вот, например, чем интересовались на лекциях и беседах жители Свердловска в декабре 1942 г.: «Союзники заинтересованы во втором фронте, видя угрозу со стороны фашистской Германии. Но будут ли стоять английские и американские руководители за второй фронт, если начнется разгром немецкой армии, не явится ли тогда идея второго фронта как способ борьбы не с фашистской Германией, а против усиления влияния Советского Союза?.. Не стремятся ли союзники к

тому, чтобы мы сами изгнали немцев со своей территории, без военной помощи с их стороны?»⁷⁷.

Писатель А.И. Пантелеев, лежавший в те дни в московском госпитале, записывал разговоры раненых, отмечая «бесконечные разговоры о втором фронте. – Ох, высадить бы полтора миллиончика в Бельгии или в оккупированной Франции. Жестокое дело будет! Красивое дело!»⁷⁸.

В октябре в Северной Африке перешли в наступление британские войска Б.Л. Монтегомери, а в ноябре в Марокко высадились американские войска во главе с Д. Эйзенхауэром. «Нас так убедили в невозможности второго фронта, что весь город, не обращая внимания на высадку американцев в Северной Африке и воззвание де Голля, где говорится, что американцы высаживают огромные силы, – говорит не об этом, а о том, что местоблюститель патриаршего престола назвал Сталина – “богоизбранным”», – отметил в дневнике 9 ноября писатель Вс. Иванов. Впрочем, уже через день ситуация несколько изменилась: «У газет много людей. Читают через плечи друг друга – все об Африке. Всюду повеселевшие лица»⁷⁹. Но даже самая успешная африканская кампания не могла в глазах советских граждан заменить открытие второго фронта.

Даже после победного завершения Сталинградской битвы, когда исход войны большинству советского народа представлялся гораздо более благоприятным, чем полгода назад, скептическое отношение к перспективе открытия второго фронта продолжало сохраняться, хотя, возможно, и не было столь преобладающим. Так, в феврале 1943 г. в информационных материалах Особых отделов отмечалось «значительное количество фактов отрицательных настроений» по поводу второго фронта, в частности, фиксировались мнения, что «Англия и США, заключив с нами союз, оказывают нам слабую материальную помощь, не открывают второго фронта в Европе, добиваются этим самым истощения наших материальных и людских ресурсов в войне с фашистской Германией, а затем объявят нам войну и продиктуют свои условия»⁸⁰.

И вместе с тем после победы под Сталинградом сама необходимость скорее всего открытия второго фронта стала постепенно ставиться под сомнение. Академик З.Г. Френкель в январе 1943 г. отметил в своем блокадном дневнике возросшую «независимость от помощи союзников Красной армии и Советского государства. Пожалуй, теперь союзникам нужно уже не для нас, а для себя поторопиться со вторым фронтом», – заключил он⁸¹. Корреспондент «Правды» Л.К. Бронтман в марте 1943 г. писал: «О втором фронте и у нас, и в мировой печати все меньше и меньше разговоров. Народ начинает относиться к нашим союзникам все более недоверчиво. Яркое это почувствовал я, например, во время двух своих последних докладов о “Международном положении и текущем моменте”... Хотя вопросов на эту тему и не задавали, но по тому, как слушали “союзную” часть доклада, чувствовалось абсолютно точно, что союзникам не верят ни на грош»⁸². Последнее свидетельство, впрочем, несколько обесценивается стремлением его автора истолковывать в нужном духе реакцию (а точнее – отсутствие реакции) слушателей. «Известия из заграницы поступают скудные. Наши доблестные войска фактически один на один с немецкой армией бьют ее, громят, уничтожают и гонят на запад, а союзники ограничиваются операциями на Сицилии», – записал в дневнике инженер В.А. Лапшин в августе 1943 г.⁸³

Последний раз тема второго фронта вышла на первый план в связи с Тегеранской конференцией. К тому времени большая часть советского общества поверила в то, что победа может быть одержана и без помощи союзников, тем не менее решения конференции были встречены с одобрением. Так, на одном из оборонных заводов Челябинска выступление на митинге, посвященном итогам встречи в Тегеране, «сводилось к выражению надежды, что война будет закончена в самый короткий срок, что второй фронт теперь, безусловно, будет открыт, что подтверждаются указания тов. Сталина о том, что второй фронт не за горами». И только арматурщик Осипов сохранил привычный скептицизм: «Нельзя верить Англии и Америке, они все время обещали открыть второй фронт и все время обманывают»⁸⁴.

Наверное, многие могли бы согласиться с записью в дневнике, которую сделал видный биолог А.С. Серебровский 23 февраля 1944 г.: «Сегодня день Красной армии, в приказе т. Сталин подвел итоги года, и в шесть часов будет салют в ряде городов, итоги замечательные, но до конца войны, по-видимому, еще далеко. Мы все еще одни, а союзники все еще жалуются на плохую погоду»⁸⁵. О том же писал в апреле 1944 г. в частном письме физик В.С. Сорокин: «Наши проклятые союзники собираются продемонстрировать, что они собираются предпринять демонстрацию, что они собираются... (и так далее) предпринять наконец вторжение. Они описывают с величайшей обстоятельностью корабль, который они построили для перевозки войск, искусство своих будущих операций и все, относящееся к делу, из чего следует, что это все одни разговоры»⁸⁶.

После высадки союзнических войск в Нормандии в июне 1944 г. американские (и в гораздо меньшей степени английские) военные и дипломаты на время стали в Москве настоящими героями: их качали на улицах, приглашали на приемы, угощали в ресторанах. Вместе с тем, отмечал в своей шифровке глава военной миссии генерал Дин, в реакции москвичей на радиосообщение о высадке в Нормандии при всем «удовольствии и чувстве облегчения» не было заметно «бурного ликования»⁸⁷.

Второго фронта слишком долго ждали; летом 1944 г. мало кто сомневался в исходе войны даже независимо от действий союзников. Тем не менее, как отмечалось в специальной информационной сводке ЦК по этому вопросу, колхозники, например, «услышав о высадке союзных войск на севере Франции, заговорили о том, что теперь скоро должен быть мир, что немцы теперь не выдержат натиска. После сообщения настроение колхозников поднялось, начались более веселые разговоры, даже улучшилась работа в поле»⁸⁸.

Помимо второго фронта, еще два конкретных аспекта отношений с союзниками были зафиксированы в массовом сознании военного времени: тема ленд-лиза, поставок продовольствия, снаряжения, военной техники; и осмысление перспектив, которые открывал на будущее сам факт возникновения антигитлеровской коалиции.

Инженер Горьковского автозавода В.А. Лапшин в июне 1942 г. писал в дневнике: «Вслед за подписанием договора с Англией опубликовано соглашение с США о помощи материалами, танками, самолетами и пр. Помощь эту мы видим ежедневно у себя. Какие машины собираются сейчас у нас из отдельных собранных узлов... Сколько их собирается каждый день. А какие “Матильды” и “Валентины”. Это реальная помощь»⁸⁹.

Поставки продовольствия и обмундирования (независимо от их источника и предназначения, все они связывались именно с загадочным, непонятым, но таким иностранным словосочетанием «ленд-лиз») напрямую затрагивали жизнь многих семей. Одни получали продукты, одеяло или отрез серого солдатского сукна, другие на рынке приобретали поношенную американскую или английскую одежду. Как подчеркивает В.Ф. Зима, «для трудного времени это было событие, которое оставалось в человеческой памяти на всю жизнь. Лауреат Нобелевской премии поэт И.А. Бродский в своих записках упомянул о впечатлении, произведенном на него американскими ботинками, которые в войну носил его отец. Через полвека жительница железнодорожной станции Шумиха (Курганской обл.) А.Н. Герасимова на вопрос, что она знает об американской помощи в войну, с ходу заявила, что хорошо помнит, как с самолетов им сбрасывали посылки с консервами и теплыми вещами»⁹⁰. Конечно, в последнем случае речь идет о совершенно сказочном преломлении реальности в массовом сознании. Но то, что подобные легенды, закреплявшие положительный образ союзника, не только возникали, но и существовали весьма долгое время, является весьма показательным. Не только Бродский, но и В.П. Аksenov неоднократно упоминал о вещах и продуктах, полученных по ленд-лизу, в своих сочинениях, при этом подчеркнuto выделяя их из общего ряда. Как писал в своих воспоминаниях Кир Булычев (И.В. Можейко), «не было в мире ничего вкуснее американской консервированной колбасы»⁹¹.

В качестве гуманитарной помощи в СССР попадали не только вещи и продукты; многие общественные организации отправляли в СССР книги, копии фильмов, пласти-

нок и т.п. (любопытно, что в послевоенном обществе американские фильмы, попавшие таким образом в советский прокат и пользовавшиеся большой популярностью, именовали не иначе как «трофейными»). Автору данной работы приходилось встречать в общедоступных библиотеках английские и американские книги, изданные в 1930–1940-х гг., с соответствующими дарственными надписями. То, что книги эти были большей частью детективами или любовными романами, делало их еще более привлекательным для советских читателей (тех, конечно, кто владел языком).

Можно только предполагать, в какой степени воспоминания о ленд-лизе, а также попавшие таким образом в СССР книги и фильмы повлияли на последующие политические, социальные, культурные предпочтения послевоенного поколения. Но само наличие такого влияния сомнению не подлежит⁹².

Прозванная «вторым фронтом» американская тушенка, яичный порошок, другие непривычные продукты надолго остались в памяти как одна из примет военного времени. То, что полученное по ленд-лизу продовольствие стало важной частью не просто повседневного быта, но составляющей всей окружающей предметной среды тех лет, помогает наглядно представить фраза из дневника А.И. Пантелеева (январь 1944 г.): «На путях – бессчетное множество банок из-под американской тушенки. И тут же тучи воробьев, клюющих канадскую пшеницу»⁹³.

Вместе с тем среди части интеллигенции интерес вызывали, прежде всего, политические аспекты помощи союзников. Во-первых, эта помощь не без оснований рассматривалась как средство предотвращения выхода СССР из войны путем заключения сепаратного мира (как известно, этого союзники боялись вплоть до завершения коренного перелома в войне), и, во-вторых, как средство давления на СССР в вопросах послевоенного урегулирования.

Неплохо информированный благодаря своим многочисленным знакомствам писатель Вс. Иванов в своем дневнике 15 марта 1943 г. так прокомментировал публикацию в «Правде» отчета о помощи США: «Оказалось, что не зря наши молчали об этой помощи... Помощь, надо сказать, солидная... Отрицая же помощь или сведя ее к нулю, мы преувеличивали свои силы и заставляли Германию считаться с нами, а значит, и могли заключить сепаратный мир. Теперь, “раззвонив о помощи”, мы лишены возможности заключить мир. Мало того, американцы могут позвать нас на “конференцию” и потребовать “некоторых” политических гарантий»⁹⁴.

Что касается остальной части населения, то здесь, наряду с позитивной оценкой ленд-лиза, о чем речь шла выше, встречались и такие предположения: в результате ленд-лиза и заключенных в годы войны соглашений «все наши ценности союзники заберут и мы на них работай»⁹⁵. Иногда подобные опасения конкретизировались: «Правда ли, что скоро будет съезд союзников Англии, США и СССР, на котором будет решаться вопрос, сколько мы должны вывезти мяса для Америки, и это мясо в скором времени начнут собирать с колхозников?», – спрашивали жители Башкирской обл. весной 1943 г.⁹⁶

Приближение окончания войны многих заставляло задуматься о перспективах послевоенного переустройства мира. В 1944 г. на смену вопросам о втором фронте приходили другие: оккупирует ли Красная армия Германию, какой будет послевоенная Европа, что ждет послевоенную Польшу?⁹⁷ Постепенно укрепляется ожидание позитивных изменений после войны, и в значительной степени это было связано как раз с ролью союзников. Предполагалось, что союз с США и Великобританией должен привести к некоторой демократизации советского общества, тем более что продолжение союза военных лет казалось многим необходимым для послевоенного восстановления СССР.

Надо сказать, что в современной литературе порой преувеличиваются эти ожидания, а особенно их распространенность. Так, по утверждению В.Ф. Зимы, «чаяния рабочих, крестьян и интеллигенции сводились к отмене большевистского правления (курсив мой. – А.Г.) и обретению элементарных свобод и прав человека. Горожанам нужна была гарантированная оплата труда, обеспечивавшая прожиточный минимум семьи, 8-ми часовой рабочий день и ежегодный отпуск. Сельчане страдали и бедство-

вали от навязанной им государством колхозной системы... Интеллигенция требовала ликвидировать экономический и культурный барьер, отделявший СССР от западных стран»⁹⁸.

Само наличие подобных ожиданий в разных социальных слоях советского общества сомнений не вызывает; очевидно, однако, что «отмены большевистского правления», например, не только ожидали, но и желали далеко не все; горожанам вышеупомянутые права до войны не только гарантировались, но и, как правило, представлялись – речь таким образом могла идти лишь о возвращении к условиям мирного времени, без ограничений, введенных в предвоенные годы и тем более в годы войны. Хорошо еще, что, как считает цитируемый автор, «никто не думал о радикальных путях решения давно наболевших проблем (впрочем, это тоже слишком сильное утверждение. Об этом несомненно думали, хотя, видимо, немногие. – А.Г.). Люди считали, что Правительство СССР, возглавляемое И.В. Сталиным, само убедилось в бесперспективности дальнейшего существования государственного устройства в довоенном виде. Одни рассчитывали на прозорливость Сталина, другие на содействие Запада. Распространялись нелепые слухи о том, что США и Великобритания якобы способны заставить Сталина отказаться от большевизма»⁹⁹. Опять-таки, подобные настроения существовали, но были отнюдь не всеобщими. Нет оснований говорить именно о «требованиях» (а не надеждах или прогнозах) интеллигенции. По крайней мере, подобные требования никем вслух не высказывались и даже не формулировались. Но надежды на ликвидацию барьера между СССР и остальным миром, конечно, были.

Уже в сентябре 1941 г. в Москве зафиксированы высказывания, скептически оценивающие перспективы послевоенного урегулирования: «Эту войну мы выиграем, но за ней будет вторая. Кончится первая война, сядут за стол сто дипломатов, в том числе пять наших. И сто будут диктовать условия пяти. Вот тогда и решится вопрос – кто кого»¹⁰⁰. Еще определеннее высказался московский писатель А.: «Мы можем, конечно, и победить, но что это будет нам стоить? Дело идет к тому, что нам придется валяться в ногах у Англии и Америки»¹⁰¹. Одновременно представители московской интеллигенции высказывали опасения (которые, возможно, были одновременно и надеждами) на изменение как внешней, так и внутренней политики СССР после войны. Как уверяла собеседников артистка Х., «у нас должны произойти перемены в области политики. Конечно, Ситрин¹⁰² из Англии очень горячо стал отзываться о союзе СССР с Англией. Однако он, вероятно, рассчитывает, что наши профсоюзы станут желтыми, а их английские не покраснеют». Артист оркестра И. был еще более беспелляционен: «В настоящей войне возможно поражение Германии, но в СССР все равно будет изменена форма правления под давлением Америки и Англии в сторону создания демократической республики по их образцу. Для этого будут использованы их войска, которые Америка и Англия ввели в пределы СССР»¹⁰³. О том же говорили и в блокадном Ленинграде. Так, режиссер Ленфильма Б. в ноябре 1941 г. утверждал, что «войну Россия, как национальное государство, выиграет, но *советскую власть проиграет* (здесь и далее курсив документа. – А.Г.)... После окончания войны, которая закончится поражением Германии, благодаря усилиям Америки и Англии, *несомненно будет установлена какая-то форма буржуазной демократии*. О социализме придется забыть надолго»¹⁰⁴. Характерен такой пример: отнюдь не «буржуазный интеллигент», а литовский коммунист, бывший подпольщик, участник войны в Испании, после войны занимавший пост заместителя министра здравоохранения Литовской ССР, В.Г. Мицельмахерис в 1943 г., находясь в эвакуации, говорил: «В будущем вся Европа, в том числе Польша и Прибалтика будут находиться под английским влиянием и поэтому английский язык следует изучать как родной язык»¹⁰⁵.

Впрочем, более распространены были ожидания лишь некоторого смягчения советского режима в результате союза с демократическими государствами. В.И. Вернадский 15–16 ноября 1941 г. записал в дневнике: «Невольно думаешь о ближайшем будущем. Сейчас совершается сдвиг, и, вижу, многим тоже кажется – огромного значения... Союз с англосаксонскими государствами-демократиями, в которых в жизнь

вошли глубоким образом идеи свободы мысли, свободы веры и формы больших экономических изменений с принципами свободы... Впереди неизбежны коренные изменения – особенно на фоне победы нашей и англосаксонских демократий»¹⁰⁶. Позднее, уже в 1942 г., он добавил: «ясно и то, что 1944 год будет годом огромных изменений. Советский Союз – не сомневаюсь – победит и выйдет из испытаний усиленным. Союз с демократиями усилит у нас свободу мысли, свободу веры, свободу научных исканий. Полицейский режим ослабнет, а м[ожет] б[ыть] наконец уйдет в историю. После разорения – реконструкция»¹⁰⁷.

Появление в советской прессе большого количества позитивных, даже хотя бы чисто информационных, нейтральных по тону сообщений о жизни стран-союзниц, конечно, не могло не найти отклика в сознании советских людей. Вряд ли соответствующие инстанции не понимали этого (отсюда многочисленные ограничения, например, на распространение журнала «Британский союзник»), но сделать ничего не могли. Уже в 1943–1944 гг. органы НКГБ все чаще отмечали высказывания, в которых сравнивались политические системы и уровень жизни в СССР и странах Запада. «Вот посмотришь на нашу дикую систему и сравнишь ее с американской, так надо сказать, что там люди живут, и над ними никто не издевается, сами себе хозяева, их личность неприкосновенна», – говорил в 1944 г. главный металлург одного из ленинградских заводов¹⁰⁸. В октябре 1944 г. была подготовлена докладная записка о результатах беседы с научными работниками Уральского филиала Академии наук. В ней особо отмечался интерес научных работников к президентским выборам и вообще избирательной системе в США¹⁰⁹. Хотя ни автор записки, ни те, с кем он беседовал, не делали далеко идущих выводов, трудно предположить, что, читая о выборах по-американски, ученые не сравнивали их с советской избирательной системой. И можно только догадываться, в чью пользу делались эти сравнения...

По данным В.О. Печатнова, «только за 1943 г. в центральных издательствах было изъято или недопущено к печати 432 книги и брошюры, в основном за “преклонение перед общественным строем, наукой и культурой капиталистических стран”. В том же году серьезной кадровой чистке и изъятию уже опубликованных номеров подвергся журнал “Интернациональная литература” за “идеализацию общественного строя и условий жизни в Англии и США”. Даже авторам научно-технических статей и монографий вменялась в вину “вредная тенденция” – “смазывать различие двух систем”»¹¹⁰. Одновременно жесткой проверке Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) был подвергнут Институт мировой политики и мирового хозяйства АН СССР. Среди недостатков работы Института отмечались «апологетическая оценка германского фашизма перед войной... неверные высказывания относительно агрессивной сущности немецкого фашизма уже в годы войны... неправильная оценка политики союзников Германии, которые якобы воюют лишь под сильным давлением Германии». Но главное все-таки было в следующем: «В ряде работ прославляется буржуазная демократия в Англии и США, преувеличивается их роль (работы: Лемин “Великобритания наш союзник”, Лан “США – великая демократическая держава”, Бокшицкий “Великобритания и США – великие демократические державы”)). По мнению проверяющих, И.М. Лемин идеализировал британскую монархию, утверждая, что угроза со стороны Гитлера сплотила народы империи, а М.Л. Бокшицкий «в неумеренно восторженных тонах» описывал помощь Англии и США Советскому Союзу»¹¹¹. В прилагавшемся проекте Постановления ЦК по этому поводу особо подчеркивалось, что «в ряде работ Института... некритически, в хвалебном тоне изображается современный общественный порядок в Англии и США, непомерно преувеличивается роль и участие Англии и США в борьбе против гитлеровской Германии»¹¹².

Весной 1943 г. в Институт экономики АН СССР была представлена докторская диссертация Н.И. Сазонова¹¹³ «Введение в теорию экономической политики». По мнению автора диссертации, соглашения и договоры с Англией и США «открывают широчайшие перспективы международного экономического сотрудничества»¹¹⁴. Диссертант выступал за отказ от монополии внешней торговли и привлечение в экономику страны

иностранных капиталов. Вывод рецензента: «Автор пытается теоретически обосновать необходимость возвращения России в систему капиталистических государств. *Обстановка, созданная войной, как видно, начинает формировать определенную идеологию и с этой стороны работа заслуживает внимания* (курсив мой. – А.Г.)»¹¹⁵.

Материалы диссертации, равно как и рецензии на нее, попали в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), и там предложениям Сазонова была дана весьма жесткая политическая оценка: «Автор представляет собой певца капиталистического строя и проповедника реставрации капитализма в СССР... является мракобесом, восхваляющим реакционный, в том числе и колониальный империализм»¹¹⁶. В результате автор признал свои «ошибки», а диссертация была снята с защиты.

В справке о настроениях интеллигенции в только что освобожденном Харькове (весна 1943 г.) содержатся любопытные высказывания. По мнению профессора Харьковского университета Терещенко, «в политической жизни страны должны произойти, да, собственно, уже происходят, серьезные изменения (соглашение с капиталистическими Англией и США, роспуск Коминтерна, разделение учебных заведений на мужские и женские, создание комитета церкви, частная торговля и др.). Происходящие изменения должны будут пойти дальше, в частности, в сторону демократизации жизни страны». Доцент Селигеев в какой-то степени предвосхитил столь популярную впоследствии теорию конвергенции: «В процессе грядущего восстановления будет происходить то, что можно было бы назвать диффузией: лучшие мысли, идеи западной культуры не только в сфере науки и техники, но и в области морали и политики, в области мировоззрения неизбежно начнут проникать к нам и наложат свою печать на всю нашу жизнь». Любопытен вывод, который сделал автор справки: «Целый ряд ученых, в прошлом преклонявшихся перед западноевропейскими порядками и культурой, не понимая характера антигитлеровской коалиции, впадают в апологетику буржуазно-демократической политики и культуры»¹¹⁷.

По большей части представители интеллигенции надеялись на эволюционные изменения к лучшему в результате политического взаимодействия СССР со своими союзниками; но встречались и более радикальные предположения. Уже в 1943 г. в материалах НКВД и НКГБ появляются утверждения о том, что «внутренняя оппозиция» переориентировалась в борьбе с советской властью с Германии на Англию и Америку. Арестованный (и впоследствии расстрелянный) директор ремонтно-строительной конторы ленинградец В.С. Карев говорил на допросах: «В результате войны СССР и Германия будут настолько обессилены, что им придется полностью капитулировать перед англо-американским блоком. Тогда с помощью Англии и Америки внутренние силы контрреволюции поднимут восстание... если убить Сталина, в правительстве будет замешательство и народ восстанет против советской власти, а в это время нам помогут Англия и Америка»¹¹⁸. Заместитель начальника Ленгорпромстроя Л.Г. Юзбашев утверждал: «Мы в основном должны надеяться на вмешательство извне, потому что США и Англия при их могуществе не будут долго нас терпеть, они либо постараются уничтожить этот порядок, либо нас совершенно изолируют»¹¹⁹.

Конечно, подобные мнения вряд ли преобладали. Существовали (и, возможно, были более распространены, но реже попадали в материалы НКГБ) гораздо более лояльные с точки зрения власти настроения. Так, Вс. Вишневский 28 января 1943 г. записал в дневнике: «Непрерывное обсуждение проектов послевоенного устройства мира. Существует ряд конкретно разработанных планов... СССР должен прийти к “круглому столу”, имея максимальные ресурсы и наиболее выгодные военные и политические позиции. Воля СССР должна быть осуществлена!»¹²⁰. Уже упоминавшийся В.С. Сорокин писал в частном письме в январе 1944 г.: «Насчет того, что планируют союзники, прочти в № 10–11 “Мирового хозяйства” о том, что они собираются сделать в Европе после войны. Вот уж кто мерзавцы, так это они. Ханжи и бандиты, каких больше не найдешь нигде. Не далее как в 1947 г. мы будем иметь с ними дело»¹²¹.

Что касается ожиданий изменения политического строя, то они встречались не только среди интеллигенции. Подобные настроения существовали и в городах, и в

деревне. В ноябре 1942 г. красноармеец Евстегнеев (вскоре арестованный) уверенно заявлял: «Наше правительство и партия продались англичанам, если даже будет наша победа, то после войны у нас будет власть англичан, а не советская. В нашей стране создается такое затруднительное положение, что приходится идти на все уступки англичанам. Теперь Советский Союз не сам руководит, а ему диктуют Англия и Америка»¹²².

Постепенно ситуация на фронтах изменилась к лучшему, но представления об определяющем влиянии союзников фиксировались все чаще, и трудно сказать, чего в них было больше – опасений или надежд. «Усиленно распространяются слухи о том, что скоро будет у нас введена свобода различных политических партий, а также свобода частной торговли, что будет выбран новый царь, что после войны миром будут руководить Америка и Англия и т.д.», – утверждалось в справке о политических настроениях в Свердловске в 1943 г.¹²³ По свидетельству историка Г.И. Мирского, московские рабочие уверенно утверждали, что союзники в обмен на оказанную помощь поставили условие: «Разрешить после войны свободную торговлю и вольный труд. Многие верили в это и мечтали о грядущих переменах, возлагая надежды именно на Америку и Англию. Пусть останется Сталин, пусть останется партия, но главное – вот это: свободная торговля и вольный труд»¹²⁴. Зато крестьяне Тихвинского района Ленинградской обл. в 1944 г. хотели большего: «После войны у нас коммунистов не будет. Партия большевиков должна отмереть, и отомрет, потому что наши союзники Англия и Америка капиталисты, поставят дело так, как им нужно»¹²⁵. Среди вопросов, заданных весной 1943 г. во время собраний или лекций, в частности, в Башкирской обл., есть и такой: «Правда ли, что при заключении договоров союзники ставили три вопроса – открытие церквей, введение погон, роспуск колхозов?»¹²⁶. Подобный вопрос задавали и в Удмуртии: «Правда ли, что Америка требует от нас роспуска колхозов и восстановления церкви?»¹²⁷.

Ликвидация колхозов представлялась особенно вероятной. Вот примеры подобных высказываний: «Некоторые говорят, что колхозов не будет, ибо Америка и Англия оказали свое влияние... Они требуют, чтобы не было больше колхозов, а наши не соглашаются. Возникнет новая война и нам тоже уж не справиться, заберут нас англичане и не будет больше колхозов... Скоро дождемся того момента, когда будем работать на себя и жить самостоятельно, без палки. Так хотят наши союзники Англия и Америка»¹²⁸.

Характерно, что в межсоюзнической полемике (в частности, в западных средствах массовой информации) на первый план выступали требования свободы вероисповедания в СССР, а отнюдь не ликвидации колхозов. И этот сюжет нашел отражение в массовом сознании. Некоторое изменение политики в отношении православной церкви в годы войны комментировалось порой следующим образом: «Наше отношение к духовенству диктуется требованиями союзников – Америки и Англии... Двадцать восемь лет не говорили о попах, а тут заговорили, когда мы стали союзниками Англии... Англия и Америка повернут нас на старый лад»¹²⁹.

О механизме зарождения и распространения подобных слухов свидетельствует недавно опубликованный любопытный документ, протокол очной ставки, проведенной следователями НКГБ в мае 1945 г. Некто В.И. Жарков, уже отсидевший 5 лет, являясь безместным священником, в 1944–1945 гг. разъезжал по Горьковской обл. и организовывал нелегальные богослужения. Беседуя с верующими после одного из них, он, комментируя газетные материалы о заседании Поместного Собора в Москве, заявил: «На днях в Москве проходило заседание церковного синода, которым руководили представители из Америки и Англии. На этом заседании предложили нашему правительству открыть все церкви, а недействующие церкви немедленно восстановить. Поэтому наши руководители и начали кое-где открывать церкви. После окончания войны власти Советской не будут, руководить Россией будут союзники, и народу будет предоставлена свобода»¹³⁰. Попытки обвиняемого несколько смягчить свои слова были опровергнуты показаниями свидетеля, в результате Жарков был вновь осужден, уже на 10 лет, и реабилитирован лишь в 1991 г.

Подобные ожидания, казалось бы, подкреплял роспуск Коминтерна в 1943 г. Независимо от общей – позитивной или негативной – оценки этого решения, причину его практически единогласно видели в стремлении СССР сделать шаг навстречу союзникам: «Это очень тонкое, продуманное и дипломатическое решение, которое безусловно способствует укреплению связи между СССР и союзниками... Нам начинают диктовать, и вообще сейчас мы во многом зависим от союзников... Роспуском Коминтерна мировую революцию похоронили навечно... Компартии на западе владели жалкое существование, а теперь и эта система рухнула под нажимом Америки и Англии». И вполне логичным казался следующий вывод: «Коминтерн как неудобная нашим союзникам организация уже распущена и роспуск этот совпал с пребыванием у нас серьезных представителей от союзников. Надо полагать, что это сделано по их предложению, теперь надо ждать дальнейших изменений в государственном строе в СССР»¹³¹. Приведенные здесь высказывания зафиксированы в Ленинграде, но сохранились справки об отношении к роспуску Коминтерна в Ульяновской и Свердловской областях, которые дают практически идентичную (хотя и менее подробную) картину¹³². А в Удмуртии даже высказывалось предположение, что роспуск Коминтерна приведет и к роспуску коммунистической партии в СССР¹³³.

Конечно, наличие подобных настроений рассматривалось как результат плохой пропагандистской работы; в частности, в одной из справок на эту тему, составленной в Свердловске в мае 1943 г., именно в разделе о недостатках подчеркивалось, что инженерно-технические сотрудники оборонного завода «не могли дать вразумительных ответов на вопросы. Так, например: причины роспуска Коминтерна объясняют давлением со стороны союзников на Советский Союз»¹³⁴.

Выступая на партийном активе в сентябре 1944 г., заведующая отделом пропаганды одного из свердловских райкомов делилась следующими соображениями: «Сейчас за границей усиленно отыскивают факты, которые бы говорили, что не отказываются ли большевики от некоторых старых форм, не делают ли принципиальных уступок? И не только это интересует за границу, но мы имеем целый ряд фактов, которые говорят о том, что у многих наших товарищей (низовых руководящих работников) есть сомнение – не отказываемся ли мы от некоторых взглядов. Это было с целым рядом мероприятий, религией, Коминтерном и т.д.»¹³⁵. Понятно, что с подобным влиянием извне предполагалась борьба силами, прежде всего, пропагандистского аппарата.

Не только роспуск Коминтерна, но и гораздо менее значительные и на первый взгляд мало связанные с межсоюзническими отношениями мероприятия власти как, например, введение погон в Красной армии, вызывали даже у старшего офицерского состава разговоры о влиянии союзников. Так, офицер штаба 21-й армии, майор Любомудров заявлял, что «введение погон в армии имеет определенный смысл международного характера... Америка предложила нам привести в порядок офицерский состав». Другой офицер, но уже из штаба 64-й армии, майор Павлик, придерживался того же мнения: «Это будто все-таки сделано под давлением Англии и Америки». Характерно, что эти высказывания, достаточно нейтральные, рассматривались как примеры «отрицательных» и «антисоветских» настроений. Что касается рядового состава, тут высказывались мнения гораздо более определенные. Так, красноармеец Павлушин уверял своих товарищей, что «Англия и Америка предложили Советскому Союзу открыть церкви, ввести поганы и эти мероприятия проводятся в жизнь». К еще более радикальным выводам пришел сержант Панасенко, член ВЛКСМ. Он расценил введение погон как начало изменения государственного строя СССР: «Я думаю, что у нас государственный строй будет таким же, как в Англии и Америке, потому что Советская страна среди капиталистических стран одна существовать не сможет»¹³⁶.

Ленинградец И.И. Жилинский, начальник отделения Управления дорожного строительства Октябрьской железной дороги, в своем блокадном дневнике в январе 1942 г. сделал, пожалуй, наиболее трезвый вывод: союзники «имеют попытку повлиять на внутренний режим в нашей стране в смысле свободы слова и вероисповедания в полном смысле этих терминов на демократических началах. Однако наши в этом,

конечно, проявят достаточно увертливости, а Америка и Англия отступят и разрешат нам вариться в собственном соку»¹³⁷.

Иногда в массовом сознании на союзников возлагались совсем уже невероятные надежды. В Ленинграде еще в 1942 г. появились слухи о том, что ведутся переговоры о сдаче города «в аренду» на 25 лет. В результате «скоро будет изобилие продуктов и разных товаров, так как город сдают в аренду англичанам и американцам»¹³⁸. Одновременно среди офицерского состава Ленинградского фронта «распространялись слухи о том, что в Москве ведутся переговоры между СССР, США, Англией и Германией об объявлении Ленинграда открытым городом и превращении его в международный порт»¹³⁹. Впрочем, о судьбе Ленинграда в других частях страны высказывались в связи с союзниками еще более неожиданные предположения. Так, в Удмуртии лектору был задан вопрос: «Правда ли, что Рузвельт предьявил т. Сталину, чтобы отдали Ленинград немцам, тогда будем помогать?»¹⁴⁰. В июне 1944 г. подобные слухи были зафиксированы в Архангельске, где трудящихся волновал среди прочего вопрос: «Правда ли, что благоустроят города Архангельск и Молотовск (ныне Северодвинск. – А.Г.) в связи с передачей их в аренду Англии?», а в мае 1945 г. – в Литве: «весь Вильнюс» говорил о том, что Америка забирает прибалтийский край сроком на 5 лет в счет долгов Советского Союза Америке за оказанную помощь в период войны¹⁴¹.

Наиболее симпатичным и близким к реальности образ союзника рисовался в тех случаях, когда основывался на личных впечатлениях. В условиях войны появились элементы так называемой «народной дипломатии». Однако если со стороны союзников это была, как правило, инициатива отдельных лиц или небольших групп (например, мать троих погибших на фронте сыновей, группа английских моряков, лечившихся в советском госпитале), то с советской стороны ответные письма, как отмечает современный исследователь, «составлялись в коллективах, на митингах и общих собраниях трудящихся, публиковались в газетах»¹⁴². Любопытно, что этот же исследователь устроенные для иностранных моряков «встречи со знатными советскими людьми, экскурсии на предприятия и в учебные заведения, посещение госпиталей» расценивает как «общение и контакты *неформального* (курсив мой. – А.Г.) характера»¹⁴³. Вообще именно контакты с иностранными моряками в портах Архангельска, Мурманска, Владивостока всегда приводятся в качестве примера, хотя количественно и территориально они носили ограниченный характер, да и вообще общение с иностранцами не поощрялось даже для тех, кто работал с ними «по долгу службы». Так, выступая на заседании Совинформбюро в январе 1944 г. секретарь ЦК, руководитель Совинформбюро А.С. Щербаков заявил: «Мы предупреждали товарищей и хочу еще раз сделать предупреждение, что всякого рода встречи, беседы, советы должны быть только с разрешения и ведома руководства»¹⁴⁴.

Каковы масштабы этих контактов? Например, в августе 1942 г. в Архангельске находилось 40 английских и американских судов, 14 из них торговые, команды которых составляли не менее 8 тыс. человек. Все население Архангельска в 1939 г. составляло около 280 тыс. человек; другими словами, один иностранец приходился на 30–40 местных жителей. Понятно, что в такой ситуации контакты зачастую носили несанкционированный (и, с точки зрения власти, предосудительный) характер – вольные беседы, мелкая торговля и т.п. Были приняты соответствующие меры: увеличено количество милиции и патрулей, особенно в «местах скопления иностранцев», начались высылки из города (женщин высылали за проституцию, беспризорников за спекуляцию). Количество высланных превышало 1 500 человек, и, конечно, желаемый результат был в значительной степени достигнут¹⁴⁵.

Контакты рядовых советских граждан с представителями союзников на протяжении почти всей войны происходили на некоторых участках фронта (моряки и летчики на Севере, челночные полеты американцев, французские летчики знаменитой эскадрильи «Нормандия-Неман»), на территории Ирана и, наконец, в немецком плену. Пожалуй, лишь в последнем случае они были и достаточно массовыми, и подлинно неформальными.

В воспоминаниях офицера-политработника рассказывается, что при освобождении Данцигского лагеря им были найдены многочисленные рукописные сборники песен, принадлежавшие содержащимся в лагере советским девушкам. Офицер использовал их для политбесед с бойцами. По его словам, помимо известных в сборниках было много песен, сочиненных в лагере. Они по своей тематике делились на несколько групп, и одну из них составляли песни, где выражалось сочувствие военнопленным из славянских и союзных стран, особенно чехам, югославам, французам¹⁴⁶. Необходимо помнить, что в подобного рода фольклоре находит отражение лишь то, что является, хотя бы неосознанно, для безымянного автора жизненно важным.

В ходе войны был подписан ряд соглашений со странами Восточной Европы, оккупированными гитлеровцами. На территории СССР формировались польские и чехословацкие соединения (армия Андерса в 1941–1942 гг., дивизия им. Т. Костюшко и чехословацкие части в 1943 г.), впоследствии непосредственно принимавшие участие в боевых действиях, причем, за исключением армии Андерса, на советско-германском фронте. Вместе с тем относительная немногочисленность этих соединений и то, что они снабжались (а частично и комплектовались) в основном за счет ресурсов Красной армии, привело к тому, что массовое сознание, особенно в тылу, зачастую не воспринимало их в качестве полноценных союзников.

В последний период войны Красная армия, перейдя границу, заняла территорию сначала стран Восточной Европы, затем Германии. В 1944–1945 гг. союзниками СССР стали такие вчерашние противники, как румыны. Но опять-таки в массовом сознании преобладало недовольство «слишком мягкими» условиями перемирия с Румынией (хотя встречались и другие мнения)¹⁴⁷. Задавались вопросы: советские войска освободили Румынию, а «кому отойдет освобожденная земля?»¹⁴⁸. Свообразным итогом сложных отношений СССР и союзников и их отражения в массовом сознании явилось заявление лектора ЦК компартии Литвы в официальном докладе по поводу годовщины Октябрьской революции осенью 1945 г. о том, что «Америка и Англия не хотели уступать Советскому Союзу германской территории за Берлином, с обеих сторон были подтянуты лучшие войска, все мы ожидали войны»¹⁴⁹.

И многие западные наблюдатели, и отдельные представители советской интеллигенции высказывали надежду на то, что союзнические отношения военных лет помогут преодолеть накопившиеся с обеих сторон предубеждения и продолжит союз уже в послевоенном мире. Особенно подчеркивалась необходимость преодоления закрытости советского общества по отношению к внешнему миру. На территории Германии в 1945 г. миллионы советских солдат встретились с американскими и английскими товарищами по оружию. Образ союзника стал меняться, конкретизироваться; одновременно размывались, теряя жесткость и однозначность, пропагандистские стереотипы. Непосредственное знакомство с повседневной жизнью европейских народов так же, как в 1813 г., как в годы Первой мировой войны, изменило взгляд на мир у сотен тысяч людей.

Нельзя сказать, что союз военных лет не оставил никаких следов в общественном сознании. Как утверждают М.М. Наринский и Л.В. Поздеева «к союзным народам и армиям сохранялось благожелательное отношение и уважение до конца войны. Однако это был очень тонкий и неустойчивый слой массового сознания»¹⁵⁰. Точнее было бы сказать, что благожелательное отношение к союзникам было характерно для части советского общества; для другой его части были присущи негативные стереотипы. Так, в апреле 1945 г. трудящиеся Автозаводского района г. Горького высказывали, опасения, что политика Черчилля может «послужить в ближайшем будущем к новой войне Англии и США против СССР»¹⁵¹. Трудно сказать, какие настроения в итоге преобладали; можно лишь предположить, что существовала определенная корреляция между отношением к Советской власти как таковой и готовностью к восприятию пропагандистских стереотипов, которые эта власть пыталась внедрить в массовое сознание.

Послевоенная история характеризуется, прежде всего, политикой холодной войны, в ходе которой негативные довоенные стереотипы относительно друг друга не

только возродились, но и были дополнены подозрениями и обидами уже военного времени¹⁵². В годы войны немногие предвидели наступление после ее окончания столь жесткой конфронтации между СССР и Западом. Тем не менее, предпосылки «холодной войны», не только в политике, но и в массовом сознании, при всей его противоречивости, существовали и в период антигитлеровской коалиции. «Враги второй очереди», по предвоенному определению Вс. Вишневого, во второй половине 1940-х гг. превращаются в главных врагов.

Примечания

¹ Подробнее см.: *Голубев А.В.* «Если мир обрушится на нашу Республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е годы. М., 2009. С. 172–174.

² См., напр.: *Случ С.З.* Советско-германские отношения в сентябре–декабре 1939 г. и вопрос о вступлении СССР во Вторую мировую войну // *Отечественная история.* 2000. № 5. С. 46–58; № 6. С. 10–27.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГА ЧО), ф. П-288, оп. 3, д. 506, л. 287.

⁴ *Международное положение глазами ленинградцев. 1941–1945.* СПб., 1996. С. 6–8.

⁵ Цит. по: *Советская повседневность и массовое сознание. 1939–1945.* М., 2003. С. 19.

⁶ *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988. С. 79.

⁷ *Вернадский В.И.* Дневник 1939 года // *Дружба народов.* 1992. № 11–12. С. 25.

⁸ *Симонов К.* Указ. соч. С. 80.

⁹ *Зензинов В.М.* Встреча с Россией. Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную армию. 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. С. 332, 356.

¹⁰ *Вишневский Вс.* «...Сами перейдем в нападение». Из дневников 1939–1941 гг. // Москва. 1995. № 5. С. 105.

¹¹ Цит. по: *Невежин В.А.* Советская политика и культурные связи с Германией (1939–1941 гг.) // *Отечественная история.* 1993. № 1. С. 26.

¹² Цит. по: *Вишневский О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 163.

¹³ Подробнее о настроениях в советском обществе накануне войны см.: *Голубев А.В.* «Россия может полагаться лишь на саму себя»: представления о будущей войне в советском обществе 1930-х годов // *Отечественная история.* 2008. № 5. С. 119–122.

¹⁴ *Barghoorn F.C.* The Soviet Image of the United States. A Study in Distortion. N.Y.: L., 1969. P. 37.

¹⁵ *Вишневский Вс.* Указ. соч. С. 107.

¹⁶ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1948. С. 16.

¹⁷ *Эренбург И.* В первый день. 22 июня 1941 // *От Советского Информбюро... 1941–1945.* Т. 1. М., 1984. С. 22.

¹⁸ *Наринский М.М., Поздеева Л.В.* Взаимные представления: Имиджи, идеалы, иллюзии // *Союзники в войне 1941–1945.* М., 1995. С. 327.

¹⁹ *Позняков В.В.* Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы второй мировой войны. 1939–1945 гг. // Ялта. 1945. Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 175.

²⁰ *Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде. 1945–1954 гг. М., 1999. С. 29.

²¹ См.: *Голубев А.В.* Советская интеллигенция и внешний мир: уроки 1930-х годов // *Интеллигенция в условиях общественной нестабильности.* М., 1996. С. 120–131; *Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века.* М., 1998.

²² *Москва военная. 1941–1945.* Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 50–52.

²³ См., напр.: *Международное положение глазами ленинградцев...* С. 23, 44, 48–49 и др.

²⁴ Центральный архив общественных движений г. Москвы (далее – ЦАОДМ), ф. 3, оп. 52, д. 33, л. 74.

²⁵ *Ломагин Н.А.* Неизвестная блокада. В 2 кн. СПб., М., 2002. Кн. 1. С. 216, 228.

²⁶ Центр документации новейшей истории Омской области, ф.14, оп. 3, д. 75, л. 135.

²⁷ Там же, л. 136–139.

²⁸ *Кржижановский С.* Москва в первый год войны // *Кржижановский С.* Собр. соч. Т. 3. СПб., 2003. С. 501.

- ²⁹ Вернадский В.И. «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 204.
- ³⁰ Москва военная... С. 74, 75.
- ³¹ Там же. С. 68–69.
- ³² Вопиющая некомпетентность // Военно-исторический журнал. 1992. № 2. С. 58.
- ³³ Недремлющее око спецслужб // Московский архив. Историко-краеведческий альманах. Вып. 4. М., 2006. С. 549, 550.
- ³⁴ Цит. по: Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 219.
- ³⁵ Москва прифронтовая. 1941–1942. М., 2001. С. 629.
- ³⁶ Недремлющее око спецслужб... С. 555.
- ³⁷ Веселовский С.Б. Дневники 1919–1923, 1944 годов // Вопросы истории. 2001. № 2. С. 78.
- ³⁸ Из дневника Лидии Осиповой о жизни в пригородах Ленинграда (22 июня 1941–1944 гг.) // Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 2. Документы, приложения... С. 459, 468.
- ³⁹ Зиновьев А.А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М., 1999. С. 231.
- ⁴⁰ Москва военная... С. 489.
- ⁴¹ См., напр.: Жилинский И.И. Блокадный дневник (осень 1941 – весна 1942 г.) // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 4.
- ⁴² Боярский Владимир Ильич (1899 – 1945) – полковник, командир 41-й стрелковой дивизии. Попал в плен в мае 1942 г. под Харьковом. В сентябре 1942 г. командовал созданной немцами «Русской национальной народной армией» в Белоруссии, затем участвовал в создании РОА. В мае 1945 г. был повешен чешскими партизанами.
- ⁴³ Цит. по: Вишлев О.В. Указ. соч. С. 196.
- ⁴⁴ Международное положение глазами ленинградцев... С. 14.
- ⁴⁵ Научный архив ИРИ РАН, ф. 2, р. 3, оп. 1, д. 10, л. 40.
- ⁴⁶ Международное положение глазами ленинградцев... С. 52–53.
- ⁴⁷ Москва военная... С. 477.
- ⁴⁸ Пантелеев А.И. Из старых записных книжек (1922–1947) // Пантелеев А.И. Собр. соч. в 4 т. Т. 4. Л., 1985. С. 409.
- ⁴⁹ Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967. С. 339.
- ⁵⁰ Тартаковский Б.Г. Из дневников военных лет. М., 2005. С. 50.
- ⁵¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 262, л. 116.
- ⁵² Недремлющее око спецслужб... С. 554.
- ⁵³ См., напр.: Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 282.
- ⁵⁴ Там же. С. 297.
- ⁵⁵ Зима В.Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 гг. М., 2000. С. 186.
- ⁵⁶ Международное положение глазами ленинградцев... С. 49, 53, 75.
- ⁵⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 255, л. 100.
- ⁵⁸ См.: Пропаганда немецких спецслужб на оккупированных землях // <http://www.svoboda.org/programs/hd/2005/hd041605.asp>.
- ⁵⁹ Lietuvos Upratngasis Archivas (Литовский Особый архив, далее – LYA). F.K-1. Ар. 10. В. 10. L. 78.
- ⁶⁰ Верт А. Указ. соч. С. 480.
- ⁶¹ Москва военная... С. 666.
- ⁶² Речь идет об англо-советском договоре о союзе и сотрудничестве от 26 мая и об англо-советском и американско-советском коммюнике относительно второго фронта от 12 июня 1942 г. Цит. по: Сенявская Е.С. Чоловек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997. С. 166.
- ⁶³ См.: РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 119, 247, 255, 262; Центр документации новейшей истории Удмуртской республики (далее – ЦДНИ УР), ф. 16, оп. 1, д. 3786, 3790.
- ⁶⁴ Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 252.
- ⁶⁵ Подобные группы были созданы осенью 1941 г., на случай занятия Москвы немцами, тогда же перешли на нелегальное положение и, в ожидании немецкой оккупации, занимались отслеживанием настроений горожан. Донесения этих групп отложились в ЦАОДМ, частично опубликованы в сборниках «Москва военная» и «Москва прифронтовая».
- ⁶⁶ Москва прифронтовая... С. 467.
- ⁶⁷ Верт А. Указ. соч. С. 264.
- ⁶⁸ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДОО СО), ф. 161, оп. 6, д. 1651, л. 27 об.
- ⁶⁹ Общество и власть. Российская провинция. Т. 3. Июнь 1941–1953 г. М., 2005. С. 789.
- ⁷⁰ Цит. по: Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 149.

⁷¹ Как вспоминал бывший советский цензор Л. Авзегер, ему сразу же объяснили, что «в нашем служебном лексиконе не должно существовать слова “письмо” или “письма”... Мы работаем не с письмами, а с документами. Все, что мы читаем, просматриваем, посылаем на оперативную проверку, – все это документы, с которыми работает наша организация». См.: *Авзегер Л. Я* вскрывал Ваши письма... Воспоминания бывшего тайного цензора МГБ // *Источник*. 1993. № 10. С. 46.

⁷² Сталинградская эпопея... С. 159.

⁷³ Там же. С. 160, 223–224.

⁷⁴ Там же. С. 397.

⁷⁵ Там же. С. 191.

⁷⁶ Цит. по: *Печатнов В.О.* Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006. С. 76, 79–80.

⁷⁷ ЦДОО СО, ф. 161, оп. 6, д. 1651, л. 71, 76.

⁷⁸ *Пантелеев А.И.* Из старых записных книжек... С. 407.

⁷⁹ *Иванов Вс.В.* Московские тетради. Из дневников военного времени // *Дружба народов*. 2001. № 8. С. 86–87.

⁸⁰ Сталинградская эпопея... С. 395.

⁸¹ *Френкель З.Г.* Записки о жизненном пути // *Вопросы истории*. 2007. № 7. С. 49.

⁸² *Бронтман Л.К.* Военный дневник корреспондента «Правды». Встречи, события, судьбы. 1942–1945. М., 2007. С. 118.

⁸³ Общество и власть. Российская провинция. Т. 3. С. 835.

⁸⁴ ОГА ЧО, ф. П-92, оп. 5, д. 168, л. 55 об.

⁸⁵ Из дневниковых записей А.С. Серебровского // *Вестник РАН*. Т. 78. 2008. № 3. С. 252.

⁸⁶ Данный абзац в письме написан по-английски, возможно, автор опасался цензуры. Цит. по: *Сорокин В.С.* Из военных лет // *Ивановский государственный университет глазами современников*. Иваново, 1995. Вып. 2. С. 163.

⁸⁷ Цит. по: *Печатнов В.О.* Указ. соч. С. 151.

⁸⁸ Там же. С. 152.

⁸⁹ Общество и власть. Российская провинция. Т. 3. С. 790. «Матильды» и «Валентины» (правильнее «Валентайны») – типы английских танков, поставляемых в СССР по ленд-лизу.

⁹⁰ *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 107.

⁹¹ *Бульчев К.* Как стать фантастом. Записки семидесятника. М., 2003. С. 103.

⁹² Эти сюжеты, часто встречающиеся в художественной или автобиографической литературе, пока слабо исследованы в историографии. См.: *Зубкова Е.Ю.* Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 1999; *Куперман Г.Ф.* Стиляги: первая советская молодежная субкультура (конец 1940-х – начало 1960-х годов) // *Проблемы российской истории*. Вып. 6. М.; Магнитогорск, 2006. С. 448–465.

⁹³ *Пантелеев А.И.* Январь 1944 (из старого путевого дневника) // *Пантелеев А.И.* Собр. соч. в 4 т. Т. 3. Л., 1984. С. 149.

⁹⁴ *Иванов Вс.В.* Указ. соч. С. 113.

⁹⁵ Международное положение глазами ленинградцев... С. 124.

⁹⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 255, л. 126.

⁹⁷ ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 3929, л. 94 об.–95.

⁹⁸ *Зима В.Ф.* Указ. соч. С. 185–186.

⁹⁹ Там же. С. 186.

¹⁰⁰ Недремлющее око спецслужб... С. 554.

¹⁰¹ Там же. С. 557.

¹⁰² Ситрин Уолтер (1887–1983) – деятель английского профсоюзного движения, в 1926–1946 гг. генеральный секретарь Британского конгресса тред-юнионов, одновременно в 1928–1945 гг. председатель Амстердамского интернационала профсоюзов.

¹⁰³ Недремлющее око спецслужб... С. 555, 556. Неясно, что имел в виду автор высказывания, говоря о войсках союзников, введенных в СССР; возможно, так была расценена совместная советско-британская оккупация Ирана: многие воспринимали этот шаг, как попытку Англии утвердиться на Кавказе. См.: Там же. С. 549–556.

¹⁰⁴ Цит. по: *Ломагин Н.А.* Указ. соч. Кн. 1. С. 241.

¹⁰⁵ Цит. по: *Tininis V.* Komunistinio rezimo nusikaltimai Lietuvoje 1944–1953. T. 2. Vilnius, 2003. P. 291.

¹⁰⁶ *Вернадский В.И.* «Коренные изменения неизбежны». С. 215–216. См. также: *Bailes K.* Soviet Science in the Stalin Period: The Case of V. I. Vernadskii and his School. 1928–1945 // *Slavic Review*. Vol. 45. N 1. P. 36.

- ¹⁰⁷ Вернадский В.И. Дневники: 1926–1934. М., 2001. С. 382.
- ¹⁰⁸ Цит. по: Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 122.
- ¹⁰⁹ ЦДОО СО, ф. 161, оп. 6, д. 1657, л. 132–133.
- ¹¹⁰ Печатнов В.О. Указ. соч. С. 173.
- ¹¹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 203. С. 65.
- ¹¹² Там же. С. 74.
- ¹¹³ Сазонов Николай Иванович – из крестьян, член партии с 1920 г., по образованию инженер-энергетик, работал в Госплане, в 1943 г. начальник геолого-маркшейдерского бюро.
- ¹¹⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 133, л. 1.
- ¹¹⁵ Там же, л. 10.
- ¹¹⁶ Там же, л. 51.
- ¹¹⁷ Там же, д. 181, л. 52, 54.
- ¹¹⁸ Цит. по: Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 116–117.
- ¹¹⁹ Там же. С. 122.
- ¹²⁰ Вишневский В.В. Дневники военных лет (1943, 1945 гг.) М., 1979. С. 62–63.
- ¹²¹ Сорокин В.С. Указ. соч. С. 161.
- ¹²² Сталинградская эпопея... С. 399.
- ¹²³ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 181, л. 5.
- ¹²⁴ Мирский Г.И. Жизнь в трех эпохах. М.; СПб., 2001. С. 54.
- ¹²⁵ Международное положение глазами ленинградцев... С.125.
- ¹²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 255, л. 112.
- ¹²⁷ ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 3790, л. 12.
- ¹²⁸ LYA. F. 1771. Ap. 7. B. 193. L. 65; Международное положение глазами ленинградцев... С. 126.
- ¹²⁹ Цит. по: Зубкова Е.Ю. Мир мнений советского человека. 1945–1948 гг. По материалам ЦК ВКП(б) // Отечественная история. 1998. № 3. С. 36.
- ¹³⁰ Общество и власть. Российская провинция. Т. 3. С. 625.
- ¹³¹ Международное положение глазами ленинградцев... С. 94–95. Что касается «серьезных представителей от союзников», речь, очевидно, идет о сенаторе Дж. Дэвисе, который был послом США в СССР в 1936–1938 гг., а в мае 1943 г. привозил в Москву предложения Ф.Д. Рузвельта о советско-американской встрече на высшем уровне. См.: Исразян В.Л. Дипломатия в годы войны (1941–1945). М., 1995. С. 148–149.
- ¹³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 247, л. 29–29 об.; оп. 125, д. 181, л. 3–5.
- ¹³³ ЦДНИ УР, ф. 16, оп. 1, д. 3790, л. 14.
- ¹³⁴ ЦДОО СО, ф. 161, оп. 6, д. 1651, л. 201.
- ¹³⁵ Там же, д. 1657, л. 86.
- ¹³⁶ Сталинградская эпопея... С. 389–391.
- ¹³⁷ Жилинский И.И. Указ. соч. С. 6.
- ¹³⁸ Международное положение глазами ленинградцев... С. 44; Жилинский И.И. Указ. соч. С. 6.
- ¹³⁹ Цит. по: Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 184.
- ¹⁴⁰ ЦДНИ УР, ф. 16 оп. 1, д. 3790, л. 14.
- ¹⁴¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 88, д. 262, л. 88; LYA. F.K-1. Ap. 10. B. 10. L. 193.
- ¹⁴² Козлов Н.Д. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). СПб., 1995. С. 70.
- ¹⁴³ Там же. С. 72.
- ¹⁴⁴ РГАСПИ, ф. 88, оп. 1, д. 998, л. 46. О том, насколько затруднено было в годы войны общение, в частности, с иностранными корреспондентами, в том числе с представителями коммунистической или социалистической прессы, и какими последствиями такое общение грозило, рассказывает в своих воспоминаниях Н.М. Улановская, в годы войны работавшая в отделе печати НКВД. См.: Улановская Н.М., Улановская М.А. История одной семьи. М., 1994. С. 133–170.
- ¹⁴⁵ «Они бродят с утра до ночи в поисках вина и женщин» // Источник. 1993. № 0. С. 118–120.
- ¹⁴⁶ Русская частушка. Л., 1950. С. 401–402.
- ¹⁴⁷ Международное положение глазами ленинградцев... С. 111–113.
- ¹⁴⁸ Ломагин Н.А. Указ. соч. Кн. 1. С. 315.
- ¹⁴⁹ Цит. по: Tininis V. Ibid. Т. 1. P. 266.
- ¹⁵⁰ Наринский М.М., Поздеева Л.В. Указ. соч. С. 330.
- ¹⁵¹ Общество и власть. Российская провинция. Т. 3. С. 683.
- ¹⁵² См. об этом: Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество... С. 18–55; Фатеев А.В. Указ. соч.

ФЕНОМЕН ФРОНТОВОГО АНЕКДОТА: народное творчество или инструмент агитации

Одним из наиболее распространенных фольклорных жанров в советском обществе, по крайней мере в городской среде, являлся анекдот, представляющий собой совершенно уникальное явление. Новые анекдоты фиксировались буквально через пару дней после события, легшего в основу анекдотического сюжета, и чрезвычайно быстро распространялись на огромные территории: только что возникший анекдот мог почти одновременно быть зафиксированным в разных республиках Советского Союза. Помимо удивительной мобильности, нужно отметить и такую характеристику советского анекдота, как необъятное количество адресатов и адресантов. В силу унификации политического быта и политизации всех сфер жизни абсолютное большинство населения овладевало знаниями, необходимыми для понимания значительной части анекдотических сюжетов. Безусловно, анекдот был более популярен у горожан и образованных слоев населения, в сельской местности нишу оппозиционного фольклора занимали песни и частушки. Именно эти жанры, судя по публикациям судебных дел и книг памяти, в первую очередь интересовали правоохранительные органы. До второй половины 1930-х гг. у нас почти нет информации об уголовном преследовании за рассказывание анекдота и, наоборот, известно огромное количество дел за публично пропетую частушку или песню «с клеветническим выпадом в сторону одного из вождей советского государства», «порочащих колхозный строй» и т.д. Однако в городе, как явствует из надзорных производств Прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде, анекдоты рассказывались на всех уровнях социальной иерархии: от безграмотных разнорабочих до высших слоев советского общества. Но, несмотря на повсеместное распространение анекдотов, говорить о монолитной и однозначной «фольклорной оппозиции» нельзя. Единого национально-фольклора не было: определенная социальная группа выступала носителем лишь определенной части общего сюжетного фонда. Как показывает исследование, проведенное на материале «антисталинских» анекдотов, сюжетный фонд текстов, фиксируемых в дневниках, доносах, сводках НКВД, во многих случаях разнится с фондом сюжетов, попавших в крупные коллекции, по которым современные исследователи судят о советском фольклоре. Иначе говоря, наряду с бытовавшими в интеллигентской среде политическими троцкистскими скетчами существовала и не совпадавшая с ними народная традиция, фиксируемая в сводках спецслужб, доносах и письмах «во власть», написанных, как правило, полуграмотными рабочими и крестьянами. Народная среда, еще вчера жившая по законам традиционного общества, на которую вдруг обрушивается огромное количество политической информации, «обрабатывает» поступающие к ней «сверху» тексты с помощью традиционных фольклорных моделей. Массы говорят с властью и против этой власти на доступном им языке традиционных сюжетов и мотивов. Так, если некоторые из бытующих в троцкистской среде анекдотов восходят к литературным анекдотам о Петре Великом и полны неочевидных смыслов и отсылок к программным статьям классиков марксизма-ленинизма, то сюжеты, зафиксированные чекистами в рабочей и крестьянской среде в дни смерти Ленина, Кирова, Сталина, можно с легкостью найти в каталоге международных сказочных сюжетов АТУ¹. При этом обе эти традиции одинаково отражают некие общие места восприятия реальности, стереотипные представления о советской власти и советской жизни.

На основе аутентичных источников (дневников и воспоминаний современников, сводок о настроениях населения, доносов, эмигрантских коллекций) нами была состав-

* Мельниченко Михаил Анатольевич, аспирант Государственного университета гуманитарных наук.

лена база записей анекдотических текстов в 3 025 единиц, сводимых к 1 736 сюжетам. Для военного времени мы использовали советские пропагандистские материалы, а также фольклорные тексты, собранные и опубликованные под эгидой официальных советских исследовательских учреждений. Серьезное ослабление идеологического и политического контроля, легшее в основу политики «национального согласия» военного времени², способствовало «легализации» лояльных власти текстов ряда фольклорных жанров. В этот период активно публиковались военные частушки³, юмористические переделки советских песен⁴ и др. В то же время брошюры «Фронтowej юмор», издаваемые Воениздатом, а также многочисленные приложения к газетам и журналам⁵ помимо прочих текстов содержали значительное число небольших реприз и шуток, построенных по принципу анекдота⁶. Публиковались даже целые разделы анекдотов, как бытовых, не несущих никаких агитационных функций⁷, так и «антифашистских»⁸, нередко с упоминанием, что данные тексты имеют немецкое происхождение.

Некоторые тексты, вероятно, носят авторский характер и по сути своей близки текстам советских сатириков из довоенных сатирических журналов. Однако вполне допустимо, что часть авторских текстов могла попасть в фольклор, или же, наоборот, создатели этих шуток использовали в своем творчестве широко распространенные анекдоты, переделанные в соответствии с требованиями пропаганды военного времени. Это подтверждается близостью ряда сюжетов из агитационных брошюр довоенным анекдотам и совпадением некоторых текстов с записями профессиональных фольклористов, работавших на фронте.

Сюжеты военного фольклора фиксировались в многочисленных песенниках, составляемых солдатами «на память о войне» и профессиональными фольклористами, попавшими на фронт. Призывы к сборанию фольклора распространялись рядом учреждений, к примеру, дирекция Литературного музея помещала в своих изданиях, ориентированных в первую очередь на рядовых солдат, обращения к бойцам и командирам отсылать в музей любые записи народного творчества⁹. Естественно, что записывались и анекдоты, хотя их фиксация была сопряжена с определенной опасностью. Нам известно очень немного случаев записывания фольклористом всех материалов без деления на «форматные» и «неформатные», как это было сделано в собрании С.И. Мирера, где сохранилось более четырех десятков сюжетов военного времени, в том числе анекдоты о Сталине¹⁰. Однако подобный подход к делу встречался весьма не часто. В большинстве своем собиратели фольклорных текстов, ходивших в солдатских кругах, не могли позволить себе пренебрегать рядом негласных запретов на фиксирование анекдотов про советских вождей или текстов, могущих дать основания для «антисоветской» трактовки, текстов с ненормативной лексикой¹¹. Любопытное описание встречи с «особистом» из-за фиксирования анекдотов находим в интервью историка Л.Н. Пушкирева:

«Я начал тогда уже записывать фольклор. Я был солдат еще, пехотинец, бумаги у меня не было, поэтому текст записывать негде, и я решил записывать анекдоты. Они короткие, и анекдоты я записывал не полностью, а условно. Значит, писал: бочка, встреча, у забора, и так далее. Вот так, значит, я записывал эти анекдоты в надежде, что я их запомню. А потом я пошел в разведку, вещи мы оставили, естественно, в части. Эти вещи, естественно, просмотрел особист, обнаружил эти записи у меня, в моей записной книжке, вызвал меня к себе и сказал: “Что это такое?” Он бы и не спросил, но там один анекдот был записан так: “Сталин, Гитлер, Черчилль”. “Это что такое?” Я говорю: “Анекдот”. “Какой анекдот?”. Я говорю: “Я не могу вам рассказать, товарищ старший лейтенант”. “А если мы, – говорит, – тебя расстреляем, тогда ты расскажешь или нет?” “Ну, давай...” “Ну, расскажи...” Ну, рассказываю. “Сидят, – я говорю, – Сталин, Гитлер и Черчилль. Вдруг исполняется государственный гимн “Правь, Британия!” Черчилль встает и вытягивается. Потом сидят, разговаривают, вдруг исполняют гимн “Дойчленд, Дойчленд, убер аллес”. Гитлер встает и вытягивается. А потом исполняют: “Вставай, проклятьем заклеименный!” Подымается Сталин... “Так что же он, проклятьем заклеименный, да?” Вот такой случай был. Надо сказать, что мне повезло. Этот самый смершвец сказал: “Мы закрываем это дело. Я ему никакого ходу не даю. Я вижу, что вы фольклорист, но мой вам совет: анекдоты лучше не записывайте”. Так что, конечно, с особистами мы сталкивались»¹².

Если первичные фиксации анекдотов производились выборочно, то сохраненными в государственных архивах и опубликованными в прессе могли быть только сюжеты «патриотические»¹³. Но односторонность подобных источников не уменьшает их ценности, хотя бы потому, что они демонстрируют универсальность анекдотического жанра, его способность к отражению всего спектра настроений носителей традиции: от оппозиционных до более чем лояльных.

В связи с этим мы сочли возможным использовать в нашей работе тексты из советских источников, которые если и были кем-то сочинены на патриотической волне, то впоследствии потеряли привязку к автору, став частью фольклорной традиции. К ним мы относим фольклорные материалы, собранные сражавшимися на фронтах Великой Отечественной войны учеными-фольклористами, а также коррелирующие с «неофициальными» источниками подборки фронтового юмора, сделанные по материалам архивных документов, собранных еще в советское время в Центральном музее вооруженных сил СССР, Государственной библиотеке им. В.И. Ленина (военный отдел), Государственном литературном музее, Институте этнографии АН СССР.

В первую очередь следует выделить крупную (почти 100 сюжетов) подборку «реприз, шуток и анекдотов» из сборника «Фронтовой юмор»¹⁴, выпущенного в 1970 г. издательством Министерства обороны СССР. Значительная часть материала (публикуемого под самыми разными названиями, поскольку в советских изданиях слово «анекдот» до конца 1980-х гг. употребляется крайне редко) отложилась в многочисленных юмористических сборниках, издававшихся Воениздатом по материалам фронтовой печати и включавших в себя тексты, нередко присланные в газеты самими бойцами. С источниковедческой точки зрения, эти сборники отчасти близки коллекциям анекдотов, издававшимся в русском зарубежье. Их составители, подобно своим эмигрировавшим коллегам, очень активно и при этом практически без какой-либо существенной редакторской правки переписывали тексты из более ранних сборников. Эта манера дословного воспроизведения текстов из других изданий весьма полезна для нашего исследования. Случаи фиксации разных вариантов одного сюжета в близких, буквально дословно воспроизводящих друг друга сборниках, дают нам серьезные основания для констатации фольклорной природы данного сюжета. Таким образом, из 409 выявленных нами сюжетов анекдотов, впервые зафиксированных в 1941–1945 гг., был выделен 141 доказуемо фольклорный (доступный, по крайней мере, в двух независимых друг от друга записях) сюжет, легший в основу данного исследования. Однако необходимо отметить тот факт, что, не доказав сам факт распространения «забракованных» сюжетов в рядах носителей анекдотической традиции, мы в то же время не можем доказать и обратное для подавляющего их числа. Факт фальсификации сюжета очевиден лишь в трех десятках случаев, когда его исходная запись обнаруживается в сатирическом журнале или брошюре, из которых он и был скопирован (без указания авторства) составителем анекдотического сборника. Именно поэтому мы позволили себе использовать ряд сюжетов из «группы риска», отдельно оговаривая их потенциально нефольклорный характер.

Годы Великой Отечественной войны, с точки зрения истории литературы, обособленно называют эпохой публицистики¹⁵. Поэтому нельзя недооценивать и степень влияния юмористических разделов советских газет на корпус актуальных анекдотических сюжетов данного времени. Конечно, и подцензурная сатира (фельетонистика и карикатуристическая) 1920–1930-х гг. была тесно связана с фольклором. В таких изданиях, как «Крокодил», «Смеяч», «Бегемот», можно найти значительное число случаев использования сюжетов из актуального фонда анекдотических сюжетов эпохи, да и фольклор в свою очередь заимствовал темы у профессиональных сатириков. Известны факты фиксации анекдотов, восходящих к фельетонам М. Кольцова¹⁶ и Свэна¹⁷, а в зарубежных эмигрантских изданиях порой слово в слово перепечатывали сюжеты из советских сатирических изданий, выдавая их за советские анекдоты¹⁸. Однако только в военное время поток заимствований вырос необычайно. Засвидетельствованная многими мемуаристами потребность фронтовиков в юморе¹⁹ стала причиной фанта-

стической популярности такого литературного персонажа, как Василий Теркин. Эта потребность приводила к тому, что публикуемые в центральной прессе и во фронтовых «боевых листках» репризы и карикатуры пересказывались рядовыми солдатами, превращаясь в фольклор.

Связь между фольклором и сатирической антинемецкой публицистикой была двусторонней. Давая фольклору новые сюжеты, пресса в свою очередь, заимствовала остроты старых советских анекдотов, переосмысливая их на новый лад. Это хорошо иллюстрируют тексты авторских фельетонов из популярного в годы войны сборника «Фронтовой юмор (Библиотека красноармейца)». В фельетоне В. Щепотьева «Буква “М”», рассказывающем о найденной на теле убитого немца переписке с женой, требующей от своего супруга скорейшего окончания борьбы за «Великую Германскую Империю» и упразднения русского языка, его ответное послание выглядит так:

«Ты пишешь, дорогая Эви, что недалеко то время, когда русский язык будет аннулирован за ненадобность. Не знаю. Возможно. Но, милая Эви, я боюсь, что наша армия уже аннулировала букву “М” за ненадобностью. Тебе, Эви, нужно знать правду об этой букве.

Мясо мы все съели.

Масло израсходовали на смазывание пяток.

Молока, конечно, не видим, – всех коров мы давно зарезали.

Макаронны еще нужно с боем отнимать у наших итальянских союзников.

Мука... про нее и вспоминать тяжело.

Мыло для нас – недостижимая роскошь.

Мазь против вшей... о ней мы только мечтаем, когда пускаем в ход ногти пальцев.

Мундиры наши превратились в лохмотья.

Мужчин в нашей армии уже нет: наши солдаты – в платках и кацавейках.

Музыку для нас заменяет грохот русской артиллерии.

Мечты... да мы и мечтать уже разучились!..

Москва для нас оказалась тем самым близким локтем, которого не укусишь.

Можайск... его теперь нам не выдать как своих ушей!..

Мир – вот одно, что еще могло бы нас спасти, но кто из нас дождетя его?

И на что нам эта буква “М”? Что нам от этой “М” осталось?..

...Могилы разве одни!..

Да. Две буквы “М” успокоили бранные мечты.

Отто Клейн: Могила под Можайском»²⁰.

Данный фельетон восходит к анекдотическому сюжету, впервые зафиксированному в СССР в начале 1930-х гг., но получившему широкое распространение, судя по хронологии фиксаций, в 1940-е гг.:

«– Вы знаете, вышел приказ: ввиду дефицита выкинуть букву “М” из алфавита.

– Но зачем?

– А затем, что с нее начинаются мясо, молоко, масло, маргарин, мука, мармелад, макаронны, мануфактура, мыло»²¹.

Аналогичная ситуация сложилась с антифашистским фельетоном О. Десняка «Подарок ветерана», происхождение которого можно проследить от сюжета антисоветского анекдота, записанного в двух версиях:

1. «Сталин пригласил ведущих коммунистов посоветоваться о том, как можно легко, быстро и дешево сделать народ счастливым. Радек прошептал что-то соседу, быстро прикрывшему рот рукой, чтобы скрыть смех. “В чем дело, Радек?” – спросил Сталин. “Нет, нет, это просто шутка, вам не понравится”. Сталин попросил рассказать, пообещав, что Радеку ничего не будет. “Самый простой, быстрый и дешевый способ осчастливить людей, – сказал Радек, – это повесить вас на Красной площади”»²².

2. «Молотов и Сталин обсуждают вопрос: что бы такое приятное сделать населению СССР к празднику 1-го Мая, но такое, чтобы много удовольствия доставило и стоило бы дешево.

– Между вами говоря, – заметил, наконец, Молотов, понижая голос, – такой способ есть, да только нам с вами он не подходит...

А именно? – интересуется Сталин.

– Знаете, если бы мы с вами взяли два патрона да пустили бы себе две пули в головы... и дешево было бы, а радости-то я уже себе представляю»²³.

А теперь прочитаем антифашистский фельетон О. Десняка:

«Офицер Макс Гиндельштубе, что по-русски означает “Гниль-да-в-шубе”, зашел в блиндаж и спросил:

– Как вы думаете, солдаты, нашему фюреру приятно получить от нас военный подарок?

– Так точно, приятно, герр офицер!

– Давайте же подумаем. Исходя из вашего солдатского положения, подарок, конечно, может быть дешевый, но оригинальный и чтоб порадовал весь мир. Поняли? Утром принимаю предложения.

День и ночь думали солдаты, а больше всех – Пауль Глезер, хмурый, сорокавосемилетний ветеран, воевавший с русскими в первую мировую войну.

Утром он вытащил из кармана новенькую, свитую из украинской конопки веревку и молча подал ее офицеру.

– Я не понимаю тебя, Пауль Глезер... – смутился Гниль-да-в-шубе.

– Мой подарок фюреру отвечает всем требованиям, герр офицер. Он – дешев, оригинален и, если фюрер повесится, это порадует весь мир»²⁴.

В плане заимствования сюжетной основы характерна советская сатирическая листовка «Вралишер тарабахтер»²⁵, пародировавшая нацистскую газету «Фелькишер беобахтер» и распространявшаяся в декабре 1942 г. среди советских солдат. Среди шуток про немецкую армию и ее союзников в этой листовке, созданной наподобие газеты мирного времени: с «рекламой», «частными объявлениями», «анонсами культурных событий», находим и «театральную афишу»:

«Театр военных действий.

Немецкая армия – “Братья-разбойники”.

Румынская армия – “Живой труп”.

Венгерская армия – “Слуга двух господ”».

Подобного рода анекдотические «репертуарные объявления», причем порою даже с теми же названиями пьес, фиксируются на протяжении всего предшествующего периода существования советской власти и, возможно, восходят к пародии, напечатанной журналом «Рампа и жизнь» в 1918 г. под названием: «“Их” репертуар: из Петрограда по телефону»²⁶. По сообщению эмигранта В. Азова, данный сюжет попал в будто бы имевшую хождение в Москве в 1932 г. антисоветскую листовку «Трое сбоку»²⁷:

«Программа Московских (частью воображаемых) театров: В театре имени Ленина “Горе от ума”. В театре имени Сталина – “Ограбленная почта” и “Не в свои сани не садись”. В театре имени Горького – “Вечер в Сорренто”, “Мнимый больной” и “Золотая лихорадка”. В театре имени Луначарского – “Мельник – колдун, обманщик и сват”. В театре имени Коминтерна – “Дядя Беккер подшутил”. В театре имени ГПУ – “Искатели жемчуга”. И, наконец, в Народном театре – “Без вины виноватые”»²⁸.

Таким образом, две вариации одного анекдотического сюжета – с разницей в фиксации в 10 лет – используются авторами агитационных листовок с кардинально расходящимися мировоззрениями.

Взаимопроницаемость двух информационных сфер для ряда военных сюжетов, в довоенное время не фиксируемых, практически не дает возможности понять, что же первично – фельетон или анекдот, но для нас важен сам факт бытования сюжета в устной традиции, подтверждающий его актуальность для ее носителей.

В период Великой Отечественной войны, при участии профессиональных сатириков или без него, родилось значительное число анекдотических сюжетов. Причина их распространения проста: в Советском Союзе не было людей, которых война обошла бы стороной; четыре года она определяла жизнь как государства, так и всех его граждан. Неослабевающий интерес к тому, что происходит на фронте, близость военных реалий всему населению страны и сделали возможным широкое распространение анекдотов о немцах, подготовив одновременно почву и для попадания в фольклор

текстов лояльных власти сатириков. Именно в годы войны их произведения впервые за все время существования советской власти оказались настолько близки реальным настроениям большинства населения.

Характерно, что в нашей базе записей анекдотов практически не отложилось сюжетов военного времени, не отражающих, в той или иной форме, патриотических настроений. Есть несколько «пораженческих текстов» первого года войны и сюжетов о взаимоотношениях Гитлера и Сталина, могущих дать основания к антисоветской трактовке, как, например, такой: «– Почему мы все время отступаем? – Молотов сказал, что победа будет за нами»²⁹. Есть небольшое количество «бытовых» анекдотов военного времени о взаимоотношениях полов в окопах и тылу, в целом довольно тривиальных (Маленький мальчик пишет папе на фронт, чтобы он убил всех нехороших, а именно: оmlетнюю курицу, солодовую корову³⁰ и дядю лейтенанта, который мешает маме спать³¹). Но подавляющее большинство сюжетов военного времени утверждает надежду на победу.

Можно выделить несколько основных тем для советских анекдотов этого периода. В первую очередь – анекдоты о Гитлере. Помимо того, что про него рассказывали те же самые анекдоты, что в довоенное время рассказывали о Сталине, появлялись сюжеты и специфически «гитлеровские»:

«Однажды Гитлер и Геринг ехали в авто через деревню. Фюрер неожиданно затормозил – переехал собаку. Гитлер раздражен, так как может возникнуть недоразумение с владельцем собаки. Шоферу поручается передать печальное известие хозяину. Через некоторое время шофер возвратился, неся в руках много подарков.

– Откуда это? – с удивлением спросил Гитлер.

– Я сказал владельцу: “Я от Гитлера, собака подохла”. Он обрадовался и подарил мне все эти вещи»³².

В связи с изменившимся положением на фронте в 1943–1945 гг. с именем Гитлера была тесно связана тема неизбежности поражения Германии в войне.

«Гитлер влюбился в очень интересную артистку, однако, без взаимности. Знакомые удивляются, почему она не “ловит момент”, чем ей не нравится фюрер. “Ввалившиеся глаза, прилизанные волосы, как может нравиться такая внешность”, – отвечает она. Но ей не дают покоя: “Не беспокойтесь, придет весна, глаза вылезут на лоб, волосы встанут дыбом!”»³³.

Большой любовью пользовались анекдоты про Геббельса и министерство пропаганды:

«Генерал. Нечем хвалиться, герр министр. Русские опять захватили огромное количество наших танков и пушек и ими же разгромили несколько наших батальонов.

Геббельс. Вот и прекрасно! Так и запишем: “Новая победа немецкого оружия”»³⁴.

Удивительно, но жанр, на протяжении четверти века служивший одним из способов вывода негативной энергии по отношению к власти, в момент сплочения советского народа в борьбе с фашистской Германией стал носителем ура-патриотических настроений. Из фонда анекдотических сюжетов о войне – три четверти составляют анекдоты «о глупых немцах», их потерях, трусливых союзниках и победах русского оружия. Безусловно, во многом это связано с огромной популярностью юмористических разделов фронтовых газет, сюжеты которых, благодаря пересказыванию, попадали в фольклор. Но ведь это и есть свидетельство востребованности подобного рода сюжетов.

Анекдот в период войны активно используется противоборствующими сторонами в рамках проводимых ими пропагандистских кампаний. Цель пропаганды – не предоставление информации, а воздействие на общественное мнение, а через него – на массовое сознание, что способствует изменению социального поведения масс в необходимом направлении³⁵. Одним из агитационных приемов является намеренное упрощение картины мира, апелляция к стереотипам: рациональные аргументы отступают на второй план перед активизацией подсознательных основ человеческого поведения. Однако пропагандистское воздействие обладает отложенным эффектом. Даже при длительном и массированном воздействии результат может появиться через значительное время³⁶.

Совершенно очевидно, что политические анекдоты нельзя воспринимать как действенный инструмент *воздействия* на массовое сознание. Зато они выступают прекрасным индикатором укорененности в нем определенных политических стереотипов. Иначе говоря, анекдот, не соответствующий картине мира большинства носителей фольклорной традиции, не только не сможет на нее как-то повлиять: он просто не будет иметь шансов к «фольклорному» выживанию. В случае же соответствия сюжета политическим настроениям определенной группы он будет популярен в ней, несмотря ни на какие запреты. В данном случае можно, безусловно, констатировать определенный пропагандистский эффект. Поэтому на определенном этапе пропагандистской кампании возникает необходимость включения в агитационные материалы фольклорных сюжетов. Актуальный сюжет, попав в обращение, вряд ли уже исчезнет из корпуса используемых сюжетов до того момента, пока он не потеряет связь с реальностью. Иначе говоря, его «продвижение» не требует практически никаких усилий.

Это прекрасно понимали ответственные работники средств массовой информации, которые, не ограничиваясь публикацией авторских сатирических произведений, санкционировали появление во фронтовых газетах юмористических отделов, komponовавшихся, в том числе, за счет материалов из писем рядовых бойцов, часто насквозь фольклорных. При этом советская пропагандистская машина работала не только на собственных солдат. В советских агитационных материалах на немецком языке, разбрасываемых за линией фронта, тоже использовались анекдотические сюжеты. В воспоминаниях фронтовика Г. А. Литвина приведены примеры подобных текстов, с которыми он знакомил и советских солдат.

«Начал я переводить. Смысл примерно такой: в Кельнском цирке выступал известный артист. Выходит он на сцену, а с ним – свиньи. Впереди – толстый боров, потом свинья, следом – поросята. Артист начинает их представлять: мол, боров – глава семьи герр Манн (перевожу и заодно объясняю: “герр” – это господин, “манн” – человек, а вместе получается имя Герман), а за ним фрау Эмма (намек на жену Германа Геринга), а за ней идут “швайнерай”, что означает “свинство”. Уже на следующий день этого номера в программе не было, а куда делся артист – неизвестно.

Хотели все дружно, хотя юмор этот назвать изысканным и тонким было трудно. А кто-то уже подсовывал листовку, вытащенную из другой пачки: мол, давай дальше.

Продолжаю. На базаре в Гамбурге продавал один торговец селедку, по-немецки “херинг” (объясняю слушателям игру слов: “херинг” – селедка, а Геринг – Герман Геринг. Слова пишутся по-разному, а произносятся почти одинаково). Продавец расхваливает свой товар, а покупателей все нет. Тогда он стал кричать: “Фет хёринг, зо ви Гёринг”, т.е. селедка такая же жирная, как Геринг! Торговля сразу пошла бойко, но появился полицейский и потащил продавца в кутузку. Однако через две недели его выпустили, потому что тот объяснил, что имел в виду не рейхсмаршала, а продавца-соседа, по фамилии тоже Геринг. Снова пришел продавец на рынок, покупатели узнавали его, посмеивались, но торговля шла слабо. Тогда торговец стал кричать: “Селедка такая же жирная, как и две недели назад!” И снова торговля пошла бойко. Но как долго она продлится, мы не знаем»³⁷.

Очень характерна форма первого сюжета о свиньях, практически полностью соответствующая «классическим» для раннего советского анекдота текстам про Бима и Бома.

Следует в связи с этим вообще заметить, что близкие фольклорные традиции Советского Союза и Германии во время войны сделали еще один шаг к взаимопроникновению: помимо ряда доенных анекдотических сюжетов, место возникновения которых определить не удастся, поскольку они примерно в одно время начинают фиксироваться на русском и немецком языках, в советском анекдоте появляется ряд заимствований, очевидно восходящих к немецким сюжетам.

Происходило это в первую очередь благодаря тем немцам, которые жили и работали в Советском Союзе. Являясь носителями немецкой анекдотической традиции, они активно использовали ее сюжеты для пропаганды среди солдат немецкой армии. Выше цитированные тексты были воспроизведены Литвиным по памяти из листовки

на немецком языке, к созданию которой, по его сообщению, привлекались немцы-интернационалисты.

Кроме того, у нас есть сведения о прямых контактах во время войны между советскими и немецкими гражданами (например, в плену), в ходе которых и происходило рассказывание анекдотов.

«Приезжает в город на телеге Вауег, мужик, – сдавать куда полагается масло. С чиновником, который принимает продукт, он ладит; оба довольны, чем – можно не объяснять, поскольку масло в Германии выдается по карточкам. (Существовали такие конторы, или это придумано, я понятия не имею. Я пересказываю анекдот.) Чиновник в своем кабинете угощает мужика кофе, тот пьет на незнакомые предметы. Видит глобус. “Послушай, – спрашивает, – что это за штука?” – “Это весь земной шар!” – объясняет хозяин. “Ишь ты!” – удивляется гость и просит показать разные страны, с которыми идет война. Меряет пальцами Америку, потом Россию: “Ого!” – И спрашивает, где Германия. Хозяин показывает. Бауер в недоумении: “Такая маленькая? Против них? – И шепчет чиновнику на ухо: – Послушай, а фюрер об этом знает?”».

По данным М. Черненко, этот незамысловатый анекдот рассказал во время войны двум интернированным в Германию русским немецкий рабочий-электрик³⁸. Характерно, что данный сюжет несколько раз фиксировался и во фронтовых воспоминаниях. В одной из фиксаций рассказчиком была женщина-переводчица³⁹, работавшая с пленными, в другой – подобный сюжет уже считался русским⁴⁰.

Немецкий анекдотический фонд тоже изрядно обогатился за счет заимствований из советского фольклора. После войны большая часть анекдотов, фиксируемых в ГДР, имела русские аналоги. Но и до войны советские анекдоты в Германии были прекрасно известны во многом благодаря деятельности представителей русской эмиграции. Очевидно, что тексты, имевшие хождение в немецкой русскоязычной колонии, публикуемые в периодике и выходившие отдельными сборниками⁴¹, вполне имели шансы быть усвоенными и традицией коренного населения. Эмигранты, значительная часть которых не только являлась носителем анекдотической традиции, но и, по понятным причинам, питала к антисоветским анекдотам особую страсть, позже сослужили фашистам неплохую службу. Достаточно сказать, что первоначально ряды «Винеты», структурного подразделения восточного отдела германского Министерства пропаганды, отвечавшего за подготовку печатных материалов, практически целиком состояли из русских эмигрантов. Со временем они были заменены коллаборационистской интеллигенцией. Причиной тому стало слабое ориентирование эмигрантов в реалиях советской жизни⁴², приведшее к очень незначительному эффекту ряда первых пропагандистских кампаний нацистов⁴³. Но именно эмигранты стали проводником, с помощью которого довоенные фольклорные сюжеты попали в немецкие пропагандистские материалы. В основном это были частушки и анекдоты, представленные практически во всех формах немецкой агитационной работы: в листовках; периодике, выпускаемой на оккупированных территориях; книгах, издаваемых для интернированных рабочих, радиовещании⁴⁴. Непосредственно над боевыми позициями советских войск разбрасывались листовки с частушкой начала 1920-х гг.⁴⁵: «Слева молот, справа серп // Государственный наш герб. // Хочешь жни, а хочешь – куй, // Все равно получишь...»⁴⁶.

Очень популярна была анекдотическая дезаббревиация «СССР – Смерть Сталина Спасет Россию!», использовавшаяся не только как лозунг на листовках с пропуском⁴⁷; но и как эпиграф газеты «Боевой путь», печатного органа коллаборационистского военного формирования «Русская освободительная народная армия». В своем оформлении эта газета воспроизводила и отчасти пародировала советские фронтовые и армейские издания⁴⁸. Кстати, использование анекдотической расшифровки «СССР» в оформлении этой газеты, очевидно, восходит к эмигрантским источникам: с аналогичным подзаголовком в Софии на протяжении 1935–1936 гг. издавалась газета «За новую Россию».

В немецкой периодике, издаваемой на оккупированной территории: газетах, журналах, а также в сатирических сборниках типа «Жало»⁴⁹, регулярно в контексте последовательно проводимой немцами антисемитской кампании публиковались и так называемые «еврейские» анекдоты⁵⁰. Иногда это были анекдоты советского проис-

хождения, появившиеся в 1920-е гг. и отражавшие стереотип восприятия советской власти как власти еврейской, но чаще – бытовые тексты, не имеющие никакой привязки к советскому строю, как например, такой: «– Абрам Давидович, что вы так спешите домой? – О, Мойсей Исаакович, я обманул железную дорогу – купил билет и не поехал»⁵¹.

Один из постоянных мотивов значительной части немецких агитационных материалов состоял в утверждении, будто советские солдаты воюют «за евреев», которые «больше всего “сражаются” в тыловых учреждениях, в НКВД, в интендантствах, а на фронте не водятся»⁵². Возможно, именно с этим обстоятельством связана актуализация в воюющем Советском Союзе ряда анекдотических сюжетов о евреях, якобы не желающих служить в армии и воевать, готовых дезертировать в любой момент. Следует, однако, учитывать, что подобные сюжеты достаточно универсальны и распространены в анекдотической традиции самых разных стран со времен Первой мировой войны. В русскоязычной среде они вновь начали фиксироваться в период нарастания военной напряженности с середины 1930-х гг. Первую фиксацию подобного сюжета находим в 1934 г., в газете «За новую Россию» (№ 27). Еще четыре аналогичных сюжета были зафиксированы в военное время⁵³. Сохранились, однако, свидетельства советских ветеранов еврейской национальности о том, что им порой приходилось на фронте отстаивать свою воинскую честь от антисемитских выпадов и шуток⁵⁴. Поэтому, не исключено, что сюжетов подобных анекдотов было больше. Обнаруженные нами пять сюжетов позволяют говорить об определенной тенденции, но, как кажется, не дают оснований выделять анекдоты о евреях-«дезертирах» в отдельную серию.

Для советских граждан, оказавшихся на оккупированной территории и интернированных рабочих, издавались специальные сборники антисоветского фольклора. Так, в журнале «На переломе», который выходил в Смоленске в 1942–1943 гг., находим анонс сборника частушек, сказок и анекдотов под названием «Как народ ненавидит Сталина и жидовский коммунизм?», вышедшего из-под пера неких Курта Люка и Петра Бялика. Согласно аннотации, эта книга «знакомит русского читателя с подлинным народным творчеством русского, украинского и белорусского народов в годы существования советской власти. Образцы народного творчества, представленные в сборнике, не имеют ничего общего с фальсифицированными произведениями “народного творчества”; нередко печатавшимися в советских фольклорных сборниках»⁵⁵. При участии коллаборационистов выпускались сборники анекдотов и без примесей других жанров. Например, в 1944 г. в Плауене (Германия) вышло два издания (на русском и украинском языках) сборника анекдотов «Как поживаете? Анекдоты из советской жизни»⁵⁶, составленного Ю.А. Музыченко, кандидатом в члены власовского «Комитета освобождения народов России», а в прошлом, возможно, старшего научного сотрудника Академии наук СССР⁵⁷. Автор попытался на основе своих записей (около 200 текстов) составить «маленькую энциклопедию советской жизни» в анекдотах. В целом составленный им сборник неплохо коррелирует с прочими записями фольклора данного периода, за исключением одного момента – сборник (и, в особенности, раздел «Китайские мандарины», посвященный роли евреев в Советском государстве) полон антисемитских текстов. Идеологически ангажированный автор склонен редактировать тексты известных советских анекдотов в антисемитском духе, а также выдавать за актуальные советские тексты анекдоты 1920-х гг. и сомнительные сюжеты, нигде, кроме этого сборника, более не зафиксированные. Очень характерно последовательное проведение составителем немецкой темы: в анекдотах о «советском гражданине за границей» последний командирован преимущественно в Берлин, а в текстах, посвященных сравнению разных национальностей, появляется «немец-колонист», ни до, ни после издания этого сборника героем русских и украинских анекдотов не являющийся.

Совершенно очевидно, что Музыченко изменял «этническую принадлежность» героев анекдотов в духе общей концепции сборника, оставляя персонажа-еврея лишь в уничижительных для последнего контекстах⁵⁸ и убирая его из всех сюжетов, кото-

рые могли бы поставить под вопрос стереотип восприятия власти большевиков как власти еврейской. Очень показательна в этом плане запись популярного сюжета о Ленине на том свете:

«Ленин умер, но дурная слава опередила его и на том свете. В рай его не пускают. Положение скверное – ни туда, ни сюда. Перед воротами рая к нему подходит веселый русский ярославец.

– Что Ильич? Что случилось?

– Да вот Карл Маркс как-то проскользнул туда, – показывая на ворота, говорит Ленин, – а меня не пускают.

– Ну, не горюй, мы это все устроим. Полезай-ка ко мне в мешок. Нечего делать, Ильич полез.

Около ворот ярославца пропустили беспрепятственно, но поинтересовались, что у него в мешке.

– А это Карл Маркс, значит, свое барахлишко забыл прихватить. Так я уж ему доставлю»⁵⁹.

В подавляющем большинстве предшествующих многочисленных фиксаций этого сюжета в качестве героя-проводника выступает еврей. В записи Музыченко вместо еврея появляется «веселый русский ярославец», находчивый «расово чистый» фольклорный персонаж, оппозиционный «еврейской» советской власти⁶⁰. Этот персонаж отражает фольклорные представления о Ярославле как о городе хитрецов и обманщиков, в котором живут предприимчивые ярославцы, способные обмануть даже черта⁶¹.

Очень характерен тот факт, что сборник Музыченко использовался составителями послевоенных коллекций анекдотов: он практически целиком вошел в известный Буэнос-Айресовский сборник «Антисоветские анекдоты»⁶². Безымянный составитель этого сборника отличался прямо противоположной редакторской особенностью. В противовес Музыченко он убирал персонажа-еврея из сюжетов, могущих быть воспринятыми как оскорбительные, даже традиционно «еврейские» сюжеты он переделывал под «армянские». В борьбе с ярко выраженным антисемитизмом своего предшественника и агитационной направленностью его сборника, этот составитель часть текстов просто опустил, из остальных убрал откровенно «антиеврейское», а также, на всякий случай, все «русское», «украинское» и «немецкое». Таким образом, «веселый русский ярославец» в Буэнос-Айресовском сборнике стал просто «веселым ярославцем».

Знакомство с материалами немецкой агитации очень важно для оценки репрезентативности послевоенных публикаций сборников анекдотов в русском зарубежье. Все крупные послевоенные сборники советских анекдотов, весьма тесно связанные между собой, отчасти восходят к агитационным материалам периода Великой Отечественной войны. Тем не менее, сама тема советско-немецкого противостояния в этих послевоенных изданиях обходится стороной, несмотря на то, что в 1941–1945 гг. появились десятки анекдотических сюжетов о немцах. Возможно, это было обусловлено политической позицией составителей и их вероятным коллаборационистским прошлым⁶³. Данное обстоятельство, а также непрерывная редакторская правка фольклорных текстов в угоду политической конъюнктуре, способствовали все большему искажению представлений западных исследователей о советском фольклоре и расхождению между эмигрантской письменной анекдотической традицией и реальным политическим фольклором в СССР.

Примечания

¹ См.: *Архитова А., Мельниченко М.* Анекдоты о Сталине: материалы, комментарии, исследования. М., 2010 (в печати). С. 28.

² См.: *Верт Н.* История Советского государства, 1900–1991. М., 1992.

³ Фронтовой фольклор. М., 1944. С. 89–100; Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 430–431.

⁴ Фронтовой фольклор. С. 76–87.

⁵ Всяко бывает (сборник сатиры и юмора). Главное Политическое управление Красной армии, 1943. (Библиотека журнала «Красноармеец», № 2); Фронт смеется (Библиотека Крокодила). № 1. М., 1945; Перекур (сборник фронтového юмора). Главное Политическое управление Красной армии, 1944. (Библиотека журнала «Красноармеец», № 12/17/) и др.

⁶ См., например, ряд изданий в карманном формате с одинаковым названием «Фронтовой юмор», изданных в 1942 г. в Москве Военным издательством Народного комиссариата обороны СССР.

⁷ Любопытно, что в публикациях нередко подчеркивалось, что такие анекдоты имеют заграничное происхождение. Видимо, это делалось для того, чтобы избежать лишних разбирательств с цензурой. В качестве примера см.: Зарубежный юмор // Кружевная борода. (сборник сатиры и юмора). Главное Политическое управление Красной армии, 1945. (Библиотека журнала «Красноармеец», № 18/43/).

⁸ См.: Антифашистские анекдоты // Краснофлотский смех. М., 1941.

⁹ Фронтовой фольклор. С. 128–130.

¹⁰ См.: *Беленькая А.С.* И в войну люди умели смеяться // Складчина. Литературный альманах. М., 2007. № 10.

¹¹ В воспоминаниях ряда фольклористов-фронтвиков говорится, что они считали несоответствующим правилам советской фольклористики иметь дело с сюжетами «неприличными», наполненными «нецензурщиной». См.: *Пушкарёв Л.Н.* Юмор на фронте (из воспоминаний фольклориста-фронтвика) // Клио: журнал для ученых. 2004. № 3 (26). С. 301. См. также: *Пушкарёв Л.Н.* По дорогам войны: воспоминания фольклориста-фронтвика. М., 1995.

¹² Текст интервью Л.Н. Пушкарева помещен на сайте Интернет-проекта «Я помню»: http://www.iremember.ru/content/view/320/26/lang_ru/

¹³ Имеются сведения о целенаправленном уничтожении записей «оппозиционного» фольклора, например, в коллекциях Рукописного отдела Пушкинского дома. См.: *Азбелев С.Н.* Фольклор 1920–1930-х годов в записях А.И. Никифорова // Живая старина. М., 1994. № 2. С. 44.

¹⁴ Фронтовой юмор. М., 1970.

¹⁵ *Морохин Н.* Сатира в русской советской художественной публицистике военных лет (1941–1945 годы). Саров, 2001. С. 3.

¹⁶ Речь идет об анекдоте, зафиксированном сразу после войны эмигрантом второй волны: Во время коллективизации и хлебозаготовок в район из центра приходит телеграмма: «Срочно заготовьте сорок тысяч воробьев». Район поставил на ноги всех охотников, которые постреляли всех воробьев, где только можно было. Но позже оказалось, что телеграмма говорила о хлебе, а «Воробьев» означало подпись под телеграммой (Советські анекдоти / Сост. О. Шило. Без м. и г. С. 31 // Historische Archive, Institut Forschungsstelle Osteuropa (Bremen Universitat), Deutschland. Ф. 85. Качуровский I. В. (Kaczurowski, Igor V.). Совершенно очевидно, что это упрощенная версия фельетона М. Кольцова «К вопросу о тупоумии (1931), в котором ответственный кооператор Воробьев в ответ на свое предписание с исходящим номером 13 530 «ускорить заготовку», получает телеграмму «ускорить заготовку 13 530 воробьев» См.: *Кольцов М.* Фельетон. М., 1956. С. 21–24.

¹⁷ Ср. два текста эмигрантского и советского происхождения: «– Кто же дает такие заглавия: “Кролик съел сельсовет?” Сухо, скучно. Давайте поставим что-нибудь сочное, яркое “Уточним, углубим и оформим”... Или интригующее, – например: “Охрана труда, где ты?”... А то, кто же будет читать?» («Дамские»: сборник новых анекдотов. Рига, 1932. С. 93) и «О, пышные, волнующие заголовки! О, пламенный дух классового самосознания, взрывающий серое поле газетных полос. “Охрана труда, где ты?” – горестно вопрошал “Набат”, сообщая о новом пожаре на ул. Либкнехта». См.: *Свэн.* Шестая держава: в дебрях провинциальной прессы // Смехач. 1924. 10 сентября. № 6. С. 7.

¹⁸ Это было и в 1920-х гг., когда составитель Берлинского сборника «Советские анекдоты» (Берлин, 1927) перепечатал ряд реприз из «Смехача» середины 1920-х гг., и в 1930-х гг., когда в изданном НТСНП (НТС) в Белграде ротаторном сборнике кроме антисоветских анекдотов, оказались также анекдоты из «Крокодила». См.: *Полчанинов Р.В.* Политические анекдоты // Заметки коллекционера. Л., 1988. С. 222–231.

¹⁹ Например, в докладной записке о состоянии политико-массовой работы в партизанском отряде А.Ф. Федорова за декабрь 1942 – апрель 1943 г. содержатся как пожелание партизан «прислать что-либо веселое», так и сведения о популярности среди них «Крокодила», «Перца» и книги «Новые похождения Швейка». См.: Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 650.

- ²⁰ *Щепотьев В.* Буква «М» // Фронтальной юмор («Библиотека красноармейца»). М., 1942. С. 7–8.
- ²¹ *Шефнер В.* Бархатный путь // Звезда. 1995. № 4. С. 51.
- ²² *Фишер Л.* Жизнь Ленина. Т. 1. М., 1997. С. 459.
- ²³ Антисоветские анекдоты (борьба народной пропаганды с большевистской). Буэнос Айрес, 1946. С. 54.
- ²⁴ *Десняк О.* Подарок ветерана // Фронтальной юмор («Библиотека красноармейца»). С. 16.
- ²⁵ Сатирическая листовка «Вралишер тарабахтер» (Декабрь 1942 г.) // Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 414. Часть материалов в этой листовке совпадает с текстами из сатирического сборника того же года. См.: Прямой наводкой: фронтальной юмор. М., 1942.
- ²⁶ *Lolo [Мушштейн Л.]* «Их» репертуар // Рампа и жизнь. Петроград. 1918. № 1. С. 12.
- ²⁷ *Азов В.* Сатира под спудом // Последние новости. Париж. 1932. 14 мая. С. 2.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ *Лазарев Л.* Это тоже часть истории // Пропуск в рай: сверхоружие последней мировой (дуэль пропагандистов на восточном фронте). М., 2007. С. 16.
- ³⁰ «Омлетная курица и солодовая корова» – приметы времени, пропущенные через призму детского сознания военного времени: «корова», «дающая» солодовое молоко, и «курица», «несущая» яичный порошок, из которого готовили омлеты.
- ³¹ *Беленькая А.С.* Указ. соч. С. 28.
- ³² Фронтальной юмор («Библиотека красноармейца»). С. 35.
- ³³ *Кравченко-Бережной Р.А.* Мой XX век (Стоп-кадры). Апатиты, 1998. С. 45.
- ³⁴ Прямой наводкой: фронтальной юмор. С. 42.
- ³⁵ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 6.
- ³⁶ *Ellul J.* Propaganda. N.Y., 1965. P. 3–87.
- ³⁷ *Литвин Г.А.* На развалинах третьего рейха, или маятник войны. Размышления очевидца. М., 1998. С. 222–223.
- ³⁸ *Черненко М.* Чужие и свои: Документальная повесть. М., 2001. С. 102–103.
- ³⁹ *Литвин Г.А.* Указ. соч. Цит. по электронной публикации: http://militera.lib.ru/memo/russian/litvin_ga3/01.html
- ⁴⁰ *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. М., 1987. Цит. по электронной публикации: http://militera.lib.ru/memo/russian/berezhkov_vm2/03.html
- ⁴¹ Советские анекдоты.
- ⁴² Материалы к истории ОДНР. 1941–1945. 1970. С. 19.
- ⁴³ *О कोरोков А.* Особый фронт: немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 29–32.
- ⁴⁴ См., напр.: *Гершович М.* Два сапога – пара // Лехаим. 2004. Июль. № 7 (147). С. 6.
- ⁴⁵ Впервые зафиксирована в 1921 г. в воспоминаниях В.В. Шульгина. См.: *Шульгин В.В.* Три столицы. М., 1991. С. 68.
- ⁴⁶ Пропуск в рай: сверхоружие последней мировой (дуэль пропагандистов на восточном фронте). М., 2007. С. 58.
- ⁴⁷ Там же. С. 83.
- ⁴⁸ *Соколов Б.В.* Оккупация. Правда и мифы. М., 2002. С. 280.
- ⁴⁹ Приложение к газете «Речь», издававшейся в Орле в 1941–1944 гг.
- ⁵⁰ *Никитенков В.* Антисемитская пропаганда в коллаборационистской периодической печати Брестчины в 1941–1944 гг. // Мат-лы VII ежегодной междунар. междисциплинарной конференции по иудаике, г. Королев, 31 янв.–2 февр. 2000 г.: В 2 ч. Ч. 1. М., 2000. С. 285.
- ⁵¹ На досуге. Berlin. 1944. № 12–20. С. 32.
- ⁵² Руть. 1944. 13 мая.
- ⁵³ *Беленькая А.С.* Указ. соч. С. 34.
- ⁵⁴ Выразительно в этом смысле свидетельство из интервью фронтовика М.Ц. Лихтермана для Интернет-проекта «Я помню»: «Когда на фронт в эшелоне ехали, с нами в теплушке находился командир батареи, армянин. Он оказался последней сволочью. Всю дорогу к фронту он донимал меня антисемитскими речами и анекдотами. В эшелоне, что я мог ему сделать? Он офицер, да и народу вокруг порядочно. Когда я легел в самолете, я просил Бога, чтобы дал мне возможность, до того момента как я сам погибну, убить этого командира батареи». См.: <http://www.iremember.ru/content/view/330/26.lang.ru/>
- ⁵⁵ На переломе. 1942. № 3. Октябрь. С. 109–110.
- ⁵⁶ *Музыченко Ю.* Как поживаете? Анекдоты из советской жизни. Плауэн, 1944. (Русская маленькая народная библиотека).

⁵⁷ Там же. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 25.

⁵⁹ Там же. С. 55.

⁶⁰ Более подробный разбор данного сюжета см.: *Архипова А.С., Мельниченко М.А.* «Вот проценты за ваш капитал!»: к вопросу о генезисе и эволюции политического анекдота // Габриэлиада: В 65-летию Г.Г. Суперфина // <http://www.ruthenia.ru/dicument/545661.html>

⁶¹ Две тысячи семь анекдотов. Рига, 1929. С. 148.

⁶² Антисоветские анекдоты (борьба народной пропаганды с большевистской). Б. г.

⁶³ Косвенно это подтверждается наличием в ряде сборников сюжетов о перемещенных лицах, вынужденных проходить проверку (processing) в американских эмиграционных органах. См., напр.: *Кремль и Народ (The Kremlin and The People)*. Мюнхен. 1951. С. 112.

© 2009 г. Ф. Л. С И Н И Ц Ы Н *

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛЬНОГО И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ И ПРОПАГАНДЕ В СССР в 1944–первой половине 1945 года

В годы Великой Отечественной войны одной из главных задач советского руководства являлась мобилизация многонационального населения СССР на защиту страны. Сознывая, что классовый подход не сможет быть действенным в достижении этой цели, и что с самого начала войны русский народ принял на себя основную тяжесть борьбы с захватчиками, руководство Советского Союза стало использовать русский национальный фактор для обеспечения морально-политической мобилизации населения.

В результате решающего наступления Красной армии к началу 1944 г. перелом в войне стал необратимым. Задача спасения Отечества от смертельной опасности была в основном решена. С 1 мая 1944 г. война с Германией пошла под лозунгом «Разбить немецко-фашистских захватчиков в их собственной берлоге»¹. По мере освобождения советской территории проживающее на ней население, подлежавшее призыву, вливалось в регулярные войска, и его доля в Красной армии быстро увеличивалась. На общих основаниях в армию призывались латыши, литовцы, эстонцы, советские поляки, карелы, жители Западной Украины и Западной Белоруссии. Доля русских в Красной армии стала снижаться: на 1 июля 1943 г. она составляла 63.84%, на 1 января 1944 г. – 58.32%, на 1 июля 1944 г. – 51.78%. В то же время, среди воинов Красной армии резко возрастала доля украинцев (на 1 июля 1943 г. – 11.62%, на 1 июля 1944 г. – 33.93%), росли доли белорусов (на 1 июля 1943 г. – 1.35%, на 1 июля 1944 г. – 2.04%), молдаван, эстонцев, латышей, литовцев, поляков².

На завершающем этапе войны снизилась активность пропаганды роли русского народа в борьбе с захватчиками, хотя продолжалась реабилитация лучших страниц в истории страны и подчеркивание в ней особой роли русского народа³ – «старшего брата», которому другие народы СССР были «обязаны» своими достижениями⁴. Пропагандистские издания («Блокнот агитатора Красной Армии», «Агитатор и пропагандист Военно-Морского Флота» и «Агитатор и пропагандист Красной Армии») в 1944 г. снизили в 2 раза по сравнению с 1943 г. количество публикаций о героическом прошлом русского народа. Реабилитация истории дореволюционной России теперь была направлена в основном на прославление русских исторических деятелей, описание заслуг которых могло быть полезно с точки зрения сложившейся

* **Синицын Федор Леонидович**, аспирант Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

политической ситуации⁵. К концу войны И.В. Сталину стал наиболее близок образ М.И. Кутузова, ибо его полководческую тактику Сталин считал возможным применить к своей деятельности в 1941–1942 гг.⁶ В марте 1944 г. на экраны вышел фильм С. Эйзенштейна «Кутузов», который был оценен в «Правде» как «крупное достижение советской кинематографии»⁷. Особый характер, как и прежде, имел курс на выдвижение личности И. Грозного в качестве одного из главных положительных персонажей русской истории. Пьеса А. Толстого «Иван Грозный», поставленная в Малом театре, в октябре 1944 г. была подвергнута суровой критике за то, что главный персонаж выглядел «жалким»⁸. Спектакль был снят с постановки. В декабре 1944 г. было подвергнуто критике искажение личности И. Грозного в сборнике стихов «Русь». Отмечалось, что «издательство... подчеркивает жестокость Ивана Грозного, но умалчивает о его прогрессивной государственной деятельности». Распространение сборника было запрещено⁹. В январе 1945 г. на экраны вышел фильм С. Эйзенштейна «Иван Грозный», который был оценен как «удачный», так как Иван Грозный верно показывался как «вдохновитель и руководитель борьбы за исторические рубежи» России¹⁰. Деятельности Ивана Грозного посвящались ряд литературных произведений, в частности, повесть В. Соловьева «Великий государь», отмеченная Сталинской премией за 1944 г.¹¹

С одной стороны, руководство страны осознавало непреходящую роль русского народа в советском государстве. Факт особого вклада русского народа в победу отмечался пропагандой и учитывался советским руководством. Кульминацией стало выступление Сталина 24 мая 1945 г. на приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии. Сталин поднял тост «за здоровье русского народа», назвав его «наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза», заслужившей «общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны», имеющей «ясный ум, стойкий характер и терпение». Он подчеркнул, что «доверие русского народа Советскому правительству оказалось той решающей силой, которая обеспечила» победу в войне¹². Ведущие средства массовой информации сразу же объявили, что тост Сталина «является классическим обобщением того исторического пути, который прошел великий русский народ»¹³.

Однако интернационализация состава Красной армии к 1944 г., ее выход на западные территории СССР и за границу, а также необходимость возвращения линии политики и пропаганды к коммунистической основе, которая являлась залогом существования советского режима, заставили руководство страны усилить противодействие «великодержавному шовинизму», проявившемуся в результате чрезмерной пропаганды роли русского национального фактора в войне. Великодержавный шовинизм советским руководством традиционно рассматривался как одна из самых больших угроз целостности страны.

К началу 1944 г. среди советских историков сформировалось две группы, которые придерживались противоположных оценок присоединения к России «национальных окраин» на разных этапах ее истории. Представители первой группы, объединившиеся вокруг заместителя директора Института истории АН СССР А.М. Панкратовой, считали такое присоединение «абсолютным злом» для присоединявшихся народов¹⁴. Такой подход нашел яркое выражение в труде «История Казахской ССР» (отв. редакторы М. Абдыкалыков и А. Панкратова), изданном в 1943 г.¹⁵ При обсуждении этого труда в редакции «Исторического журнала» 12 октября 1943 г. академик В.И. Пичета и некоторые другие историки поддержали авторов «Истории Казахской ССР» в их исторических оценках¹⁶.

Представители второй группы историков во главе с академиком Е.В. Тарле говорили о необходимости не только пересмотра теории «абсолютного зла», но и кардинального возвращения советской исторической науки на национально-патриотические позиции. Например, проф. А.И. Яковлев, выступая на заседании в Наркомате просвещения 7 января 1944 г., говорил: «Мне представляется необходимым выдвинуть на первый план мотив русского национализма. Мы очень уважаем народности, вошедшие в наш Союз, относимся к ним с любовью. Но русскую историю делал русский народ.

...Мы, русские, хотим истории русского народа, истории русских учреждений, в русских условиях»¹⁷. Позиция сторонников Тарле была здоровой реакцией на гиперкритику национального прошлого, которая была характерна для периода 1920-х–начала 1930-х гг. В условиях войны и перемен в национальной политике эта ответная реакция приняла подобие «русифильства»¹⁸.

Однако позиция сторонников Тарле подверглась атаке со стороны группы Панкратовой. 2 марта 1944 г. Панкратова направила члену Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданову письмо, в котором обратила его внимание на то, что «среди работников идеологического фронта появились тенденции», в основе которых «лежит полный отказ от марксизма-ленинизма и протаскивание – под флагом патриотизма – самых реакционных и отсталых теорий... отказа от классового подхода к вопросам истории, замены классового принципа в общественном развитии национальным, реабилитации идеализма, панславизма и т.п.»¹⁹. В своем письме на имя Сталина, Жданова, Г.М. Маленкова и А.С. Щербакова от 12 мая 1944 г. Панкратова просила найти «возможность обсудить положение и задачи советских историков в условиях Великой Отечественной войны и помочь нам выправить наши недостатки»²⁰.

Партийные органы выступили с критикой и той, и другой группы историков. В первую очередь, получила осуждение книга «История Казахской ССР». В докладной записке Комиссии партконтроля от 30 января 1944 г. говорилось, что «эта книга пользы не принесет, а также «может стать оружием в руках казахских националистов», так как «взаимоотношения казахского и русского народа выглядят только как враждебные»²¹. На «Историю Казахской ССР» была запрошена рецензия у секретаря ЦК КП(б) Узбекистана У.Ю. Юсупова. Очевидно, сделано это было с той целью, чтобы получить критические замечания от представителя власти в одной из национальных республик и избежать таким образом гипотетического обвинения в «великорусском шовинизме». 23 мая 1944 г. Юсупов дал отзыв, в котором подверг авторов книги критике за то, что они «рассматривают колонизацию Казахстана как абсолютное зло», а «все массовые национальные движения, происходившие в Казахстане... как прогрессивные и революционные», «допускают... изолированное рассмотрение истории казахского народа», «приукрашивают и идеализируют экономическое и культурное развитие казахского народа до завоевания Казахстана царской Россией»²².

31 марта 1944 г. Г.Ф. Александров направил Щербакову докладную записку, в которой подверг критике обе группы историков. «В советской исторической науке, – писал он, – не преодолено еще влияние реакционных историков-немцев, фальсифицировавших русскую историю», «сильно сказывается еще влияние школы Покровского», «присоединение к России... расценивается как абсолютное зло, ...среди некоторой части историков наблюдается оживление антимарксистских, буржуазных взглядов»²³. Такие же выводы были сделаны в служебных записках Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) (УПиА) от 18 мая 1944 г. «О серьезных недостатках и антиленинских ошибках в работе некоторых советских историков» и «О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков»²⁴.

Таким образом, руководство страны пришло к выводу, что назрела необходимость обсудить создавшуюся в исторической науке ситуацию с целью вернуть ей баланс, не допустив уклона как в сторону гиперинтернационализма «школы Покровского», так и в сторону «великодержавного шовинизма». С этой целью с 29 мая по 8 июля 1944 г. в ЦК ВКП(б) было проведено совещание историков, на котором развернулись дебаты по проблеме исторической легитимации Советского Союза в его существующих границах. Группа Тарле делала это с великодержавных позиций, утверждая что СССР является преемником царской России, а группа Панкратовой – с позиций, которые она считала марксистскими, утверждая, что только СССР как новое объединение народов (в старых границах) было свободным и добровольным²⁵.

По результатам совещания 12 июля 1944 г. УПиА направило Щербакову проект постановления «О недостатках научной работы в области истории», в котором подвергли критике сторонники Тарле за «ревизию ленинских взглядов» и за отрицание

того, что царизм был «угнетателем трудящихся» и «жандармом Европы», а царская Россия – «тюрьмой народов», а также за насаждение «пренебрежительного отношения к нерусским народам», оправдание «колониальных захватов царизма». В этом же проекте постановления критике подверглись сторонники Панкратовой за «ревизию ленинских взглядов», продвижение «норманнской теории», замалчивание и недооценку «прогрессивных сторон русской истории», принижение «роли выдающихся деятелей русского народа», противопоставление друг другу народов Советского Союза (на примере «Истории Казахской ССР»)»²⁶. Однако Щербаков отверг этот проект постановления. Новый проект был подготовлен в аппарате Жданова. Теперь историки были более предметно обвинены в «попытках возрождения буржуазно-исторической школы Миллюкова» и «национализма» (в плане тезиса о прогрессивности завоевательной политики царизма), великодержавного шовинизма, «реставрации исторических ошибок школы Покровского»²⁷. Однако и этот проект постановления принят не был. Он не устраивал руководство ЦК ВКП(б) из-за «политизированности», неверности с научной точки зрения и персональной адресности»²⁸.

Таким образом, несмотря на ясную негативную оценку как «великодержавного шовинизма», так и огульного охаивания истории дореволюционной России, четкая официальная линия, проясняющая как трактовать те или иные факты в истории страны, выработана не была. 12 мая 1945 г. историк С.В. Бушуев направил письмо Жданову, в котором он указывал на то, что оставался неясным вопрос «как теперь освещать историю борьбы горцев за независимость под руководством Шамиля». Из-за отсутствия внятных указаний издательства воздерживались «от печатания работ на вышеуказанные темы»²⁹.

В целом, можно отметить, что в основу национальной политики на завершающем этапе войны были положены трактовки Жданова, выраженные в проекте постановления по результатам совещания историков, а именно, – выстраивать национальную политику на основе «советского патриотизма». В результате, в пропаганде появились критические интонации в адрес тех, кто руководствовался примерами и опытом далекого прошлого³⁰, а также делал упор на русский, а не «советский», патриотизм. Выражалось беспокойство, что патриотизм переставал связываться с революционными традициями³¹. Высокопоставленный руководитель литературного фронта Л. Субоцкий в своем критическом обзоре недоумевал, почему, «описывая в “Русской повести” патриотический подвиг лесника – командира партизанского отряда, П. Павленко называет в числе его вдохновителей Александра Невского, Кутузова, солдат Архипа Осипова и Рябова, матроса Кошку и... только?». Критик утверждал, что «невозможно поверить, что в сознании и памяти человека, прожившего в советской стране более четверти века, ...не возникло ни единой мысли об отражении вражеского нашествия в годы Гражданской войны». Поэтому он предлагал признать «бесполезность заимствования в неизменном виде чувств и понятий прошлых эпох для характеристики нового человека и нового времени»³². Б. Пастернак в июле 1944 г. не получил разрешения опубликовать стихотворение «Русскому гению», а тексты его военных стихов в сборнике «Свободный кругозор» подверглись переделкам – «было переписано, снято упоминание России»³³. В марте 1945 г. УПиА подвергло критике серию брошюр «Боевые подвиги сынов Армении». Отмечалось, что «герои представлены главным образом царскими генералами, отличившимися в войнах против горцев на Кавказе и в подавлении национально-освободительных восстаний горских народов». Был сделан вывод, что издательство «без разбора прославляет военных руководителей и администраторов царской России»³⁴.

В журнале «Партийное строительство» утверждалось, что «только наличие советского социалистического общества... могло спасти человечество от порабощения немецким фашизмом», и подвергались критике те, которые «умудрялись обходить молчанием главное: роль советского государства, роль партии, существо нашего строя, так блестяще выдержавшего испытания». Выравнивание «крена» проявилось в указании вернуться на «генеральный путь нашего развития», основанный на «чистоте

марксистско-ленинской идеологии»³⁵. По этой же причине потребовалась легитимация тоста Сталина о русском народе, обоснование его с марксистской точки зрения. Подчеркивалось, что «в героическом прошлом русского народа, как и других народов нашей страны, и, в особенности, в освободительном учении марксизма-ленинизма, восторжествовавшем в нашей стране, мы должны искать корни той передовой, революционной идеологии, в духе которой воспитан весь советский народ»³⁶. Такая легитимация была необходимой, так как не все разделяли мнение Сталина, изложенное в его тосте, посчитав, что «другим народам СССР, которые понесли во время войны еще большие, чем русский народ, потери, Сталин не воздал никакой чести» (в частности, белорусам и украинцам)³⁷. Когда Сталин произносил свой тост, И. Эренбург заплакал, так как содержание тоста ему «показалось обидным»³⁸.

Тенденция признания «патриотизма досоветского периода» «исторически ограниченным»³⁹ проявилась в установлении примата «советского» патриотизма над «русским». Говорилось о «русской» армии, но о «советском» народе⁴⁰, история Русского государства и Российской империи стала подаваться как «великое прошлое советского народа»⁴¹. Утверждалось, что идеология в СССР – это не узконациональный, а «советский, социалистический патриотизм»⁴². Как и прежде, провозглашались нерушимость дружбы и равенства народов в СССР⁴³. Данные о награжденных давали материалам пропаганды основание утверждать, что советские герои «олицетворяют все народы и национальности нашей страны»⁴⁴.

Задача укрепления «советского патриотизма» была подчеркнута в изданной весной 1944 г. директиве ГлавПУРа, в которой, в связи с вступлением Красной армии в страны Европы и с тем, что «в армию пришли сотни тысяч призывников из Западной Украины и Западной Белоруссии», подчеркивалось, что «воспитание солдата и офицера в духе интернационализма имеет сейчас особое значение»⁴⁵. В то же время, с целью решения новой проблемы – непонимания среди части населения и воинов Красной армии, «зачем нужно освобождать Польшу и другие страны», если территория СССР уже освобождена, советская пропаганда была вынуждена разъяснять, что «мы воюем на чужой земле во имя только своих интересов» и только «за свободу и независимость нашей Родины»⁴⁶.

Одним из шагов, внешне относящимся к сфере национальной политики, стало преобразование в январе 1944 г. народных комиссариатов обороны и иностранных дел из общесоюзных в союзно-республиканские⁴⁷, целью чего было обозначено предоставление союзным республикам возможности «вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения», а также «иметь свои республиканские войсковые формирования»⁴⁸. 1 февраля 1944 г. в докладе Верховному Совету СССР заместитель Председателя СНК СССР Молотов сказал: «Это преобразование означает большое расширение деятельности союзных республик, которое стало возможным... в результате их национального развития. В этом нельзя не видеть нового важного шага в практическом разрешении национального вопроса в многонациональном советском государстве, ...новой победы нашей ленинско-сталинской национальной политике»⁴⁹.

В материалах пропаганды это решение обосновывалось тем, что «национальный вопрос у нас еще не снят с повестки дня»⁵⁰, со ссылкой на слова Сталина, сказанные на XVIII съезде партии в 1939 г.: «Национальный вопрос мы будем ставить еще не раз... Быть может, нам придется некоторые комиссариаты, которые мы сливаем в составе Союза республик, потом разъединить». Указывалось, что развитие событий «полностью подтвердило замечательное предвидение товарища Сталина»⁵¹. Пропаганда делала акцент на том, что решения X сессии Верховного Совета СССР – это не «крен в сторону конфедерации»⁵², а выражение единства «целей суверенитета Союза и союзных республик»⁵³. Решение в части наркомата обороны было обосновано тем, чтобы «наиболее целесообразно воспитать и вовлечь в общее русло огромные боевые людские резервы союзных республик»⁵⁴, а создание республиканских НКВД – тем, что хозяйственные и культурные нужды республик «могут быть лучше удовлетворены

посредством прямых сношений... с соответствующими государствами»⁵⁵. Население настороженно встретило эти новации. В частности, людей интересовало, «не создастся ли такое положение, что войсковые соединения республик будут защищать лишь интересы своих республик?»⁵⁶.

Однако опасения были напрасными. Истинная причина реорганизации наркоматов обороны и иностранных дел заключалась не в «решении национального вопроса», а в том, чтобы, придав союзным республикам больше формальных атрибутов «самостоятельности» и превратив таким образом каждую республику СССР в глазах мировой общественности почти что в «самостоятельное государство», получить в будущей Организации Объединенных Наций не одно, а сразу 16 мест⁵⁷. Такое предложение и было сделано на конференции союзных государств в Думбартон-Оксе (21 августа – 28 сентября 1944 г.)⁵⁸. Однако сильное американское сопротивление этому плану заставило Советский Союз уменьшить свои требования и на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. просить уже только 3 места – для СССР, УССР и БССР, чьи делегации и были направлены на конференцию в Сан-Франциско⁵⁹. На практике, дипломатических миссий этих республик создано не было. УССР и БССР имели представительства только в ООН. Республиканские наркоматы иностранных дел были созданы лишь номинально, наркоматы обороны не были созданы вообще, за исключением УССР, но и там этот наркомат не проявлял никакой деятельности, а после 1947 г. министр обороны УССР даже не назначался⁶⁰. На самом деле не только не последовало расширения оборонных функций союзных республик, но они были существенно урезаны. 31 октября 1944 г. Государственный Комитет Оборона принял постановление об отмене очередного призыва граждан 1928 года рождения из числа «репрессированных» на тот момент народов, а также представителей народов Грузинской, Азербайджанской, Армянской, Узбекской, Казахской, Киргизской, Туркменской, Таджикской ССР, Дагестанской, Кабардинской, Северо-Осетинской АССР, Адыгейской и Черкесской АО⁶¹. В Конституции 1977 г. правовые нормы о республиканских органах иностранных дел и обороны исчезли⁶².

Наряду с политикой укрепления интернационализма, новой тенденцией в советской национальной политике стало усиление борьбы с местным национализмом, который, как и «великодержавный шовинизм», представлял большую опасность для многонациональной страны.

В связи с начавшимся во второй половине 1943 г. освобождением Украины и вливанием в ряды Красной армии большого контингента призывников из этой республики большое внимание обращалось на украинский национальный фактор. Именно с целью воодушевить, мобилизовать украинский народ на борьбу с врагом 10 октября 1943 г. был учрежден орден Богдана Хмельницкого⁶³, в связи с чем в списке чтимых советской властью великих людей прошлого «закреплялся» украинский деятель⁶⁴, борец за воссоединение Украины с Россией.

В то же время начала разворачиваться кампания по осуждению «националистических проявлений» на Украине. В частности, они были обнаружены в творчестве украинского драматурга А.П. Довженко. Такие «проявления» у Довженко отмечались органами НКВД и ранее. В июле 1943 г. он возмущался тем, «почему создали польскую дивизию, а не формируют украинских национальных частей»⁶⁵. В декабре 1943 г. была подвергнута критике повесть Довженко «Победа», в которой были «отчетливо выражены чуждые большевизму взгляды националистического характера», так как автор «настойчиво пытается убедить читателей в том, что за Украину борются, якобы, только украинцы»⁶⁶, что «не соответствует действительности и искусственно обособляет борьбу украинского народа от борьбы всех народов СССР»⁶⁷. Особое осуждение вызвали слова, в которых про украинский народ говорилось так: «Единственный сорокамиллионный народ, не нашедший себе в столетиях Европы человеческой жизни на своей земле, ...народ растерзанный, расщепленный». Эти суждения вступали в прямое противоречие с фактами существования украинской государственности в рамках СССР и объединения подавляющего большинства украинского народа в рамках УССР

в 1939 г. Отмечалось далее, что «во всей повести... Украина ни разу не названа Советской Украиной». Осуждение вызвали и такие слова: «Помните, на каких бы фронтах мы сегодня не бились... мы бьемся за Украину!»⁶⁸. Хотя ранее аналогичные призывы широко использовались в пропаганде – «На берегах Азовского моря, в степях Украины, в русских равнинах и под Ленинградом ты защищаешь солнечную Туркмению»⁶⁹; «Где бы вы ни находились – вы защищаете свой родной Азербайджан»⁷⁰; «На каких бы рубежах они (представители народов СССР. – Ф. С.) не бились с врагом, они вместе с русским народом защищают свою национальную свободу»⁷¹, – теперь за такие настроения стали карать как за проявление национализма. В итоге повесть Довженко «Победа» была запрещена к публикации⁷².

31 января 1944 г. на заседании политбюро ЦК ВКП(б) было проведено обсуждение киноповести Довженко «Украина в огне», которую Сталин заклеил как «националистическое произведение». 21 февраля 1944 г. Довженко был исключен из Всеславянского Антифашистского комитета. В эти же дни он записал в своем дневнике: «Не буржуазный я и не националист. И ничего, кроме добра, счастья и победы, не желал я и русскому народу»⁷³. От своих взглядов Довженко не отказался. В докладной записке наркома госбезопасности В.Н. Меркулова от 31 октября 1944 г. указывалось, что Довженко, «внешне соглашаясь с критикой его киноповести “Украина в огне”, в завуалированной форме продолжает высказывать националистические настроения»⁷⁴.

Борьба с проявлениями украинского национализма в литературе коррелировалась с начавшейся борьбой с ОУН. После выступления Н.С. Хрущева на сессии Верховного Совета УССР 1 марта 1944 г. проблема украинского национализма, расцветшего во время оккупации, перестала быть тайной для всего населения СССР⁷⁵.

Нашумевшими эпизодами борьбы с местным национализмом стали осуждения «националистических уклонов» в Татарской, Башкирской и Марийской АССР. В докладной записке от 7 октября 1943 г. УПиА подвергло жесткой критике татарский эпос «Идегей», сводный вариант которого был опубликован в конце 1940 г. в татарском журнале «Совет Эдебиаты», а герой эпоса Идегей «стал популяризоваться как герой татарского народа». В записке отмечалось, что «Идегей – один из крупных феодалов Золотой Орды», который «совершал опустошительные набеги на русские города и селения». Неприемлемой в эпосе «Идегей» была признана его основная идея – объединение Золотой Орды и укрепление ее власти над покоренными народами. Это вступало в прямое противоречие с пропагандой прогрессивности укрепления Русского государства. Кроме того УПиА отмечало, что в эпосе «выражены чуждые татарскому народу националистические идеи», имеют место «антирусские мотивы». Подчеркивалось, что «эпос этот отражает далеко не прогрессивные исторические события», «воспевает агрессивное государство Золотую Орду» и «военачальников Золотой Орды, которые выступали в истории как вожаки разбойничьих походов на земли русского народа и других соседних народов»⁷⁶.

9 августа 1944 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации», в котором указывалось, что «в республике имели место серьезные ошибки идеологического характера в освещении истории татарского народа». Татарскому обкому ВКП(б) предлагалось «организовать научную разработку истории Татари, устранить допущенные отдельными историками и литераторами серьезные недостатки и ошибки националистического характера в освещении истории Татари (приукрашивание Золотой Орды, популяризация ханско-феодалного эпоса об Идегее)», «обратить особое внимание на исследование и освещение истории совместной борьбы русского, татарского и других народов СССР против чужеземных захватчиков, против царизма и помещичье-капиталистического гнета»⁷⁷.

27 января 1945 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О состоянии и мерах улучшения агитационно-пропагандистской работы в Башкирской партийной организации», в котором осуждался местный национализм, проявленный в подготовленных к печати «Очерках по истории Башкирии» и литературных произведениях «Идукай и Мура-

дым» и «Эпос о богатырях». Указывалось, что в этих публикациях «не проводится разграничение между подлинными национально-освободительными движениями башкирского народа и разбойничьими набегами башкирских феодалов на соседние народы, недостаточно показывается угнетение трудящихся башкир татарскими и башкирскими феодалами, идеализируется патриархально-феодалное прошлое башкир». Критике была подвергнута пьеса «Кахым-Туря», в которой «извращается история участия башкир в Отечественной войне 1812 г., противопоставляются друг другу русские и башкирские воины». Требовалось подвергнуть критике такие извращения идеологии «на собраниях писателей, историков, работников искусства», а также инициировать создание произведений, «правдиво отражающих историю башкирского народа, его лучшие национальные традиции, совместную с русским народом борьбу против царизма и иноземных поработителей»⁷⁸.

В мае 1945 г. на X пленуме Союза советских писателей было отмечено, что татарские литераторы «поднимали на щит ханско-феодалный эпос об Идегее и делали Золотую Орду передовым государством своего времени», нечто подобное произошло и в Башкирии с эпосом «Карасахал». Татарские и башкирские историки и литераторы «тем самым извратили историю и впали в идеализацию патриархально-феодалного прошлого»⁷⁹. Характерно, что новые тенденции в политике шли в противоречие с рекомендациями М.И. Калинина, данными в августе 1943 г.: «Напоминайте каждому бойцу о героических традициях его народа, о его прекрасном эпосе, литературе, о великих людях»⁸⁰. Оказалось, что далеко не все эпосы и «великие люди» были «полезными».

30 января 1945 г. Оргинструкторский отдел ЦК ВКП(б) направил Маленкову докладную записку «О некоторых недостатках в идеологической работе Марийской парторганизации». В этой записке было указано, что «руководители управления по делам искусств при Совнарком Марийской АССР не заметили реакционной националистической трактовки в произведениях марийских писателей, драматургов и художников», когда «вместо пропаганды исторической дружбы, связывающей марийский и русский народы, в некоторых произведениях протаскиваются националистические взгляды»⁸¹.

Неприятие даже малейшего намека на вражду народов, особенно между русским народом и другими народами СССР, находило свое выражение в отношении к отдельным работам историков. 21 февраля 1944 г. УПиА направило секретарю ЦК А.С. Щербакнову докладную записку, в которой подвергалась жесткой критике работа профессора МГУ М.Н. Тихомирова «Ледовое побоище и Раковорская битва» за утверждение, что «отношения русских князей с народами Прибалтики, якобы, преследовали грабительские цели, что русские грабили и разоряли западные области ливонов и эстов», и подчеркивание «жестокости русских в отношении жителей Прибалтики»⁸².

Особенно актуальной стала проблема борьбы с местным национализмом на западных территориях СССР, принимая во внимание отмеченный на них размах коллаборационизма и всплеск сепаратизма. К осени 1944 г. для советского руководства стало очевидным, что ситуация на западной территории СССР нестандартна. Спротивление восстановлению советских порядков там оказалось неожиданно более серьезным и активным, чем можно было ожидать от бывших пособников фашистов, полицаяв и «агентов»⁸³.

14 июня 1944 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по улучшению массово-политической работы и восстановлению учреждений народного просвещения и здравоохранения в районах Молдавской ССР, освобожденных от фашистских оккупантов». Отмечалось, что «население освобожденных районов Молдавской ССР длительное время жило в условиях оккупации, испытывало воздействие лживой фашистской пропаганды и было лишено правдивой советской информации». Ставилась задача «широко использовать факты кровавых преступлений захватчиков против советского народа, сделать их известными всему населению»⁸⁴.

9 августа было принято аналогичного содержания Постановление ЦК ВКП(б) «О ближайших задачах партийных организаций КП(б) Белоруссии в области массово-

политической и культурно-просветительской работы среди населения». В целях пропаганды предписывалось использовать доклады, газеты, подготовку и переподготовку кадров, кинематографию и т.п.⁸⁵

27 сентября 1944 г. ЦК ВКП(б) принял Постановление «О недостатках в политической работе среди населения западных областей УССР», в котором признавалась «недостаточная работа по разоблачению фашистской идеологии и враждебной народу деятельности агентов немецких захватчиков – украинско-немецких националистов». ЦК ВКП(б) обязал партийные организации западных областей УССР показать населению, что именно националисты «срывают восстановление нормальной жизни населения в западных областях Украины», «разоблачать идеологию и деятельность украинско-немецких националистов как злейших врагов украинского народа»⁸⁶. 20 января 1945 г. аналогичное постановление появляется в отношении Западной Белоруссии⁸⁷.

В повседневной пропаганде на западных территориях СССР новое звучание получила апелляция к историческим связям этих народов с Россией⁸⁸. Перед партийными организациями ставилась задача разоблачать националистов, подчеркивая их участие в преступлениях гитлеровцев⁸⁹, «воспитывать среди трудящихся чувства дружбы и благодарности к великому русскому народу», «мобилизовать традиции совместной борьбы и исторической дружбы с русским народом»⁹⁰.

С целью усиления контроля над нестабильной ситуацией на западных территориях 11 ноября 1944 г. были созданы Бюро ЦК ВКП(б) по Литве и Эстонии⁹¹, 29 декабря 1944 г. – по Латвии⁹², 13 марта 1945 г. – по Молдавии⁹³. В задачу этих органов входило, в числе прочего, «пресечение деятельности буржуазных националистов и других антисоветских элементов». С целью подготовки кадров для идеологической борьбы с националистами согласно Постановлению ЦК ВКП(б) от 23 января 1945 г., в Москве, Ленинграде и Одессе были созданы двухмесячные курсы по подготовке партийных работников для Латвийской, Литовской, Молдавской и Эстонской ССР⁹⁴.

Перед населением тыловых областей СССР проблема национализма на западных территориях, в целом, не афишировалась, так же как скрывались истинные масштабы коллаборационизма⁹⁵. 15 апреля 1944 г. центральные газеты сообщили о смерти генерала армии Н.Ф. Ватутина без объяснения ее причин⁹⁶, хотя было известно, что Ватутин пал жертвой нападения украинских националистов⁹⁷.

Одновременно с осуществлением политики борьбы против местного национализма на заключительном этапе войны были заложены основы политики борьбы с «низкопоклонством перед Западом», которая получила развитие в послевоенные годы. Были вскрыты факты «нездоровых явлений и вывихов в области идеологии» среди интеллигенции, в частности, проявившихся на IX пленуме Союза советских архитекторов, когда «выступавшие... всемерно охаивали все, что было создано усилиями нашего народа в области промышленного и гражданского строительства»⁹⁸. На основании таких фактов был сделан вывод о наличии «вредного космополитизма» в советской архитектуре, так как «значительная часть архитекторов игнорирует национальные традиции»⁹⁹. В упомянутом выше постановлении «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» осуждалась проявленная «низкопоклонства» в газете «Красная Татария», которая «признала роль Красной армии в борьбе за разгром немецко-фашистских захватчиков» и преклонялась «перед военной мощью, техникой и культурой буржуазных стран»¹⁰⁰. В основу послевоенной борьбы с «низкопоклонством», среди прочих, легли идеи о превосходстве русской науки (а также искусства, литературы и пр.), которые начали пропагандироваться в 1944–1945 гг.¹⁰¹

С одной стороны, партия ожидала более сильного роста патриотизма и национального самосознания после Великой Отечественной войны, в сравнении с тем, что произошло после Отечественной войны 1812 г.¹⁰² С другой – она этого же опасалась, так как в свое время «декабристы несли прогрессивные идеи, а сейчас просачивается реакция, капиталистическая идеология». Поэтому ставилась задача отследить, «какое впечатление остается у солдата и офицера от пребывания в иностранном государ-

стве»¹⁰³, своевременно реагировать на настроения солдат и офицеров, прибывших из освобожденных стран Европы домой¹⁰⁴. Характерно, что и гитлеровская пропаганда отмечала как важный факт то, что «русский народ получил возможность узнать, что представляет собой Западная Европа»¹⁰⁵. Борьба с «низкопоклонством», которая получила развитие в послевоенное время, может быть связана с противодействием «плану Даллеса» – якобы датированной 1945 годом разработке американских спецслужб по морально-политическому разложению советского народа в послевоенные годы. Однако сам этот документ, в существовании которого убеждены многие пишущие о нем авторы, до сих пор не представлен¹⁰⁶.

В конце войны произошло общее охлаждение пыла антигерманской пропаганды и перевод ее с национальных на классовые рельсы¹⁰⁷. Сталин подчеркнул, что «советские люди ненавидят немецких захватчиков не потому, что они люди чужой нации, а потому, что они принесли нашему народу и всем свободолюбивым народам неисчислимые бедствия и страдания»¹⁰⁸. Особенно ярко изменение политики по отношению к немецкой нации проявилось в «осаждении» И.Г. Эренбурга – одного из главных апологетов антинемецкой пропаганды. В опубликованной 11 апреля 1945 г. статье «Хватит!» Эренбург в привычном для него стиле писал о том, что «Германии нет: есть колоссальная шайка, которая разбегается, когда речь заходит об ответственности», а также выдал ряд других суждений, в которых фактически призывал к поголовной ответственности всех немцев за преступления гитлеровского режима¹⁰⁹. В ответ 14 апреля 1945 г. начальник УПиА Г.Ф. Александров опубликовал статью под красноречивым названием «Товарищ Эренбург упрощает», в которой подверг жесткой критике тезис Эренбурга о том, что «все немцы одинаковы и что все они в одинаковой мере будут отвечать за преступления гитлеровцев». Также неправильной была признана точка зрения Эренбурга о том, «что все население Германии должно разделить судьбу гитлеровской клики». Александров подчеркнул, что «Красная армия... никогда не ставила и не ставит своей целью истребить немецкий народ»¹¹⁰. Характерно, что гитлеровцы пытались обратить антинемецкую риторику советской пропаганды в своих целях. В приказе Гитлера от 1 января 1945 г. говорилось, что «сталинский придворный лакей Илья Эренбург заявляет, что германский народ должен быть уничтожен»¹¹¹. Гитлеровские пропагандисты разжигали слухи о том, что «Красная армия будет всех поголовно истреблять». Эти слухи инспирировали самоубийства среди мирного населения Германии, в том числе и целыми семьями¹¹².

В то же время, советское руководство не могло допустить никакого германофильства, которое немедленно осуждалось как «низкопоклонство». В 1944 г. сам начальник УПиА Александров был подвергнут жесткой критике за чрезмерное восхищение немецкими философами, в том числе Г. Гегелем и И. Фихте, обнаруженное в подготовленном с участием Александрова 3-м томе «Истории философии»¹¹³.

Таким образом, в заключительный период Великой Отечественной войны произошло выравнивание возникшего на предыдущих этапах идеологического крена в сторону усиления русского национального фактора. Нельзя полностью согласиться с мнением, что «по окончании войны... прекратилась пропаганда русской национальной гордости, величия и патриотизма как источника высокого морального духа и самопожертвования»¹¹⁴, но снижение накала такой пропаганды очевидно. Руководство страны беспокоило возможный всплеск национализма среди народов СССР, поэтому оно стало опасаться, что «дальнейшая пропаганда идей русского великодержавия вызовет обратную реакцию других народов и создаст угрозу целостности большевистской империи»¹¹⁵.

Национальная политика советского руководства была пересмотрена в пользу укрепления базовых принципов «советского патриотизма», якобы в одинаковой мере свойственного всем народам СССР. Русский народ теперь использовался в основном не как нечто самоценное, а как «цементирующий», государствообразующий фактор. Следует согласиться с мнением, что интернациональные основания коммунистической власти в СССР остались незыблемыми. Советское руководство идентифицировало себя «с великодержавной империей, а не с русской идеей в ее бердяевском понимании»; вожди

«ясно отдавали себе отчет в том, что одного лишь русского национализма мало для того, чтобы удержать вместе народы советской империи»¹¹⁶. Национальная политика стала склоняться к использованию концепции «советского народа как новой исторической общности», впервые отчетливо выраженной в выступлении М.В. Нечкиной на совещании историков в ЦК ВКП(б) летом 1944 г. В этом выступлении утверждалось: «Советский народ – это не нация, а какая-то более высокая, принципиально новая, недавно возникшая в истории человечества прочнейшая общность людей. Она объединена единством территории, принципиально новой общей хозяйственной системой, советским строем, какой-то единой новой культурой несмотря на многочисленность языков. Однако это не нация, а нечто новое и более высокое»¹¹⁷.

Борьба с местным национализмом была усилена, особенно на западных территориях СССР, с целью укрепления «советского патриотизма» и целостности страны. Была осознана опасность «низкопоклонства перед Западом». Руководство страны стояло перед необходимостью идеологически и психологически компенсировать страшные жертвы и потери, понесенные народами страны во время войны, и пышной фразеологией прикрыть низкий жизненный уровень в СССР, который особенно бросался в глаза офицерам и солдатам после знакомства с жизнью стран Европы¹¹⁸. Такое знакомство вызывало у советских воинов «психологическую переориентацию личности»¹¹⁹, представлявшую определенную опасность для режима. Под предлогом преодоления «низкопоклонства» и «космополитизма»¹²⁰, советскому руководству на последнем этапе войны и сразу же после войны пришлось начать борьбу с положительным образом стран-союзников, в первую очередь, США, который во время войны активно создавался самой советской пропагандой¹²¹.

Антигерманская пропаганда была приглушена. Нагнетание ненависти и мстительности по отношению к вражеской нации становилось нецелесообразным, поскольку могло повести к усилению сопротивления наступающим советским войскам. Советское руководство понимало необходимость иметь дело с немецким народом и после войны. Поэтому важно было сохранить взвешенный и гуманный подход к немецкой нации.

Примечания

¹ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 146.

² *Артемьев А.П.* Братский боевой союз народов СССР в Великой Отечественной войне. М., 1975. С. 58–59, 89; *Жилин П., Артемьев А.* Боевое содружество народов СССР в Великой Отечественной войне // *Коммунист.* 1972. № 13. С. 80.

³ *Известия.* 1944. 5 марта.

⁴ *Правда.* 1944. 23 марта; 1945. 5 мая; 1945. 17 мая.

⁵ *Симонов К.* Глазами человека моего поколения. М., 1990. С. 186.

⁶ *Искусство кино.* 1990. № 5. С. 6.

⁷ *Правда.* 1944. 15 марта.

⁸ Там же. 1944. 27 октября.

⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 211, л. 63.

¹⁰ *Правда.* 1945. 28 января.

¹¹ *Соловьев В.* Великий государь. М., 1944.

¹² *Известия.* 1945. 25 мая.

¹³ *Лебедев В.* Великий русский народ – выдающаяся нация и руководящая сила Советского Союза // *Пропагандист.* 1945. № 16. С. 7.

¹⁴ Стенограмма совещания по вопросам истории СССР и ЦК ВКП(б) в 1944 году // *Вопросы истории.* 1996. № 5–6. С. 10.

¹⁵ *История Казахской ССР.* Алма-Ата, 1943.

¹⁶ Обсуждение в редакции «Исторического журнала» книги «История Казахской ССР» // *Исторический журнал.* 1943. № 11–12. С. 88–89.

¹⁷ Докладная записка Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) «О настроениях великодержавного шовинизма среди части историков», 18 мая 1944 г. // *Вопросы истории.* 1991. № 1. С. 202–204.

- ¹⁸ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) летом 1944 года // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 60.
- ¹⁹ Письмо А.М. Панкратовой на имя А.А. Жданова, 2 марта 1944 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 224, л. 1.
- ²⁰ Там же, л. 75 об.
- ²¹ Там же, д. 226, л. 3–4.
- ²² Там же, л. 1–2.
- ²³ Там же, л. 71–72.
- ²⁴ Вопросы истории. 1991. № 1. С. 190–204.
- ²⁵ *Каганович Б.С.* Евгений Викторович Тарле и петербургская школа историков. СПб., 1996. С. 84.
- ²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 222, л. 2–3, 5–7.
- ²⁷ Там же, л. 12, 26, 30, 36.
- ²⁸ См.: Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 году // Вопросы истории. 1996. № 2. С. 51.
- ²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 340, л. 66–67.
- ³⁰ *Лившин А.Я., Орлов И.Б.* Пропаганда и политическая социализация // Отечественная история. 2008. № 1. С. 101.
- ³¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 221, л. 18.
- ³² Литературная газета. 1945. 22 апреля.
- ³³ *Пастернак Е.Б.* Борис Пастернак. Биография. М., 1997. С. 593.
- ³⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 352, л. 118–119.
- ³⁵ Об идеологической работе парторганизаций // Партийное строительство. 1944. № 15–16. С. 4–8.
- ³⁶ *Панкратова А.* Великий русский народ и его роль в истории. М., 1946. С. 7.
- ³⁷ *Майстренко И.* Национальная политика КПСС в ее историческом развитии. Мюнхен, 1978. С. 147.
- ³⁸ *Чуковский К.* Дневник 1930–1969. М., 1994. С. 214.
- ³⁹ *Кардашов И.* Ленин и Сталин о советском патриотизме // Агитатор и пропагандист Красной Армии. 1944. № 19–20. С. 15.
- ⁴⁰ Правда. 1945. 17 мая.
- ⁴¹ *Панкратова А.* Великое прошлое советского народа. М., 1949.
- ⁴² Правда. 1944. 11 ноября.
- ⁴³ Там же. 1945. 22 января.
- ⁴⁴ Там же. 1945. 13 апреля.
- ⁴⁵ *Пономарев А.Н.* Александр Щербаков: страницы биографии. М., 2004. С. 195.
- ⁴⁶ РГАСПИ, ф. 386, оп. 1, д. 24, л. 11.
- ⁴⁷ Известия. 1944. 3 февраля.
- ⁴⁸ Важнейшие законы и постановления Советского государства во время Великой Отечественной войны. М., 1946. С. 22–23.
- ⁴⁹ Известия. 1944. 2 февраля.
- ⁵⁰ *Трайнин И.П.* Новая ступень в развитии советского государства // Агитатор и пропагандист Красной Армии. 1944. № 5. С. 15.
- ⁵¹ *Васецкий Г.* Новый шаг вперед в разрешении национального вопроса в СССР // Под знаменем марксизма. 1944. № 2–3. С. 11.
- ⁵² *Трайнин И.П.* Развитие советского многонационального государства // Агитатор. 1944. № 7. С. 37.
- ⁵³ Известия АН СССР. Отделение экономики и права. 1945. № 3. С. 16.
- ⁵⁴ *Трайнин И.П.* Развитие советского многонационального государства // Агитатор. 1944. № 7. С. 37.
- ⁵⁵ *Кошелев Ф.* Победа ленинско-сталинской национальной политики // Пограничник. 1945. № 1. С. 17.
- ⁵⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 242, л. 11.
- ⁵⁷ *Кочеткова Т.Ю.* Вопросы создания ООН и современная дипломатия // Отечественная история. 1995. № 1. С. 35.
- ⁵⁸ *Кирсанов Н.А.* Национальные формирования Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–45 гг. // Отечественная история. 1995. № 4. С. 124.
- ⁵⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 163, д. 1445, л. 170.
- ⁶⁰ *Simon G.* Nationalism and Policy Toward the Nationalities of the Soviet Union. From Totalitarian Dictatorship to Post-Stalinist Society. Boulder; San Francisco; Oxford, 1991. P. 190.

- ⁶¹ *Безугольный А.Ю.* Народы Кавказа и Красная армия. М., 2007. С. 189.
- ⁶² Конституция СССР. М., 1978.
- ⁶³ Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении ордена Богдана Хмельницкого // Красная звезда. 1943. 11 октября.
- ⁶⁴ Красная звезда. 1943. 12 октября.
- ⁶⁵ Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б) – ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 1999. С. 499.
- ⁶⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 212, л. 159–160.
- ⁶⁷ Там же, л. 3–4.
- ⁶⁸ Там же, л. 159–160.
- ⁶⁹ Правда. 1943. 16 апреля.
- ⁷⁰ Красная звезда. 1943. 21 апреля.
- ⁷¹ *Фадеев А.А.* О советском патриотизме и национальной гордости народов СССР // Пропагандист. 1943. № 11. С. 3–4.
- ⁷² РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 212, л. 65.
- ⁷³ *Сталин И.В.* Об антиленинских ошибках и националистических извращениях киноповести Довженко «Украина в огне». Публикация и вступительная статья А. Латышева // Искусство кино. 1990. № 4. С. 91.
- ⁷⁴ Власть и художественная интеллигенция. С. 525.
- ⁷⁵ *Жуков Ю.Н.* Тайны Кремля: Сталин, Молотов, Берия, Маленков. М., 2000. С. 279.
- ⁷⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 290, л. 1, 4, 6, 7–8.
- ⁷⁷ Там же, оп. 117, д. 432, л. 167–168.
- ⁷⁸ Там же, оп. 116, д. 199, л. 28.
- ⁷⁹ Литературная газета. 1945. 17 мая.
- ⁸⁰ *Калинин М.И.* Единая боевая семья. М., 1943. С. 14.
- ⁸¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 311, л. 27.
- ⁸² Там же, д. 212, л. 175–176.
- ⁸³ *Зубкова Е.Н.* Прибалтика и Кремль. М., 2008. С. 224.
- ⁸⁴ РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 155, л. 5–9.
- ⁸⁵ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 7. М., 1985. С. 506–512.
- ⁸⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 116, д. 175, л. 4–9.
- ⁸⁷ Там же, д. 198, л. 27–31.
- ⁸⁸ Правда. 1944. 2 декабря.
- ⁸⁹ Постановление ЦК ВКП(б) от 9 ноября 1944 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 464, л. 16; Постановление ЦК ВКП(б) от 10 ноября 1944 г. // РГАСПИ, ф. 17, оп. 117, д. 460, л. 8.
- ⁹⁰ Там же, ф. 597, оп. 1, д. 3, л. 35.
- ⁹¹ Там же, ф. 17, оп. 3, д. 1051, л. 36–37.
- ⁹² Там же, л. 58.
- ⁹³ Там же, оп. 163, д. 1437, л. 53–54.
- ⁹⁴ Там же, оп. 116, д. 196, л. 59–60.
- ⁹⁵ Правда. 1944. 3 июня.
- ⁹⁶ Там же. 1944. 15 апреля.
- ⁹⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 125, д. 637, л. 14.
- ⁹⁸ Там же, д. 212, л. 173–174.
- ⁹⁹ Там же, д. 221, л. 81.
- ¹⁰⁰ Там же, оп. 117, д. 432, л. 169.
- ¹⁰¹ Правда. 1944. 7 июня.
- ¹⁰² *Митин М.* Победа идеологии дружбы народов над идеологией звериного национализма фашистов // Большевик. 1944. № 21. С. 32.
- ¹⁰³ РГАСПИ, ф. 386, оп. 1. д. 24, л. 12 об.–13.
- ¹⁰⁴ Там же. д. 25, л. 4 об. – 5.
- ¹⁰⁵ Там же, ф. 17, оп. 125, д. 235, л. 200.
- ¹⁰⁶ Пресловутый «план Даллеса»: фальшивка или нет? // Экономическая и философская газета. 2008. № 1–6.
- ¹⁰⁷ *Сомов В.А.* Образ врага в сознании гражданского населения в годы Великой Отечественной войны // «Наш» и «чужие» в российском историческом сознании. Мат-лы междунар. научн. конф, СПб., 2001. С. 265.
- ¹⁰⁸ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. С. 161.
- ¹⁰⁹ Красная звезда. 1945. 11 апреля.

¹¹⁰ Правда. 1945. 14 апреля.

¹¹¹ Пономарев А.Н. Александр Щербаков: страницы биографии. М., 2004. С. 217.

¹¹² ГА РФ, ф. 9401, оп. 2, д. 93, л. 334–335.

¹¹³ О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX вв. // Большевик. 1944. № 7–8. С. 14–19.

¹¹⁴ Попович Н. Советская политика по укреплению русского патриотизма и самосознания (1935–1945 гг.) // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М., 1994. С. 474.

¹¹⁵ Костырченко Г. В плену у «красного фараона». Политические преследования евреев в СССР в последнее сталинское десятилетие. М., 1994. С. 22–23.

¹¹⁶ Люкс Л. Еврейский вопрос в политике Сталина // Вопросы истории. 1999. № 7. С. 45.

¹¹⁷ Новые документы о совещании историков в ЦК ВКП(б) летом 1944 года // Вопросы истории. 1988. № 11. С. 80.

¹¹⁸ Синявский А. Русский национализм // Синтаксис. 1989. № 26. С. 96.

¹¹⁹ Зубкова Е.Ю. Общество и реформы 1945–1964 гг. М., 1993. С. 23.

¹²⁰ Балтийский Н. О патриотизме // Новое время. 1945. № 5.

¹²¹ Лившин А.Я., Орлов И.Б. Указ. соч. С. 104.

Война и гражданское население

«ВЕСЬ НАРОД СИЛЬНО СДАЛ ТЕЛОМ»:

Война и советский тыл глазами инженера И. А. Харкевича

Среди документального наследия 1930–1940-х гг. особую ценность представляют дневниковые записи рядовых советских людей. Если источники личного происхождения видных общественно-политических деятелей, ученых, писателей получили широкую известность, то дневники «простых» граждан практически не введены в научный оборот¹. Изначально по своей социальной природе эта группа нарративных источников малочисленна, и тем большую научную и общественную значимость они имеют. Дневники несут в себе огромный пласт уникальной информации, который невозможно обнаружить ни в одном другом историческом источнике этого периода. Они позволяют увидеть происходившие в стране и мире события глазами простого человека, раскрывают его отношение к политике, проводимой властью, рисуют широкую картину повседневной жизни советского общества. На протяжении долгого времени среднестатистический советский гражданин был обделен вниманием исследователей². Голос обыкновенного человека терялся в массе официальных постановлений и резолюций.

Предлагаемый вниманию читателей дневник, написанный инженером Иваном Андреевичем Харкевичем (1898–1991), как раз и позволяет «услышать» один из таких «голосов». Автор дневника родился в Бугуруслане (Самарская губ.). Детство и юность провел в Самаре. Завершив учебу в реальном училище, стал студентом одного из самарских вузов. С установлением в Самаре антисоветской власти, был мобилизован в белую армию, и вместе с ней попал в Сибирь. В военных действиях участия не принимал и после разгрома войск Колчака был принят добровольцем в Красную армию. В 1920 г. как бывший студент был откомандирован на учебу в Сибирский технологический институт (Томск). В 1926 г. завершил учебу и получил квалификацию инженера, устроился на машиностроительный завод в г. Людиново (Московская обл.). Проявив себя профессиональным инженером в 1932 г. был направлен на автозавод в Нижнем Новгороде, который 7 октября 1932 г. был переименован в г. Горький. Участвовал в становлении теплоэнергетического цеха (ТЭЦ), возглавляя его до 1938 г., когда был внезапно уволен с завода с «перспективой» стать одним из репрессированных. Случайно от этого его уберегла болезнь и связанная с ней операция, проходившая в Москве. После выздоровления остался в Нижнем Новгороде и устроился рядовым инженером-

теплотехником на заводе «Красная Этна»³. В дальнейшем он не менял места работы и более 30 лет проработал главным энергетиком завода, заслужив глубокое уважение, авторитет и признание как высокопрофессиональный специалист-энергетик, умелый руководитель, проявляющий внимание к своим подчиненным и коллегам по работе. После тяжелой операции вышел на пенсию.

Дневник хранится в архиве семьи Глинеров, а его копия – в фондах музея истории ОАО «ГАЗ». Источник был обнаружен в личных бумагах автора. Дневник представляет собой общую тетрадь, имеет рукописную форму и охватывает сложный и полный драматизма период – предвоенного времени и часть «военного лихолетья» (первая запись датируется – 8 мая 1938 г., последняя – 28 октября 1943 г.). Вероятно, имелись и другие дневниковые записи, которые обнаружить не удалось. Автор, как правило, всегда точно фиксирует дату, редко ставит лишь месяц и год. Записи носят регулярный характер с 8 мая до 5 июля 1938 г., затем – перерыв до октября, ноябрь и декабрь 1938 г. пропущены. Автор вернулся к дневнику лишь в январе 1939 г., до 20 мая 1939 г. записи фиксируются лишь по месяцам, затем – вновь почти двухгодичный перерыв, и достаточно регулярно события начинают фиксироваться в дневнике с 23 июня 1941 г. до 28 октября 1943 г.

Содержание дневника многопланово – в нем нашли отражение различные вопросы производственной жизни, бытовые зарисовки, даны оценки общественно-политической ситуации в стране. Полны трагизма записи 1938 г., связанные с переживаниями автора после его увольнения с автозавода, когда он ожидал скорого ареста. Удивительно откровенны и бесстрашны его мысли в отношении политики репрессий. Человек, стоящий на грани пропасти, прекрасно осознавая, что дневник может стать весомой уликой против него, отмечает (запись от 22 мая 1938 г.): «Одного заявления достаточно, чтоб надежно упрятали. Что такое творится в эти годы 37 и 38, неужели наши вожди не видят. Сколько гадости и низости вокруг этого истребления кадров. Трагедия в том, что страна уничтожает свои кадры и лучшие к тому, своим собственным оружием. Неужто это направляют иностранные контрразведки. Если это они, то чистая и талантливая работа с их стороны. Но с нашей стороны тогда что?!». Чрезвычайно интересны замечания И.А. Харкевича относительно причин так называемого «вредительства» на производстве, когда непрофессионализм рабочих и ИТР, приводивший к поломке оборудования и долгим производственным простоям, списывался на козни «врагов народа».

Записи 1941–1943 гг., которые и предлагаются вниманию читателей, передают жизнь крупного тылового промышленного центра в условиях военного времени. В дневнике отразились драматические события, связанные с эвакуацией населения из Москвы, которое проходило через г. Горький. Автор оставил подробные зарисовки массовых авиационных налетов на город. Большой научный интерес представляют его записи относительно бомбежек лета 1943 г., позволяющие полнее реконструировать картину массовых налетов немецкой авиации на Автозавод. Емкие замечания И.А. Харкевича дают характеристику отдельным аспектам системы взаимоотношений власти и общества.

Текст печатается с сокращениями, сокращенные места отмечены троеточием, взятым в угловые скобки: {...}; восстановленные слова воспроизводятся в квадратных скобках, не разобранные слова отмечены троеточием, взятым в квадратные скобки: [...]; авторская датировка записей и орфография в основном сохранены, пунктуация выправлена в соответствии с современными требованиями.

Публикацию подготовили кандидат исторических наук А.А. Гордин (Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет), доктор технических наук Р.Е. Глинер (Нижегородский государственный технический университет), Н.В. Колесникова (Музей истории ОАО «ГАЗ»).

23 июня 41 г.

Давно не писал, даже финские события как-то не отметил в записках, но что произошло вчера, заставило снова взяться за записи и урывать на это время.

Был выходной день вчера, ковырялся я в огороде. Чудесный летний день. Чтоб не скучно было работать в огороде, поставил ближе к окну радиоприемник. Передавали много музыки, наших советских песен и маршей [чувствовалось] хорошо в этот летний день. Вдруг музыка прервалась и диктор сообщил что сейчас выступит заместитель председателя Совета Народных Комиссаров – нарком индел т. Молотов. Предчувствуя, что должно последовать что-то важное позвал Лелю⁴ к радиоприемнику, пришла Стася и Надежда Михайловна⁵. Снова диктор провозгласил внимание и выступил Вячеслав Михайлович. То, что он сообщил, было страшно, и яркий день поник. Началась война с фашистской Германией. Германия вероломно нарушила договор, внезапно напала на Союз, на рассвете в 4 часа германские самолеты начали бомбить Киев, Одессу, Севастополь, Житомир и др. наши города. Уже первые 200 жертв пали от руки немцев. О сволочь Гитлер, будь он бесконечно проклят. Все возможные меры были приняты, нашим Правительством, чтоб сохранить мир народам СССР, но война разразилась, на нас напали внезапно, на нас напала страна, заключившая с нами договор о ненападении.

Вячеслав Михайлович кончил свое сообщение, призвав народ на защиту своей родины, уже гремели по радио из Москвы веселые боевые песни и марши. Тихо сидели вокруг радиоприемника Леля, Стася и Надежда Михайловна и плакали. Тяжесть легла на сердце, померкнул яркий летний день. Что-то будет? И какие ужасы принесет нам эта война – не нужна она нам, но, видно, воевать придется. Наталка с удивлением глядит на нас, почему все плачут и все так грустны. Говорю ей, что пришла война, что пришло много горя и слез для нашей родины, и эти горе и слезы принес для нас Гитлер.

Скоро позвонили с завода по телефону и срочно вызвали на завод. Собрался весь командный состав завода в кабинет к Директору. Все сумрачны и у всех озабоченность и тяжесть на сердце; уже приказ о мобилизации издан, многие получают повестки и сколько не вернется больше никогда в свой город к своей семье. Молодые здоровые сложат свои головы из-за того, что какой-то сволочи со своими капиталистами захотелось управлять всеми мирами.

На заводе спешно принялись за светомаскировку, в городе объявлено «УП»⁶.

Сделали все необходимое в части маскировки, долго сидели молча в кабинете директора в полголоса разговаривали о войне. Вероятно, так хотели до конца войны сидеть. Потом Директор зачитал приказ с концовкой «по законам военного времени» и не велел уходить с завода до его разрешения. Эх-ма! Много сейчас пойдет бестолковщины и ерунды. Целый день просидели вокруг директора без дела и толку. Леля в надежде на скорый мой приход ушла в театр (билет был взят заблаговременно) и Наташка⁷ осталась дома одна. Болит за нее душа. Скорее бы домой, но уходить с завода не дают. Еле вырвался с завода в первом часу ночи и побежал домой. Черт бы взял этот театр!

Когда шел до трамвая по Инструментальному, за рекой стояло зарево пожара. Кому-то двойное несчастье: война, да еще и пожар! Уж заполыхают теперь пожары на нашей земле. Но не долго! Верится, что наши дадут сокрушительный удар. Ведь недаром мы подтягивали пояса почти десять лет. Эти соки, вложенные нами, пойдут на удар. Немцы получат по зубам и будут выброшены назад – это не царская Россия! Воевать будут на чужой территории, на немецкой!

29 июня 41 г.

Ну, война сильно ощущается! Суматохи и бестолковщины хватает. На заводе [роем] щели – укрытие. Налет самолетов возможен. Время еле хватает спать, но про-

ходит бестолково. Много уже товарищей ушло с завода, берут и рабочих и ИТР, нужна [спешная] мобилизация.

Сплошь и рядом видишь, как провожают своего отца, мужа, сына. Идет он с котомкой за ним плачущая жена и ребятишки. Видно по лицу его как болит у него душа, какие невеселые думы у него в голове, суждено ли ему вернуться, снова увидеть своих малышей и жену?! Какой кошмар снова будет у нас в стране, не удалось нам сохранить мирную жизнь!

Вводят одиннадцатичасовой рабочий день в спеццехах, отпуска отменили⁸, в магазинах наступает пустота. Все это еще ничего, но нужно ожидать худшего. Сообщения по радио неутешительные: наша армия отступает под натиском немцев. Сжимается сердце, когда слушаешь сообщения о военных действиях. Жмут наших, остался уже ряд городов, бои идут на нашей территории, на минском, лужком и черновицком направлениях. Наша авиация бомбит Бухарест, Плоешти и Констанцу⁹. Очевидно, придется отступать до старой нашей границы. Там враг встретит полосу укреплений и получит отпор. Победа должна быть за нами, несмотря на временные наши неудачи.

4 июля 1941 г.

30 июня образовался Государственный комитет обороны в виду чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР. В комитет вошли Сталин (председатель), Молотов, Ворошилов, Маленков и Берия.

Вчера по радио выступил т. Сталин. Речь чрезвычайно суровая и мобилизующая, положение видимо на фронте очень тяжелое, и наши войска непрерывно отступают на восток, оказывая упорное сопротивление немцу. Сталин призвал к организации партизанских отрядов в тылу противника и разрушении при отступлении, чтобы ничего не доставалось врагу. Вторая Отечественная война разгорается не на шутку. Немец нацеливает свои удары на Киев и Смоленск. Ему не приходится двигаться победным маршем, так как он шел по Европе, но, тем не менее, видимо наши войска непрерывно отступают.

Идет усиленная мобилизация в группы самозащиты от воздушного нападения, проходит мобилизация доноров. С завода уходят все новые и новые люди, уже многие пропали без вести и не подают о себе никаких вестей.

Уже есть разговоры о беженцах или их сейчас зовут эвакуированные. Волна народного горя и слез растет с каждым днем.

23 июля.

Немец вчера сделал впервые налет на Москву, как рассказывают приехавшие из Москвы, налет был весьма серьезным: пострадало много заводов и домов. Сбрасывались массами зажигательные бомбы и фугасные. Ну, теперь нужно ждать в Горький! Армия наша непрерывно [отступает], уже оставлена масса городов и сел. Что-то война идет на нашей территории. Неужели мы ничего не можем противопоставить врагу? Где же наши могучие средства обороны, за счет создания которых мы усиленно подтягивали ремни у штанов?

Радиоприемники у нас отобрали, хожу слушать радио на улицу. На поселке поставили радиорепродуктор – мрачный голос войны разносится целый день.

Каждое утро народ стоит у репродуктора и слушает мрачные новости об оставлении наших городов. Но сколько нам не сообщается Совинформбюро! Народ приучается уже читать между строк и делать свои выводы и заключения, так растут слухи. Москва называет новое телеграфное агентство О.Г.Г. (одна гражданка говорила).

По призыву Сталина идет запись в ополчение. На заводе мы также записались в ополчение. Придется на старости лет еще разок повоевать!

Англия еще в первые дни войны выступила с заявлением о помощи нам¹⁰. Так заявил Черчилль. Следовательно, и Америка на нашей стороне, но как будет от них приходиться помощь? Ну, что-то будет дальше?

14 октября.

Что происходит страшное, немец подходит к самой Москве безудержно, и мы не можем задержать его. Немного задержали у Ельни, это ободрило всех, но началось новое отступление наших войск. Уже взяты Орел, Брянск, Ржев, Вязьма. Враг двигается на Тулу и Серпухов, он берет Москву в громадные «клещи», обтекая ее с севера и с юга. Неужели падет Москва. На сердце тяжело и горько. Немец у ворот Москвы! У Ржева фронт прорван. Из Ржева приехал один врач, который бежал ночью без всего и почти в одном сапоге. Бедные беженцы, сколько их и бегут без всего, теряя даже детей. Неужели и мы очутимся в таком же положении, неужели СССР не сможет ничего [противопоставить] немцу? Истинную картину себе трудно представить. Сводки Совинформбюро очень скупы и обходят многое молчанием. На вокзале масса эвакуированных, рассказы их полны ужасов, горя и нагоняют тоску¹¹. <...>

Ну, да долой эти мрачные мысли. СССР не должна погибнуть подобно Франции!

19 октября.

Москва тронулась. По московскому шоссе в 4 ряда идут автомашины с Наркомами и всяким начальством. Везут барахло, собачек. Вереницей идут пешеходы с рюкзаками за плечами. У «А» шофер привезший Лизу рассказывал, что в Москве хаос, громят мяскокомбинат и магазины. Совнарком выпустил постановление о выдаче расчета всем рабочим. Правда ли это? Часть правительства съехала, все дипломатические корпуса и т.д., неужели Москву готовят к сдаче?

20 октября.

Вчера было воскресенье, пошел на разведку узнать, что делается на вокзале и пристанях. Погода мрачная весь день шел мокрый снег. От московского шоссе идут вереницы машин со всяким скарбом и беженцами. На узлах сидят, покрывшись одеялами высшие чины из НКВД с ромбами и шпалами, на простых грузовиках – бедные замерзшие ребятишки с посинелыми личиками среди наспех набросанных узлов и разного скарба. Тихий ужас! Неужели это полное падение СССР! Неужели возможно, чтобы все наше рухнуло, культура, наш строй?! Как болит все время душа от тех ужасов, что видишь.

На пристани что-то ужасное. Народу тьма, у касс идет рукопашная. Крики, брань, истерические вопли и бедные, бедные несчастные дети! Счастьем считают, что получают билет на верхней палубе на пароход идущий вниз по Волге.

Идет хорошо одетая женщина и тащит за руки 2-х ребятишек, кое-как волочит за собой корзину и портфель. Слезы текут по щекам, ребятишки тоже плачут. Беру у ней корзину и помогаю нести. Она беженка из Рязани, жена работника НКВД получила через НКВД билет на верхней палубе. Нет, Лелю пускать со Стасей в Сталинград не буду! Пустить в эту кашу с Наталкой – это на верную гибель! Будь что будет! Как я жалею, что не отправил их летом в Сибирь. По железной дороге выехать сейчас невозможно. От этих забот потерял сон и аппетит. Бедные мои Наталка и Леля! О себе думать нечего, раз враг будет в Горьком, будем воевать, но что будет с моими дорогими мне людьми. Они без меня совсем будут одни.

На заводе работа идет. Топлива у нас горы – самого хорошего угля навезли за лето. Кормят хорошо: мясом и белым хлебом. Ждем со дня на день налета немцев.

6 ноября.

Ну, наконец, война и нас покрыла своим крылом. Пережили жуткие дни. Началось 4 ноября часа в 3 дня. Был очень облачный день, облака плыли низко. Была объявлена воздушная тревога, и мы заняли свои места на крыше, стали наблюдать. Били зенитные орудия заградительным огнем и по всему городу. Вскоре над инструментальным поселком вывалился самолет Ю-88 (2-х моторный) с крестами и свастикой на хвосте. Встреченный разрывами зениток он быстро снова ушел в облака. Потом снова самолет появился над заводом, я ожидал, что вот-вот бросит бомбы,

было жутковато. Самолет еще один бросился в юго-западную сторону, очень низко летя над [«Гвоздилкой»].

Вслед за ним гнал наш «Ястребок». Уже за [«Гвоздилкой»] «Ястребок» вдруг резко пошел вниз, сбитый, очевидно, пушкой с самолета, а «немец» спокойно развернулся и пошел заходом на «Двигатель Революции»¹². Вскоре раздался грохот сброшенных бомб и поднялись столбы дыма и пламени.

Отбомбившись на станкозаводе¹³, двигателе Революции и на Автозаводе, шла очень быстро и низко, так, что зенитки не могли доставать их за крышами домов, пятерка Юнкерсов-88. Они шли к Волжскому мосту, но там их встретили зенитки и пулеметы. По городу же и заводам пулеметы, видимо, отсутствовали и это так: сегодня зенитчики у механика заказывали еще треноги для зенитных пулеметов. Немец вел себя хозяином и бомбил на выбор. Пострадали: «Двигатель Революции», слегка Автозавод, завод [им. Ленина]¹⁴.

Там погибло почти все руководство: они по воздушной тревоге собрались на командном пункте, куда и ввалилась тонная бомба. В городе на улицах из пулеметов немцы обстреляли народ и несколько бомб сбросили без всякого результата около мостов. Уже жертв и разрушений много везде. Немец хозяйничал не спеша, летал низко и бил наверняка. Отбомбившись на Автозаводе, немец низко по крышам домов прогрохотал над американским поселком¹⁵, набросал бомб по восточному поселку¹⁶ и Карповке, разрушив ряд домиков. Когда стемнело, часов в восемь вечера снова началась зенитная стрельба. Погода разъяснилась и стояла морозная лунная ночь. Стрельба затихла, я поехал домой. Не успел поехать по приезде, как была объявлена воздушная тревога и началась усиленная зенитная стрельба. Мы все пошли в щель. Бедные мои дорогие мои, как болит душа за вас! Наташа перенесла довольно спокойно и мужественно. Леля также мужественно переносит опасность. Не успели еще разместиться в щели, как в южной части нашего поселка вспыхнул пожар и усиленно падали бомбы, грохоча разрывами. Всю ночь была бомбежка автозавода, 12 часов просидели в щели и вышли лишь под утро, когда объявили отбой. Возникло ряд пожаров, бомбы попали в цеха автозавода, несколько попало в ТЭЦ, но не взорвались.

День 5-го пошел спокойно, ночь снова лунная и снова объявлена воздушная тревога, снова забились в щель, как тараканы, снова жуткая ночь, во время которой все новые и новые эшелоны самолетов сбрасывали бомбы над северной частью автозавода и Соцгородом¹⁷. Грохот от бомб, грохот от зениток. Душа болит за своих дорогих. Перебросил их с вещичками кое-какими в город к Павлу Петровичу. Что-то будет дальше? Москву немец захватывает в громадные «клещи», вокруг города Горького народ с заводов роет укрепления, Москву если возьмет, двинется на Горький. Укрепляют город как будто бы надежно, но что будет с жителями в этом городе¹⁸. Как ругаю себя, что не отправил своих в Сибирь к Галине. День прошел сегодня спокойно, что принесет с собой ночь. {...}

[ноябрь]

В день годовщины революции слушали речь Сталина. Речь бодрая ни тени паники и вливается надежда, что наши дела поправятся. И в ночь на 15 был налет, били зенитки, прилетел самолет и сбросил бомбы у Сортировочной. Выступал по радио председатель Горсовета и сообщил горьковчанам, что бомбы упали вовсе не на жителей и заводы, а на огороды. Лучше бы уж не выступал с брехней, если об этом говорить не следует.

А вообще жутко. Совинформбюро занято мелкими эпизодами, которые никто не слушает и не читает. О действительном положении молчит и в этом жуть и ужас. Ползут слухи, из Москвы продолжают бежать что-то ожидает нашу страну?! После речи Сталина вливается уверенность, что все «рассосется». Эх, если бы так!

Встречаем зиму. Нынче она будет ранняя и, нужно полагать, суровая. Ноябрь стоит весь морозный. Топливо есть, дома тепло. Кормят достаточно хорошо, на базаре продуктов много и [они] достаточно дешево. Лишь бы немцев погнали назад.

7 декабря.

Получены радостные [вести] с фронтов, немцев поперли от Москвы, стало веселей на душе. Морозы стояли свирепейшие – это здорово помогает нашим, уже взяты крайние города, взятые немцами. Дело принимает уже радостный оборот, если так пойдет дальше. «Непобедимые» армады Гитлера получили, наконец, по зубам и начинают «смазывать пятки». Не пришлось Гитлеру принимать парад на Красной площади, не придется теперь совсем.

1 января 1942 г.

Немцев беспрерывно теснят назад, освобождены массы городов и сел. «Непобедимые» гитлеровцы бегут, бросая технику, которая к нашим морозам и снегам «мало привышна». Москвы Гитлеру теперь не выдать настроение у народа идет на подъем. Веселей заниматься делом, появляется перспектива. В Горьком зимовать будем на верняка.

20 января.

Наш напор слабеет, сводки уже не включают в себя новых городов и сел, взятых Красной армией. Наши стоят под Ржевом, Вязьмой, близко от Смоленска и Орла. Тульская область, Калининская область почти очищены от немцев, трофеи, но самое главное наступил наш черед бить немцев и их «непобедимость». Для всего мира стало ясно, что есть сила, которая смогла противостоять непобедимой немецкой технике. Морозищи стоят небывалые все время: 35–40 ниже нуля.

6 февраля.

Немец нас не забывает: в ночь с 4 февраля на 5/II прилетел на большой высоте, с выключенными моторами вышел на цель, сбросил 3 бомбы на цех моторов и смотался, но попал довольно здорово: линия коленчатого вала выведена из строя. 5 февраля снова налет, снова на большой высоте, с выключенными моторами вышел на цель – автозавод и сбросил 3 бомбы, попали на дорогу, одна кладовища убита. Народу много погибло с 4-го на 5/II. (...) Морозище стоит свирепый 38–40°C. Вестей хороших с фронтов нет, но нет и плохих. Идут разные разговоры, что наши армии двигаются вперед и об этом только не сообщают, сообщат сразу ко дню красной армии. Что-то плохо верится. Видно, наше наступление остановилось.

[28 февраля]

Снова воздушная тревога, но все как будто бы благополучно. Из-за мороза в щель уже не ходим, сидим дома в коридоре и ждем своей участи. Я к тому же болен гриппом и осложнился плеврит. Кормят на заводе одной водянистой лапшой, недостаток продуктов сильно сказывается. Хлеб только черный. С такого питания после болезни сил не наберешь. 23 февраля никаких, конечно, сногшибательных сообщений не было. Взятые какие-то 3 незначительных пункта. Наступление окончательно остановилось. На юге наш фронт идет через Лозовую, Ростов-Дон снова в наших руках. Ленинград продолжает оставаться в окружении.

15 апреля.

Сегодня день рождения моей дочки, ей исполняется 7 лет. Мать из кожи лезет, чтоб устроить праздник. Бедная мобилизует все средства, но получается вообще убого, а по нынешним временам все-таки роскошно: и белые булочки и чай с сахаром. У Наталки предстоит целое собрание на 15 персон, оживлена ужасно и ждет с нетерпением вечера. Мамаша кряхтит, ее запасы, при всей скудности, пострадают.

Мне нужно сегодня прийти пораньше, чтоб наладить патефон со сломанной пружиной и помочь матери.

Подарил я Наталке дешевенькую брошку – синего жука – убогий подарок – много ничего нет по магазинам, война все проглотила. Дочка же подарком была довольна, несмотря на его убогость – для меня это главное.

Празднование рождения дочки для меня сорвалось, приехал Замнаркома Кучумов и назначено совещание на 8 часов вечера.

На совещание, а баня для всех нас, в том числе и для директора. Программу завод выполняет похабно и плохо по боеприпасам. Трудности на каждом шагу, но хуже всего душит транспорт. Осталось 19 машин на весь завод, вместо пяти десятков. Нет тары. Топлива не стало для котельной, торф на болоте, цеха простаивают из-за нехватки пара по 2–3 дня в неделю. Ввели график, чтоб организовать простой, дабы меньше они влияли на невыполнение программы. Тяжело... но из этого положения нужно вылезать!

Кучумов хорошо и мобилизующее говорил о нашем долге в отношении фронта. Правильно заметил, что выполнение программы на 90% зависит от завода, но все же 10% внешних причин, в том числе нужно считать и топливо, тянут завод к низу, демобилизуют руководящий состав и, следовательно, весь коллектив.

[Слюнтяйничать] нельзя, пасовать перед трудностями также нельзя, необходимо, как говорят, ковать победу над немцами, но... трудностей все больше и больше.

С болью в сердце думается о будущей зиме. Топлива нужно 13 000 тонн, уголь нужно завезти по железной дороге, но поступлений никаких. Тяжелая [предстоит] жизнь летом, зимой жизнь будет сплошной каторгой. Лишь бы зима была не суровой! Приложим все силы, чтоб [то,] что зависит от нас – сделать!

Характерная особенность бросается в глаза на нашем совещании: за столом сидит замнаркома – тучный [обрюзгший], хотя и сравнительно молодой, с 2-мя орденами, рядом упитанный директор завода (Романов), главный инженер неплохой упитанности, секретарь парткома (Новиков), розовый как поросенок и совсем упитанный секретарь обкома по промышленности (Кочетков), а, напротив, через стол – руководители цехов и отделов: бледные, с обтянутыми скулами и провалившимися глазами. Весь народ сильно сдал телом. Трудно и очень трудно, особенно для некоторых рабочих. Питание очень и очень слабоватое. Лапша «домашняя» с водой без признака жиров и овощей и хлеб. Но с тем, что творится в осажденном Ленинграде, находимся в лучших условиях. Конечно из тех же продуктов с добавлением только лука можно значительно улучшить питание, но общественное питание и не работало хорошо, отвратительно работало и будет также плохо работать и дальше. Все построено на отсутствии заботы заинтересованности в том, чтоб улучшить, на самоснабжении и воров и вопиющем нарыве на теле СССР – «блате». Слаба наша экономическая система была до войны, а к войне и вовсе не приспособлена. Старая [...] царская Россия четыре года воевала, а экономика в стране держалась сносно, в смысле обеспечения населения продовольствием, и условия тогда не идут ни в какое сравнение с тяжелыми теперешними, даже если для сравнения взять конец 16-го. В чем же дело? Где причины?

Кончилось совещание около часа ночи, домой добрался во втором. Наташа спит не раздеваясь, на автозаводе положение № 1 – ждут налета, но нужно полагать не будет. Ночь темная никаких ориентиров не найдут. Было объявлено положение № 1 и днем – [...] где-то на подступах к Горькому кружились самолеты немцев. Погода была ясная. Становится тревожнее, чем [...]. Зимой до 4 февраля совсем успокоилось и даже слишком. До боли сжимается сердце за мою дорогую Наталку и ее мамку. <...>

1 июня 1942.

В ночь на 30 мая был налет, появились несколько самолетов. Сбросили фугасные и зажигательные бомбы в районах Ратманихи¹⁹ и Костарихи²⁰, а также в щитках²¹. Есть жертвы, [лето] для нас начинается плохо. На фронте удручающая неясность и, видимо, [наши] дела [не важны].

23 июня.

В ночь на 23 июня налет на завод № 21. Сбросил. 4 бомбы упали в картошку. Это дело для нас подходящее, пускай продолжает в том же духе. Советская картошка не так уже дорога, чтоб за ней лететь 800 км. и израсходовать пару тонн бензина и тонну бомб.

25 июня.

Сегодня ночью в 1 час 50 мин. воздушная тревога – прошла спокойно. В 7 час. 50 мин. забухали зенитки и снова объявили воздушную тревогу. Видно разведчики – можно бы было обойтись без такого «торжества», как объявление воздушной тревоги.

26 июня.

Сегодня в ночь в 1 час 45 минут снова воздушная тревога. Прошла довольно спокойно: постреляли, а бомб не было. В 7 час. 20 мин. снова воздушная тревога, но без стрельбы. Небо ясное. Наши истребители бороздят высоту. <...>

5 июля.

Еду в Москву на коллегию НКСМ с Черкасовым. Для хорошего не вызовут – будут мылить голову, очевидно, за мазут – и много расходует, и в стране мазуту нет. Немец вроде жмет.

7 июля.

Немцы перешли в наступление и крепко жмут наших. Сегодня проснулся в гостинице и услышал по радио. Наши войска оставили ряд городов и в том числе Старый Оскол. Похоже Барвенковское направление – направление Сталинградское и немец поперет на Волгу. Черт его удержит по степным местам. Все условия для его танков и самолетов.

27 июля.

Дела наши на фронте плохи. Немец нас не забывает – сегодня днем воздушная тревога в 9 ч. [20] мин. Началась и в 10.20 кончилась. Может быть, упражняется не кстаті наше МПВО и так на душе плохо, а тут еще нервы рвут. <...>

3 сентября.

Ночью опять воздушная тревога в 1 ч. 40 мин. Окончилась в 2 ч. 30 мин. Прошло спокойно. На фронте так погано, что писать не хочется. Бедный Сталинград!

22 сентября.

15 месяцев войны, да какой войны: ужасной, кровопролитной. Днем короткая воздушная тревога. Сильная облачность. Стрельбы зениток не было – самолеты не появлялись!

12 октября.

Был в Москве. Сильно избили, что ничего не делается на заводе по мазуту – по переводу печей на дрова. Немец лезет на Кавказ, дела наши никудышны. Ко всему сторел [Волочильный] цех – дотла. Еще забота и еще беда.

30 октября.

Сегодня в ночь две воздушных тревоги в 22.30 и оконч. 23 ч. 30 м., потом в 4 час и конец в 5 час. Стрельба небольшая из зениток, но ночь бессонная. Слухи есть, что наши начинают жать немца.

6 ноября.

В ночь была воздушная тревога. Ночь темная и звездная, нач. 2 ч. 15 мин., ок. 4 час. 15 мин. Прилетело несколько самолетов. Сбросили осветительные ракеты и бомбили Чкаловскую улицу в Канавине²², стекло набито по всей улице, но есть и жертвы. С праздником «поздравляет» и не забывает нас.

Декабрь 1942 г.

Слухи подтвердились. Оказывается наши перешли в наступление еще 19 ноября и сильно дали по зубам немцам. Отлегло от души. Враг опрокинут. Газеты полны из-

вестиями о наших победах. С нетерпением ждем сообщений в «последний час». Наша армия второй раз доказывает немцу, что «непобедимость» его сомнительна. {...}

1 января 1943 г.

Новый год – разгром немцев продолжается. Здорово им попало. Скромно встретили новый год. Лелюша кое-чего сделала. Пили кофе с сахаром и лепешками из ржаной муки. Есть какие-то надежды, что немца окончательно разобьют. Хорошо бы, чтоб новый год был последним годом этой проклятой войны. Милая моя Леля, как она похудела, жалко смотреть на нее. Стала ворчливой и сердитой. Все чаще ссоримся мы с ней, т.к. ее воркотня плохо мной переносится. Даю себе обещание не раздражаться, но [...] организм сдает. Чаще прихварываю, нервишки плохо терпят, грублю Леле и после раскаиваюсь, что не сдерживаюсь.

3 января.

Сообщили итоги первых 6 недель боев под Сталинградом. Разгром под Сталинградом причисляется к классическим. За 6 недель разгромлено 36 дивизий, из них 6 танковых. Немцы потеряли убитыми 175 тысяч солдат и офицеров, 137 650 взято в плен. Окружены 22 немецких дивизии!

5 февраля.

Немцам, взятым в кольцо предложили сдаться, но они отказались. Кр. Армия 10 января перешла в наступление и начала генеральную атаку. 2 февраля закончилось одно из крупных сражений в истории войн. Германская армия разгромлена под Сталинградом окончательно во главе с фельдмаршалом Паулюсом, попавшим в плен. На снимках Паулюс сидит на допросе у Воронова²³. Морда свирепая у этой сволочи. На его душе тысячи загубленных наших и немцев. Помимо Паулюса взято в плен 23 генерала, более 2 500 офицеров, 91 000 солдат. {...}

15 апреля.

Дочке 8 лет. Очень скудно отметили это событие. Мамка на этот раз ничего не могла собрать и только дочке испекла маленькую белую булочку.

17 апреля.

В 4 часа объявлена воздушная тревога. Дежурил на заводе, начинается сезон. Зенитки били со стороны Балахны²⁴, отбой в 5 час. 08 мин. В 5 час. 45 мин. снова забухали зенитки, но уже рядом с заводом, выскочил на вышку. Ясно был виден самолет, который летел с юго-востока в редких облаках. Вслед за ним 6 час. появились наши истребители. На фронтах без перемен.

5 мая.

Наконец тревожения земельные кончились и за нами закрепили участки. Рою как крот. Нынешний год посадили с Лелей столько картошки, чтоб и зимой хватило и на семена. Еще отдает свой участок Ксения Александровна. Работы хватает.

10 мая.

Начали сажать картошку на участке Литейного. Сажали яровизированными семенами. Еще на Кр. Этне нужно засадить участок. Работы по горло и еле разгибаюсь от копки. Участок Литейного вскопал, за ним 466 завода, а дальше Кс. Ал-на. Когда-то попаду на Кр. Этну и далеко и не сподручно. {...}

2 июня.

В 6 час. редкая стрельба из зениток над Автозаводом. Разрывы высоко. Видимо прилетал немецкий разведчик. Черт бы подрал этих немцев, не дают покою. Поговаривают, что готовят немцы налет на Горький, на фронтах спокойно, ну они и пощупают тылы.

5 июня.

Теплая и тихая летняя ночь, ни облачка, все небо усыпано звездами, на западе еще не потухла вечерняя заря. В 0 час. по радио завывала сирена воздушной тревоги. Было тихо, зенитки огня не открывали, и город притаился во тьме. Я вышел из дома, побродил вокруг дома и думал, что так и пройдет. Прошло с полчаса и в отдалении забухали зенитки. Стрельба все приближалась к нашему району. Вдруг с неба яркие звездочки, и через несколько минут штук по 20 осветительных ракет повисло в различных местах над Автозаводом. Наш поселочек был осветлен как днем. Красноватый свет заливал всю местность, при этом свете можно было разбирать мелкую печать. Зенитный огонь усилился и вслед за этим послышался рев самолетов выходящих из пике. Послышался нарастающий свист бомб и грохот разрывов. Первые бомбы упали в ТЭЦ, с тяжелым сердцем смотрел я на пламя, которое взвилось над котельной. Столбы пламени под грохот взрывов поднялись и в других частях Автозавода. Сразу целая огненная стена выросла над Автозаводом, таких налетов еще не было. Чувствовалось, что налет массовый, т.к. рев самолетов слышался один за другим, за ним свист бомб и грохот разрывов. Немцы неистово бомбили по образовавшимся огненным ориентирам, одновременно бомбя шоссе и дороги вокруг завода и поселков. Зрелище жуткое. Жители нашего поселка, в том числе и Леля с Наталкой, не успели уйти в щели и стояли в коридорах и лестничных клетках. Наши домики вздрагивали и тряслись при каждом взрыве близко упавших бомб. Чтоб не поранило стеклом от взрыва упавшей бомбы, мы с Лелей залезли в подполье. Боязно было, что дом загорится, и мы попадем в подполье, как мыши в мышеловке. Я все время стоял наготове, что вытащить своих дорогих. В довершении всего сильно мигнул свет, напряжение упало до нуля, но потом восстановилось и снова упало до нуля, свет погас. Очевидно, повредило линию 115 кв., а может быть и самую ТЭЦ. Зенитки били, но не очень интенсивно. Чувствовалась слабая защита. От каждого близкого взрыва бомб сыпалась земля в подполье и ныло сердце за моих дорогих Лелю и Наташу. <...>

К двум часам ночи реже стали взрывы бомб, море огня полыхало над Автозаводом. Зенитки стали бить реже. Скоро все затихло, восток разгорался зарей. Тишина стояла непривычная, не слышно шума завода, доносились голоса людей, гудки автомашин. Дым стелился сплошным облаком чуть гонимым, предутренным ветерком.

Бедной Карповке сильно досталось. Вся она расположена вдоль шоссе и немец бомбя шоссе, разносил близстоящие домишки. Бросал бомбы 100 и 250 кг. Бомба 250 кг. упала в центр шоссе против детского сада на расстоянии 20 метр. от него, но все стекла по какой-то случайности остались целы. Отбой объявили в 2 часа и он, уцелевшим, измученным людям, показался небесной музкой. Мы уложили Наталку в постель, она довольно хорошо переносит бомбежку и проспала на этот раз на низенькой табуреточке и на маминых коленях. Бедная моя Леля измучилась за ночь, но внешне была спокойна.

Восток разгорался зарей, а с запада нашего поселка полыхало море огня, заливаемое едкими струями пожарных машин из пожарных водоемов. Воды не было, водозабор стоял и замер весь громадный наш завод. Мы забылись тревожным и тяжелым сном²⁵.

6 июня.

Аккуратно в 0 час. завывала сирена по радио и была объявлена воздушная тревога. Немец принялся за нас всерьез. Есть слухи, что прошлую ночь Автозавод бомбило 50–60 самолетов. Жертв много и разрушений столько, сколько не было ни в один из предыдущих налетов. Мы сегодня уже ушли в щель. Бомбежка была снова жестокой. У меня на коленях спала дочка, и я просидел почти все время в щели. Оборона была усилена танками, их автоматические пушки и пулеметы (американские танки) стучали непрерывно, и огонь переходил в сплошной рев, когда самолет пикировал поблизости. Перед рассветом стал затихать зенитный огонь и реже слышались взрывы бомб.

Снова море огня над Автозаводом. Нет ни энергии, ни воды и даже радио прекратило свое действие. Кое-как узнали об отбое в 2 часа. Дело принимает тяжелый оборот. Бедные мои Наташа и Леля, нужно их убрать из поселка. Под воскресенье немец тоже летает. Это было в первый раз. Ранее он нас никогда не тревожил в воскресные дни. Налет был снова массовым, бомбил снова Автозавод, Соцгород. Сжег часть Монастырки²⁶, разрушил часть Поликлиники. Много жертв и разрушений. Зенитки действовали слабовато.

7 июня.

Снова воздушная тревога. Аккуратно в 0 час. объявили ее. Налет был массовым, слухи есть, что было 100–150 самолетов. Меня как на грех еще хворь накрыла – геморрой, черт бы его побрал, давно не было ничего, а тут еще до бомбежки он меня начал беспокоить. Спасаемся все у П.П. Тихомирова, в Канавине на ярмарке²⁷ за толстыми стенами церковного дома. Видно было, как повесил снова ракеты над Автозаводом Соцгородом. Опять громадный пожар. В Канавине спокойнее. Дочь и Леля в нижнем этаже дома. Наталка спит. Снова значительные разрушения, видимо, наши не в состоянии задержать немца, защита города плоховата и он хозяйничает, добывает завод. Снова основательно досталось Автозаводу (море огня), снова бомбил Соцгород, Монастырку, попало и американскому поселку. Около нашей картошки против дома упала бомба кгр. 100. У всего нашего дома повынесло рамы и стекла. Моя квартира не пострадала, ее прикрыл дровяной сарай.

8 июня.

Снова налет. Воздушную тревогу объявили в 0 час. 10 мин. Через 20 минут после объявления воздушной тревоги были сброшены осветительные ракеты штук 20–25. Налет был, по-видимому, небольшим, прорвалось немного самолетов, но вели они себя так, чтоб была видимость большого налета: зажгли несколько очагов пожара – в Соцгороде, на Щитках; в Горьком – в конце Краснофлотской, были сброшены ряд фугасных бомб. От Станкозавода до Ворошиловского поселка (в лесу у Кр. Этны) немцы сбросили целую серию зажигалок, видимо мелких. Удачно упали на землю и несколько минут горели целой полосой. На земле остались после них только выжженные пятна травы. Была летняя теплая ночь с небольшой облачностью. Наши крупнокалиберные пулеметы ловко расстреливали осветительные ракеты. Кроме того, не то домовая завеса, не то дым пожарищ тушил падающие осветительные ракеты. Когда они попадали в эту полосу дыма, то светили не сильнее полярной звезды.

В 2 часа 20 мин. был объявлен желанный отбой. Сразу же пошли спать. Люди достаточно поизмотались и валяются с ног от усталости.

9 июня.

В ночь на 9 июня в 0 час. 10 мин. Объявлена воздушная тревога. Летняя тихая ночь, город притаился во тьме. Тревога прошла тихо, без единого выстрела зениток. Видимо на подступах завернули всех назад. Желанный отбой был объявлен в 0 час. 55 мин. Пошли с радостью и спокойствием спать, больше уже не прилетит. На рассвете не рискнет немец и побоится наших истребителей.

За Лелю и Наталку я спокоен, все-таки на ярмарке спокойнее, особенно за толстыми стенами старинного соборного дома²⁸. Там стены толщиной два метра. Нахожусь на заводе на казарменном положении.

10 июня.

В 0 час 55 мин. забухали зенитки и зашарили по небу прожекторы. Ждали все время с неба «гостинцев», но постреляли минут 5 и все успокоилось. Мы отправились спать, но в 1 час 45 мин. снова поднялась стрельба из зениток и поиски прожекторов. С треском били наши: южная и северная дальнобойные зенитные батареи. Через 5 минут стрельба прекратилась, и остаток ночи проспали спокойно. Начинаем приспосабливаться: высыпаемся до 24 часов, если разбудят ночью, как успокоится – засыпаем

мгновенно. Времена беспокойные, но народ в большинстве мужественно переносит невзгоды. Даже наша милая Настя связная и то мало дрейфит.

11 июня.

Поспал до 24 часов, а в полночь просыпаюсь как по заказу. Воздушную тревогу объявили в 0 час. 20 мин. Только кончила выть сирена, и перестали тревожные гудки, как с неба посыпались осветительные ракеты и сильно забухали со всех сторон зенитки. Мы все (Леся, Наташа и я) были на Американском, они сидели в щели, я вылезал время от времени и глядел на обстановку, боялся, чтоб не загорел наш дом. Кое-что смог бы предпринять для спасения барахла. Правда, теплые вещи мы заложили в погреб, а не то останешься на зиму голым.

Много бомб было сброшено на самый завод (немец методически стремится его разрушить, несмотря на довольно усилившуюся защиту). Досталось и Соцгороду, северному поселку, но особенно немец навалился, на гавань. Сильный заградительный огонь над заводом отжал самолеты к востоку – к реке. Фугасные и зажигательные бомбы, предназначавшиеся заводу, повалились на бараки и маленькие домики гаваньского поселка²⁹. Море огня и дыма, с крыши нашего дома все хорошо видно. Непрерывно доносится звенящий свист бомб, грохот разрыва и тут же встают к небу столбы дыма и пламени. Картина жуткая и потрясающая, особенно, когда вспомнишь о наших женщинах и детях. Какое бессмысленное истребление и применение творений ума человеческого?! Сплошное море огня по всему горизонту, начиная с северного поселка завода и кончая гаванью. Сплошная стена огня и дыма, стоящая в воздухе тихой летней ночи.

В 2 часа 45 мин. был объявлен отбой, под картавый звук пионерского горна. Но этот сигнал показался измученным женщинам и детишкам небесной музыкой, они гурьбой вылезают из щелей, волоча за собой узлы и мешки. Все рады одному – что уцелели.

Моя милая Наталка с улыбкой на заспанном личике – она преспокойно проспала всю тревогу, несмотря на грохот разрывов и рев зениток. Тоненькая шейка и улыбающееся личико, тронутое летним загаром, веселые глаза, вызывают у меня в горле спазм и слезы подступают к глазам. Что-то готовит нам судьба. Мамка измучена, но внешне спокойна и держится хорошо.

Невольно думается, что многие на гавани, на заводе и поселках уже не увидят больше ласкового солнышка, их стащат украдкой в сараи и зарюют, где-нибудь в братской могиле наспех и украдкой, чтоб осталось неизвестным число жертв.

На гавани и на заводе, а также и на поселках тушат пожары, слышны крики, гудки машин, воды не хватает. Неприятное и жуткое молчание выведенного из строя завода. Гулко раздаются голоса людей на рассвете летнего пригожего дня. Небо заволочло дымом грандиозного пожарища. Завод молчит. Засыпаем каменным, но в то же время чутким сном.

13 июня.

12 и 13 июня ночи прошли спокойно, но не верится, что немец окончательно успокоился. Леся и Наташа ночуют на ярмарке, днем приезжают на поселок. Леся день возится с огородами, а на ночь все уходим: я на завод дежурить, а Леся с Наталкой – спасаться на ярмарку. Вереницы людей на трамваях, с котомками за плечами, с тележками идут по шоссе подальше от Автозаводского р-на – кто в Горький, кто в Канавино, Ленинский городок, на Этну и т.д. Многие совсем уезжают в деревню.

14 июня.

Снова была беспокойная ночь. В 0 час. 03 мин. объявили воздушную тревогу. Опять засияли над городом и Автозаводом осветительные немецкие ракеты, плавно и торжественно спускающиеся на парашютах. Вслед за ними повалились на здания и на людей фугасные и зажигательные бомбы, опять ряд громадных очагов пожара запылала над Горьким, над Станкозаводом, Двигателем революции, Карповкой и Автозаводом. Немец долбит систематически и настойчиво Автозавод – видно поставил себе задачу вывести его совсем из строя, а мы не можем ему создать основательных

и надежных препятствий. Волна за волной подходят самолеты, вздрагивает земля от взрывов бомб, и взлетают к небу столбы пламени.

Сижу на заводской вышке, наблюдаю за ходом бомбежки, и результаты наблюдений передаю по телефону директору завода. Зрелище жуткое – это страдает наша страна! При падении бомб взрывная волна довольно основательно долетает до нас. Когда бомбили за лесочком Ворошиловского поселка (там несколько юных воронок), взрывной волной захлопывало тяжелую дверь нашей блиндированной будки. Если бомба упадет поблизости – нас сдует сверху, как тараканов, вместе с нашей блиндированной будкой. От осколков своих зарядов она защищает надежно.

За моих дорогих я спокоен, т.к. в том районе, где они все спокойно.

Зазвучал горн отбоя в 2 часа 30 мин.

Опасность воздушного нападения миновала – отбой! Засыпаем тяжелым мертвым сном. В очагах поражения люди продолжают бороться с пожаром, извлекают из-под обломков раненных и убитых. Ох, много их за эти жуткие дни! Несмотря на измученность, мне не спится. Встаю и еду на Американский посмотреть, что с домом. Дом цел, но один дом против Речкиных сгорел – попала в него зажигательная тяжелая бомба. Речкины на улице, домишка их расшиблен – штукатурка обвалилась, почти нет ни единого стекла. Догорает пожар. Люди не пострадали – сидели в щелях. Иду досыпать домой остаток тревожной ночи.

Барометр резко упал, видно будет гроза. {...}

16 июня.

Смотрел сегодня свои посевы, картошка на всех наших участках взошла раньше и лучше всех соседних – это агрономические успехи моей Лелюши. Все посажено яровизированными семенами, результаты хорошие!

Один участок Ксении [Александровны] в середине и низине весь залит водой – целое озеро! Там посажена сахарная свекла, но как видно все пропало. В последнюю бомбежку разбило водопроводную магистраль, всю низину затопило.

Ночь на 16/VI лунная, 85% диска, но прошла спокойно.

17 июня.

Снова спокойная ночь. Небо затянуло облаками. Самое опасное время с 22 ч. и до 2 ч. лил дождь. Блаженствуем и ночуем дома. Сейчас такие ночи для нас лучше!

[июнь]

Пока все ночи спокойные, луна. Тихо и небольшая облачность. Погода отличная, но ничто не радует, кругом ходит смерть и разрушение. Наталка весела и радостна. Бомбежка на нее не оказала действия. Ее курносый нос задорно поднят кверху. Мамка озабоченная, не забывает ругать меня. Воды на поселке нет – пьем из канавы и на огород, таскаю также из канавы. Свету нет.

21 июня.

Ночь лунная, отдельные легкие облачка. В 0 час. 20 мин. объявили воздушную тревогу. Все прошло спокойно. Зенитки не стреляли и самолеты не появлялись. В 1 час. 10 мин. отбой и голос диктора спокойно пожелал идти по домам. Остатки ночи спали спокойно.

Днем прилетал разведчик, бухали зенитки, население, занятое своими делами, мало обращало на это внимания: в белый день и разведчик не бомбит, но предзнаменование это не хорошее. Как бы этот разведчик не прилетел на следующую ночь, чтоб сбросить осветительные ракеты над тем местом, где он побывал днем. Истребители кинулись за ним, но видно, он ушел от них.

22 июня 1943 г.

2 года тяжелой, кровопролитной и ужасной войны, развязанной и навязанной нам немцами. О сволочь Гитлер!

Ждем рокового часа. У всех предчувствие, что эта ночь не будет спокойной. Немец обязательно постарается напасть в годовщину начала войны.

Воздушную тревогу объявили в 0 час. 10 мин, летают, сукины дети, пунктуально!

Мы заняли свои места, нас очень мало наблюдателей: я и еще трое, ну да хватит. Посылаю для связи двоих на командный пункт и остаюсь еще с одним.

Осветительные ракеты посыпались близко от нашего завода и засияли, как паникадило. Завод стал виден, как на ладони, все корпуса стояли освещенные [осветительными] ракетами, медленно спускающимися на парашютах. Даже мелкую печать можно было разобрать при этой освещенности. Забухали со всех сторон зенитки, разрывая тишину летней ночи. По обеим сторонам нашего завода с треском, сотрясая здания, били зенитные батареи, ставя заградительный огонь. {...}

Бомбежка была крайне жестокой. Тонные фугасные бомбы, предназначавшиеся, видимо, нашему заводу, попали на улицу возле бараков поселка «Металлист». Шлепнулись в болото у Дачного поселка. Видимо, огонь двух дальнобойных тяжелых батарей сильно отжимал к востоку самолеты и не давал им снижаться, поэтому бомбили с большой высоты и с малой точностью. Применялись зажигательные бомбы, которые от электрозапала рвались на высоте 300–400 метров, и горящая зажигательная жидкость бриллиантовым дождем лилась с неба. В небе плавали осветительные ракеты, их сшибали из крупнокалиберных пулеметов. Тысячи трассирующих пуль всевозможных цветов чертили воздух. Зенитки непрерывно грохотали и непрерывно слышались свист и разрывы бомб, а след возникали новые и новые очаги пожара. Горизонт был весь в огне.

Около 3-х часов в воздухе зареяли красные ракеты (как оказалось после, немцы предупреждали своих о появлении в небе наших ночных истребителей). Реже стал огонь зениток – самолеты уходили, уже не слышно было разрыва бомб. В тишине летней ночи раздавались отдельные выстрелы зениток, да уже слышался встревоженный людской муравейник. Гудели автомашины. Начинаясь рассвет.

Распорядившись о пуске котельной, остановленной на время бомбежки, я поспешил, чтоб уехать с главным инженером и директором на Автозавод. Все мы спешим, чтоб узнать, что с нашими домами. За Лелю и Наталку я был спокоен, район ярмарки был вне бомбежки.

Поехали сначала в Ленинский городок, люди там уже тушили пожар, от большинства деревянных 2-х этажных домов остались только печи да трубы. На месте одного дома стояла как-то боком железная кровать и на ней в позе спящего человека лежал обугленный труп не то женщины, не то мужчины. Когда мы под'езжали к дому, где жил наш начальник ОРС'а разорвалась бомба замедленного действия. Чуть не вылетели стекла в нашей машине – дунуло солидно, хорошо, что стекла были опущены. Опустошение немец произвел большое, и жители пережили тяжелую ночь. Всю войну Ленинский городок не бомбили, щели тут обсыпались и спастись в них было нельзя. Начальник ОРС'а³⁰ погорел – остался в одном пальто, но он все ценное повывез в деревню – мужик жох – не пропадет.

Поехали на Автозавод – горизонт застлан стеной дыма, слева шоссе горела Молитовка и ярким столбом пылали «Коморки», горело на Станкозаводе, на Двигателе, на Карповке, на Американском (не знал цел ли наш домишка – все барахло погорит, останешься ни с чем). Ярко горел Автозавод, Соцгород или щитки и горел Северный поселок³¹. Я выскочил из машины на повороте на Американский и побежал домой, не зная цел ли дом. Нововосточный поселок был залит как в половодье, видимо разбило водопроводную магистраль, несчастные огороды были залиты сплошь, от дровяных сараюшек остался только ряд куч железа, склад был разворочен взрывной волной. Сразу и не признал этого места. Меня подсадил в машину Дамбург, тоже спешил узнать, что дома. Семья у него переживала страшную ночь на поселке, а сам он на Автозаводе. Доехал и пошел смотреть разрушения, наш дом цел и невредим. {...}

1 июля.

Все спокойно, немец больше не летает.

11 июля.

Немец перешел в наступление на Курском направлении, видимо и бомбил то нас для морального эффекта – обработка тылов перед наступлением. Наши части слегка теснятся. Немец открывает летнее наступление, что-то будет?

На Орловско-Курском и Белгородском направлении, начиная с 5/VII идут ожесточенные бои. Немец применяет какие-то технические новинки. Наши войска прочно удерживают свои позиции, уничтожая живую силу и технику врага.

22 июля.

Наши части к северу от Орла на 15 клм. на восток 18 клм. Пока дела у немцев далеко не наступательные.

26 июля.

Муссолини подал в отставку. Король Италии принял ее и поручил Бадوليو формировать новый кабинет. Один зубр фашизма свалился, скорее бы очередь за другими, да и войне бы конец. Все настроены радостно и появляется надежды на скорое окончание нашей горькой доли.

6 августа.

Сообщение о взятии Орла и Белгорода. Настроение у всех приподнятое. Летнее наступление немцам определенно не удастся.

12 августа.

Взят Чугуев, наши идут на Запад. {...}

28 октября.

Мороз –6 С, близится 3-я военная зима. Какая-то она будет – топлива в запасах мало, торфа почти нет и подача его идет медленно. Лишь бы зима помягче. По всей вероятности зима будет мягкой.

Примечания

¹ Ряд дневников в последнее время был опубликован в многотомном издании «Власть и общество. Российская провинция». В частности, см.: *Гордин А.А., Колесникова Н.В.* Дневник советского инженера В.А. Лапшина // Власть и общество. Российская провинция. 1930 г. – июнь 1941 г. Т. 2. М., 2005. С. 763–817; *Гордин А.А., Колесникова Н.В.* Военная «повседневность» глазами автозаводцев (дневники В.А. Лапшина и И.И. Пермовского) // Там же. Июнь 1941 г. – 1953 г. Т. 3. М., 2005. С. 750–912; *Киселев В.П.* Война и жизнь в представлении 20-летних фронтовиков (из моего дневника) // Там же. С. 998–1038.

² *Соколов А.К.* Социальная история России новейшего времени: проблемы методологии и источниковедения // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999. С.69.

³ «Красная Этна» – завод, специализировавшийся на выпуске автономалей, в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. одно из крупнейших предприятий по производству 50-мм и 82-мм мин.

⁴ Жена И.А. Харкевича.

⁵ Родные и близкие семьи И.А. Харкевича.

⁶ Угрожаемое положение.

⁷ Дочь И.А. Харкевича.

⁸ 26 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». В целях обеспечения выполнения производственных заданий в условиях войны директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли с разрешения СНК СССР предоставлялось право устанавливать для всех или части рабочих и служащих обязательные сверхурочные работы

продолжительностью от одного до трех часов в день. Оплата обязательных сверхурочных работ производилась в полуторном размере. Одновременно были отменены очередные и дополнительные отпуска с заменой их денежной компенсацией. См.: СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Краткая хроника). М., 1970. С. 20.

⁹ Советская дальнебомбардировочная авиация совместно с ВВС ВМФ СССР нанесла удары по нефтеперегонным заводам Бухареста, Плоешти, а также по базе румынского флота – Констанце. См.: СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Краткая хроника). С. 20; Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. М., 1985. С. 37.

¹⁰ 22 июня 1941 г. правительство Англии официально заявило о своей готовности оказать помощь Советскому Союзу в его борьбе против Германии.

¹¹ С июля 1941 г. через г. Горький шло движение эвакуируемых из центральных районов Европейской России, особенно из Москвы, людей и грузов. В городе был создан эвакуационный пункт и эвакуобазы (в речном порту) для обслуживания и распределения потока эвакуируемых. До конца навигации 1941 г. горьковский порт принимал санитарно-транспортные суда с ранеными.

¹² «Двигатель революции» – завод, в годы войны выпускавший полковые 120-мм и 160-мм минометы, а также реактивные снаряды для «катюш».

¹³ Станкозавод – Горьковский завод фрезерных станков, в годы войны специализировался на выпуске установок реактивной артиллерии, корпусов 50-мм мин, камер сгорания, автоматов ПППШ.

¹⁴ Завод имени Ленина выпускал дивизионные, армейские и фронтовые радиостанции, являлся крупнейшим изготовителем переговорных устройств для самолетов, танков, бронепоездов.

¹⁵ Американский поселок – жилой массив в г. Горьком, состоявший из коттеджей, домов-коммун, имевший разветвленную социальную инфраструктуру, построенный для иностранных специалистов и рабочих в начале 1930 г.; располагался в юго-восточной части Автозаводского района, прилегающей к р. Оке. После 1937–1938 гг., когда оставшиеся на автозаводе иностранные специалисты были репрессированы, поселок был заселен советскими ИТР.

¹⁶ Восточный поселок – барачный жилой массив, располагался в восточной части Автозаводского района, примыкал к Северному поселку.

¹⁷ Соцгород (социалистический город) – жилые кварталы Автозавода. Название дали строители завода в 1930 г., одновременно возводившие и рабочий поселок.

¹⁸ В связи с наступлением немецких войск на Москву в Горьком 23 октября 1941 г. был создан Горьковский комитет обороны (председатель – М.И. Родионов). В октябре 1941 г. – январе 1942 г. на подступах к городу велось оборонительное строительство. См.: Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия. С. 215.

¹⁹ Ратманиха – деревня, располагавшаяся у Московского шоссе вдоль проспекта Героев. Вошла в состав Канавино в 1922 г.

²⁰ Костариха – поселок и железнодорожная станция в Канавино, между Московским шоссе и пос. Березовский.

²¹ Вероятно, имеется в виду так называемый щитковый поселок Автозавода, который располагался за Соцгородом.

²² Канавино – район г. Горького, прилегающий к Стрелке на левом берегу Оки. В 1925–1929 гг. был самостоятельным городом, затем вошел в состав Нижнего Новгорода.

²³ Воронов Николай Николаевич (1899–1968) – главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1965). С начала войны начальник Главного управления ПВО страны, с июля 1941 г. начальник артиллерии советской армии. Осуществлял общее руководство операцией по ликвидации окруженной под Сталинградом немецкой группировки.

²⁴ Балахна – город на Волге в 35 км к северо-западу от Нижнего Новгорода.

²⁵ В ночь с 4 на 5 июня 1943 г. началась массированная бомбардировка немецкой авиацией Автозавода. Немецким летчикам была поставлена задача полностью уничтожить предприятие. Согласно немецким агентурным данным ГАЗ считался головным предприятием по выпуску танков Т-34 (*Дегтев Д.М.* Удар германских ВВС по Горьковскому автозаводу в июне 1943 г. в свете новых исторических документов // IX сессия молодых ученых. Гуманитар. науки. Тезисы докладов. Н.Новгород, 2005. С. 18). В действительности автозавод производил танки Т-70, бронемашину, грузовики, колеса для всех артиллерийских заводов страны, мины, реактивные снаряды, на предприятии производилась сборка автомобилей, поступающих по «ленд-лизу». Операция по бомбардировке Автозавода проводилась силами 4-го авиакорпуса люфтваффе (там же). В результате семи июньских авианалетов (последний был нанесен 22 июня 1943 г.) на предприятии были разрушены главный конвейер, кузница, цех шасси, колесный, ремонтно-механический, моторный цеха, уничтожено 50 зданий и сооружений, выведено из строя 5 900

единиц технологического оборудования, 8 тыс. моторов, 14 тыс. комплектов электроаппаратуры и т.д. Большие повреждения были нанесены жилым домам, дошкольным учреждениям и другим объектам Соцгорода. По официальным данным, в районе погибло 250 жителей и 28 бойцов противовоздушной обороны. После серьезных разрушений Автозавода вышло постановление ГКО от 5 июня 1943 г. «О создании комиссии по расследованию недостатков ПВО г. Горького». Председателем комиссии был назначен Л.П. Берия. По решению ГКО от 8 июня 1943 г. командующий Горьковским корпусным районом ПВО генерал-майор А.А. Осипов был снят с должности (См.: Актуальные проблемы исторической науки и творческое наследие С.И. Архангельского. XIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР С.И. Архангельского. Н. Новгород, 2003. С. 243). Директор Автозавода А.М. Лившиц за плохую организацию МПВО был отстранен и на его место был поставлен И.К. Лоскутов.

²⁶ Монастырка – деревня, в районе которой был построен Автозавод.

²⁷ Имеется в виду территория в районе Канавино, где до 1930 г. действовала Нижегородская ярмарка.

²⁸ Соборный дом – вероятно, имеется в виду дом, прилегающий к Спасо-Преображенскому (Староярмарочному) собору.

²⁹ Гавань – поселок, примыкавший к окскому порту, обслуживающему автозавод.

³⁰ ОРС – отдел рабочего снабжения.

³¹ Северный поселок – барачный жилой массив, располагавшийся в северной части Автозавода.

© 2009 г. Е. И. ЖУРАВЛЕВ *

ГРАЖДАНСКИЙ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ НА ЮГЕ РОССИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

История человечества полна межгосударственных военных столкновений, породивших такое явление как коллаборационизм (французский термин, означавший сотрудничество с врагом части населения оккупированной страны в политической, военной и социально-экономической сферах во вред своему государству)¹. Не избежало такого явления и население СССР во время Великой Отечественной войны.

Провал гитлеровского плана «молниеносной войны» заставил нацистское руководство искать себе социальную опору среди населения оккупированной территории СССР, в том числе Юга России. При этом особое внимание уделялось развитию гражданского коллаборационизма, т.е. сотрудничеству местного населения в социально-экономической и административной областях. Гражданский коллаборационизм на Юге России имел свои особенности. В статье ставится задача показать эти особенности.

В ответ на гитлеровскую агрессию все население СССР поднялось на защиту Родины. Более 30-ти возрастов военнообязанных были мобилизованы в Красную армию. По данным А.М. Сеницына, за время войны граждане СССР подали в военные, советские и партийные организации более 20 млн заявлений с просьбой зачислить их в ряды Красной армии более 4 млн человек – о желании вступить в народное ополчение². В сражениях с врагом обрели широкую известность и славу 17-й (впоследствии 4-й гвардейский) Кубанский и 5-й гвардейский Донской кавалерийские корпуса, сформированные из добровольцев-казаков Кубани и Дона³. Активно шло создание воинских формирований, куда призывались граждане союзных и автономных республик. В 1941–1942 гг. в Армянской, Азербайджанской, Грузинской, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской, Калмыцкой и других союзных и автономных республиках было сформировано 14 национальных стрелковых дивизий, 15 национальных стрелковых бригад и 20 национальных кавалерийских дивизий⁴.

* Журавлев Евгений Иванович, кандидат исторических наук, доцент Ростовского государственного строительного университета.

Однако в составе фашистских войск также оказались соплеменники ряда народов Юга России. По сведениям немецких источников, численность представителей этого региона, надевших форму немецкого вермахта и ставших военными коллаборационистами, составила: свыше 300 тыс. русских, 70 тыс. казаков, 30 тыс. представителей народов Северного Кавказа, 7 тыс. калмыков⁵.

В литературе советского периода масштаб коллаборационизма приуменьшался. Раскрывался скорее термин «коллаборационист» (личность), чем, «коллаборационизм» (явление), что подчеркивало малозначительность явления. В период Великой Отечественной войны при оценке коллаборационистов использовались понятия из судебной практики и морально-этические категории⁶. При этом подразумевалось, что в прошлом многие из коллаборационистов были уголовниками, людьми без чести и совести, обладавшие низменными личными качествами⁷. Если в изображении советских историков коллаборационисты были «антигероями», то в эмигрантской литературе они получали противоположную оценку. Часть эмигрантов, включая бывших коллаборационистов, стремилась представить свою роль в войне как борьбу за освобождение России от сталинского гнета⁸.

В постсоветский период в России проблема коллаборационизма стала предметом специального научного анализа. Отказ от идеологических клише и привлечение новых источников позволили прийти к более достоверным выводам о масштабе и причинах этого явления. В литературе стала использоваться терминология, менее «заряженная» негативной предубежденностью. В то же время следует отметить, что не все российские историки и сейчас готовы отказаться от прежних определений, считая, что они наиболее точно выражают правовую оценку коллаборационизма. В этом плане характерна работа О.В. Вишлева⁹. Среди первых обобщающих работ о коллаборационизме постсоветского периода выделяется фундаментальный труд М.И. Семиряги¹⁰, в котором впервые в российской науке рассмотрены вопросы сотрудничества с противником населения стран с разным политическим строем. Ряд российских историков рассматривает коллаборационизм как способ выживания под «пятой» оккупантов¹¹. Подобный подход позволяет перевести изучение коллаборационизма в плоскость социальной истории, рассматривать данное явление как социальную проблему, связанную с различными стратегиями выживания людей в условиях оккупации. Большинство российских историков определяет формы коллаборационизма в зависимости от того, в какой сфере осуществлялось сотрудничество с противником. С.В. Кудряшов одним из первых выделил три типа коллаборационизма: политический, военный и гражданский¹².

Во время Великой Отечественной войны гитлеровцы оккупировали территорию, на которой проживало около 85 млн советских людей. При этом из их числа в рядах партизан сражались с гитлеровцами более 1 млн человек. Более миллиона стали активным резервом партизанских отрядов¹³. Значительная часть населения на оккупированных территориях, в том числе и на Юге России, стояла на позициях неприятия немецкого «нового порядка», но должна была ограничиться пассивным сопротивлением, экономическим саботажем, и хотя движение сопротивления имело широкий характер, его едва ли можно определить как всенародное, поскольку открытое выступление против гитлеровцев большинства населения оккупированных территорий было невозможно, так как оно состояло в основном из стариков, женщин и детей и было безоружным.

До сих пор среди российских историков остается спорным вопрос о причинах и мотивах сотрудничества советских людей с гитлеровскими оккупантами. Одни придерживаются мнения, что переход на сторону оккупантов происходил по политическим мотивам. А. Назаров¹⁴, например, утверждает, что в 1941–1945 гг. была продолжена гражданская война между сторонниками советского режима и его противниками. К этой категории населения относится часть казачества и горцев Юга России, которые были недовольны советской властью. По свидетельству немецких офицеров 1-й танковой армии, коренные кавказцы были настроены дружелюбно по отношению к немцам и приветствовали их как освободителей¹⁵.

Е.Ф. Кринко, И.А. Гилязов¹⁶ считают, что среди коллаборационистов все же преобладали люди, которые шли на сотрудничество с врагом вынужденно, с целью выживания в условиях немецкой оккупации.

Летом 1942 г. наступление немецко-фашистских войск на Юге России приняло характер блицкрига. При этом на оккупированной территории осталась значительная часть проживавшего здесь населения. В воззвании к этим людям командующего группы немецких армий «Юг» указывалось, что все жители должны оставаться на своем постоянном месте жительства, рабочие, служащие и чиновники, учреждения которых не пострадали во время военных действий, должны быть готовы вновь начать работу¹⁷. Практически каждый житель Юга России, оказавшийся в оккупации, становится перед выбором: выполнять указания немецких оккупационных властей или отправиться за саботажем в концлагерь, быть угнанным на работу в фашистскую Германию или снятым со снабжения продуктами питания. Анализ архивных документов показывает, что довольно значительная часть населения Юга России выбирала первое. По данным С.И. Линеца, до 60% населения оккупированного Юга России поддерживали немецкий «новый порядок», а 30% были готовы примкнуть к любой воюющей стороне в зависимости от ее успехов¹⁸. Сложно выявить ту грань, которая отделяет простое взаимодействие с оккупантами от сотрудничества с ними. Однако именно гражданский коллаборационизм получил широкое распространение на Юге России. При этом мотивы сотрудничества с оккупационными властями были различные. Так, красноармеец Кряжев находясь на излечении в одном из госпиталей Кисловодска, попал в плен к гитлеровцам, которые предложили ему перейти на службу в местную полицию. В случае отказа ему грозили или расстрел, или каторжные работы в Германии, что вынудило его стать коллаборационистом.

Совсем другой мотив привел на службу к оккупантам бывшего полковника-белогвардейца Белого, который добровольно перешел на службу к немецким оккупантам и был назначен начальником полиции г. Краснодара¹⁹. Для многих побудительным мотивом при поступлении на службу в полицию служил материально-финансовый вопрос. Немецкие власти старались поощрять полицейских ежемесячно выплачивая им 40 немецких марок (400 советских руб.)²⁰. На Юге России практиковалась выдача полицейским одежды, обуви и имущества расстрелянных советских граждан. Кроме материальных и финансовых мотивов, немаловажное значение имел элементарный страх. Работа в полиции для таких людей представлялась спасительным выбором. Вместе с тем, часть полицейских была представлена бывшими уголовниками, отбывшими наказание или сбежавшими в ходе войны из тюрем и колоний.

Сочувствовавшие Германии препятствовали сотрудникам НКВД и саперам в осуществлении взрывов и поджогов важных объектов в городах региона накануне вступления в них частей немецкого вермахта, мешали осуществлять эвакуацию на восток скота, сельхозтехники, вывозить сырье и продовольствие. Оккупационная коллаборационистская пресса ставила в пример таких людей. Так в одном из номеров газеты «Пятигорское эхо» в августе 1942 г. говорилось о заведующем нефтебазой Пятигорской МТС Авакьяне, который сумел спасти несколько десятков тонн горючего от уничтожения²¹. Оценивая подобные действия следует учитывать, что большое количество людей оказало в оккупации не по своей воле и сохраненное топливо, сельхозтехника облегчали их труд, дав им шанс получить работу и выжить.

С первых дней оккупации территорий Юга России немецкие власти активно выявляли в местном населении потенциальных кандидатов на руководящие и административные должности в городах и селах. Предпочтение отдавалось противникам советской власти, которые скрывали свои антисоветские взгляды до прихода гитлеровцев. Так в станице Горячеводской Ставропольского края атаманом был назначен И. Даркин, бывший дворянин, а в Майкопе членом городской управы был Д. Караваев – сын бывшего купца, белогвардеец²². Кроме того, фашисты делали ставку на советских граждан, осужденных за политические и уголовные преступления. Главным редактором коллаборационистской газеты «Утро Кавказа» был бывший узник советского концлагеря Б. Ширяев²³.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в оккупационный период практиковалось назначение на прежние должности бывших советских руководителей. В рядах коллаборационистов оказывались и члены ВКП(б), которые по разным причинам остались на оккупированной территории Юга России. Гитлеровцы руководствовались по отношению к коммунистам в этом регионе политикой прагматизма: враждебно настроенных уничтожали, а демонстрировавших лояльное отношение к немецкому новому порядку привлекали на свою сторону. Так, только в Ставропольском крае на оккупированной территории осталось около 25% состава краевой парторганизации – около 6 тыс. коммунистов. В докладной записке организационно-инструкторского отдела Ставропольского Крайкома ВКП(б) от 29 декабря 1943 г. сообщалось, что большинство горкомов и райкомов партии, проводя проверку коммунистов, находившихся на оккупированной территории, выяснили, что немало из них, главным образом молодые, проявили растерянность, 2 917 человек уничтожили свои партийные документы, а 116 сдали документы в гестапо и полицию. Многие оставшиеся на оккупированной территории сотрудничали с немцами, работали на предприятиях по их обслуживанию²⁴.

Сельское и городское население на оккупированной территории Юга России тщательно регистрировалось. В качестве основного документа, удостоверявшего личность, сохранялся советский паспорт. Бургомистры и старосты обязаны были предоставлять германскому командованию списки населения. При этом они лично отвечали за благонадежность людей, внесенных в эти списки. Те, кто в списки не попадал, направлялись в концлагеря или в рабочие колонны при тыловых армейских частях. От населения, желавшего остаться на местах своего жительства, а таковых было большинство, сразу же требовалось проявление лояльности к оккупационным властям. В любом случае ему приходилось сотрудничать с германскими властями. Перейти от нейтрального взаимодействия к более тесному в тех условиях было просто. В какой-то степени гражданский коллаборационизм был неизбежен, а часто и вынужден. Гражданский коллаборационизм на Юге России был распространен практически повсеместно. Во многих населенных пунктах региона гитлеровцы находили людей, которые добровольно или по принуждению шли на сотрудничество с ними. Так, 1 февраля 1942 г. в Таганроге Ростовской обл. стояли очереди у бывших военных заводов № 65, 31 в ожидании набора рабочих. Численность работающих на военном заводе № 65 в период с октября 1941 г. по лето 1942 г. увеличилась почти в 6 раз с 345 человек до 1 969²⁵. Справочник на лиц, работавших в период оккупации районов Ростовской обл. в немецкой администрации, насчитывал только по Таганрогу, Тарасовскому и Морозовскому районным управлениям около 3 500 человек²⁶. В оккупированном Ставрополе в 51 учреждении в основной социальной сферы (здравоохранение, образование, детские дошкольные учреждения) работало 1 430 местных жителей²⁷. На 61 предприятии в оккупированном Таганроге в январе 1942 г. их работало 9 761, а в марте 1942 г. – более 14 тыс. человек²⁸.

Гражданский коллаборационизм проявился на Юге России и в системе образования. В самом начале Великой Отечественной войны Министерство по делам оккупированных восточных областей Германии специально указывало на то, что в России следует стремиться к быстрому восстановлению школьного преподавания, если в распоряжении имеются подходящие и надежные преподаватели. По данным О. Сорокиной, только в Ставропольском крае в немецких «народных школах» согласились работать около 1 тыс. учителей из 12 тыс. официально работавших при советской власти в этом крае до войны²⁹. При поступлении на работу учителя «народных школ» заполняли специальную анкету. Около 200 преподавателей Каменского района Ростовской обл. в конце анкеты делали приписки следующего содержания: «Подтверждаю, что на приведенные выше вопросы я отвечал правдиво и полно и что мне известно об ожидающем меня строгом наказании за ложные ответы или умалчивание о фактах и событиях»³⁰. Оккупационные власти стремились привлечь учителей в «народные школы» различными материальными стимулами. Заработная плата устанавливалась в размере ставок Наркомпроса СССР, которая выдавалась как в марках, так и советскими деньгами. При этом учителя, работавшие в «народных школах», могли иметь

большие земельные участки под огород и получали хлебный паек (300 г). Они были обязаны посещать 10-ти дневные курсы переподготовки, где читались лекции на темы: «Культура Германии», «Народное образование в Германии», «Что такое национал-социализм», «Биография Адольфа Гитлера». Учителям предписывалось в процессе обучения избегать всякой «большевистской тенденциозности»³¹. Над ними осуществлялся жесткий идеологический контроль.

В Положении о «народных школах» указывалось: «читать, писать, считать, вот то, чему должен учитель в своей работе уделять основное внимание. Не разрешается вести работу по учебным изданиям для советской школы, не разрешается использовать в работе советскую литературу. Можно пользоваться учебниками, изданными до 1914 года»³².

Один из очевидцев этих событий М.А. Горькавый вспоминает: «В начале сентября 1942 г. нас, мальчишек, заставили идти в школу. На первом занятии напутствие давал немецкий офицер на достаточно чистом русском языке. Затем мы достали свои учебники и начали по команде клеивать бумагой всех партийных вождей и военачальников. Потом появился батюшка в рясе и с крестом и с того дня мы стали изучать Закон божий»³³.

Немецкая земельная реформа предполагала превратить земли Юга России в сельскохозяйственную вотчину третьего Рейха, для чего необходимо было готовить соответствующие кадры. Немцы открыли в Ворошиловске сельскохозяйственный институт. Вчерашним студентам, оказавшимся в оккупированном Ворошиловске, был предложен выбор: или учиться, или быть вывезенными на работу в Германию. Большинство студентов выбрало первое. Преподавателям института, в массе своей оказавшимся в оккупированном городе, пришлось выбирать: работать в институте, или быть отправленными в концлагерь за саботаж. Был открыт и медицинский институт, однако поскольку большая часть студентов и преподавателей была в нем еврейской национальности и уничтожена, число обучавшихся оказалось здесь мизерным³⁴. В Новочеркасске Ростовской обл. был открыт Донской политехнический институт, так как город был столицей донского казачества и вызывал у гитлеровского руководства большое доверие. Практически во всех оккупированных городах Юга России в составе бургомистерств имелись управления или отделы народного образования. Так, в подчинении управления отдела школ Таганрога входило 13 начальных школ³⁵. 1 декабря 1942 г. коллаборационистская газета «Пятигорское эхо» сообщала о том, что отдел Пятигорского городского управления с разрешения Германского командования открывает в Пятигорске первую мужскую среднюю школу с 7-летним курсом обучения. Подобран штат опытных, с большим педагогическим стажем преподавателей³⁶.

Гитлеровское руководство допустило с различными ограничениями открытие школ, гимназий и даже ВУЗов в городах, селах, станицах и аулах Юга России.

В немецких инструкциях перед этими учебными заведениями были поставлены следующие задачи: все преподавание должно быть проникнуто духом уважения к германской армии-избавительнице и благодарности Гитлеру. Школа должна была содействовать онемечиванию советских детей, воспитывать из них покорных работников в интересах Германии.

Немецкий командант Пятигорска при открытии гимназии в городе 15 октября 1942 г. сказал, обращаясь к учителям: «Работа учителей будет особенно трудной, так как придется выкорчевывать из детских голов все советское, вы должны воспитать послушного ученика, готового своим трудом отблагодарить фюрера»³⁷. Работа учителей периодически контролировалась немецкими властями. Особенно заботило оккупационные власти изучение немецкого языка, который Министерство А. Розенберга предлагало в качестве обиходного для Юга России.

В Ставропольском крае в 34 районах было открыто: 192 начальных школы, 13 семилетних, 15 гимназий. Гимназии открывались в Кисловодске, Пятигорске, Железноводске, Микоян-Шихаре. На Кубани были открыты только начальные школы³⁸. Полугодное существование, боязнь угона на работы в Германию, страх репрессий против близких – таковы основные мотивы, толкавшие бывших советских учителей в «народные школы». Работать заставляли и чисто репрессивными мерами.

Однако значительное число учителей Юга России остались верны советской власти и не шли работать в «народные школы». Отношение населения оккупированных районов региона к школьной политике фашистской Германии было, как правило, либо негативным, либо безразличным. На негативном отношении части учителей и населения к «народным школам» сказалось введение в них телесных наказаний и преподавание религии. Одним из проявлений саботажа частью населения региона школьной политики оккупационных властей стал атеизм.

Образовательная политика третьего Рейха была нацелена на искусственное занижение культурного уровня русского народа и несла в себе заведомо провальные в условиях Юга России элементы (децентрализованное управление, насильственное введение религиозного образования, плата за учебу, телесные наказания). Все это сводило на нет попытки коллаборационистов этого региона вернуть население в дореволюционное культурно-образовательное пространство.

Анализ социального состава населения, сотрудничавшего с немцами, на Юге России свидетельствует, что на сотрудничество с оккупантами шла часть художественной интеллигенции. Так, в период оккупации в Таганроге работал драматический театр со штатом артистов 130 человек. Такие же театры имелись в оккупированных городах: Сальске и Шахтах³⁹. Газета «Пятигорское эхо» 29 сентября 1942 г. известила, что концертное бюро при городском театре организует серию камерных музыкальных концертов для офицеров и солдат германской армии. В Пятигорске в период оккупации давали представления Пятигорский театр оперетты и эвакуированный сюда Ленинградский театр драмы. В Ставрополе в театре «Варьете» выступали известные певцы Белоусов, Зелевский, Орлов, исполнявшие запрещенные советскими властями романсы. Кроме того, в бывшем здании Дома художественного воспитания детей оставшаяся в оккупации группа актеров ставила пьесы А. Островского. В главных ролях были задействованы известные актеры: Горская, Подольская, Костин⁴⁰.

Коллаборационисты при сотрудничестве с немецкими властями проявляли инициативу в укреплении «нового немецкого порядка». Так, инициативная группа в Пятигорске, представлявшая большое количество высококвалифицированных специалистов в области сельского хозяйства, в том числе научных работников, обратилась с ходатайством к бургомистру города о выдаче разрешения на право организации акционерного общества под названием «Культура» и передаче ему земельного участка на правах долгосрочной аренды. Основная цель этой инициативы заключалась в организации крупного образцового пригородного сельхозпредприятия. 1 декабря 1942 г. газета «Пятигорское эхо» отмечала, что «многие коммерсанты желают торговать по-новому, но не знают, как это сделать. Назрела необходимость в специальном учреждении, которое явилось бы “Коммерческим Центром” и регулировало бы всю торговлю в городе. Таким учреждением может явиться “торговая биржа”»⁴¹.

Для более широкого распространения гражданского коллаборационизма на Юге России, как и на других захваченных ими территориях СССР, немецкие оккупационные власти активно разыгрывали религиозную карту, в своих интересах используя гонения на церковь в СССР. Начиная войну, фашисты не придавали серьезного значения религиозному вопросу. В ходе боев они изменили свое отношение к религии особенно на Юге России, увидев в ней активного помощника в установлении нового немецкого порядка. В указаниях уполномоченному имперского министра по оккупированным областям Востока при Верховном командовании армейской группы «Юг» подчеркивалось, что в области религии должна быть полнейшая терпимость, церковные здания должны быть возвращены в распоряжение населения. Уже в первых документах, доведенных до сведения населения Юга России немецкими оккупационными властями летом 1942 г., религиозный вопрос выступал одним из главных. Религиозная тематика была широко представлена на страницах коллаборационистских газет. Главной мыслью этих публикаций было выражение благодарности германской армии и Гитлеру за освобождение населения от власти большевиков-безбожников.

Во многих городах и станицах Юга России началось возрождение закрытых ранее большевиками церквей, мечетей и строительство новых. Так, в Краснодаре в начале октября 1942 г. шло восстановление трех храмов, а на всей территории Кубани при немецком «новом порядке» было открыто 192 церкви вместо 7-ми существовавших до оккупации. К концу августа 1942 г. во вновь образованной на Ставрополье Епархии было уже 16 церковных общин. Хотя до прихода немцев в Ворошиловске (Ставрополь) действовал всего один Успенский храм на одноименном кладбище. Вскоре с согласия немецких властей городской управой были открыты две старые церкви, в затем еще одна по настоянию румынских солдат православного вероисповедания. Румынские офицеры на восстановление Андреевского собора пожертвовали более 4 тыс. руб.⁴² Верующие очищали обращенный в склад или клуб храм, украшали его сохранными на чердаках и в подвалах иконами, освещали, подбирали хор. Под храмы приспособляли опустевшие клубы и залы учреждений. По свидетельству очевидцев, религиозно-духовная жизнь оккупированного Ставрополья быстро возрождалась. Такая же ситуация наблюдалась на Дону и Кубани. В Краснодарском крае наблюдался не только рост религиозных организаций, но и появление на территории края конфессиональных центров мусульман, евангельских христиан-баптистов. В Ростове-на-Дону было открыто 8 храмов⁴³. Всего, согласно отчету Совета по делам Русской православной церкви, в Ростовской обл. оккупационные власти открыли 243 церкви, в Краснодарском крае – 229 и Ставропольском крае – 127. Кроме того, нацисты не препятствовали деятельности старообрядческой церкви на оккупированной территории Юга России. Так с приходом оккупантов в Ессентуки, там началась подготовка к открытию старообрядческого храма Покрова Пресвятой Богородицы, закрытого большевиками в 1937 г.⁴⁴

Неотъемлемой составной частью возрождения церковной жизни стало восстановление в полном объеме христианских православных праздников. На оккупированной территории Юга России церковь вновь активно стала участвовать в проведении крещения детей, венчания, отпевания покойников. Население с одобрением встретило меры, предпринятые оккупационными властями по открытию похоронных бюро. Население оккупированных областей получило возможность свободного доступа к церковным службам. Однако все это находилось под жестким контролем германских властей. Часть православного клира сотрудничала с гитлеровцами. Они устраивали торжественные молебны в честь побед германского оружия. Оккупанты рассчитывали сделать Церковь центром антисоветской пропаганды. Однако большая часть храмов оказывала посильную помощь советским военнопленным, спасала от преследований сотни людей. Так, во время оккупации Ростова-на-Дону настоятель Александро-Невской церкви Петр Заберовский помогал партизанским связным в организации явок. Партизаны получали от него медикаменты, документы, деньги.

В документах оккупационных властей нет указаний и распоряжений, в которых бы говорилось о насаждении религии среди местного населения Юга России. В то же время в разведсводках агентов НКВД докладывалось о насаждении среди населения религиозного мракобесия.

Для обеспечения Церкви кадрами в ряде городов Юга России церковные структуры стали организовывать обучение молодежи всем правилам церковной жизни. Так, в Пятигорске в октябре 1942 г. была открыта воскресная школа по подготовке священнослужителей. В Ростове-на-Дону в сентябре 1942 г. было проведено посвящение в священники после сдачи специальных экзаменов с правом самостоятельной работы в приходах⁴⁵.

В период оккупации территории Юга России часть служителей армяно-григорианской церкви признала оккупационную власть и сотрудничала с ней. Нацисты, учитывая это, оказывали поддержку этой церкви. В Краснодаре городская управа поддерживала армяно-григорианскую церковь материально и организационно. В Пятигорске началось восстановление церкви имени Саака и Месропа. В день освящения этой церкви предприниматель Аманьянц призвал коммерсантов города отчислить часть

своей прибыли германской армии-освободительнице. Всего в начале декабря 1942 г. в церковный совет армяно-григорианской церкви в Пятигорске от верующих поступило 30 тыс. руб. Эти деньги были переданы на финансирование мероприятий по набору добровольцев в вермахт⁴⁶.

В процессе оккупации Юга России гитлеровцы рассчитывали на активную поддержку «нового порядка» мусульманами этого региона. Своей довоенной антиисламской политикой советская власть сама подготовила почву для распространения коллаборационизма среди мусульман Юга России. Так из 2 507 мусульманских общин к началу войны в СССР их осталось только 12⁴⁷. При этом мечети подвергались разрушению или использовались как хозяйственные объекты. Во многих документах оккупационных властей, обращенных к мусульманам, подчеркивался факт их освобождения от большевистского террора. Практически во всех населенных пунктах Юга России, где жили мусульмане, нацисты вновь восстановили должности мулл и старших мулл. При этом их приравнивали к главам администраций городов и аулов. Кроме того, оккупационные власти в 1942 г. открыли по 2–3 мечети в каждом населенном пункте Кабардино-Балкарии⁴⁸. Во многих аулах Адыгеи также были открыты мечети. В Кисловодске в конце августа 1942 г. решением городской управы также была открыта мечеть. В газете «Пятигорское эхо» подчеркивалось, что сделано это по просьбе местных мусульман. Кроме того, гитлеровское командование на Юге России приняло решение об установлении, согласно мусульманским обрядам, еженедельного дня отдыха – пятницы⁴⁹. Однако нельзя утверждать, что с приходом немецких оккупантов все население Юга России стало верующим. Граждане, вынужденные скрывать при советской власти свои религиозные убеждения, теперь получили возможность открыто их демонстрировать, посещать церкви, мечети и жить в соответствии с канонами своей религии. Однако, по мнению бургомистра Ростова-на-Дону, приверженность к религии была присуща только населению старше 40 лет. Для остальных возрастов богослужение являлось чем-то вроде посещения спектакля. Младшему же поколению религиозное чувство вовсе было незнакомо. В то же время казаки относились к религии ревностно и в большинстве своем являлись глубоко верующими⁵⁰.

Религия стала важным духовным инструментом в политике немецких оккупационных властей на Юге России. В короткий оккупационный период она вновь вошла в духовную и повседневную жизнь и был значительной части населения региона.

Всплеск религиозных чувств населения в военное время сыграл важную роль в изменении отношения советского руководства во главе со Сталиным к вопросам религии и к Русской православной церкви. Начиная с осени 1943 г. советское руководство пошло на диалог с высшими иерархами Церкви во имя достижения победы над фашизмом. В период оккупации произошел раскол среди священнослужителей всех концессий Юга России. Одна их часть осталась на патриотических позициях, другая же пошла на сотрудничество с врагом.

Юг России в годы Великой Отечественной войны был регионом, в котором гражданский коллаборационизм получил довольно широкое распространение. Вследствие того, что состав населения был весьма пестрым по социально-экономическому, национальному и религиозному признакам, эта особенность, вместе со значительным количеством недовольных советской властью групп населения, стала одной из причин распространения в регионе гражданского коллаборационизма.

В начальном периоде оккупации Юга России гитлеровцы старались меньше прибегать к репрессиям в отношении населения этого региона и всемерно развивать гражданский коллаборационизм, связанный с материальными мотивами и интересами. После поражения в Сталинградской битве нацисты переходят к коллаборационизму по принуждению. В конечном итоге это приводит к краху коллаборационистской политики гитлеровцев и их оккупационного режима на Юге России.

Примечания

- ¹ См.: *Семиряга М.И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявление в годы Второй мировой войны. М., 2000; Большая Российская энциклопедия. М., 2001. С. 549.
- ² История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5. Кн. 1. М., 1970. С. 183; *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту: О патриотических движениях советского народа в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1985. С. 26.
- ³ *Кирсанов Н.А.* По зову родины: Добровольческие формирования Красной армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1974. С. 204.
- ⁴ *Кирсанов Н.А.* В боевом строю народов-братьев. М., 1984. С. 68, 72.
- ⁵ *Munoz A.* Hitler's Eastem Legions. Vol. 1. The Baltic Schutzmannschaft 1941–1945. N.Y., 1998. P. 10–11.
- ⁶ Молот. 1960. 29 октября; 1963. 4–16 октября; 1964. 19 апреля.
- ⁷ *Гриднев В.М.* Борьба крестьянства против немецко-фашистских оккупантов на временно оккупированной территории РСФСР. Дисс. ... д-ра ист. наук М., 1983. С. 142–143.
- ⁸ *Донсков П.Н.* Дон, Кубань и Терек во Второй мировой войне. Нью-Йорк, 1960; *Алдан А.Г.* Армия обреченных. Нью-Йорк, 1969; *Китаев М.* Как это началось. Нью-Йорк, 1970.
- ⁹ *Вишнев О.В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.
- ¹⁰ *Семиряга М.И.* Указ. соч.
- ¹¹ *Кирсанов Н.А., Дробязко С.И.* Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Национальные и добровольческие формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. 2001. № 6. С. 68, 73.
- ¹² *Кудряшов С.В.* «Предатели», «освободители» или «жертвы режима»? Советский коллаборационизм (1941–1945) // Свободная мысль. 1993. № 14.
- ¹³ *Линец С.И.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июнь 1942 – октябрь 1943 гг.). Ростов н/Д., 2003. С. 385.
- ¹⁴ Там же. С. 299.
- ¹⁵ *Семиряга М.И.* Указ. соч. С. 90.
- ¹⁶ *Кринко Е.Ф.* Оккупационный режим на Кубани (1942–1943 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1997; *Гилязов И.А.* Коллаборационистское движение среди тюрков–мусульманских военнопленных и эмигрантов в годы Второй мировой войны. Дисс. ... д-ра ист. наук. Казань, 2000.
- ¹⁷ Государственный архив Северного Кавказа (далее – ГА СК), ф. Р-1063, оп. 1, д. 54, л. 1.
- ¹⁸ *Линец С.И.* Указ. соч. С. 302.
- ¹⁹ Там же. С. 377.
- ²⁰ ГА СК, ф. Р-469, оп. 1, д. 2, л. 2.
- ²¹ Пятигорское эхо. 1942. 26 августа.
- ²² *Линец С.И.* Указ. соч. С. 387.
- ²³ *Беликов Г.А.* Оккупация. Ставрополь. Август 1942 – сентябрь 1943. Ставрополь, 1998. С. 118.
- ²⁴ Государственный архив новейшей истории Северного Кавказа, ф. 1, оп. 2, д. 435, л. 1, 48.
- ²⁵ Таганрогский филиал Государственного архива Ростовской области (далее – ГА РО), ф. Р-619, оп. 1, д. 26, л. 2.
- ²⁶ ГА РО, ф. 3983, оп. 1, д. 91, л. 1–207; д. 118, л. 108–108 об.; д. 192, л. 1–38.
- ²⁷ ГА СК, ф. Р-1059, оп. 1, д. 9, л. 1–29.
- ²⁸ ГА РО, ф. Р-619, оп. 1, д. 204, л. 4, 5; ф. Р-619, оп. 1, д. 124, л. 14, 15.
- ²⁹ ГА РФ, ф. 7445, оп. 2, д. 144, л. 310.
- ³⁰ ГА РО, ф. 3983, оп. 1, д. 118, л. 108–108 об.
- ³¹ *Сорокина О.Л.* Деятельность комсомола по осуществлению курса партии на восстановление общеобразовательной школы в годы Великой Отечественной войны. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1990. С. 88.
- ³² РГАСПИ, ф. 17, оп. 126, д. 5, л. 8.
- ³³ *Константинов С.* Школьная политика третьего рейха // Родина. 2002. № 10. С. 53.
- ³⁴ Ставропольские губернские ведомости. 1997. 22 ноября. С. 6, 7.
- ³⁵ ГА РО, ф. 3983, оп. 1, д. 86, л. 10 об.
- ³⁶ Пятигорское эхо. 1942. 1 декабря.
- ³⁷ Там же. 15 октября.
- ³⁸ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации (август 1942 – январь 1943 гг.): документы и материалы. Ставрополь, 2000. С. 83.

³⁹ ГА РО, ф. 3983, оп. 1, д. 185, л. 89, 114; д. 186, л. 81.

⁴⁰ Пятигорское эхо. 1942. 29 сентября.

⁴¹ Там же. 1 декабря.

⁴² Ставропольские губернские ведомости. 1994. 7 марта.

⁴³ Советское правительство и РПЦ: Новейшая история Отечества. XX век. Т. 2. М., 1999. С. 180.

⁴⁴ Церковный вестник. 2002. № 4. С. 5; 2003. № 4. С. 4.

⁴⁵ Ставрополье в период немецко-фашистской оккупации...; ГА РО, ф. 619, оп. 1, д. 211, л. 9.

⁴⁶ Пятигорское эхо. 1942. 25 ноября; 5 декабря.

⁴⁷ Лики войны: Сб. док. По истории Кабардино-Балкарии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик, 1996. С. 105.

⁴⁸ Дегтярев Ю.М. Открывал ли Сталин церкви? // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Материалы «Круглого стола», посвященного 50-летию Победы (13 апреля 1995 г.). М., 1995. С. 131.

⁴⁹ Пятигорское эхо. 1942. 30 августа; Кубань в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Кн. 1 (1941–1945). Краснодар, 2000. С. 607.

⁵⁰ Пятигорское эхо. 1942. 30 августа.

Война как профессионально-техническое противостояние

© 2009 г. М. А. ФЕЛЬДМАН*

РАБОЧИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ СССР И ГЕРМАНИИ К ИЮНЮ 1941 года: сравнительные характеристики

Вторая мировая война, наиболее яркой частью которой была Великая Отечественная война, остается главным событием XX в. Существует немало неизвестных или слабо изученных проблем, связанных с тематикой Второй мировой войны. Среди них – анализ сравнительных характеристик советского и германского рабочего класса к июню 1941 г. Насколько количественные и качественные характеристики рабочих СССР соответствовали потребностям индустриальной экономики? До сих пор в литературе отсутствуют полные, а не урезанные по цензурным соображениям статистические данные о составе рабочих промышленности СССР за 1940 г. в отраслевом и региональном разрезе с точки зрения общеобразовательного уровня и показателей квалификации. Объективным критерием в данном случае выступают аналогичные показатели промышленных рабочих Германии к июню 1941 г.

Преодолев наслонения политизированности, западная историография все реже рассматривает рабочих промышленности СССР как массив, чуждый власти и индустриализации¹. Советское государство фактически вернулось к прежней, столь презираемой *сословной структуре* зависимости от отношения человека к государству, справедливо отмечает Ш. Фицпатрик². Зарубежные авторы еще в 1950-е гг., обратив внимание на серьезные конфликты внутри самого рабочего класса СССР между «старыми» и «новыми» рабочими; мужчинами и женщинами; квалифицированными и неквалифицированными работниками, подошли к выводу о неоднородности социума рабочих³. Был найден ключ к пониманию рабочей истории, и не только в СССР. Но повернуть ключ мешала и мешает затруднительность доступа к нужным архивным источникам.

По мнению Р. Алена, успехи советской индустриализации, в том числе и повышение уровня жизни рабочих, создавали условия для развития квалификации рабо-

* Фельдман Михаил Аркадьевич, доктор исторических наук, профессор Уральской академии государственной службы.

чих в СССР⁴. Однако при подходе к обобщающим показателям, характеризующим советских рабочих к началу 1940-х гг., сохраняются высказанные Н. Вертом оценки о принадлежности подавляющего большинства рабочих промышленности СССР к категории слабоквалифицированных, малообразованных, неспособных освоить новую технику⁵. Существование такой армии маргиналов выглядит вполне логичным в административно-командной экономике, созданной в начале 1930-х гг. без глубокого теоретического обоснования и четкого плана ее построения⁶. Логика становится менее понятной, когда начинаешь искать ответ на вопрос: кто же тогда выиграл «войну в тылу?»

Вершина советской рабочей истории – не издание заведомо идеологизированной шеститомной истории рабочего класса СССР, а выход монографии А.И. Вдовина и В.З. Дробижера «Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг.»⁷. Авторы, опираясь на широкий круг разносторонних источников, в том числе на доступные в то время немногим архивные материалы фонда ЦСУ СССР, создали запоминающуюся картину количественных и качественных характеристик советского рабочего класса к 1941 г. Характерно в плане выяснения действительной научной ценности вышедших трудов, что шеститомная история рабочего класса СССР приводит самые минимальные данные по образованию рабочих в 1939 г., ссылаясь при этом на ... перепись 1959 г.⁸

Мимо внимания вдумчивого читателя не могли пройти завуалировано по условиям времени сделанные в монографии Вдовина и Дробижера выводы о сложности и противоречивости процессов внутри рабочего класса СССР в 1930-х гг.⁹

Обстановка секретности в советских архивах до начала 1990-х гг. XX в.; малодоступность необходимых материалов в российских архивах в 1990-е гг. и в начале XXI в.; снижение интереса исследователей к наиболее популярной тематике исторической науки в прошлом стали основными причинами отсутствия публикаций, раскрывающих сравнительные характеристики советского и германского рабочего класса к июню 1941 г.

Сужу, не только отталкиваясь от анализа исторической литературы в СССР, в современной России, в Германии, но и на основе беседы в апреле 2005 г. в Москве с директором Центра германистики Я.С. Дабкиным. «Мы, по сути, не занимались вопросами социальной истории рабочего класса Германии, сконцентрировавшись на политической проблематике», – сообщил Я.С. Дабкин. Слова Я.С. Дабкина подтверждаются и тематикой диссертаций, монографий и сборников, посвященных германской истории XX в. Сегодня понятна причина такой завесы молчания. Сказать правду, означало бы признать мифологичность многих постулатов науки советской эпохи о действительном состоянии и характеристиках советского рабочего класса в сравнении с аналогичными показателями рабочих промышленности той страны, с которой четыре года пришлось воевать СССР. Такое сравнение отсутствует в современной исторической литературе.

В изучении германской литературы по данной теме неоценимую помощь мне оказал И.В. Нарский. Ему я обязан доступом к большинству немецких источников, фигурирующих в статье. Близость времени проведения переписей населения в СССР (1926 г. и 1939 г.) и в Германии (1925 г. и 1939 г.) создает почву для широкого сравнительного анализа по интересующей проблеме. В предлагаемой читателю статье впервые в научный оборот в русскоязычную литературу вводятся материалы переписи населения в Германии 1939 г.

Постараемся выделить ряд тематических разделов, раскрывающих направления нашего сравнительного анализа. Анализ характеристик потребует и использования исторического ракурса в первые десятилетия XX в. для понимания эволюции количественных и качественных показателей состава промышленных рабочих России/СССР и Германии.

Численность рабочих промышленности

Отдавая должное труду предшественников, следует сказать и о том, что в силу цензурных запретов не прозвучало в монографии Вдовина, Дробижева, да и не могло прозвучать. Не только опубликованные, но и архивные статистические материалы ЦСУ СССР (ф. 1562) и Госплана СССР (ф. 4372), содержащиеся в РГАЭ, столь умело скрывали численность занятых в промышленности Страны Советов, что запутывали не только иностранных разведчиков в прошлом, но и современных исследователей. Отталкиваясь от собственного опыта работы в РГАЭ, прежде всего с документами «секретки» (ф. 1562, оп. 329), выскажу предположение, что ни один *довоенный* документ упомянутых архивов не содержит точных *сводных* сведений о численности рабочих промышленности СССР. (Исключением, возможно, являются до сих пор нерасшифрованные дела.) Великая Отечественная война заставила работников ЦСУ и Госплана, выполняя приказы сверху, осуществить такие расчеты. Только в документах, подготовленных по заказу высших партийных и советских инстанций в 1944–1945 гг., т.е. незадолго до Победы, а также после 1945 г., содержались искомые нами данные¹⁰. Воистину война – чистилище не только для человеческих душ.

Анализ указанных дел позволяет впервые ввести в историческую литературу раннее секретный показатель численности рабочих в промышленности СССР в 1940 г.: 11 566,9 тыс. человек¹¹. Сопоставление с аналогичными данными монографии Вдовина и Дробижева (8 290 тыс. в 1940 г.)¹² и с материалами РГАЭ (например, ф. 1562, оп. 329, д. 813 и д. 1069) показывает, что в монографии Вдовина и Дробижева *не учитывалась* численность рабочих предприятий, подведомственных НК Оборона и НКВД¹³. Кроме того, и в монографии, и в приведенных нами данных речь идет о рабочих *всей* (а не только крупной) промышленности.

Разница между приведенными показателями численности рабочих (3 277 тыс.) существенна: советская статистика не показывала массив, составляющий более 28% числа рабочих промышленности СССР в 1940 г. Хорошо известен и стремительный рост численности промышленных рабочих СССР: с 3.1 млн человек в 1928 г.¹⁴ до 11.6 млн в 1940 г., т.е. в 3.7 раза. Такой рост свидетельствовал о продолжении процесса формирования рабочего класса, соответствующего индустриальной эпохе.

Завершение индустриализации в Германии к началу XX в.¹⁵ обусловило специфику процесса урбанизации. В 1907 г. крупные города концентрировали 19% населения Германии, но более 25% занятых фабрично-заводской промышленности¹⁶. С 1925 г. по 1939 г. доля населения крупных городов (с населением более 100 тыс. человек) увеличилась с 26.8 до 31.6%¹⁷. В больших городах Германии в 1939 г. проживали 27.5% промышленных рабочих. В городах с численностью менее 20 тыс. – около 60% рабочих¹⁸.

Завершение индустриализации обусловило и прекращение бурного количественного роста рядов рабочего класса. (Для сравнения отметим удвоение численности рядов промышленных рабочих Германии в 1882–1907 гг. с 4.1 до 8.6 млн человек¹⁹.) В период между промышленно-профессиональной переписью 1907 г. и профессиональной переписью населения 1939 г. численность рабочих во всей экономике Германии выросла незначительно, составив в 1907 г. 15.4 млн, в 1925 г. – 15.8 млн, в 1939 г. – 17.5 млн человек²⁰.

Доля промышленных рабочих в общем массиве трудоспособного населения оставалась стабильной: в 1905 г. – 46.1%, в 1925 г. – 45%, незначительно изменившись и к 1939 г.²¹ При этом в 1939 г. *80% рабочих промышленности Германии являлись выходцами из рабочих семей*. С учетом того, что в довоенном 1913 г. этот показатель составлял 72%²², позволительно, на наш взгляд, говорить как о высокой норме самопополнения, так и о незначительности слоя маргиналов в составе промышленного рабочего класса Германии к маю 1939 г. Кроме того, очевидно и устойчивое преобладание городских жителей среди промышленных рабочих, что также способствовало ускоренному формированию рабочих индустриальной эпохи.

Численность рабочих промышленности Германии в 1925–1939 гг.*

Численность	1925 г.	1933 г.	1939 г.
Всего (млн чел.)	10 267.8	9 938.4	11 087.7
В том числе:			
мужчин	8 050.2	7 981.7	8 736.2
женщин	2 217.6	1 956.7	2 344.5

* Составлено по: Statistik des Deutschen Reichs. Band. 556, 1. Berlin, 1939. S 34.
Численность рабочих приведена вместе с ремесленниками.

О динамике численности *промышленных* рабочих Германии можно судить по материалам таблицы (см. табл. 1).

Сопоставление численности промышленных рабочих СССР в 1940 г. и Германии в 1939 г. позволяет сделать вывод о примерном равенстве рассматриваемых величин. Действительно, 11.6 млн промышленных рабочих в СССР и 11.1 млн промышленных рабочих в Германии представляются внешне близкими показателями. Выскажем мнение о допустимости сопоставления массива ремесленников в Германии и рабочих мелких предприятий промышленности СССР (менее 16 рабочих при наличии любого механического двигателя). Однако в случае с Германией речь идет о преимущественно потомственном рабочем классе. В СССР же следует отметить значительность слоя маргиналов в составе промышленного рабочего класса к 1941 г. Хорошо известно, что 2/3 пополнений рабочих в годы первой и более половины (54%) в годы второй пятилетки осуществлялись за счет крестьянства²³. Доля рабочих на крупных предприятиях Германии (более 1 тыс. рабочих) заметно отличалась от России и СССР: 4.9% в 1907 г. и 8.5% в 1925 гг.²⁴ Но перед нами только внешний, количественный фон рассматриваемых явлений. Сопоставление материалов таблицы 1 с данными о развитии германской индустрии после 1933 г. указывает на постоянную механизацию производственных процессов, позволившую, во-первых, провести милитаризацию промышленности, увеличение объемов производства без существенного увеличения численности рабочих в 1933–1939 гг.; во-вторых, сохранить многочисленный массив рабочих-мужчин, обладающих большей квалификацией, чем работницы-женщины. Наконец, в-третьих, сравнение показателей численности контингентов рабочих Германии 1925 г. и 1939 г., демонстрирующих заметную близость, наводит на мысль о максимальной загрузке производственных мощностей. Собственно говоря, таков путь промышленности, идущей по интенсивному пути развития.

Таким образом, война противопоставила сформировавшийся в силу завершения индустриализации рабочий класс Германии и формирующийся в ходе наложения ранне- и позднеиндустриальных эпох рабочий класс СССР²⁵. Неравенство вооруженных сил к июню 1941 г. было усугублено неравенством качества трудовых ресурсов в тылу.

Отраслевой разрез рабочих промышленности

Концентрация в машиностроении 28.7% рабочих промышленности СССР в 1940 г.²⁶ – в сравнении с приблизительно 15% в 1913 г.²⁷ – демонстрировала определенный позитивный итог советской индустриализации. Об этом же говорит и рост численности рабочих металлургии и химии, электростанций, отраслей, где к 1941 г. были проведены основательные работы по механизации производства. В этих отраслях были заняты почти 40% промышленных рабочих. Вместе с тем в рамках единой советской экономики оставались незавершенные преобразования раннеиндустриального этапа модернизации. Выборочный характер модернизации, частичная механизация топливно-энергетического комплекса, промышленности стройматериалов, де-

ревообработки (18% промышленных рабочих), легкой и пищевой промышленности (32% промышленных рабочих) привели к сохранению значительной армии раннеиндустриальных рабочих²⁸.

Говоря о структуре советского рабочего класса, надо учитывать не только более низкую стадию индустриализации, но и особенности природно-климатического характера: ясно, что в Германии не могло быть существенной лесозаготовительной отрасли. В то же время в отдельный отряд советского рабочего класса (10% промышленных рабочих) следует выделить рабочих, занятых в лесозаготовительном комплексе²⁹, где механизация труда носила фрагментарный характер и преобладали лица принудительного труда: заключенные и спецпереселенцы³⁰. Незавершенность процессов индустриализации в рамках всей промышленности СССР и, как следствие, незавершенность процесса формирования индустриального рабочего класса достаточно очевидны. Но выделим принципиальный момент: *СССР не уступал Германии ни по численности промышленных рабочих, ни по численности рабочих машиностроения*. Многое в этом случае зависело от готовности государства предоставить отсрочки от армии («броню») рабочим-машиностроителям, как в последние предвоенные годы, так и в военный период. К сожалению, этот масштабный сюжет отечественной истории до сих пор остается вне внимания исследователей.

В Германии изменения занятости, связанные с отраслевой структурой, носили заметно меньший масштаб. Доля занятых в машиностроении и металлообработке выросла с 20.4% в 1907 г.³¹ и 21.7% в 1925 г. до 27.3% в 1939 г. Невелики были изменения и в легкой промышленности, где за 1925–1939 гг. в производстве одежды и обработке кожи удельный вес работающих сократился с 13.5% до 11.9%, а в текстильной – с 10.4% до 8.8%³². При этом, 1.5 млн рабочих в 1936–1939 гг. ежемесячно меняли место работы³³.

Сопоставление отраслевого разреза рабочих промышленности СССР и Германии указывает как на *сходство* (удельный вес занятых в машиностроении и металлообработке), так и на *различие* (наличие в СССР значительного массива рабочих, связанных с добычей сырья и топлива). Близость доли рабочих в столь важной отрасли, как машиностроение и металлообработка, представляет собой явление, носящее скорее не количественный, а качественный характер: речь идет о появлении значительного слоя рабочих, связанных с производством авиамоторов, станков, турбин, электротехники, электроэнергетики, т.е. отраслей позднеиндустриального цикла. При наличии и в СССР, и в Германии разветвленных систем обязательной технической учебы рабочих создавались условия для вовлечения работников в цикл подготовки и переподготовки трудовых кадров. Поскольку сроки получения рабочими средней квалификации, необходимой для занятий на конвейерном производстве, в 1930-е гг. были относительно невелики, постольку задачи выпуска массовой серийной продукции могли решаться и с допущением определенного процента брака. Намного сложнее было выполнить программы обслуживания армии в низкомеханизированных отраслях промышленности СССР, но не они решали исход великой войны.

Образовательный уровень рабочих

О показателях общеобразовательного уровня рабочих СССР можно судить по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 г. (см. табл. 2).

В январе 1939 г. среди всех рабочих народного хозяйства СССР 8.4% имели образование от семи классов и выше³⁴. Как видно из материалов таблицы 2, профессиональный диапазон промышленных рабочих с образованием семь классов и выше был велик: от 3.7 до 15.2%. Практически таким же (от 2 до 15%) был диапазон удельного веса неграмотных рабочих, отражая обратную пропорциональность двух рядов цифр. И та, и другая образовательная категория рабочих была в меньшинстве, значительно уступая доминирующей группе советских рабочих с образованием 1–6 классов. Наличие в 1939 г. рабочих с высшим образованием, по нашему мнению, объясняется практикой учета в составе рабочих коллективов работников комсомольских, профсоюзных и партийных органов.

**Общеобразовательный уровень рабочих народного хозяйства СССР по материалам
Всесоюзной переписи населения 1939 г.***

Категория рабочих	Всего рабочих (в тыс.)	Доля рабочих (в %):					
		неграмотных	с образованием 7 классов и выше	с высшим образованием	обуч. в школах взрослых	обуч. в техникумах	обуч. в вузах
металлисты	3 800	2	15.2	0.04	0.2	0.3	0.06
горняки	569	10.4	4.4	0.3	0.1	0.9	0.01
деревообработчики	671	5.5	6.2	0.03	0.1	0.2	0.01
текстильщики	749	9.5	5.6	0.013	0.1	0.1	0.01
швейники	397	5	7.6	0.14	–	–	–
кожевники	104	7.5	4.5	0.01	0.2	0.1	–
рабочие лесозаготовок и лесосплава	582	15.7	3.7	0.16	0.1	0.1	–
сельскохозяйственные рабочие	2 394	14.3	1.7	0.038	0.14	0.006	0.002

* Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 336, д. 1136, л. 9–11.

Как свидетельствуют материалы таблицы, после 7 класса обучались от 0.1 до 1.3% рабочих. Для промышленных рабочих был более характерен второй показатель (1.3%). Сдвиги в образовательном уровне рабочих СССР за 1920–1930-е гг. были налицо, но вряд ли их можно было называть революционными.

В Германии закон рейхстага от апреля 1920 г., единственный школьный закон, принятый во времена Веймарской республики, представлял собой решение о трехступенчатой школьной реформе (начальная школа, средняя, высшая). Было введено обязательное образование до 18 лет. После восьми лет начального образования ученики должны были посещать среднюю общеобразовательную либо профессиональную школу³⁵. В 1920–1933 гг. 87% всех детей продолжали обучение в 9-летней школе после 4 класса; 9% поступали в вузы³⁶. В 1932 г. 95% всех бывших первоклассников поменяли начальную школу на более высокую ступень³⁷. Такое соотношение школьников оставалось на протяжении 1930-х – начала 1940-х гг.

Имперским законом от 8 июля 1938 г. об обязательном школьном обучении были унифицированы правила и принципы общего и профессионального образования³⁸. Был установлен срок обязательного школьного обучения для всех детей в 8 лет; т.е. на год меньше, чем существовало раньше. Тем не менее, обучению подлежали *все подростки от 14 до 18 лет*: либо в старших классах (9–12 классы), либо в трехлетней профессионально-технической школе в городах (двухлетней – в сельской местности). На практике это требование было выполнено преимущественно в крупных городах³⁹. Кроме того, физически юноши должны были воспитываться, ежегодно выполняя программы трудовых лагерей, насыщенные ручным трудом.

В 1942 г. 75.3% школьников Германии заканчивали восьмилетнюю школу; 9.8% обучались в 9–12 классах; 14.9% поступили в высшие и средние специальные заведения⁴⁰. При этом доля рабочих среди студентов в высших школах в период Веймарской республики выросла: с 3% в 1911–1913 гг. до 6% в начале 1930-х гг., но сократилась вновь до 3% в 1939 г.⁴¹

Напомним, что уже к 1914 г. все дети в Германии с 6 до 14 лет были обязаны обучаться в восьмилетних государственных общеобразовательных школах⁴². Это позволяет предполагать, что основная часть рабочих Германии имела восьмилетнее, а большинство рабочих в возрасте до сорока лет – девятилетнее образование.

Подведем итог: удельный вес советских рабочих, имеющих неполное среднее образование (семилетнее в СССР и восьми-девятилетнее в Германии), отличался от германских, если брать всех рабочих. Из массовых отраслей только рабочие советско-

го машиностроения и металлообработки отличались вдвое лучшими показателями, чем в среднем по народному хозяйству. Но и здесь существовало отставание (примерно в 5 раз) от аналогичного показателя рабочих Германии. Между тем уровень технической оснащенности новых или модернизированных старых предприятий в 1930-е гг. требовал, как правило, неполного среднего образования, а уровень требований военпредов на рубеже 1930–1940-х гг. имел тенденцию к повышению. Те 15% рабочих-металлистов СССР, которые получили семилетнее образование, объективно превращались в «ударный корпус», обязанный вместе с инженерно-техническими работниками разобраться с заданиями государственной важности.

Уровень профессиональной подготовки

Советское государство в 1930-е гг. активно осуществляло программу профессиональной подготовки рабочих. Однако в СССР основной формой профессионально-технического образования рабочих оставалось обучение на производстве, как правило, носящее непродолжительный характер. Проблема организации труда и технической учебы рабочих рассматривалась декабрьским 1935 г. пленумом ЦК ВКП (б). Значительный вклад в разработку основных принципов системы технической учебы рабочих внесло Главное управление учебных заведений Народного комиссариата тяжелой промышленности под руководством Д.А. Петровского⁴³. Отличиями новой (с декабря 1935 г.) системы технической учебы рабочих без отрыва от производства были, во-первых, обязательность обучения для всех рабочих. Во-вторых, обязательность обучения предусматривалась и последовательность прохождения рабочими стадий профессиональной подготовки, включая высшее звено – курсы мастеров социалистического труда, готовящих высококвалифицированных рабочих. Курсы с двухлетней общеобразовательной и технической подготовкой существенно отличались от предшествующей системы подготовки рабочих кадров, так как действующие в 1933–1935 гг. производственно-технические курсы второй и третьей ступени, за отведенное время обучения, могли готовить только рабочих массовых профессий. В-третьих, возникла централизованная система руководства профессиональной подготовкой рабочих. В-четвертых, государство впервые вкладывало крупные инвестиции в подготовку рабочих кадров. В-пятых, создавался разветвленный и централизованный штат преподавателей системы технической учебы рабочих без отрыва от производства⁴⁴. Выскажу мнение, за которым стоит более четверти века исследований: принятая в 1935 г. государственная программа технического обучения и переобучения рабочих кадров является одним из наиболее важных достижений советской эпохи, унаследовавшей ее позитивные и негативные стороны⁴⁵. Без ее реализации была бы невозможна Победа в 1945 г.

Разумеется, и в условиях получения профессионально-технических навыков непосредственно на производстве некоторая часть рабочих могла получить высокую квалификацию (например, благодаря передаче семейных традиций, практике наставничества). Реализация государственной программы технического обучения и переобучения рабочих кадров в СССР имела, без сомнения, позитивные итоги. В период с 1922 г. по июнь 1941 г. примерно 10% рабочих СССР прошли подготовку в училищах ФЗУ; 1% рабочих промышленности закончил курсы мастеров социалистического труда, давших полноценную теоретическую и практическую подготовку.

Однако все-таки речь идет о меньшинстве рабочих. Большинство же промышленных рабочих прошло обучение на курсах техминимума⁴⁶. Этим, а также усложнением критериев квалификации объясняется в значительной мере тот факт, что удельный вес квалифицированных кадров в составе промышленных рабочих СССР в период с 1927 по 1937 г. фактически не изменился, составив соответственно 40.7% и 40.5%⁴⁷. На 15 мая 1941 г. квалифицированные рабочие составляли в угольной промышленности, черной и цветной металлургии, электропромышленности и на предприятиях среднего машиностроения свыше одной трети всех рабочих, в нефтяной промышленности, тяжелом и общем машиностроении – свыше 40% (выделю это показатель) и в текстиль-

ной промышленности – 53% всех рабочих⁴⁸. Абсолютная численность квалифицированных рабочих в промышленности возросла за годы довоенных пятилеток почти в 3 раза при, как уже отмечалось, возрастании самих критериев квалификации.

К 1941 г. средний разряд рабочих машиностроения СССР составлял 4.1–4.3, т.е. был ниже границы сложности работ. Со сложными заданиями могли справиться только рабочие 6–8 разряда, удельный вес которых в машиностроении СССР не превышал 22.5%⁴⁹. На предприятиях-гигантах Урала этот показатель колебался от 10% на Челябинском тракторном заводе до 23% на Пермском (Мотовилихинском) орудийном заводе⁵⁰. Приведем такой конкретный пример: в 1940 г. в ведущих цехах Уралмашзавода, выпускающих гаубицы, средний разряд работ составлял 4.2–4.6, а средний разряд рабочих не превышал соответственно 3.5–3.9. Аналогичная ситуация была и в других цехах Уралмашзавода⁵¹.

Обратим внимание на близость показателей категорий рабочих промышленности СССР со стажем непрерывной работы более 5 лет (20.9%) и квалифицированных рабочих 6–8 разряда (22.5%)⁵². Судя по всему, перед нами действительный диапазон (21–23% от всех рабочих) удельного веса рабочих индустриальной эпохи, отвечающих критериям категории «квалифицированные рабочие». Даже по официальным отчетам доля малоквалифицированных и неквалифицированных рабочих в мае 1941 г. в СССР составляла от 2/3 до 60% в тяжелой промышленности и была близка к величине удельного веса рабочих со стажем непрерывной работы до трех лет – 66.2%⁵³.

Показатели стажа непрерывной работы, квалификации советских рабочих к 1941 г. укрепляют представление о незавершенности процессов формирования рабочего класса индустриального общества. Вместе с тем названные критерии позволяют только в общих чертах судить о характере происходящих перемен. Так, в США в 1940 г. из числа всех рабочих только 31.3% относились к категории квалифицированных⁵⁴. Следовательно, необходимо дополнительное исследование: что в конкретной стране и в конкретное время включало в себя понятие *качества труда, сроки и содержание профессионально-технической подготовки* и вытекающие из названного понятия дефиниции квалификации рабочих.

Рассмотрим аналогичные характеристики уровня профессиональной подготовки рабочих Германии. В силу того, что уже к 1914 г. все дети в этой стране с 6 до 14 лет были обязаны обучаться в восьмилетних государственных общеобразовательных школах, многочисленные низшие профессиональные школы в Германии были рассчитаны на молодых людей, уже окончивших курс восьмилетней школы. Естественно, профессиональные школы могли сосредоточиться на технических и специальных дисциплинах для рабочих конкретной отрасли. Черты обязательности были присущи не только общеобразовательному обучению, но и системе профессиональной подготовки рабочей молодежи⁵⁵. Этому принципу во многом обязан секрет успеха подготовки рабочих кадров в Германии.

Созданный в 1925 г. Немецкий институт технического обучения рабочих занимался и проблемами профессиональной ориентации и рационализации рабочего процесса. С начала 1930-х гг. (руководство института уже с 1931 г. поддерживало тесные отношения с Гитлером) добавились идеи идеологического воспитания и перевоспитания рабочих: на предприятиях должно установиться единение интересов заводского коллектива, предпринимателей и государства; основой такого единения является внутренняя связь между рабочими и национал-социалистической идеей, стержнем которой выступают «солдатское мышление и немецкая честь, присущие всем расово чистым немцам»⁵⁶.

Целью деятельности Немецкого института технического обучения рабочих стало повышение производительности рабочих. Методом: «напряжение всех сил» (читай: интенсификация труда) через соответствующее немецкое воспитание (прилежание, трудолюбие, упорство, энергию и отвагу, немецкую рационализацию; «подчинение фюреру, законам расы и крови»). Так, по замыслу руководства института и нацистской партии, должна была идти выработка «немецкого трудового характера», «осо-

бого типа немецкого рабочего»⁵⁷. В 1935 г. государство ввело унифицированные стандарты при проведении экзаменов по профессионально-техническому мастерству в сфере ремесленного производства и на фабрично-заводских предприятиях. Черты обязательности с начала XX в. носила двухлетняя (с 1938 г. – трехлетняя) подготовка молодых рабочих в стационарных профессионально-технических учебных заведениях. Концепция учебно-производственных мастерских, которая в 1920-е гг. пропагандировалась Немецким институтом технического обучения рабочих, нацеленная на ускорение подготовки квалифицированных рабочих в Германии, была усвоена и реализована национал-социалистами. О выполнении поставленных задач можно судить по таким цифрам. Если в 1933 г. в 167 учебных мастерских для ремесленников и новых рабочих занималось 16 222 ученика, то в 1940 г. в 3 304 учебных мастерских – 2 444 250⁵⁸.

После мастерских ученики поручались конкретным отделам предприятий, в которых они обучались под руководством квалифицированных рабочих. Здесь напрашиваются аналогии с советскими стахановскими группами. Параллельно шло профессиональное теоретическое обучение в заводской профессиональной школе, посещение которой было обязательно и заменяло государственную профессиональную школу⁵⁹.

Лозунгом нацистов для системы технической учебы стал тезис: «Тотальная война может быть выиграна только при тотальной политике в сфере профессиональных школ»⁶⁰. К последним относились и сельскохозяйственные школы с двухлетним образованием и сдачей экзаменов на помощника по конкретной профессии⁶¹.

Если начинающие рабочие были обязаны проходить путь от стадии необученных работников к квалифицированным, то последние осваивали дорогу к должностям техников. Среди специалистов на должностях техников фирмы Сименс в 1936–1938 гг. $\frac{1}{4}$ состава представляли выходцы из рабочей среды. В то же время среди рабочих промышленности впервые появились люди со средним специальным образованием. Из числа занятых в машиностроении электрослесарей специалисты с высшим или средним техническим образованием составляли 0,5% в 1933 г. и 4,8% в 1939 г.⁶²

Доля квалифицированных рабочих в составе всех рабочих Германии снизилась с 36,4% в июне 1933 г. до 32% в июле 1936 г. и 31,9% в июне 1939 г. Несколько сократилась и доля обучающихся рабочих: с 10,7% в июне 1936 г. до 9,5% в июле 1939 г. Однако в ведущих отраслях промышленности Германии показатель квалифицированных рабочих был значительно выше: в металлообработке доля квалифицированных рабочих составляла 61% в 1933 г. и 54,4% в 1939 г. В металлургии соответственно 86,1% и 81,1%⁶³. Это означало, что именно в ведущих отраслях был сконцентрирован значительный массив квалифицированных рабочих, связанных с производством военной техники и боеприпасов.

В Германии двухлетняя, а с 1938 г. трехлетняя подготовка рабочих в стационарных профессионально-технических учебных заведениях имела прочную правовую и материальную основу. Разным, естественно, являлось *содержание* профессионально-технического обучения для большинства рабочих в двух странах. Как следствие, в ведущих отраслях промышленности Германии доля квалифицированных рабочих была вдвое выше, чем в СССР по официальным данным, в 3–4 раза – отталкиваясь от предложенного нами варианта действительного диапазона (21–23% от всех рабочих) удельного веса рабочих индустриальной эпохи, отвечающих критериям категории «квалифицированные рабочие».

Таким образом, при всех существенных отличиях требования индустриального развития диктовали весьма схожие формы государственной политики в сфере производственного образования, невзирая на политическую окраску режимов. Однако сказывался и уровень общекультурного развития страны; длительность мероприятий образовательного характера.

Большинство промышленных рабочих Германии было сосредоточено в немногих индустриально развитых регионах⁶⁴. На относительно небольшой территории Германии это позволяло добиваться меньших экономических издержек, развития специализации и кооперации, большей скорости транспортных перевозок. Следствием стали успехи продвижения германских товаров на мировых рынках, начиная с конца XIX в. Вместе с тем в условиях мировой войны вступали в силу и иные факторы. Назовем среди них: наличие природных ресурсов, численность населения, рассредоточенность промышленных и трудовых ресурсов в условиях тотального противоборства держав, в частности масштабных авиационных налетов. С этой точки зрения можно говорить об уязвимости Германии, ограниченности трудовых ресурсов.

Иную картину представлял региональный разрез советских промышленных рабочих. Рассмотрим сводные данные по республикам, краям и областям СССР за 1940 г., впервые вводимые в научный оборот (см. табл. 3).

«Старые» промышленные районы не просто сохранили свое ведущее место в индустрии СССР. При незначительном сокращении удельного веса «старых» промышленных районов (доля Украины в общесоюзном промышленном производстве за 1928–1940 гг. сократилась с 19.1% до 18%; Ленинграда – с 10.7 до 10.2%, Центрального промышленного района (ЦПР) – с 39.7 до 38.1%⁶⁵) именно здесь были сконцентрированы ведущие предприятия машиностроения и металлообработки. Так, удельный вес ЦПР составлял в общем объеме союзного производства 38.1%, а в производстве машиностроения и металлообработки – 44%, а военной продукции – 45%⁶⁶.

Вместе с тем составной частью индустриализации 1920–1930-х гг. в СССР стало ускоренное развитие промышленности восточных районов. За период 1928–1940 гг. заметным можно считать увеличение в общесоюзном промышленном производстве доли Урала (с 5% до 6.8%), Сибири (с 0.9% до 4.1%), Дальнего Востока (с 0.5% до 1.5%), республик Средней Азии и Казахстана (с 2.41% до 3.4%). Вместе с тем можно говорить о некотором сокращении доли республик Закавказья (с 5.4 до 3.4%)⁶⁷.

В 1940 г. 38.7% промышленных рабочих СССР проживали в четырех основных индустриальных центрах (Москва, Ленинград, Украина, Урал), где производилась половина промышленной продукции страны⁶⁸. Наши подсчеты показывают, что выработка промышленной продукции рабочими Урала составляла в среднем 83% от аналогичного общесоюзного показателя, на Украине – 97%, тогда как в Ленинграде – 188%, а в Москве – 223%. Столь разительные региональные отличия (даже среди ведущих индустриальных центров) во многом объяснялись *концентрацией в Московской и Ленинградской областях до половины предприятий союзной военной промышленности, обладавшей передовыми технологиями*⁶⁹.

Тем не менее, в восточных районах СССР было сосредоточено 29.3% рабочих и служащих СССР⁷⁰, что значительно превышало удельный вес восточных районов в общесоюзном промышленном производстве (21.7%) в 1940 г. В восточных районах строились или были выстроены сотни предприятий оборонно-промышленного сектора. Приведенные факты свидетельствуют, что в СССР к 1941 г. задача приближения промышленного потенциала и трудовых ресурсов к источникам сырья, расположенным к тому же вдалеке от границ, успешно решалась.

Подведем общий итог. При примерном количественном равенстве рабочих промышленности СССР и Германии близкой была и численность рабочих отраслей, определяющих технический прогресс. Качественные характеристики советского рабочего класса уступали соответствующим показателям германских рабочих. Значительная часть советских рабочих по своим социокультурным характеристикам соответствовала критериям начала раннеиндустриальной эпохи. Заметнее всего это прослеживается при сопоставлении общеобразовательного уровня рабочих. Уровню раннеиндустриальной модернизации наиболее полно соответствовали рабочие с неполным средним образованием. Между тем удельный вес советских рабочих, имеющих неполное сред-

Сравнительные данные о выпуске промышленной продукции и численности рабочих промышленности СССР (районный разрез)*

1940 г.				
Страна, район	Число предприятий	Среднегодовое число рабочих (тыс. чел.)	Стоимость валовой продукции (в ценах 1926–1927 гг., млн руб.)	Удельный вес в общесоюзном производстве пром. продукции (в %)
СССР	нет данных	11 583	138.700	100
РСФСР	692 511	8 138	100.200	72.23
районы Севера, области и республики:				
Архангельская	16 636	145.054	694	0.5
Вологодская	19 753	114.460	420	0.3
Коми АССР	3 468	38.326	142	0.1
районы Северо-Запада, области:				
Ленинградская	24 968	849.777	15 730	11.33
в том числе Ленинград	3 048	624.443	14 071	10.14
Мурманская	759	35.805	375	0.27
Карело-Финская ССР	нет данных	74.669	386	0.28
Центральный район, области и республики:				
Московская	20 706	1 471.356	31 044	22.38
в том числе Москва	3 799	764.973	20 397	14.7
Калининская	28 376	200.796	1 477	1.07
Смоленская	28 382	113.078	630	0.45
Ярославская	12 629	236.981	2 773	2
Ивановская	15 135	397.819	3 468	2.5
Тульская	10 239	172.575	2 052	1.48
Рязанская	11 982	89.069	501	0.36
Орловская	20 601	164.696	1 324	0.95
Курская	21 622	77.712	609	0.44
Воронежская	22 134	141.086	1 722	1.24
Пензенская	10 528	75.741	665	0.48
Тамбовская	11 616	65.047	589	0.42
Горьковская	27 629	356.059	4 531	3.27
Кировская	27 167	122.968	737	0.53
Марийская АССР	7 399	33.675	125	0.09
Чувашская АССР	нет данных	33.685	170	0.12
Мордовская АССР	нет данных	34.897	183	0.13
Юго-Восточный район, области и республики:				
Ростовская	13 541	223.486	2 759	1.99
Ставропольская	9 520	62.395	678	0.49
Краснодарский край	16 109	147.885	1 706	1.23
Чечено-Ингушская АССР	1 293	21.363	746	0.59
Кабардинская АССР	1 547	12.790	122	0.09
Северо-Осетинская АССР	1 169	17.423	204	0.15
Дагестанская АССР	4 091	28.002	267	0.19
Поволжье, области и республики				
Сталинградская	16 545	218.564	2 120	1.53
Астраханская	1 101	10.170	32	0.02
Саратовская	9 853	83.623	919	0.66
Ульяновская и Куйбышевская	15 469	155.434	1 576	1.14
Татарская АССР	18 573	123.982	1 219	0.88

Таблица 3 (окончание)

1940 г.				
Страна, район	Число предприятий	Среднегодовое число рабочих (тыс. чел.)	Стоимость валовой продукции (в ценах 1926/1927 гг., млн руб.)	Удельный вес в общесоюзном производстве пром. продукции (в %)
Урал, области и республики:				
Молотовская	17 568	204.521	2 196	1.59
Свердловская	17 696	303.294	2 929	2.11
Челябинская	18 303	200.128	2 497	1.8
Чкаловская	9 465	57.157	427	0.31
Башкирская АССР	19 248	94.783	653	0.47
Удмуртская АССР	14 499	92.702	756	0.55
Западная Сибирь, области и республики				
Новосибирская и Кемеровская	33 723	264.315	2 140	1.52
Омская	23 435	96.711	679	0.49
Алтайский край	25 664	103.516	649	0.47
Восточная Сибирь, области и республики				
Красноярский край	14 409	106.297	580	0.42
Иркутская	9 872	89.312	717	0.52
Читинская	6 524	64.606	373	0.27
Бурятская АССР	4 038	33.501	222	0.16
Якутская АССР	1 237	11.866	64	0.05
Дальний Восток, области и республики:				
Приморский край	2 894	77.296	668	0.48
Хабаровский край	6 929	193.108	1 424	1.03
Украина:				
без западных областей	164 525	2 030.699	24 213	17.45
с западными областями	нет данных	2 143.676	24 947	17.98
Крымская обл.	6 535	74.792	977	0.7
Молдавия	нет данных	39.534	280	0.2
Белоруссия	нет данных	354.081	2 800	2.07
Казахстан	28 376	209.902	1 546	1.11
Узбекистан	20 423	165.033	2 180	1.58
Туркменистан	2 941	36.311	425	0.31
Таджикистан	6 036	26.698	321	0.23
Киргизия	6 302	36.078	285	0.20
Грузия	14 631	110.571	1 471	1.02
Армения	5 277	36.459	429	0.35
Азербайджан	6 947	118.135	2 864	2.06

* Составлено по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 811, л. 10–13. Отсутствуют данные по Прибалтике.

нее образование (семилетнее в СССР и восьми-девятилетнее в Германии, уступал германскому аналогичному показателю примерно на порядок. Наиболее типичному для СССР рабочему с начальным образованием в 1941 г. противостоял германский рабочий с восьми-девятилетним.

Более поздние сроки завершения промышленного переворота и вступления в стадию позднеиндустриальной модернизации в СССР⁷¹ обусловили и длительность становления в нашей стране категории современных промышленных рабочих индустриальной эпохи. Как следствие, в ведущих отраслях промышленности Германии даже по официальным данным доля квалифицированных рабочих была вдвое выше, чем в СССР.

Вместе с тем рабочие военно-промышленного комплекса и в СССР, и в Германии были заняты в отраслях, вступивших в стадию позднеиндустриальной модернизации. В условиях серийного производства 1930–1940-х гг. разница в образовательном уровне, степени квалификации рабочих сказывалась преимущественно на *качестве* военной продукции, *но не на масштабе* ее выпуска. Кроме того, в ведущих отраслях промышленности, прежде всего в машиностроении СССР, был создан тот костяк квалифицированных рабочих – более 1 млн человек! – который при бронировании в тылу становился достаточным для выполнения сложных заданий и обучения новых рабочих. Испытание войной показало: при существовании многочисленного ядра рабочих индустриального типа и государственных программ обязательного технического обучения рабочих существует возможность для относительно быстрой подготовки рабочих массовых профессий и, как следствие, организации широкомасштабного военного производства. К 1941 г. в СССР была успешно решена задача приближения промышленного потенциала и трудовых ресурсов к источникам сырья, расположенным вдалеке от границы.

С точки зрения тотальной войны *рассредоточенность промышленных и трудовых ресурсов в СССР выступала весомым фактором превосходства над противником*. С этой позиции можно говорить об ограниченности трудовых ресурсов Германии.

В обеих странах руководители, взяв на вооружение в качестве глобальной национальной доктрины идеи мировой гегемонии (мирового господства либо мировой революции), не могли не прийти к приоритету мобилизационных задач над социальными. Однако Германия открыто бросила вызов большинству стран мира. Нападение фашистской Германии на СССР означало и начало эпохи невиданных бедствий для германских промышленных рабочих, массовых мобилизаций, гибели части рабочих от бомбардировок промышленных объектов. Состав германского промышленного класса менялся не в лучшую сторону, как и его психологические характеристики.

В сложнейшей ситуации рабочие промышленности СССР смогли выстоять и победить. Отметим только один из подвигов советских рабочих: 4 года семидневной рабочей недели по 12 час. в день! Рабочие Германии, как известно, до октября 1944 г. работали 6 дней в неделю по 9 час., сохранив двухнедельный ежегодный отпуск.

Конечно, «социализм в СССР» и капитализм в Германии представляли собой вполне определенные социально-экономические конструкции. Однако в условиях мировой войны включались «в бой» и такие важные факторы, как вера, выносливость и стойкость населения, его патриотические настроения.

Примечания

¹ См. напр.: *Filtzer D. Soviet workers and Stalinist industrialization*. L., 1986. P. 128–129.

² *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е гг.: Город. М., 2001. С. 20.

³ См.: *Индустриализация: исторический опыт и современность*. СПб., 1998. С. 104.

⁴ *Alen R.C. Farm to Farctory: a Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton. 2003.

⁵ *Верт Н.* История советского государства. 1900–1991. М., 1992. С. 229.

⁶ *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2006. С. 11.

⁷ *Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Рост рабочего класса СССР. 1917–1940 гг. М., 1976.

⁸ *История советского рабочего класса: в 6 т. Т. 3.* М., 1984. С. 117, 504.

⁹ Там же. С. 114, 212–213.

¹⁰ См. напр.: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 811, д. 813, д. 4575, д. 4579.

¹¹ Там же, ф. 1562, оп. 329, д. 1475, л. 39.

¹² *Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 97.

¹³ Численность рабочих предприятий, связанных с выполнением оборонных заказов, превышала массив рабочих, занятых непосредственно на предприятиях наркоматов вооружений, боеприпасов, авиационной и судостроительной промышленности. См.: *Симонов Н.С.* Военно-промышленный комплекс СССР в 20–50-е гг. М., 1996. С. 326–327.

- ¹⁴ История советского рабочего класса. Т. 2. М., 1982. С. 196.
- ¹⁵ См.: Новая и новейшая история. 1984. № 2. С. 75–76.
- ¹⁶ *Вобль К.* Третья профессионально-промышленная перепись в Германии. (Опыт аналитико-методологического исследования). Киев, 1911. С. 410.
- ¹⁷ Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung in Deutschland seit dem Ende des 18. Jahrhunderts. Bonn; Dietz. Bd. 12. Unterm Hakenkreuz: Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939. 1999. S. 336.
- ¹⁸ *Weller H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Vierter Band. 1914–1949. Munchen, 2003. S. 311.
- ¹⁹ *Вобль К.* Указ. соч. С. 361–362.
- ²⁰ Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung in Deutschland... S. 337.
- ²¹ *Weller H.-U.* Op. cit. S. 310.
- ²² Ibid. S. 314.
- ²³ История советского рабочего класса. Т. 2. С. 200.
- ²⁴ *Weller H.-U.* Op. cit. S. 311.
- ²⁵ Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. М., 2000. С. 175–213.
- ²⁶ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 37, д. 4575, л. 39–41.
- ²⁷ Подсчитано по: *Иванова Н.А.* Структура рабочего класса России 1900–1914 гг. М., 1987. С. 46.
- ²⁸ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 37, д. 4575, л. 39–41.
- ²⁹ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 4372, оп. 37, д. 4575, л. 41. Численность рабочих лесозаготовок СССР в «Истории советского рабочего класса» скрыта в общей категории рабочих лесопромышленности, деревообрабатывающей и бумажной промышленности. См.: История советского рабочего класса. Т. 3. С. 105.
- ³⁰ См.: *Земсков В.Н.* Кулацкая ссылка накануне и в годы Великой Отечественной войны // Социс. 1992. № 2; *его же.* Заключенные в 30-е гг. (демографический аспект) // Социс. 1996. № 7.
- ³¹ *Вобль К.* Указ. соч. С. 374.
- ³² Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung in Deutschland... S. 338.
- ³³ Ibid.
- ³⁴ Ibid.
- ³⁵ *Weller H.-U.* Op. cit. S. 452.
- ³⁶ Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung in Deutschland... S. 361.
- ³⁷ *Weller H.-U.* Op. cit. S. 452.
- ³⁸ Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung in Deutschland... S. 360.
- ³⁹ Ibid. S. 373.
- ⁴⁰ Ibid. S. 361.
- ⁴¹ Ibid. S. 334; *Weller H.-U.* Op. cit. S. 313.
- ⁴² *Кидд В.А.* Пути и формы распространения профессиональных знаний. Петроград, 1916. С. 102–105.
- ⁴³ См. напр.: РГАЭ, ф. 7297, оп. 7, д. 108, л. 4.
- ⁴⁴ *Постников С.П., Фельдман М.А.* Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург, 2004. С. 135–137.
- ⁴⁵ Там же. С. 139–157.
- ⁴⁶ См.: Очерки истории профессионально-технического образования в СССР. М., 1981. С. 176, 201; *Постников С.П., Фельдман М.А.* Указ. соч. С. 144.
- ⁴⁷ История советского рабочего класса. Т. 2. С. 206; Изменение социальной структуры советского общества (1921 – середина 30-х годов). М., 1979. С. 211.
- ⁴⁸ *Сенявский С.Л., Тельпуховский В.Б.* Рост рабочего класса СССР. 1938–1965 гг. М., 1971. С. 352.
- ⁴⁹ *Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 209.
- ⁵⁰ См.: *Фельдман М.А.* Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. Екатеринбург, 2001. С. 257–258.
- ⁵¹ Государственный архив Свердловской области, ф. 262, оп. 1, д. 16, л. 17, 41, 44, 64, 406.
- ⁵² *Вдовин А.И., Дробижев В.З.* Указ. соч. С. 209. Данные по квалификации приведены по рабочим машиностроения СССР.
- ⁵³ *Сенявский С.Л., Тельпуховский В.Б.* Указ. соч. С. 352–353.
- ⁵⁴ *Смирнов Е.Л.* Подготовка квалифицированных кадров // Труд и зарплата в СССР. М., 1968. С. 124.
- ⁵⁵ *Кидд В.А.* Указ. соч. С. 102–105.

⁵⁶ Geschichte der Arbeiter und der Arbeiterbewegung in Deutschland... S. 209–210.

⁵⁷ Ibid. S. 211–212.

⁵⁸ Ibid. S. 372.

⁵⁹ Ibid. S. 373.

⁶⁰ Ibid. S. 374.

⁶¹ Ibid. S. 375.

⁶² Ibid. S. 331.

⁶³ Ibid. S. 329–330.

⁶⁴ Ibid. S. 336.

⁶⁵ Подсчитано по: Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. 3. М., 1930. С. 563; Плановое хозяйство. 1928. № 4. С. 289; РГАЭ, ф.1562, оп. 329, д. 811, л. 10; д. 811, л. 132.

⁶⁶ Подсчитано по: РГАЭ, ф.1562, оп. 329, д. 813, л. 2, 132, 137.

⁶⁷ Подсчитано по: Пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Т. 3. С. 563; Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР. М., 1939. С. 37; Плановое хозяйство. 1928. № 4. С. 289; РГАЭ, ф.1562, оп. 329, д. 811, л. 10; д. 811, л. 132.

⁶⁸ Подсчитано по: РГАЭ, ф. 1562, оп. 329, д. 811, л. 9–12; д. 813, л. 132.

⁶⁹ *Симонов Н.С.* Указ. соч. С. 98.

⁷⁰ История советского рабочего класса. Т. 3. С. 109.

⁷¹ Опыт российских модернизаций XVIII–XX века. С. 175–213.

© 2009 г. С. В. ЯШИН*

ОРГАНЫ ВОЕННЫХ СООБЩЕНИЙ КРАСНОЙ АРМИИ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Проблеме обеспечения Красной армии железнодорожным сообщением в 1941–1945 гг. посвящен ряд работ, вышедших в 60-х–90-х гг. прошлого века, в которых частично отражена деятельность военных сообщений фронта (ВОСО) по организации работы железных дорог при подготовке и проведении крупнейших сражений Красной армии в Великой Отечественной войне¹. Однако специальных исследований деятельности ВОСО проведено не было. В данном сообщении сделана попытка восполнить этот пробел.

Источниковой базой исследования явились архивные документы, материалы мемуарного и статистического характера из библиотеки Центрального управления военных сообщений Министерства обороны, материалы личных бесед с ветераном органов ВОСО генерал-майором В.Д. Чугуновым, с местными жителями – свидетелями военных событий того времени, материалы периодической печати.

С началом Великой Отечественной войны условия эксплуатации железных дорог резко изменились. Непрерывно увеличивался поток поездов, менялись направления. Возросли объемы и срочность перевозок. Изменились административные границы эксплуатируемых участков. Управление эксплуатационной работой в отличие от мирного времени осуществлялось часто органами, временно действовавшими на данном участке. В сложной военной обстановке повысилась ответственность органов военных сообщений не только за организацию, но и за качество эксплуатации железных дорог, особенно в полосе действия фронта.

Война не изменила основных принципов организации работ по эксплуатации железных дорог. Централизация, плановость, высокая трудовая дисциплина руководства

* **Яшин Сергей Владимирович**, кандидат философских наук, доцент Нижегородского государственного педагогического университета.

действовали в течение всей войны как в тылу, так и на фронтовых железных дорогах. Показатели работы рассматривались ежемесячно и корректировались в зависимости от обстановки. Фронтвые дороги работали по оперативным заданиям². Для максимального использования возможностей железных дорог органами ВОСО применялись специальные методы организации движения поездов и повышения пропускной способности участков и направлений. Широко использовались пропуск поездов «вслед» и с разграничением определенными интервалами времени, на удаление прямой видимости впереди идущего поезда, следование поездов по сигналам «живой блокировки», движение поездов только в темное время суток. Вводились непарный график, караванное движение, движение по кольцу. Применялись такие методы на ограниченный срок в различных сочетаниях, позволявших получить наибольший эффект именно в данной обстановке.

В начале войны исключительно большие трудности испытывали железные дороги, по которым выполнялись перевозки по сосредоточению стратегических резервов при подготовке контрнаступления советских войск под Москвой осенью 1941 г. К Московскому железнодорожному узлу по нескольким направлениям разных железных дорог шел поток поездов с войсками, бытовой техникой, вооружением, другими материальными средствами. В целях большей четкости и согласованности в работе этих железных дорог по решению Государственного Комитета обороны с 24 октября 1941 г. руководство Московским железнодорожным узлом было сосредоточено в специально созданном военно-эксплуатационном управлении (ВЭУ), единственном на территории СССР. Одновременно на базе отделений служб движения Западной и Московско-Окружной железных дорог было сформировано 11 военно-эксплуатационных отделений (ВЭО)³.

Действовавшее на Московском узле ВЭУ сыграло важную роль в обеспечении подвоза резервов и преодолении возникавших трудностей в работе фронтовых железных дорог. 17 марта 1942 г. ВЭУ было упразднено. Необходимость в создании ВЭУ на территории Советского Союза больше не возникала, так как протяженность железнодорожной сети фронтов в различных операциях составляла 1 000–1 200 км и обеспечивалась, как правило, одним управлением дороги⁴.

На военно-эксплуатационные отделения возлагались задачи по эксплуатации прифронтовых участков железных дорог, частичного производства восстановительных работ при повреждении и разрушении их противником, содержание и ремонт пути, гражданских сооружений, устройств тягового хозяйства, связи и СЦБ, осуществление мероприятий по противовоздушной и противохимической обороне, обеспечение отдельной эксплуатационной железнодорожной роты подвижным составом. Кроме таких рот существовали эксплуатационные железнодорожные полки, которые являлись комплексными специальными воинскими организациями, способными обслуживать прифронтовые железнодорожные участки протяжением до 200 км⁵.

Летом 1942 г. немецко-фашистские войска с боями продвигались к Сталинграду. На подходах к Сталинграду и в Сталинградском узле скопились около 18 тыс. разбитых и сожженных вагонов. Путевое развитие станций непрерывно сокращалось из-за разрушений и необходимости разбирать станционные пути для восстановления главных путей. В этой обстановке в начале 1942 г. выполнялась срочная перевозка танкового соединения (32 эшелона) в район Иловля, Качалино. По предложению начальника передвижения войск на Юго-Восточной железной дороге военинженера 1 ранга Я.И. Щепенникова был разработан план выполнения этого задания. В соответствии с планом участок Поворино–Иловля освобождался от находившихся на нем поездов. Почти все паровозы, имевшиеся на дороге, сосредоточивались в Поворино и предоставлялись только для эшелонов танкового соединения⁶.

Обстановка в районе предстоящей перевозки была крайне опасной. Противник в любой момент мог перерезать маршрут. Необходимо было как можно быстрее пропустить эшелоны в Сталинград. Потребовалось ввести одностороннее движение поездов по сигналам «живой блокировки». В качестве специалистов, подающих такие сигналы, были привлечены офицеры военных сообщений. Поезда отправлялись «вслед»

друг за другом при максимально возможной в этих условиях технической скорости, с интервалами в 15 мин. Вдоль линии были установлены «живые светофоры», роль которых выполняли офицеры ВОСО, находившиеся в укрытых от противника местах с сигнальными фонарями⁷.

По мере освобождения участка Поворино–Иловля по нему отправлялись эшелоны с танками и сосредоточивались на станциях севернее Филоново. После прохода через Филоново последнего из выводимых на север составов с порожняком начиналось одностороннее движение поездов с танками. Поезда следовали в темное время суток с интервалами 5–7 мин., со скоростью 15 км в час, каждому начальнику эшелона и машинисту указывался пункт выгрузки на перегонах. Эшелоны сопровождали офицеры военных сообщений, руководившие этой операцией. Вовремя приняты меры позволили выполнить перевозку⁸.

В августе 1942 г. после завершения строительства линии на участке Иловля–Петров Вал руководство Юго-Восточной железной дороги и органы военных сообщений Сталинградского фронта организовали кольцевое одностороннее караванное движение по маршруту Балашов – Поворино – Иловля – Петров Вал – Балашов. В период напряженных перевозок поезда под выгрузку, поступавшие на станцию Балашов, направлялись на Поворино–Иловля, далее на станции выгрузки, а порожняковые составы и эвакогрузы следовали по маршруту Иловля – Петров Вал – Балашов. Такой метод организации движения поездов позволил поднять пропускную способность на участке Поворино–Иловля до 21–22 пар поездов в сутки вместо расчетных 16 пар⁹.

В феврале 1943 г. войска Юго-Западного фронта, преследуя противника, вышли на рубеж р. Северный Донец и там закрепились. Соединения фронта оторвались от баз снабжения на 300–400 км. Вслед за войсками восстанавливалась лишь однопутная линия Лиски–Валуйки–Купянск, но она не обеспечивала потребности фронта.

Управление военных сообщений фронта (УПВОСО), возглавляемое полковником С.Н. Кресиком, разработало предложение по организации одностороннего движения с постановкой порожняка на временный отстой в районе выгрузки. Проведенной реконструкцией было установлено, что для отстоя может быть использована примыкающая к станции Купянск Сватовская железнодорожная ветвь. Это предложение утвердило командование Юго-Западного фронта. Поезда в темное время суток направлялись под выгрузку в район станции Купянск. Порожняк выставлялся на Сватовскую железнодорожную ветку, а паровозы сплотками возвращались в Валуйки. Перевозка продолжалась 7 суток. К ее окончанию на железнодорожной ветке скопились до 6 тыс. вагонов. Такой метод организации движения следует расценивать как крайнюю меру, поскольку большое число вагонов на значительный срок выбыло из оборота¹⁰.

После прорыва блокады Ленинграда между Ладожским озером и линией фронта образовался коридор шириной 8–11 км. В чрезвычайно сложных условиях под огнем противника была построена линия Шлиссельбург–Поляны протяженностью 36 км. Регулярные перевозки по ней начались 6 февраля 1943 г.¹¹ В целях эффективного использования жизненно необходимой для Ленинграда линии и сокращения потерь материальных средств при перевозках Управление военных сообщений Ленинградского фронта совместно с руководством Октябрьской железной дороги разработало, а командование Ленинградского фронта утвердило инструкцию о порядке движения поездов. Инструкцией устанавливалось движение только в темное время суток. Запрещалась подача звуковых сигналов, устанавливались меры ПВО, средства и порядок восстановления разрушенных объектов, вводилось обязательное сопровождение поездов офицерами ВОСО.

Контроль за работой линии командованием фронта возлагался на начальника военных сообщений 67-й армии полковника Г.Г. Мирошниченко.

Оперативная группа управления ВОСО фронта составляла план отправления поездов со станции Волховской и передавала его на исполнение военному коменданту участка, который совместно с отделением службы движения дороги составлял график прохода поездов на станцию Жихарево, их дальнейшего отправления и следования на Шлиссельбург¹².

Первоначально по линии удавалось пропускать за ночь 4–7 поездов. Для ускорения движения в мае 1943 г. на линии было организовано караванное движение поездов с применением «живой блокировки». Поезда отправлялись с интервалом 10 мин. и следовали со скоростью до 15 км в час. В ночь на 8 мая, когда началось караванное движение в Ленинград, прибыли 24 поезда. Паровозы возвращались на следующую ночь со двоянными составами порожняка или сплотками. Такая организация движения просуществовала до конца мая 1943 г.¹²

Значение железнодорожной линии Шлиссельбург–Поляны для улучшения снабжения Ленинграда, оборонявших его войск невозможно переоценить. Объемы перевозок постоянно возрастали. Если за февраль 1943 г. удалось пропустить всего 9 поездов, то в декабре этого же года прошло 407 поездов. Всего за время действия линии с февраля 1943 г. по 27 января 1944 г. в Ленинград было доставлено 4 729 поездов¹³.

В ходе наступательных операций советских войск задача своевременного подвоза в войска материальных средств усложнилась. Значительная растяжка коммуникаций подвоза из-за отставания темпов продвижения войск, нехватка автомобильного транспорта – все заставляло использовать любые транспортные возможности и средства для военных перевозок.

Одной из таких возможностей стало использование железнодорожных участков, отрезанных от основной сети фронта, как правило, в результате разрушения крупных железнодорожных мостов. На таких изолированных участках после выполнения восстановительных работ организовывалось движение поездов. Эксплуатация изолированных участков, выполнение воинских перевозок по ним обрабатывались в ходе войны.

Организация работы на изолированном участке в большинстве случаев возлагалась на органы военных сообщений. Об эксплуатации некоторых из таких участков и участии в ее организации офицеров ВОСО автору рассказал генерал-майор В.Д. Чугунов, который весной и летом 1944 г. был военным комендантом железнодорожного участка и станции Черновицы Кишиневской железной дороги: «Мосты через Днестр у Могилева-Подольского и Залещиков, через Прут у Снятына, через Сирет у Вадул-Сирета были разрушены. Черновицкое отделение оказалось лишенным прямой связи с соседними железными дорогами, образовались изолированные участки.

На одном из таких участков грузы снабжения, поступившие с фронтных баз по железной дороге, перегружались в Могилеве-Подольском на автотранспорт, который доставлял их на станции погрузки Волчинец и Окница. Здесь грузы снова перегружали в вагоны и отправляли по изолированному участку до станций выгрузки Ларга и Липканы, отсюда они автотранспортом доставлялись на армейские склады. Всего за время работы было перевезено для 27-й и 40-й армий 290 вагонов с грузами, из них войскам 40-й армии 84 вагона с боеприпасами и 106 вагонов с продовольствием.

Несколько позднее в полосе действий 18-й армии 1-го Украинского фронта был использован другой изолированный участок: Окна Буковины, Врынчены, Стефанешты и Коломыя протяженностью 108 км. По нему ежедневно для 18-й армии перевозилось 10–15 вагонов с продовольствием, около 10 вагонов с другими грузами. Перевозку осуществляли поезда-вертушки, находившиеся на строгом учете у офицеров-диспетчеров нашего подразделения. Для ускорения пропусков поездов по участкам эшелоны с войсками и транспорты с боеприпасами сопровождали офицеры комендатуры. Они инструктировали личный состав эшелонов о порядке действий в пути следования, а в случае необходимости принимали меры к ликвидации последствий воздушного нападения противника»¹⁴.

С первых дней войны авиация противника совершала налеты на железные дороги, стремилась парализовать движение поездов. Для того чтобы снизить эффективность воздействия вражеской авиации, поезда в соответствии с требованиями ПВО на ночь выводились из железнодорожных узлов. Бомбежка, осуществляемая в ночное время, шла по пустым станциям. Потери в таких случаях были незначительными. Однако случалось, что требования ПВО выполнялись не полностью.

Летом 1944 г. на железнодорожный узел Смоленск длительное время не было больших налетов авиации противника. Узел работал с большим напряжением. Требования по рассредоточению поездов на период темного времени суток нарушались. В ночь на 26 июня 1944 г. противник произвел массированный налет на город и железнодорожный узел Смоленск, в результате которого было разбито и повреждено большое количество подвижного состава. На станции образовались завалы, сильно затруднявшие ликвидацию последствий налета.

Происшедшее событие послужило хорошим уроком. И когда в ночь на 28 июня 1944 г. авиация противника вновь совершила массированный налет на узел Смоленск, то его последствия оказались незначительными – было повреждено всего 17 вагонов. Через несколько часов сквозное движение через узел было открыто¹⁵.

В чрезвычайно сложной и опасной обстановке, когда в результате бомбардировок на станциях начинались пожары, взрывались вагоны с боеприпасами и цистерны с горючим, офицеры военных сообщений организовывали и непосредственно участвовали в тушении пожаров, предотвращении взрывов, работали за машинистов, сцепщиков и других специалистов-эксплуатационников. Так, офицерам комендатуры станции Сухиничи во главе с военным комендантом майором Кузьминым приходилось в ряде случаев руководить маневровой работой, расцеплять и выводить за станционные пределы горящие после вражеских авианалетов вагоны, чтобы не допустить прекращения работы станции¹⁶.

А на станции Осташков военным комендантом, по словам местных жителей, был молодой, энергичный капитан. Во время налетов фашистской авиации он укрывался в бомбоубежище рядом с вокзалом, а после их окончания принимал деятельное участие в ликвидации последствий бомбежек и налаживании работы станции. К сожалению, местные жители, очевидцы тех событий, не запомнили фамилию коменданта¹⁷. Автору удалось найти в Центральном архиве Министерства обороны РФ документ, позволивший установить фамилию этого офицера ВОСО. Им был капитан В. Панов¹⁸.

Весенне-летняя кампания 1944 г. завершилась полным освобождением территории нашей страны от немецко-фашистских захватчиков. Войска 1-го, 2-го, 3-го Белорусских, 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов подошли к границе с Восточной Пруссией, вступили на территорию Румынии и Венгрии. Развернулось сражение за освобождение народов Восточной Европы от фашистского ига.

С перенесением военных действий за пределы Советского Союза на органы военных сообщений было возложено не только руководство воинскими перевозками, но и непосредственное руководство эксплуатационной работой заграничных дорог. С выходом наших войск за государственную границу для технического обслуживания и руководства заграничными железными дорогами фронтов были сформированы военно-эксплуатационные управления. В подчинение каждого ВЭУ входили: одно военно-эксплуатационное отделение и один-два эксплуатационных железнодорожных полка или, наоборот, два ВЭО и один полк¹⁹.

В оперативном отношении начальник военно-эксплуатационного управления подчинялся Военному совету фронта через начальника военных сообщений фронта. Практически это выражалось в том, что начальник военных сообщений фронта предьявлял начальнику ВЭУ задания на перевозки, контролировал их выполнение, а также давал указания о порядке эксплуатации фронтовых коммуникаций и распределения подведомственных ему организаций по отдельным железнодорожным направлениям. С начальником военных сообщений фронта согласовывались графики движения поездов, организация технического прикрытия железнодорожных направлений. Четкое взаимодействие между начальниками военных сообщений фронта и ВЭУ, между начальником военных сообщений армии, линейными органами военных сообщений и ВЭО было важной основой выполнения воинских перевозок²⁰.

Новая обстановка поставила перед органами военных сообщений, железнодорожным транспортом СССР ряд сложных задач по организации эксплуатации зарубежных железных дорог. Предстояло организовать движение поездов на железных дорогах,

имевших разную ширину колеи: 1 435 мм – на Западе, 1 524 мм – в Советском Союзе. Различались технические устройства, методы, средства управления движением. Первоначально ощущался острый недостаток исправного подвижного состава западноевропейской колеи, особенно четырехосных платформ для перевозки танков и цистерн для горючего. Возникли большие трудности с привлечением к работе местных железнодорожников, значительная часть которых эвакуировалась или была угнана отступавшим противником.

В отличие от территории СССР, где освобождаемые участки железных дорог сразу перешивались на союзную колею, за рубежом необходимы были другие решения. Так, восстановление линий на союзную колею и создание глубоких ввозов в сеть западноевропейских железных дорог давало большой эффект, позволяло избегать затрат сил и времени на перегрузку эшелонов и транспортов одной колеи на другую. В результате повышались маршрутные скорости, сокращалось время на доставку войск и грузов по назначению.

По мере продвижения советских войск сеть зарубежных железных дорог, перешиваемых на союзную колею, возрастала. Увеличивалось количество подвижного состава союзной колеи на зарубежной территории.

Сложившаяся на зарубежных железных дорогах обстановка потребовала организации перегрузочных районов, которые функционировали до завершения войны. Перегрузочные районы на стыке линий союзной и западноевропейской колеи готовились силами фронтов.

В состав перегрузочного района включалось несколько перегрузочных станций, специализированных, как правило, по видам перегружаемых воинских грузов. Отдельно назначались станции для перегрузок эшелонов, военно-санитарных поездов, боеприпасов и горючего.

Впервые перегрузочные районы были организованы на железных дорогах Румынии после вступления советских войск на ее территорию на направлениях базирования 2-го и 3-го Украинских фронтов. Железные дороги Румынии не были разрушены, сохранился исправный подвижной состав, осталась на местах железнодорожная администрация.

Руководство работ перегрузочных районов на стыке советских и румынских железных дорог осуществлял уполномоченный Центрального управления военных сообщений Советской армии на железных дорогах Румынии генерал-майор технических войск В.И. Дмитриев. Он разрабатывал суточный план перегрузки на основе данных о подходе эшелонов и транспортов для 2-го и 3-го Украинских фронтов, получаемых от ЦУПВОСО. План передавался для исполнения военным комендантам перегрузочных районов.

Подготовка, формирование и подача порожняка западноевропейской колеи в пункты перегрузки выполнялись распоряжением военных комендантов станций. Перегрузка грузов выполнялась силами перевалочной базы Центра, имевшей в своем составе рабочих и автотранспортные части. Перегруженные эшелоны и транспорты направлялись на распорядительные станции фронтов под контролем органов военных сообщений.

По такому же принципу, что и в Румынии, был создан и работал перегрузочный район на стыке советских и венгерских железных дорог. Руководство работой осуществлялось уполномоченным ЦУПВОСО на железных дорогах Венгрии.

Управление работой перегрузочного района осуществлял военный комендант, являвшийся одновременно военным комендантом распорядительной станции фронта. Военные коменданты назначались и на перегрузочные станции²¹.

С 12 января 1945 г. войска 1-го Украинского фронта проводили Висло-Одерскую операцию. В ходе ее подвоз войскам всего необходимого осуществлялся из вагонов отечественной колеи в вагоны западноевропейской колеи. Для этой цели в январе 1945 г. был организован Розвадувский перегрузочный район, в состав которого входили 6 перегрузочных станций. Опыта в организации перевозок с перегрузкой не было,

и это на первых порах отрицательно сказывалось на работе перегрузочного района. Для организации работы в перегрузочном районе была создана оперативная группа во главе с начальником отдела перевозок управления военных сообщений фронта полковником Л.М. Радченко²².

При подготовке к Восточно-Померанской операции организация перегрузочного района планировалась заблаговременно. Управление военных сообщений 2-го Белорусского фронта совместно с управлением военно-восстановительных работ фронта (УВВР) наметило участки перегрузочного района. УПВОСО фронта разработало технические условия на его проектирование, УВВР фронта составило проект перегрузочного района.

Перегрузочный район размещался на двухпутном участке Насельск–Дзялдово главного железнодорожного направления 2-го Белорусского фронта Белосток–Остроленка–Найденбург–Дзялдово, к нему примыкало направление Белосток–Модлин–Насельск. Достоинством выбранного направления было наличие двухстороннего подхода к району, что повышало его маневренность.

Строительство перегрузочного района началось сразу после освобождения участка от противника. На двухпутном участке Насельск–Дзялдово один путь перешивался на колею, равную используемой в СССР.

Управление работой перегрузочного района до 16 марта 1945 г. осуществлялось начальником военных сообщений 2-го Белорусского фронта, затем начальником оперативной группы УПВОСО фронта. Управление всеми тыловыми организациями и частями в перегрузочном районе осуществлял начальник перевалочной базы, размещавшейся в Дзялдово.

На станциях перегрузки имелись военные комендатуры и помощники начальника перевалочной базы. Военные коменданты входных станций Насельск и Дзялдово являлись одновременно комендантами распорядительных станций фронта. Такое совмещение обязанностей в усложнившейся обстановке себя оправдало. Работа перегрузочного района на сутки планировалась начальником военно-эксплуатационного управления фронта.

Всего в Насельск–Дзялдовском перегрузочном районе во время Восточно-Померанской операции было перегружено 15 165 вагонов с оперативными эшелонами и грузами снабжения, из них в сторону фронта перегрузка составила 10 938 вагонов²³.

Рассмотренные выше перегрузочные районы имели линейный тип и работали на одно направление. В Катовицком перегрузочном районе к магистрали союзной колеи примыкало несколько линий западноевропейской колеи. Такое построение района позволяло шире использовать для внутренних перевозок сеть железных дорог западноевропейской колеи. Входной станцией с востока была станция Катовице. Все прибывающие транспортеры в соответствии с заданиями органов военных сообщений получали назначение на станции выгрузки или перегрузки.

Более благоприятная обстановка сложилась для 2-го и 3-го Украинских фронтов на территории Румынии: наличие органов эксплуатации на железных дорогах, исправные транспортные средства, хотя и отличные от использовавшихся на советских железных дорогах, позволили в сравнительно короткие сроки наладить движение поездов.

Для обеспечения перевозок на железных дорогах Румынии в соответствии с директивой Ставки были сформированы управление уполномоченного ЦУПВОСО при генеральной дирекции румынских железных дорог и управления военных комендантов при каждой линейной дирекции. Эти органы помогли местной администрации освоить методы эксплуатации железных дорог, принятые на советских железных дорогах.

Возникли трудности с подвижным составом. В вагонном парке крытых вагонов и полуплатформ, пригодных для перевозки тяжелой техники, было недостаточно.

Для перевозки тяжелых танков по требованию органов военных сообщений на румынских предприятиях было организовано усиление конструкций длинномерных платформ под тяжелые нагрузки. Кроме того, все платформы, пригодные для пере-

возки танков, были взяты на учет органами военных сообщений. Это позволило знать, где они находятся и в каком состоянии.

Большие трудности возникли при перевозке эшелонов с танками по горным участкам Плоешти–Брашов и Кратова–Турну–Северин–Карансебеш. Румынские машинисты, хотя и опытные, не имели практики вождения поездов такого веса по горным участкам. Приходилось офицерам военных сообщений, имевшим права на управление локомотивами, и машинистам подразделений эксплуатационной железнодорожной бригады помогать местным локомотивным бригадам осваивать вождение тяжеловесных составов.

На сети железных дорог Румынии было развернуто 10 военных комендатур. Работа их была исключительно напряженной. Высокая профессиональная подготовка, компетентность, отличные организаторские способности офицеров органов военных сообщений, работавших в Румынии, помогли создать деловые взаимоотношения с местной администрацией²⁴.

Более сложной была организация эксплуатации железных дорог на территории Польши и Германии. До рубежа Вислы железные дороги имели большие разрушения. Западноевропейского подвижного состава на освобождаемой территории осталось мало. Из-за недостатка вагонов западноевропейской колеи и медленной выгрузки транспортов, прибывших с востока, на фронтовой сети образовался излишек вагонов союзной колеи, что создавало трудности в организации движения поездов.

Положение осложнялось нехваткой эксплуатационного персонала. К началу Восточно-Померанской операции 2-й Белорусский фронт вообще не имел эксплуатационных формирований. Прибывшие затем ВЭО и эксплуатационные железнодорожные полки осуществляли эксплуатацию главных железнодорожных направлений и обеспечивали работу перегрузочного района. Остальная сеть железных дорог фронта обеспечивалась местными железнодорожниками под руководством армейских органов военных сообщений. Первоначально ограниченные размеры движения обеспечивались в основном офицерами военных сообщений, которым приходилось выполнять обязанности дежурных по станциям, машинистов, кондукторов. Позднее начальникам военных сообщений армий разрешили привлекать к работе гражданское население, специалистов-железнодорожников из войск. Управление военных сообщений фронта, его органы на местах наладили сбор неисправных вагонов и организовали их ремонт в местных депо.

На железных дорогах не хватало топлива для паровозов. Уголь поступал в ограниченных количествах и с задержками. Органам военных сообщений пришлось заниматься и этой проблемой, организовывать заготовку дров для нужд железных дорог.

Несколько иной была обстановка при организации эксплуатации железных дорог в ходе Висло-Одерской и Берлинской операций на участках западнее Вислы. Здесь меньше было разрушений железных дорог, больше осталось подвижного состава, пригодного для воинских перевозок. Сложнее, правда, оказалось привлечение к работе местных железнодорожников.

До начала Висло-Одерской операции, в полосе которой использовался участок Холм–Люблин западноевропейской колеи, начальник ВОСО 69-й армии полковник М.А. Кожемякин получил задание взять на учет железнодорожников люблинской дирекции, выявить весь неисправный подвижной состав.

Выяснилось, что подвижного состава осталось достаточное количество (свыше 15 тыс. вагонов и около 380 паровозов). Намного хуже обстояло дело с эксплуатационным персоналом. Большие затруднения возникли из-за отсутствия железнодорожной связи, которая была разрушена отходящим противником.

Организацию эксплуатации на освобожденных железных дорогах командование фронта возложило на органы военных сообщений. Директивой Генерального штаба в составе 1-го Белорусского фронта (то же в составе 2-го и 3-го Белорусских, 1-го Украинского) был создан отдел по перевозкам на линиях западноевропейской колеи. На отдел возлагалась работа, связанная с организацией эксплуатации восстанавливаемых

железнодорожных участков. В распоряжении ЦПВОСО фронта были выделены средства радиосвязи, автомобили и самолеты связи. На усиление фронтовых и армейских органов военных сообщений прикомандировывалась большая группа слушателей военно-транспортной академии.

К концу марта 1945 г. сеть железных дорог на территории Польши восточнее Вислы была передана для эксплуатации польской администрации. Взаимодействие с ней по выполнению военных перевозок осуществлялось аппаратом уполномоченного Центрального управления военных сообщений Красной армии и Народного комиссариата путей сообщения СССР при Отделе путей сообщения Польского комитета национального освобождения. Институт уполномоченных был создан и при дирекциях²⁵.

Действия органов ВОСО как единственного полномочного представителя военного командования на железнодорожном транспорте по контролю за готовностью железных дорог к выполнению массовых воинских перевозок, за ходом самих перевозок, оказание помощи железнодорожной администрации и организации движения в сложных условиях являлись важным фактором обеспечения выполнения воинских перевозок фронтам.

Примечания

¹ Военные сообщения в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1963; Военные сообщения за 50 лет. М., 1967; *Ковалев И.В.* Транспорт в решающих операциях Великой Отечественной войны. М., 1969; *Чивилев М.Г., Ефимов А.С., Матросов П.А., Синельников Н.Ф.* Магистрали бесстрашных. Л., 1971; *Куманев Г.А.* На службе фронта и тыла. М., 1976; В интересах Вооруженных Сил. Служба военных сообщений. М., 1989; Железнодорожные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1995.

² *Ковалев И.В.* Указ. соч. С. 13.

³ Там же. С. 20.

⁴ Военные сообщения в Великой Отечественной войне... С. 333.

⁵ Железнодорожные войска в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 319.

⁶ Военные сообщения за 50 лет. С. 134.

⁷ Военные сообщения в Великой Отечественной войне... С. 328.

⁸ Библиотека Центрального управления военных сообщений МО (далее – библиотека ЦУПВОСО МО), инв. № 6217, л. 260.

⁹ *Куманев Г.А.* На службе фронта и тыла. С. 174.

¹⁰ Библиотека ЦУПВОСО МО, инв. № 6218, л. 87.

¹¹ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1970. С. 364.

¹² Библиотека ЦУПВОСО МО, инв. № 6220, л. 254.

¹³ *Чивилев М.Г., Ефимов А.С., Матросов П.А., Синельников Н.Ф.* Указ. соч. С. 161.

¹⁴ Из беседы с генерал-майором В.Д. Чугуновым. Из личного архива автора.

¹⁵ Эшелон за эшеломом. М., 1981. С. 141.

¹⁶ В интересах Вооруженных Сил. Служба военных сообщений. С. 156.

¹⁷ Из беседы с жителями г. Осташков. Из личного архива автора.

¹⁸ Центральный архив Министерства обороны РФ, ф. 16, оп. 1193, д. 184, л. 114.

¹⁹ Сборник военных сообщений. М., 1957. № 6. С. 8.

²⁰ Военные сообщения в Великой Отечественной войне... С. 337.

²¹ Эшелон за эшеломом. С. 145–147.

²² Военные сообщения за 50 лет. С. 328.

²³ Военные сообщения в Великой Отечественной войне... С. 315.

²⁴ Эшелон за эшеломом. С. 151.

²⁵ Там же. С. 153, 154.

МОРСКАЯ РАДИОЭЛЕКТРОННАЯ РАЗВЕДКА СССР

в конце 1930-х – первой половине 1940-х годов

Впервые элементы радиоразведки, нового, только зарождавшегося в российском флоте вида разведки сил противника, были применены в период русско-японской войны 1904–1905 гг. Радиоразведка решала тогда задачи обнаружения надводных кораблей противника на переходе в море и в районах боевого предназначения способами поиска, перехвата его радиопереговоров, а также местоопределения (дальномерной исходя из мощности передаваемых противником радиосигналов)¹. Кроме того, добывались сведения о характере деятельности и намерениях противника посредством дешифрования перехваченных радиোগрамм².

В начале Первой мировой войны отечественная морская радиоэлектронная разведка (РЭР) была способна решать задачи обнаружения надводных кораблей и судов в базах, на переходе морем и в районах боевого предназначения, выявления системы базирования ВМС противника³. А позднее РЭР перешла к решению более широкого круга задач: добыванию сведений о составе, состоянии кораблей и авиационных группировок (самолетов и дирижаблей) ВМС противника, их местоположении, характере деятельности и намерениях; выявлению организации функционирования системы связи противника; вскрытию оперативного оборудования морского театра военных действий⁴. Решение данных задач достигалось способами поиска и перехвата открытого и шифрованного радиообмена ВМС противника, пеленгованием объектов разведки.

Деятельность радиоразведки позволяла командованию регулярно получать ценную разведывательную информацию о составе сил противника, вступлении в строй новых кораблей и подводных лодок, изменении дислокации сил и позиций подводных лодок противника, районах минных постановок и т.д. Слежение за немецкими дирижаблями было организовано настолько результативно, что ни один их налет не стал для наших войск и сил неожиданным⁵. Радиоразведка сыграла немаловажную роль в срыве планов противника, заблаговременно выявляя сведения о планах и действиях противника на российских коммуникациях в Балтийском и Черном морях⁶, набеговых операциях на военно-морские базы⁷; подготовке прорыва немецкого флота в Рижский залив⁸ и другие. Помимо обеспечения боевых действий отечественного флота морская РЭР неоднократно предоставляла ценную разведывательную информацию союзникам⁹, например, предупреждая англичан о готовившихся на них налетах немецкой авиации.

Следует сказать, что после завершения Первой мировой и Гражданской войн в России потребовалось почти 20 лет, чтобы радиоразведка отечественного Военно-морского флота достигла уровня развития, аналогичного ее состоянию в годы Первой мировой войны. Уже опыт боевого применения сил и средств РЭР ВМФ СССР в ходе вооруженных конфликтов в районе о. Хасан 1938 г.¹⁰ и у р. Халхин-Гол 1939 г.¹¹ подтвердил значимость данного вида разведки, и в первую очередь – для решения задачи вскрытия признаков подготовки ВМС противника к развязыванию агрессии с морских направлений. Впоследствии этот опыт нашел отражение в формировании радиоразведывательных групп сил и средств морской РЭР на стратегически важных направлениях. В этот же период проявилась тенденция привлечения сил и средств РЭР к решению новой задачи – выявлению организации функционирования системы разведки противника. Вместе с тем для эффективного решения задач разведки в условиях крупномасштабных боевых действий высокой интенсивности имевшихся возможностей отечественной морской РЭР было явно недостаточно, что в полной мере показал опыт последующих войн с участием СССР.

* Кикнадзе Владимир Георгиевич, кандидат военных наук, капитан 2 ранга, заместитель начальника отдела Института военной истории Министерства обороны Российской Федерации.

Так, отсутствие накануне советско-финляндской войны 1939–1940 гг. системности в работе командования советского ВМФ и флотов на различных иерархических уровнях по развитию сил и средств морской разведки, а порой даже элементарного внимания к ее нуждам и проблемам¹², стало причиной того, что радиоразведка флотов оказалась не готова в полной мере к разведывательному обеспечению боевых действий. В условиях ограниченности сил и средств разведки на Краснознаменном Балтийском флоте (КБФ), с одной стороны, а с другой – обширности и неконкретности поставленных перед ней задач¹³ разведывательному отделу флота удалось лишь частично решить задачи разведывательного обеспечения боевых действий сил флота: добытые разведывательные данные не всегда были полны, достоверны, либо добывались с нарушением установленных сроков¹⁴. Но в отличие от агентурной, воздушной и корабельной разведок с лучшей стороны в советско-финляндской войне, по отзывам командования, проявили себя силы и средства морской РЭР¹⁵. Именно береговые части радиоразведки флотов, осуществляя непрерывное ведение разведки, обеспечивали командование сведениями о противнике в сложных для других видов разведки метеоусловиях и независимо от дальности месторасположения объектов разведки. Можно утверждать, что сведения, добытые силами и средствами морской РЭР в ходе советско-финляндской войны, способствовали достижению отечественными флотами и группировками войск на приморских направлениях частных оперативных задач. Вместе с тем обеспечение флота заблаговременными, полными и достоверными разведывательными данными не всегда приводило к результативному решению задач сил флота в действиях на море¹⁶.

Накануне Великой Отечественной войны в результате ведения РЭР удалось добыть разведывательные сведения, характеризовавшие приготвление вероятного противника к развязыванию агрессии против СССР¹⁷. Эти сведения способствовали достижению отечественными флотами частных оперативных задач в начальный период войны: они явились важным вкладом в освещение обстановки перед началом войны и сыграли значительную роль в принятии командованием отечественного ВМФ решения о переводе флота в повышенную степень боевой готовности – оперативную готовность № 2 и впоследствии – готовность № 1, что лишило противника внезапно нападения на морских театрах и предотвратило потери нашего флота¹⁸.

Высказывавшееся накануне Великой Отечественной войны предположение, что с началом войны использование радиосвязи сократится, на практике не подтвердилось. Наоборот, в ходе боевых действий на море увеличивалось количество используемых противником радиостанций, радиосетей и радионаправлений¹⁹, а соответственно множился и поток передаваемых сообщений. В результате это привело к росту сил и средств морской РЭР²⁰, ее значения и места среди других видов морской разведки. В ходе войны расширились круг и содержание задач, решаемых силами и средствами морской РЭР²¹, а также произошло дальнейшее развитие ее способов и методов²². Если в первый период войны отечественная морская РЭР в основном решала задачи обнаружения подводных лодок, надводных кораблей и судов противника на переходе морем и в районах боевого предназначения, добывала сведения об их местоположении, то во втором и третьем периодах войны она стала добывать сведения о составе, состоянии корабельных и авиационных группировок ВМС противника, их местоположении, характере деятельности и намерениях; обнаруживать подводные лодки, надводные корабли и суда в базах; выявлять организацию функционирования систем управления и связи противника; вскрывать оперативное оборудование морского театра военных действий, систему базирования ВМС противника. Высокая интенсивность боевых действий на море и использования средств радиосвязи способствовали развитию одного из способов ведения РЭР – слежению²³.

В ходе Великой Отечественной войны зародилась и получила значительное развитие новая форма боевого применения сил и средств морской РЭР – выделение из состава береговых частей РЭР флотов оперативных радиоразведывательных групп, как правило, осуществлявших ведение разведки в УКВ-диапазоне радиоволн. Если

на КБФ закрепились тенденции придания сил и средств РЭР в УКВ-диапазоне соединениям ВВС и ПВО флота для решения задач добывания сведений об авиации противника, а также обеспечения данными целеуказания артиллерии, действующей на приморском направлении²⁴, то на Северном флоте ими решалась задача обнаружения подводных лодок противника в целях обеспечения безопасности союзных конвоев²⁵, а на Черноморском – вскрытия оперативного оборудования театра военных действий, добывания сведений о составе и состоянии сухопутных группировок противника и их местоположения в целях разведывательного обеспечения группировок войск Красной армии в период обороны Одессы, Севастополя²⁶ и Сталинграда²⁷.

В борьбе с захватчиками на море и приморских направлениях радиоразведчики помогли предотвратить многие потери и обеспечили нанесение значительного ущерба противнику²⁸, что нашло оценку в отзывах командования частей и соединений, деятельность которых они обеспечивали, командования флотов и руководства ВМФ СССР²⁹. Причем отечественная морская РЭР добывала ценные сведения не только для командования ВМФ, но и для сухопутных войск, соединений и частей ВВС и ПВО флота³⁰. Придание оперативных радиоразведывательных групп, сформированных за счет сил и средств береговых радиоотрядов, штабам и пунктам управления различных соединений флота и авиации в целях обработки радиоразведывательных материалов и непосредственного доклада разведывательных сведений командованию флота в кратчайшие сроки, сыграло важную роль в разведывательном обеспечении сил флота и группировок войск на приморском направлении.

В ходе Второй мировой войны имело место и взаимодействие в области морской РЭР между СССР и Великобританией, сыгравшее важную роль в обеспечении безопасности союзных конвоев. Командованию Северного флота и эскортных конвоев заблаговременно предоставлялись разведывательные сведения, позволявшие изменять маршруты перехода конвоев в обход сил противника или подготовиться к отражению атаки, лишив врага преимущества внезапности³¹.

Деятельность сил и средств морской РЭР способствовала достижению отечественными флотами и сухопутными группировками частных оперативных задач и целей Великой Отечественной войны в целом. Вместе с тем исторический опыт боевого применения сил и средств морской РЭР в годы Великой Отечественной войны свидетельствовал о множестве недостатков учитывавшихся в межвоенный период факторах, оказывавших значительное влияние на эффективность ведения разведки. Учет некоторых из них уже в ходе военных действий способствовал развитию теории и практики боевого применения сил и средств отечественной морской РЭР³², подтверждая целесообразность научного анализа боевого опыта еще в ходе войны.

Примечания

¹ Золотарев В.А., Козлов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. Борьба на море. М., 1990. С. 97–98; Сергеев Е.Ю. Русская разведка в начале войны с Японией 1904–1905 годов // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 63.

² Биккенин Р.Р., Глуценко А.А., Партала М.А. Очерки о связистах Российского флота. СПб., 1998. С. 37–42.

³ Палий А.И., Куприянов А.И. Очерки истории радиоэлектронной борьбы. М., 2006. С. 10.

⁴ Ричелсон Д.Т. История шпионажа XX века. М., 2000. С. 58.

⁵ Радиоразведка Военно-Морского флота. Краткая история: 1895–1945 гг. М., 1990. С. 30–31.

⁶ Лорей Г. Операции германо-турецких морских сил в 1914–1918 гг. / Пер. с нем. М., 1934. С. 367; Ролльман Г. Война на Балтийском море. 1915 год / Пер. с нем. М., 1937. С. 73–74; Флот в Первой мировой войне. Т. 1. Действия русского флота. М., 1964. С. 470.

⁷ Алексеев М. Военная разведка России: в 3 кн. М., 1998–2001. Кн. 3. М., 2001. С. 306.

⁸ История Первой мировой войны. 1914–1918 гг. Т. 2. М., 1975. С. 124–125; Козлов Д.Ю. Ирбенская операция германского флота в августе 1915 года // Военно-исторический журнал.

2005. № 8. С. 57–58; *Ричелсон Д.Т.* Указ. соч. С. 59; *Янкович А.* К истории возникновения радиоразведки в русском флоте // Военно-исторический журнал. 1961. № 1. С. 114–117.

⁹ *Алексеев М.* Указ. соч. С. 264–265; *Емелин А., Бочаров А.* Легенды крейсера «Магдебург» // Цитадель. 2002. № 10. С. 34; *Ежов М.Ю.* Один из мифов о крейсере «Магдебург» // Вопросы истории. 2007. № 2. С. 152; РГА ВМФ, ф. 418, оп. 1, д. 389, л. 4–5, 9–11; *Соболева Т.А.* Тайнопись в истории России. М., 1994. С. 282; *Darman P.* World War I. Day by day. L., 1999. P. 45–46.

¹⁰ См.: Боевая летопись ВМФ, 1917–1941. М., 1992. С. 631–632; *Востоков К.* Разведка слушает эфир // Независимое военное обозрение. 2001. № 46; Радиоразведка Военно-Морского Флота. Краткая история. С. 110–118; РГА ВМФ, ф. Р-417, оп. 9, д. 17, л. 4–6; ф. Р-1090, оп. 1, д. 471, л. 334; ЦВМА, ф. 2, оп. 253, д. 24, л. 182об.; ф. 2450, оп. 4, д. 198, л. 18, 24–30.

¹¹ См.: *Востоков К.* Предупредить нападение // Независимое военное обозрение. 2001. № 25; Радиоразведка Военно-Морского Флота. Краткая история. С. 119; РГА ВМФ, ф. Р-417, оп. 9, д. 22, л. 54; ЦВМА, ф. 2, оп. 253, д. 24, л. 36–42.

¹² РГА ВМФ, ф. Р-2045, оп. 1, д. 17, л. 87–89.

¹³ Там же, л. 108.

¹⁴ Там же, ф. Р-92, оп. 2, д. 615, л. 28–29; ф. Р-2045, оп. 1, д. 17, л. 91, 109–110.

¹⁵ Радиоразведка Военно-Морского флота. Краткая история. С. 127.

¹⁶ Разведывательное обеспечение боевых действий Краснознаменного Балтийского и Северного флотов в Советско-финляндской войне 1939–1940 гг. / Заключительный отчет о НИР «Добывание». Гос. рег. № 1603112. Калининград, 2005. С. 50–59, 104–105; РГА ВМФ, ф. Р-92, оп. 2, д. 502, л. 359; Советско-финляндская война 1939–1940. В 2 т. Т. 2. СПб., 2003. С. 58, 256–257, 261.

¹⁷ Отделение ЦВМА в Москве (далее – ОЦВМА), оп. 16, д. 38661, л. 158–161; Радиоразведка Военно-Морского флота. Краткая история. С. 154; РГА ВМФ, ф. Р-2045, оп. 1, д. 1, л. 312; ЦВМА, ф. 2, оп. 10, д. 5, л. 184–192; д. 27, л. 64–66; оп. 49, д. 410, л. 163, 258; ф. 161, оп. 6, д. 2, л. 18; д. 488, л. 462–467; ф. 1087, оп. 5, д. 1027, л. 4–6 об.

¹⁸ *Андреев В.Н., Игнатенко Ю.М., Литвиненко В.Г.* Разведка Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны // Очерки из истории Балтийского флота. Кн. 4. Калининград, 2001. С. 112–113.

¹⁹ Количество выявленных радиостанций возросло с 793 до 1 161, радиосетей – с 241 до 406 (подсчитано по: ЦВМА, ф. 2, оп. 10, д. 49).

²⁰ Штатная численность береговых частей радиоразведки увеличилась с 600 до 2 тыс. человек, наличная – с 400 до 1 400; количество боевых постов поиска, перехвата и слежения возросло с 47 до 125, радиопеленгования – с 28 до 51; радиопеленгаторных пунктов – с 16 до 24 (подсчитано по: ЦВМА, ф. 2, оп. 10, д. 27, 31, 32).

²¹ ЦВМА, ф. 2, оп. 10, д. 59, л. 147; д. 5, л. 132–136.

²² ОЦВМА, ф. 17, д. 38661, л. 160 об., 264.

²³ ЦВМА, ф. 2, оп. 10, д. 123, л. 22–24, 31, 34.

²⁴ Там же, д. 27, л. 122; д. 31, л. 232.

²⁵ Там же, д. 31, л. 233; д. 32, л. 36; д. 35, л. 28; д. 58, л. 71.

²⁶ Там же, д. 28, л. 42.

²⁷ Там же, д. 36, л. 120; д. 58, л. 24, 101–105.

²⁸ ОЦВМА, ф. 17, д. 38661, л. 162–164; *Соболев В.* Радиоразведка ВМФ в Великой Отечественной войне // Морской сборник. № 6. 1981. С. 18–22; ЦВМА, ф. 2, оп. 10, д. 35, л. 26; д. 58, л. 24; д. 59, л. 54–56, 147–148.

²⁹ *Андреев В.Н., Игнатенко Ю.М., Литвиненко В.Г.* Указ. соч. С. 124–125; ЦВМА, ф. 2, оп. 10, д. 56, л. 8; д. 58, л. 10; д. 59, л. 54.

³⁰ *Андреев В.Н., Игнатенко Ю.М., Литвиненко В.Г.* Указ. соч. С. 123–124; ЦВМА, ф. 2, оп. 10, д. 27, 58, 59, 123.

³¹ ЦВМА, ф. 2, оп. 10, д. 28, л. 90; д. 48, л. 117, 133; д. 71, л. 154; д. 78, л. 101, 107; д. 79, л. 74, 75, 94; ф. 161, оп. 6, д. 501, л. 34, 34 об.; ф. 767, оп. 2, д. 216, л. 441–442; д. 217, л. 12, 34–39, 81–82, 91, 115; д. 255, л. 2, 8, 19, 33, 42.

³² Там же, ф. 2, оп. 10, д. 6, л. 168–169; д. 27, л. 267–270; д. 28, л. 9, 83–84, 251; д. 32, л. 6, 28–31, 58–59, 71, 87, 96, 113; д. 35, л. 104; д. 53, л. 68; д. 58, л. 132–145; д. 59, л. 1; д. 71, л. 133–139, 159; д. 72, л. 99; д. 76, л. 83, 92; д. 78, л. 12, 14–15.

«Круглый стол»

100-летие «ВЕХ». ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ В РОССИИ. 1909–2009

8 апреля 2009 г. состоялся «круглый стол» «100-летие “Вех”. Интеллигенция и власть в России. 1909–2009». Он был организован Фондом Фридриха Науманна, издательством «Российская политическая энциклопедия» при содействии Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино и проходил в Овальном зале этой библиотеки. Вел заседание генеральный директор издательства РОССПЭН А.К. Сорокин. В заседании приняли участие специалисты по истории русской общественной мысли из России и Германии, руководители ряда центральных научных и общественно-политических изданий.

Принципиальное различие высказанных точек зрения не дает оснований для подведения каких-либо общих выводов. Выдвинутые позиции отражают разногласия не только в оценке «Вех», но и в доминирующих идеологических приоритетах, а также представлениях о путях развития страны и роли интеллигенции в российской истории. Как и сборник «Вехи», изданный столетие назад, материалы данной дискуссии могут рассматриваться как источник информации о современном состоянии российского общественного сознания. Мы публикуем сокращенный текст выступлений.

В «круглом столе» приняли участие: проф. Карл Шлегель (Европейский университет во Франкфурте-на-Одере, Германия), д. филос. н. А.Н. Медушевский (журнал «Российская история»), д. филос. н. В.К. Кантор (Государственный университет – Высшая школа экономики), А.В. Колесников (журнал «Гуманитарный контекст»), академик РАН Ю.С. Пивоваров (Институт научной информации по общественным наукам РАН), д. филос. н. Б.Ф. Славин («Горбачев-Фонд»), к. филос. н. А.Г. Глинчикова (Институт философии РАН), д. искусств. В. Г. Арсланов (НИИ Академии художеств), Г.О. Павловский (фонд «Эффективная политика»), Д.В. Драгунский (журнал «Космополис»), д.и.н. И.В. Сабенникова (ВНИИ документоведения и архивного дела), д. филос. н. В.Н. Шевченко (Российская академия государственной службы при Президенте РФ), д. филос. н. В.И. Толстых (Институт философии РАН), Б.С. Долгин (Информационно-аналитический Интернет-канал «Полит.ру»).

* * *

К. Шлегель. В своем недавнем докладе в Российской государственной библиотеке я назвал «Вехи» книгой века. Я сказал это очень серьезно. Я думаю, что позиция авторов этого сборника до сих пор отражает уровень самоанализа и рефлексии, который очень редок в европейском мышлении и в ландшафте интеллектуальной жизни Европы в XX в. Для меня «Вехи» важны как диагностика. Их главное преимущество для меня в том, что они нарисовали очень точную физиономию духовного образа интеллигенции того времени. Авторы «Вех» – физиогномики духа и феноменологи духа и феноменологи русской интеллигенции в критический момент истории страны. Меня не очень интересуют их философские взгляды и идеи. Я вижу их не как пророков, а именно как диагностов. Что касается отдельных авторов, для меня самыми важными являются эссе Кистяковского и Изгоева.

Почему эта тема стала для меня важной? Во-первых, я из поколения 1968 г., поколения очень бурной активности. Наша маленькая культурная революция подошла к концу – и после этого начался процесс саморефлексии. Тогда я в первый раз познако-

мился с книгой «Вехи». И мне казалось, что, несмотря на огромную разницу между тем, что произошло на Западе в 1968-м и России в 1900-гг., в обоих случаях налицо определенные иллюзии, мистификации, принадлежащие именно интеллигенции. И авторы «Вех» дали ключ для анализа этих интеллигентских соблазнов.

Вторым толчком стал 1989 г., когда интеллигенты во всех странах Европы играли огромную роль. В Восточной Европе это были А. Сахаров, А. Солженицын, Адам Михник и другие. Настоящим интеллектуальным приключением было для меня знакомство со сборником, где участвовал Игорь Клямкин со статьей «Какая улица ведет к храму?» Для меня это было возрождением жизненного мышления о духовной ситуации, возобновлением той линии, которая прекратилась после «Вех». В-третьих, когда я работал в Москве в начале 1980-х гг., я писал о русской интеллигенции от «Вех» до «Смены вех» как историк (из этого исследования получилась совсем другая книга – «Санкт-Петербург как лаборатория модерна»). Тот голос, тот тон интеллигенции, который проявился в «Вехах», стал для меня свидетельством: в конце концов, в поздней империи родилось то, что мы сегодня называем гражданским обществом. Думаю, что скандал, который был спровоцирован «Вехами», показал существование общества, независимого и от власти, и от доминирующего интеллигентского мировоззрения. Тот факт, что линия «Вех» не изменила ход российской истории, связан не с русской интеллигенцией, а с иными причинами, прежде всего с Первой мировой войной, архикатастрофой нашего века, из-за которой развитие европейской культуры пошло по-другому.

До войны существовало общеевропейское интеллектуальное пространство, которое потом было разрушено. Рождение понятия и идеи интеллигенции произошло во Франции во время бурных дискуссий о деле Дрейфуса, расколовшем общество. Во время этих дискуссий и родилась идея об особенной роли интеллигенции. Вторая фаза его становления наступила после войны, краха империй и революционных потрясений в Европе. Симптомом наступления самокритического этапа мышления интеллигенции можно считать книги двух крупнейших мыслителей: «Историю и классовое сознание» Дьердя Лукача и «Предательство интеллектуалов» Жюльена Бенда. Обе они написаны интеллектуалами, которые вышли из буржуазной среды и искали «другие берега», пути вне традиционных дорог. Третьим этапом этого процесса стала дискуссия 1930-х гг. вокруг интеллектуалов, которые решили поехать в СССР и превозносили его несмотря на показательные процессы, чистки и т.п. Проблема для интеллектуалов заключалась тогда в том, как можно бороться с фашизмом, имея в качестве союзника Сталина, как можно сформулировать позицию, независимую от обоих тоталитарных режимов. Почти никто тогда не был на это способен. Четвертый этап – 1950-е гг. Тогда тоже была характерная книга – сборник статей «Поверженный бог» («Ein Gott, der keiner war»), в создании которого участвовали Артур Кестлер и Игнацио Силане. И, конечно, нужно вспомнить о такой фигуре, как Сартр. Можно сказать, что этот великодушный исследователь и литератор был наивен в политических проблемах. Но во время «холодной войны» перед западной интеллигенцией очень остро стояла проблема, как можно критиковать капиталистическое общество, не солидаризируясь с другой стороной, а коммунизм – не превращаясь в инструмент идеологической войны Запада. Эта проблема существовала вплоть до 1989 г. и мы до сих пор ощущаем следы этого недоразумения.

В заключение я хотел бы сказать, что мне очень интересно, как воспринимают «Вехи» в современной России. Я вижу их актуальность не в прогнозах или идеях реформирования империи, а в способности анализировать дух того времени. Сегодня много говорится о духовной ситуации в России. Но дискуссия о том, какую роль сейчас играют интеллигенты, идет и на Западе. После 1989 г. говорили о сумерках интеллигенции, о ее смерти. Но мне кажется, что именно сейчас, на фоне глобального кризиса и того, что никто не может нам объяснить, что происходит в мире, нарастает новый интерес к классическим и традиционным задачам интеллигенции. Думаю, что без интеллигенции и без ее творческих поисков мы не сможем успешно выйти из этого кризиса.

А.Н. Медушевский. Сборник «Вехи» – это модель объяснения социального кризиса, с которым мир столкнулся на рубеже XIX–XX вв. Эта книга – уникальная попытка теоретического и междисциплинарного осмысления данного явления (в ней приняли участие философы, экономисты, правоведы, литературоведы, социологи и публицисты), но, что еще более важно, в ней содержится концепция выхода из кризиса. В последующее время предпринимался ряд других попыток такого рода, но по своему значению они не идут ни в какое сравнение с «Вехами». Важно понять, в чем секрет успеха «Вех», выяснить, какие идеи оказались оправданными, что из прогнозов сбылось, а что нет, и почему.

Анализ кризисов – центральная тема для XX в. За прошедшие 100 лет человечество столкнулось с тремя мировыми кризисами – начала XX в., его середины и современным кризисом. Возникли различные теории, объясняющие данный феномен и его деструктивные следствия для общества. Важнейшей из них остается теория экономических циклов Н.Д. Кондратьева, а также возможность положить ее в основу объяснения конституционных циклов (концепция, выдвинутая мною). Как показывает изучение природы цикличности (экономической, политической, конституционной), она связана с изучением психологического феномена, заставляющего людей изменять свое поведение на разных стадиях развития.

Но психология, в свою очередь, зависит от переменных факторов. Специфика современного кризиса заключается в том, что он имеет глобальный характер; в значении информационного феномена в его развитии, а также в том, что поведение индивидов в значительной, если не определяющей, мере зависит от их идентичности в быстро меняющейся картине мира. В связи с этим ключевое значение имеет вывод информационно-когнитивной теории познания о возможности интерпретировать современный кризис как конфликт по линии доступа к подлинной информации, имеющей когнитивное значение (в отличие от имитационной информации, которая такого значения не имеет).

В контексте этих теорий по новому выясняется значение сборника «Вехи». Если говорить в рамках феноменологического подхода о форме как конструировании реальности и социальном проектировании, то «Вехи» – это, безусловно, вариант такого социального конструирования. Перспективно рассмотреть эту модель прогноза, сопоставив с рядом других принципиальных прогнозов, которые рассматриваются как сбывшиеся (Де Местр, Токвиль, Вебер, Ортега-и-Гассет, Оруэлл, Амальрик и др.). Из коллективных прогнозов, возможно, стоит упомянуть доклады Римского клуба (прогнозы которого, сделанные с помощью дельфийского метода, также основаны на привлечении специалистов разных областей знания – философов, экономистов, демографов, экологов).

Что является признаком качества научного прогноза (в отличие от предсказания, основанного на интуиции)? Это три параметра: 1. Высокий уровень философской абстракции, способной подняться над случайными обстоятельствами, затемняющими чистые формы явлений; 2. Понимание механизмов изучаемых процессов и связанных с ними конфликтов; 3. Способность указать конкретный и понятный выход из ситуации, правильность которого может быть затем установлена и верифицирована на доказательном уровне. Если отсутствует один из параметров – прогноз не может быть признан качественным. Именно последний критерий отличает научный прогноз и позволяет отвергнуть многие доктрины в силу их элементарной неверифицируемости (к ним относятся и коммунизм). Представляется, что сборник «Вехи» обладает этими тремя параметрами и может быть признан моделью научного прогноза, реализовавшегося в значительной степени в ходе развития страны в XX в.

Действительно, философский уровень сборника высок: он дает критику всей предшествующей российской интеллектуальной традиции и формулирует основную проблему эпохи быстрых социальных изменений – конфликт этического идеала (совершенного именно в силу своей абстрактности) и права, а также самой социальной реальности. Ключевое значение здесь приобретал вопрос о соотношении естествен-

ного права и позитивного права, или, говоря языком Петражицкого, соотношении интуитивных представлений общества о справедливости и существующей системы норм и институтов, далеких от этого этического идеала. Разрешение конфликта возможно двумя путями – деструктивным (революционное разрушение современного общества) или конструктивным (путем постепенных реформ и осознания социальной ответственности за избранный им вектор развития).

«Вехи» – это не только философия, но и анализ механизмов социального устройства революционной России. Если говорить о социологической концепции русского общества, то она присутствует в полной мере: это – концепция государственной (или юридической) школы, давшая в лице ее крупнейших представителей верное объяснение возникновения и социальной специфики российского социума – отношения в нем общества и власти, специфики сословного строя и динамики его развития («закрепощения» и «раскрепощения» сословий государством); вообще роли государства в русском историческом процессе. Эта концепция по сути представляла теорию модернизации России без революции, т.е. перехода от сословного общества к гражданскому и от абсолютизма к правовому (конституционному) государству.

Авторы «Вех», отталкивавшиеся от этой теории, сконцентрировали внимание на вытекающих из нее выводах в отношении революции. Они писали о конфликтах трех уровней: во-первых, между народом и интеллигенцией (конфликт, начавшийся со времени петровской европеизации и приведший к образованию пропасти между традиционным религиозным народным сознанием и «образованным» классом); во-вторых, между интеллигенцией и властью, точнее, бюрократией, заинтересованной в сохранении стабильности любой ценой (этот конфликт приводил к антигосударственнической позиции интеллигенции и в этом отношении сравнивался с другой антигосударственной силой русской истории – казачеством); в-третьих, конфликт получал выражение и на уровне индивидуальной личности (пресловутые метания интеллигенции, завершавшиеся иногда самоубийством). Это, по сути, были наброски к социологии будущей революции.

Возможности верификации выдвинутых гипотез есть, как отмечалось, важная (если не важнейшая) черта научного прогноза. В этом отношении «Вехи» выдвинули понятийный ряд и систему критериев, которые вполне могут рассматриваться как поддающиеся эмпирической проверке. Рассмотрим с этих позиций основные прогностические выводы сборника: 1. Анализ социальных конфликтов на макроуровне, проведенный в сборнике «Вехи», показывает, что именно они оказались наиболее существенными в условиях гражданской войны и доминировали на протяжении последующего столетия: например, конфликт традиционного крестьянства и государства был разрешен в результате сплошной коллективизации (и уничтожения крестьянства). 2. Констатация ненависти народа к интеллигенции и прогноз о возможности уничтожения народом интеллигенции, стремившейся его освободить – вполне реальный и подтвердившийся факт. 3. Тезис о возможности завершения революции установлением деспотического режима – не нуждается в особых комментариях в контексте появления в России одной из самых жестоких диктатур XX в. 4. Наблюдение о русском правовом нигилизме и неспособности русского сознания к правовой организации – нашло подтверждение в том, с какой легкостью европейские правовые нормы и институты, – от судов и земских учреждений до парламентаризма и конституционализма – были уничтожены в результате революции и как трудно идет их восстановление сейчас (а по мнению некоторых – и не идет вовсе, если принять в соображение показатели спроса на право и доступа к правосудию, а также коррупции в судебных учреждениях).

«Вехи» как модель прогноза – увлекательная тема еще и потому, что они предложили определенные пути выхода из кризиса. Суммируем их: 1. Создание новой публично-правовой этики, необходимой для преодоления разрыва между нравственным идеалом и политической реальностью. Эта этика должна быть основана на традиционных моральных ценностях, понятных основной массе населения страны, но включать также обоснование правового сознания, отсутствовавшего в русской истории. 2. Кон-

цепция правового государства (т.е. сознательное ограничение государства правом) в сочетании с концепцией эффективного государства: в статьях авторов просматривается интерес к бонапартистской модели, способной выступить гарантом личных прав и собственности в условиях революционного хаоса как меньшее зло. 3. Новая система образования и вообще социализации молодых людей, способная вырвать их из рук деструктивной революционной пропаганды и направить к творческой деятельности. 4. Воспитание творческой личности, способной не только транслировать культуру, но и создавать культурные ценности.

Политический успех «Вех» в начале XX в. доказывает, что они попали в точку: как всякое произведение, в котором присутствует неожиданное открытие, они привели к расколу общества (и интеллигенции) на два непримиримых лагеря – сторонников и противников. Но все были согласны, что «Вехи» – это новая парадигма в понимании революции и интеллигенции. Это подтверждается оценкой В.И. Ленина, определившего «Вехи» как «Энциклопедию либерального ренегатства» (за отказ от революционной стратегии модернизации страны) и «сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию» (ПСС. Т. 19. С. 168, 173). Эта оценка дорогого стоит и показывает, что «Вехи» исключительно точно указали на опасность революционного экстремизма и терроризма за сотню лет до 11 сентября 2001 г.

Но если «Вехи» были актуальны 100 лет назад, то в какой мере они сохраняют свое значение в настоящее время? Ведь конфликты, о которых они писали, давно разрешены: нет больше пропасти между народом и привилегированными классами (во всяком случае, в старом понимании этого конфликта); уничтожена прежняя интеллигенция, государство, по крайней мере, формально, стало конституционным и одной из своих целей провозглашает борьбу с экстремизмом. Все прогнозы «Вех», таким образом, реализовались в большей или меньшей степени.

Несмотря на это, сохраняет значение философия и метод этого труда. Россия в XX – начале XXI в. испытала деструктивное воздействие трех кризисов и двух тоталитарных идеологий – коммунизма и фашизма. Распад СССР в конце XX в. не только обозначил крах коммунизма, но и поставил человечество перед необходимостью создания новых конструктивных стратегий социального развития. Необходимо добиться минимизации подобных кризисов и научиться управлять ими.

На всех этапах разворачивания этих кризисов (и едва ли не фатально следовавших за ними войн) существовала точка, когда возможно было если не повернуть мировое развитие, то, во всяком случае, ослабить деструктивное воздействие волн кризиса. В этой точке критически важное значение имеет появление качественных научных прогнозов и способность общества (интеллигенции) – услышать их и принять к действию. К таким эпохальным трудам-прогнозам и принадлежат «Вехи», значение которых за истекшие годы не уменьшилось, а даже выросло.

В.К. Кантор. Я начну с того, что «Вехи» были не единичным явлением в критике интеллектуалов. Это было явление общеевропейское. Для Шарля Морраса интеллигенция – абсолютно революционный класс. Он пишет об абсурдных победах письменности во время Великой Французской Революции. Когда исчезла королевская власть, она уступила свое место не народному суверенитету, а диктатуре литераторов, интеллигентов. И если «Вехи» обвиняли интеллигенцию в революционности, то большевики – в недостатке революционности. В XX в. проблема интеллигенции стала сверхактуальной. Гершензон говорил, что «на Западе интеллектуалы договорятся с народом, а мы с ним договориться не можем». Как показал немецкий опыт, и в Европе интеллектуалы не смогли договориться с народом, и нацисты уничтожали их так же, как и большевики. И «Вехи» актуальны до сих пор, потому что они прикоснулись к самому трагическому элементу русской истории – к интеллигенции. Интеллигенция, как говорил Мережковский, – это порождение мощной петровской инициативы по введению или, вернее, возвращению России в европейское пространство. Но в это пространство вошла только часть России. У Вейдле была замечательная формула, что

«Россия стала частью Европы, не включив в это пространство народа». Народ не стал ни нацией, ни Европой. И интеллигенция долго выполняла эту функцию: будить, будоражить и всячески расширять «петровское окно». Но, как говорил Булгаков, «не было ли это слишком большой опасностью: народу, который находился на уровне Владимира Святого, вдруг дать последние идеи западно-европейской культуры, причем не все, а только их часть». Европейская культура была ветвистым деревом, а русская мысль, как всегда, брала одну ветвь, выдавая ее за центральную. Скажем, брали рациональность, не видя иррационализма западной мысли. Для многих интеллигенция была не социально-политическим, а каким-то внесловным образованием внутри русской культуры, противостоявшим всем другим слоям.

В 1990-е гг. много писали о том, что «Вехи» предупреждали, а интеллигенция не послушалась, – и в результате катастрофа: погибла и интеллигенция, и народ. Возникает вопрос: а кто и когда внимал предупреждениям интеллектуалов? И можно ли вообразить, что все в России сказали: «Есть. Будем делать так, как нам советуют “Вехи”»? Тем более что они ничего не советовали. «Вехи» выступили, если воспользоваться словами Достоевского, как оппозиционеры по отношению к «mundирной интеллигенции». «Вехи» изнутри, оппозиционно, абсолютно в стиле самой интеллигенции, взорвали ее жесткие нормы, что было понято как выступление против интеллигенции. А это было выступление против догм, которые стали уже новой стеной перед русской мыслью, русской культурой.

Но самое главное, чего «Вехи» не сделали, – они не поставили проблемы: «А что такое народ?» Мережковский говорил, что народ в революции 1905 г. проявил себя как антихрист. Если «Вехи» были результатом той революции, стоило задуматься не только о роли интеллигенции, но и о роли народа, который уже начал жечь усадьбы и библиотеки. Бунин пишет в том же 1909 г. «Деревню» – о том, что будет делать народ, кем он будет прикрываться.

«Вехи» постоянно называют в качестве своего предшественника Достоевского. Тема Достоевского – постоянная тема для русской интеллигенции – это тема положительных героев. Алеша Карамазов, князь Мышкин – это русские интеллектуалы. Масарик писал, что «все романы Достоевского, в сущности, в защиту книжных людей». И в этом есть много справедливого, потому что своих героев он написал так, что они действительно стали героями. История движется и развивается через их поражения, их победы. Интеллигенция эмигрировала. Те интеллектуалы, которые оказались на Западе, трагические, отвергнутые герои, сегодня так или иначе оплодотворяют или пытаются оплодотворить русскую мысль. Но не общество. И «Вехи» также никак не повлияли на движение российского социума. Реакция на мысли интеллигенции требует очень длительного времени. Критику «Вех» можно сравнить с идеями ветхозаветных пророков. Они критиковали свой народ в течение тысячелетий, пока он из дикого, страшного иудейского народа не стал народом Книги. Идеи должны проникнуть в ментальность нации, и только тогда они начинают работать. Я вижу «Вехи» не как антиинтеллигентское движение, а как часть русской интеллектуальной жизни. Их слово когда-нибудь отзовется.

А.В. Колесников. Сейчас мне пришло в голову, что современная рефлексия на тему «Вех» – не очень долгая, потому что книга была переиздана в издательстве «АПН» лишь в 1990 г. Потом сразу наступил 1991-й, и некогда стало рефлексировать. Сломалась конструкция, в которой жило несколько поколений, и стало не до интеллигенции. Мне кажется, что эта рефлексия началась именно сейчас. Может быть, кризис помог. С другой стороны, «Вехи» (при том, что они описывают конкретную историческую ситуацию, и прямые экстраполяции не всегда возможны) являются одной большой цитатой, применимой к любому времени, в том числе и к сегодняшнему состоянию российской интеллигенции.

Значение «Вех», как мне кажется, – в том, что они научили русскую интеллигенцию говорить, положив начало тому курсу, который существует вот уже сотню лет.

Хотел бы привести одну цитату. «Нынешний интеллигент просвещает либо своих же сотоварищей, таких же интеллигентов, либо даже льстит себе надеждой просветить саму государственную власть, начальство, полагая, что наверху и впрямь сидят и ждут его слов, чтобы прозреть». Это про интеллигентские соблазны. Еще один соблазн: «Революционный соблазн всегда живет в тайниках интеллигентского сознания в виде надежд на перемены. Перемен он ждет с нетерпением, затаив дыхание, ревностно высматривает все, что будто бы предвещает эти долгожданные перемены». В этом портрете легко увидеть себя. Эта цитата не из «Вех». Она из гораздо более позднего текста, очень важного и задающего высокую интеллектуальную планку. Это статья «Двойное сознание интеллигенции и псевдокультура» Владимира Кормера, опубликованная под псевдонимом Алтаев в Вестнике РСХД. Солженицын цитировал Алтаева и говорил о том, что тот обозначил соблазны русской интеллигенции: революционный, социалистический, патриотический, оттепельный и технократический. В 1990-е гг., когда реализовывался последний, интеллигенция в том виде, в котором она существовала до того, прекратила свое существование.

Принято считать, что «Вехи» – это реакция на революцию 1905 г. Известны слова Гершензона: «Кучка революционеров ходила из дома в дом, стучала в каждую дверь: “Все на улицу!”. Полвека толкутся они на площади. Дома грязь, нищета и беспорядок, а хозяину не до этого – он спасает народ». Это можно адресовать и многим современным политикам. Авторы «Вех», может быть, сами того не желая, сказали об интеллигенции очень много или почти все. Можно, например, вспомнить важную мысль Струве, который говорил о том, что по ходу капиталистического развития интеллигенция обуржуазится. Тогда этот процесс был остановлен революцией, но в той или иной степени он происходит сейчас. Думаю, что рефлексия интеллигенции по поводу «Вех» только начинается, и пока она обсуждает «Вехи», она существует.

Ю.С. Пивоваров. Я, – наверное, не впишусь в общий тон, поскольку я совершенно равнодушен к этому сборнику, хотя я знаю людей, для которых он действительно был очень важным. Есть очень живописная сцена, где Солженицын рассказывает, как он пытался в свою веру склонить Лакшина. И все совал ему «Вехи». А тот ему говорил: «Добролюбов...». В этом смысле тоже воспроизвелся конфликт «Вех» и той интеллигенции, о которой здесь говорили. Я же пришел к «Вехам» тогда, когда уже хорошо знал их авторов. После этого мне казалось скучным читать статьи, которые, на мой взгляд, не были лучшими в творчестве каждого из них. Потом мне подарили роскошную книгу профессора Шлегеля, в которой есть гениальная статья, где автор сравнивает Изгоева с Лениным. Я заинтересовался Изгоевым, участвовал в одном из переизданий «Вех», вновь читал сам сборник. И опять не зацепило. Я задался вопросом: с чем можно сравнить «Вехи» в русской традиции? В чем причина их очевидного успеха? И мне пришло в голову, что эта книга похожа на первое «Философическое письмо» Чаадаева. Письмо, если его внимательно читать, тоже простенькое и неглубокое, но оно сформулировало важнейшие темы будущей русской мысли. Может быть, и значение «Вех» в том, что им удалось поставить важнейшие темы, которые тогда были актуальны. Профессор Шлегель вспомнил сборник «Иного не дано». Думаю, что он тоже был не очень глубок. Но его авторы как-то вовремя, именно тогда, когда общество этого ждало, сказали важные вещи.

Авторы «Вех» пребывали в глубоком пессимизме. Они были страшно расстроены тем, что первая российская революция как-то не так сложилась. Струве вообще заболел на полгода, когда революция закончилась так, как закончилась в 1907 г. А мне через 100 лет кажется, что они глубоко заблуждались и не поняли, что та революция окончилась удачно, насколько вообще могут быть революции удачными. Через много десятилетий кадет Маклаков напишет в Париже: очень важно, что был заключен компромисс. Не победила ни одна из сторон, а был достигнут компромисс между властью и обществом, который воплотился в конституции 1906 г., в столыпинских реформах. Кстати, выступление Столыпина 6 марта 1907 г. в Думе куда либеральнее, чем, напри-

мер, статья Кистяковского в «Вехах», и гораздо более привязано к жизни, поскольку премьер был человеком практическим. Да, конечно, народ во время революции показал себя не лучшим образом, так же, как самодержавие и интеллигенция. Но в революциях все себя показывают плохо. Важно, что Россия двинулась вперед, и если бы не было Первой мировой, то вполне возможно, что история ее была бы иной.

Читая «Вехи», мы имеем в виду, что прогнозы их авторов во многом сбылись в 1917 г. Но это было не обязательно! В то время в России писалось много гораздо более серьезного и глубокого. Но «Вехам» суждена была неожиданная историческая удача. Профессор Шлегель поставил ее в европейский контекст и говорил о самокритике. Должен заметить, что русские мыслители только и делают, что занимаются самокритикой. Почитайте Герцена, Чаадаева. В этом смысле «Вехи» – это просто еще один опыт самокритики. Более того, мне кажется, что претензии, которые «Вехи» предъявили тогдашней интеллигенции, несколько чрезмерны. Интеллигенция тогда делала очень много доброго, хорошего. Было несколько групп сумасшедших, но большая часть этого слоя была включена в жизнь и работала, особенно в тот период, который начался после 1907 г. и трагически закончился в 1917-м. Я не уверен, что сегодня «Вехи» абсолютно актуальны. Более того, «Вехи» могут быть в каком-то смысле опасны. Для идеологов типа Солженицына они могут быть основой борьбы с нашими плюралистами, либералами.

«Вехи» состоят из нескольких частей. В сборнике есть религиозно-философская часть, которая многих привлекает. Мне же представляется, что русская религиозная философия не очень высокого качества. Есть в книге либерально-правовые тексты, прежде всего, очень сильно написанная статья Кистяковского. Но ведь и в ней нет ничего нового. Тем не менее, «Вехи» навсегда останутся в русском культурном сознании, как останется и интеллигенция. И, конечно, эту книгу надо читать и изучать.

Б.Ф. Славин. Столетие сборника «Вехи» отмечается необычайно широко: «круглые столы», научные конференции, обилие публикаций в журналах и газетах. Невольно возникает вопрос, почему так много внимания этой небольшой и, скажу прямо, далеко неоднозначной книге? Думаю, это происходит потому, что совпало по своему социально-политическому содержанию время начала двух веков: XX и XXI-го. Это типичное межреволюционное время. В начале прошлого века оно было связано с реакцией общества на революцию 1905 г., сегодня – с концом «революции» 1990-х гг. и крушением политики либерального фундаментализма, породившей глобальный экономический кризис. История идет по спирали. Как мы видим, спустя 100 лет общественность снова заговорила о Марксе, о социальных потрясениях и социализме.

«Вехи» нередко считают своеобразным Манифестом всей русской интеллигенции. На мой взгляд, это ошибочное мнение: интеллигенция в России никогда не была единой. «Вехи» – есть идейное проявление лишь одной ее части, при этом части, напуганной первой народной революцией гораздо больше, чем, например, «кровавым воскресеньем» 9 января 1905 г., устроенным последним русским царем.

Как известно, русский народ полностью проигнорировал идеи «Вех», взяв власть в Октябре 1917 года под руководством все той же «народопоклоннической» интеллигенции. В итоге многие авторы «Вех» оказались за границей. На мой взгляд, этот жестокий урок истории современными «веховцами» до сих пор не усвоен. Почему? Главная общественная функция русской интеллигенции, по моему мнению, всегда была связана с беспристрастным поиском истины, с просвещением и нравственным воспитанием народа. Однако не все интеллигенты ее честно исполняли: одни на самом деле бескорыстно служили народу, просвещая и защищая его, другие предпочитали больше слушать власть, а при необходимости и прислуживать ей. Нам раздали «Русский журнал», в котором участник нашего «круглого стола» политолог Глеб Павловский в очередной дискуссии, посвященной «Вехам», приводит любопытный исторический факт участия дореволюционной интеллигенции в появлении «грязных политехнологий» и использовании государственного ресурса. Он рассказывает, как известный либерал

Петр Струве, напросившись на секретный прием к премьеру Столыпину, записывает на промокашке тему беседы: *«Организация думского большинства. Инициатива должна принадлежать правительству».*

В свете этого исторического факта, у меня возникает естественный вопрос: как следует относиться к представлениям современной русской интеллигенции, которые называют Вехи «актом предельно честной самооценки русского сознания, жестом уникальной подлинности и глубины»? (См.: Литературная газета. 2009. № 14). Я думаю, что не являются до конца честными оценки некоторых представителей современной интеллигенции не только по отношению к «Вехам», но и по отношению, например, к Октябрьской революции, которую они считают «катастрофой XX в.», или к советской истории, которую они называют «кляксой в мировой истории», или «торжеством тоталитаризма». На мой взгляд, советское общество всегда развивалось через противоречия и борьбу демократических и бюрократических сил, если хотите, линий Ленина и Сталина, Хрущева и Брежнева, Горбачева и Ельцина. Раскрыть и объективно описать реальные противоречия советской истории считаю благородной задачей отечественной интеллигенции, свободной от каких-либо идеологических ангажементов.

Однако вернемся к сборнику «Вехи». Жизнь показывает, что в современной России, как и 100 лет назад, полностью сохраняется и воспроизводится сугубо двойственное отношение к «Вехам» и «веховству». Так, по мнению историка и директора информационного агентства REGNUM Модеста Колерова, «на языке “Вех” до сих пор говорит почти вся русская политическая мысль, по ее навигации до сих пор действует русская политика, русский политический класс, традиционно состоящий из бюрократии и интеллигенции». На самом деле, после провала либеральных реформ 1990-х гг. в идеологии российского государства произошла своя знаменательная «смена вех». На место прежней либеральной идеологии и ее ценностей пришла консервативная и урапатриотическая идеология, во многом созвучная не только сборнику «Вехи», но воспроизводящая в новой форме старую уваровскую триаду: «Самодержавие, Православие, Народность». Только вместо «самодержавия» у нас говорят о «великодержавии», а что касается Православия, то оно рассматривается высшей властью как одна из важнейших опор государства наряду с «суверенной демократией» и ядерным потенциалом страны.

Несмотря на пропагандистские призывы нынешней власти к национальному и социальному единству страны, сегодня, на мой взгляд, в ней реставрируется сугубо «Белый проект». Хочется отметить одну особенность многих российских интеллигентов: они чувствуют себя некомфортно, если отлучены от реальной государственной власти. Отсюда их частая смена убеждений, демонстративное «сжигание партбилетов» и неприкрытое тяготение к сильным мира сего, проявляющееся в организации «коллективных писем», публичных покаяниях и «принципиальных» призывах к общественности.

Я думаю, презрительное отношение веховцев к «народопоклонству» и «человеколюбию» в этом плане оказалось пророческим. Не случайно идеи «Вех» в новой России разделяются как либеральными демократами, так и сменившими их сегодня неоконсерваторами. Все они называют «экстремизмом» любое проявление оппозиционности по отношению к существующему политическому режиму. С их точки зрения, даже «русская идея» означает не свободу и справедливость, а полное подчинение русского народа власти.

Однако «сейчас доминирующей настрой в среде интеллигенции, – считает историк Александр Шубин, – в пользу антивеховства: довольно стабильности, которая ведет к краху. В случае волнений интеллигенция будет аплодировать возмущенным массам и помогать им, чем сможет».

С этими идеями перекликается оригинальная и искренне написанная статья Аллы Глинчиковой в «Литературной газете» под названием «Самостерилизация». В ней автор противопоставляет «живые» общества Латинской Америки «мертвому» российскому обществу с его «безвкусными особняками Подмосковья» и «нелепыми попойками в Куршавеле». Автор с болью говорит о «самостерилизации» российских граждан, которых уже с детства зомбируют низкопробные телепередачи, воспевающие

культ денег и насилия. В подобном обществе «равенство – это убожество и нищета, а вот неравенство – это свобода». На мой взгляд, без ясности цели и средств борьбы с «мертвым обществом» к настоящей свободе и равенству не придешь. Вместе с тем, есть предчувствие, что социальные перемены скоро начнутся и у нас, в России. На мой взгляд, они возникнут не под влиянием инспирированных извне «цветных революций», где одни коррумпированные кланы сменяют другие. Их с неизбежностью породит беспомощность нынешнего политического класса перед нарастанием острых проблем социальной жизни, и, прежде всего, растущей бедности и социального неравенства граждан, тотальной коррупции и бюрократизации властных структур, вновь возникшей практики невыплаты зарплаты и быстрого роста безработицы, очередного свертывания демократических свобод. Глобальный кризис сегодня обнажил все эти проблемы и никакие СМИ, никакие телешоу их не смогут ликвидировать.

А что же делает в дни кризиса наша интеллигенция? С кем она? С народом или против него? Пока вразумительного ответа нет. Одна часть ее пытается отвлечь народ от реальных проблем всевозможными развлекательными играми и «шоу», другая доказывает, что экономические кризисы – это стихийное бедствие всего человечества и их нельзя предвидеть и предотвратить. В отличие от их либеральных учителей в Соединенных Штатах Америки, которые все-таки признали свою вину в развязывании кризиса, наши экономисты до сих пор ничего не поняли и ничему не научились. Произойдет ли на практике такой осознанный выбор будущего России, покажет жизнь. Какое место в нем займет российская интеллигенция, будет во многом зависеть от того, захочет ли она повторить, или с порога отбросить идеи, провозглашенные 100 лет назад сборником «Вехи».

А.Г. Глинчикова. Я бы хотела ответить на три основных для меня вопроса. Первое. Что изменилось по сравнению с периодом «Вех»? Второй вопрос. Что сохранилось? И третий – что дальше? Что нас ждет по сравнению с тем, что ждало людей, писавших «Вехи»? Мы в лучшем положении, чем они, потому что мы знаем, что произошло. Начну с изменений. Позитивный момент – это проблема отношений общества и интеллигенции. Революция, как бы к ней ни относиться, была попыткой преодолеть многовековой цивилизационный раскол, который существовал в русском обществе с эпохи Петра I. Я не думаю, что можно привести хоть одно европейское государство, которое было бы расколото по цивилизационному признаку. Если рассматривать этот путь, проложенный Петром, как европеизацию, то назовите хотя бы одно европейское государство, которое пошло по этому пути. Так что я склонна оценивать его не как европеизацию, а как отклонение от европейского пути. Что изменилось? Мы попытались преодолеть культурный, социальный, политический раскол и обеспечить формирование общей нации в европейском понимании. Однако это преодоление в СССР происходило в такой форме, которая закрыла нашу культуру, цивилизацию от мира. Фактически мы оказались в ситуации, когда советская интеллигенция не имела возможности общаться с европейской. И сейчас произошла эта встреча. Однако, пытаясь свести вместе шестидесятников в России и Европе, тех, кто делал там 1968 г., я убедилась, что они до сих пор не могут найти общего языка. Одна пропасть была преодолена, а другая возникла. Более того, кризис принципов социализма и коммунизма привел к тому, что мы вообще потеряли общее основание, на котором можем взаимодействовать с миром. Фактически Россия сейчас не может нащупать общую почву для диалога с остальным миром.

Что сохранилось от времени «Вех»? Сохранился патерналистский тип социальной системы, который не был преодолен средствами социалистической революции. Надо сказать, что она и не ставила перед собой такой задачи. Религиозную основу патерналистской системы она заменила другим основанием. На смену религиозному принципу легитимации власти пришел идеологический. Сейчас мы стоим на достаточно опасном пути неопатерналистского либерального типа развития. Любой патернализм для легитимации своей власти нуждается не в правовых, не в экономических,

а в идеологических основах. Социалистическая идеология исчерпана, капиталистическая – явно не может быть основой патернализма. Отсюда возрождение фундаментализма, привлечение церкви как института, который может легитимизировать власть. Развитие гражданского общества в России зависит от двух вещей. Первое – насколько общество сможет преодолеть тот тяжелейший моральный кризис, который нанесен ему разочарованием в принципе социализма. И второе – преодоление разрыва между интеллектуальной гражданской средой России и мира, выход нашей интеллектуальной среды из гетто.

В.Г. Арсланов. Кому принадлежат следующие слова: «Большинство людей слишком утомлено и изнурено борьбой с нуждой, чтобы собраться с силами для новой и более тяжелой борьбы с заблуждениями... Если эти несчастные люди заслуживают нашего сожаления, то мы по справедливости презираем других, которых благодетельная судьба освободила от ига нужды, собственный же выбор вновь поработил ей... Они основали все здание своего благополучия на этих обманах»? Это «Письма об эстетическом воспитании человека» Ф. Шиллера. Для Монтеня настоящие люди – это аристократ в подлинном смысле слова и мужик. Достоевский в «Записках из мертвого дома» нарисовал поразительную картину, как отверженные люди, некоторые из которых были настоящими злодеями, убивавшими детей – устроили театр и играли во время праздника в этом театре, играли так, что такой талантливой и вдохновенной игры Достоевский, по его собственным словам, не всегда мог увидеть и в Петербурге.

Конечно, трагедия России заключалась в том, что этот «мертвый дом» стал государственной властью. Но этот переворот был неизбежен. Это хорошо понимал, например, Пушкин, думавший о Робеспьере на троне, который сможет заключить союз с Пугачевым. И когда такой союз совершался, Россия оживала.

С кем спорили «Вехи»? С Шиллером, с Пушкиным, с Достоевским, но говорили, что спорят только с паршивой революционной интеллигенцией. Это была большая ложь, которая стала нормой нашей интеллектуальной жизни.

Последователи «Вех» в наши дни немало усилий затратили на то, чтобы снова спутать карты, отождествить две непримиримо враждебные силы – союз русского Пугачева с западной и русской классической культурой и союз западного обывателя с черносотенными идеями Запада и Востока. Кажется, что сама история в XX в. позаботилась о том, чтобы облегчить задачу «веховцам». Да, сталинизм был «темной демократией пригорода, а через то и деревни» (М. Лифшиц), да, он был последствием Октября. Да, это движение питала в том числе и энергия обитателей «Мертвого дома» – страшная уравнительная сила низов, которая бушевала в нашем отечестве многие десятилетия в XX в. Бунт беспощадный, но лишенный ли смысла?

Пиетический ужас внушила Гриневу песня пугачевских «господ генералов». Невольное восхищение талантливостью и силой духа несчастных острожников не давало спать после спектакля заключенных повествователю «Мертвого дома». Энергия большевистской революции произвела на художников Запада такое же впечатление, как Реформация – на Дюрера и его современников, констатировал далекий от политики глава Венской школы искусствознания Макс Дворжак. А сами обитатели «Мертвого дома», что натворили они? В заметке 1955 г. М. Лифшиц писал: «1937 г. и вообще все явления этого рода – месть мелкой собственности за ее уничтожение, сила обратного, ирония истории. Нарождение армии голодранцев-бедуинов, способных и домну построить, и немцев разбить и всякое образованное начальство на части разобрать. Сильно подогрели мы эту уравнительную ярость, которая несколько поглощена была землей после Октября».

Сборник «Вехи» – важная страница в российской истории, истории борьбы за душу мужика. Мужик в конечном счете свой выбор сделал – не в пользу «Вех».

Г.О. Павловский. Очевидно, что мы одновременно ведем две дискуссии. Одни обсуждают, как сделаны «Вехи». Другие обсуждают их актуальность в позитивном или

негативном контексте. Это нормально, но проблема в том, что мы не делаем выбора. «Вехи» действительно по-своему новаторская книга. Новаторская для русской традиции. Это почти уникальный в русской традиции сборник, содержащий самокритику, саморефлексию. Эта традиция не удержалась. Она крайне редко всплывала на поверхность и почти не связана с деятельностью властей. Интеллигенция категорически не хотела рассматривать себя и понятия, которыми она оперирует. Присутствующий здесь Валентин Толстых – один из немногих, кто противостоял этой традиции отсутствия рефлексии, например, выпустив лет 40 назад сборник «Искусство нравственное и безнравственное». Этот сборник содержал самокритику определенной ментальности советской интеллигенции, разумеется, в допустимой форме. И он в большей степени может быть признан наследником «Вех», чем сборник «Иного не дано», который был пафосной бравадой класса, уверенного, что он побеждает, подминает все под себя и идет вперед. Я сам был его участником и помню состояние тогда. Оно прямо противоположно состоянию саморефлексии. В этом смысле «Иного не дано» превратилось в некоторое клеймо недопустимого для интеллигенции состояния сознания.

Я бы хотел напомнить некоторые вещи. Барак Обама отметил столетие «Вех». Именно в тот самый день, когда 100 лет назад выносили и раскладывали в магазинах этот сборник, он в беседе с американскими банкирами сказал: «Господа, только я ограждаю вас от человека с вилами». Причем, именно «человека с вилами», который редко встречается на Уолл-стрит. Это очень народное представление об угрозе. Можно напомнить и о цитате из Бухарина. Он сказал довольно глумливое «спасибо» буржуазной интеллигенции, которая «оказалась так глупа, чтобы подрывать царизм в разгар Мировой Войны». Статья его вообще-то не об этом. Он признает, что не одни большевики добились того, чего добились, но им и помогали. В частности, и буржуазная интеллигенция. Имел ли он в виду интеллигенцию в нашем смысле слова? Конечно, нет. Кого он имел в виду? Людей типа Милюкова, думцев. Людей, которых тогда называли интеллигенцией. И, кстати, тогда и в голову никому бы не пришло называть Победоносцева или Достоевского интеллигентом. Это были люди, отлученные от интеллигенции. Графа Витте так назвать – это просто потерять репутацию. Теперь для нас этого не существует. Эта граница была взломана – и не «Вехами», а человеком, которого интеллигенция справедливо ненавидит до сих пор. Это был Сталин. Произошло это в конце 1930-х гг., практически в дни большого террора, когда интеллигенция была канонизирована в качестве одного из классов общества. Более того, Сталин сказал: «Мы добьемся того, чтобы и рабочие, и крестьяне растворились в советской интеллигенции». Так что интеллигенцией назывались очень разные явления. И мы должны быть благодарны тем, кто проблематизировал это понятие в «Вехах».

Я очень не любил в юности эту книгу. Мне как «левому» она была неприятна. Неприятен был ее язык. Но в советской традиции «Вехи» существовали. Советская традиция любила напоминать критику «Вех». И «Вехи» были полупризнанной книгой. Я не уверен, что у нас нарастает новый поиск, о котором говорил профессор Шлегель. Но такие разговоры могут исправить то, против чего выступал господин Арсланов. Речь об аморальной дедраматизации прошлого, когда стираются и исчезают и проблемы интеллигенции, и проблема ее потери, и взаимные обвинения, которые теперь стали нормальными для нашего образованного слоя. Это то состояние, против которого выступали «Вехи». И против него выступала демократическая интеллигенция времен первой революции. Здесь они были едины. Они выступали против разных форм порчи общественных дебатов путем распространения клише, кличек, якобы самоочевидных вещей. Никаких самоочевидных вещей в социальной реальности нет. Они все – предмет политической борьбы. С этим бы согласились и Струве, и Ленин.

Д.В. Драгунский. В юности «Вехи» казались мне скучной книгой. Я не совсем понимал, о чем там идет речь. Тем более, книжка, которую так ругал Ленин... Я понял, что эта компания дерущихся не очень меня заинтересует. Но, естественно, все проходит – и я прочитал «Вехи» уже в холодном возрасте. Конечно, рефлексия интеллигенции –

важнейшая вещь. Словная рефлексия – это вообще очень полезно. Академик Пивоваров сказал, что и «Вехи», и Чаадаев – это вещи простенькие и неглубокие. Может быть, книга этим и ценна? Есть такие не очень глубокие и вроде бы элементарные вещи, которые являются прекрасным инструментом для исследования. Сама по себе философская глубина не является ни похвалой, ни упреком. Элементарность рассуждения тоже может быть очень полезной. И некоторые простые противопоставления, которые даны в «Вехах», может быть, гораздо продуктивнее, чем очень семантически богатое философское умствование.

Я хочу вернуться к вопросу, который остается вечно актуальной проблемой. А именно – к фразе из статьи Гершензона про народную ненависть. Я убежден, что эта фраза толкуется совершенно неверно, хотя Гершензон, может быть, и произносил ее от души. Мне кажется, что народу до интеллигенции дела не было. Ему было дело «до своего брата кулака, жандарма, урядника, воинского начальника, до лавочника». До тысячи людей, которые с этим народом находились в постоянном социальном диалоге. Никакого дела до Гершензона ему не было. Свои несчастья народ никоим образом не связывал с деятельностью Гершензона и ему подобных. Как и сейчас. Люди связывают свои несчастья с теми, кто им эти несчастья приносит здесь и сейчас. И правильно, потому что вины Гершензона в революции столько же, сколько вины Бирона. О чем же идет речь? Это проекция. Никакой народной ярости по отношению к интеллигенции не было. Был страх интеллигенции перед народом, перед погромами, перед эксцессами, жестокостью. Перед стихийной крестьянского восстания, которая была описана Горьким через много лет в статье «О русском крестьянстве» 1922 г., где Горький написал, что «скоро вымрут эти тупые, тяжелые люди русских деревень».

Однако проблема интеллигенции и народа по-прежнему очень важна. Кормер говорит примерно то же, что и веховцы: «Интеллигенты – отщепенцы, они чужды своей земле, своему народу и своей государственной власти». Но что здесь значит «свой»? Свое – это то, чем я могу владеть, пользоваться и распоряжаться. «Своя земля» – это странная метафора. Может быть, «своя страна»? Но почему «своя»? Ведь всегда получалось, что это страна распоряжалась, владела и пользовалась человеком, а не он ею. А «свой народ» – это еще непонятнее. «My people» – так обычно монарх говорит народу. Так какое отношение этот монархический протокол имеет к жизни? То же самое касается и государственной власти. Почему эта сплоченная группа господ или товарищей, которая преследует свои личные сословно-корпоративные цели, мало понятные остальному народу, «своя»? Это какая-то странная психологическая инверсия. Тот, которым обладают, фантазирует о том, что он обладает. Мой король, мой генерал, мой убийца, мой палач, мой хозяин, мой помещик, мой насильник.

Мне кажется, что русский интеллигент, советский или российский, – это и есть лицо России. Лицо пейзажное, лицо народное, лицо властное – все равно вышли из-под пера и кисти интеллигенции. Другой страны, другого пейзажа, другого народа и другой власти, кроме той, которая вышла из интеллигентского дискурса, просто не существует. Когда народ, осознающий себя, и власть, осознающая себя и свои обязательства по отношению к народу, – это уже интеллигенция. И когда говорят, что русско-советская интеллигенция чужда народу и власти, то не больше, чем власть и народ чужды друг другу и сами себе. Потому что народ, который упорствует в своем исконном убожестве, разве не показывает свое самоотчуждение? А власть, которая занята межклановыми стычками и с огромным трудом только в последние годы научилась воспроизводить самое себя, тоже является показателем государственного самоотчуждения.

Поэтому мне кажется, что отчуждение интеллигенции от народа и власти – это симптом давнего вялотекущего кризиса, который и был замечен и отрефлексирован в «Вехах». Это, наверное, и есть глубокий позитивный результат «Вех».

И.В. Сабенникова. Мы рассматриваем сборник «Вехи», однако нужно помнить, что данный труд был только началом дискуссии, которая продолжалась весь XX в. Мето-

дологически интересно сопоставить три сборника, фиксирующих основные стадии (вехи) революционного процесса в России. Первый – «Вехи» (1909) – показал саму проблему, предложил своеобразный прогноз развития, второй – «De profundis» (1918) констатировал распад государства в результате революции, дал анализ революции и ее причин, третий – «Смена Вех» (1921) попытался найти выход из сложившейся ситуации, а также отразил состояние эмиграции.

Авторы «Вех» ставят три основных вопроса: интеллигенция и государство, интеллигенция и народ, интеллигенция и революция. Попытка разобраться в этих вопросах была попыткой предотвратить новый социально-политический кризис и самого государства как такового. Сборник «De profundis» продолжал линию «Вех», подводя итоги революции. Состав авторов был несколько расширен. Сборник был напечатан в 1918 г., когда столицу захлестнула первая волна большевистского террора, и поэтому не поступил в продажу. Лишь в 1921 г. рабочие типографии Кушнерева, где набирался и хранился тираж сборника, выпустили его «в свет» под новым, упрощенным названием – «Из глубины».

Если между «Вехами» и сборником «De profundis» прослеживается идейная преемственность, что выразилось и в сквозной теме этих сборников – русская интеллигенция и революция – и в повторяющемся составе авторов, то «Смена Вех» может рассматриваться как предложение альтернативной «Вехам» концепции. Сборники оказываются полярными не только из-за эволюции взглядов нового поколения (авторами «Смены вех» стали молодые русские интеллектуалы – Ю.В. Ключников, Н.В. Устрялов, С.С. Лукьянов, А.В. Бобрищев-Пушкин, С.С. Чахотин, Ю.Н. Потехин), но в большей степени благодаря качественным изменениям самого человека, прошедшего через революцию, гражданскую войну и эмиграцию. Почти одновременно в Праге и Софии летом 1921 г. вышли программные сборники, своего рода манифесты двух «послереволюционных» течений русской эмиграции: «Смена вех» и «Исход к востоку, предчувствия и свершения». Последовавшая затем дискуссия показала раскол интеллигенции по вопросу об отношении к государству, или (в последнем случае) – к Советскому государству: способно ли оно эволюционировать в направлении демократии и можно ли с ним сотрудничать. Правы, в конечном счете, оказались именно либеральные авторы «Вех», а не их сменовеховские критики. Либеральная мысль констатировала, что: 1. Советская Россия – особый тоталитарный тип государства, неспособный к изменениям; 2. Это государство обречено исторически, т.к. не содержит внутренних стимулов развития; 3. Главной проблемой интеллигенции является не восстановление авторитарного государства, а возрождение тех демократических ценностей и идеалов, которые были им разрушены. Это, в сущности, современная проблема.

В этом контексте напомним центральные положения сборника «Вехи», сохранившие актуальность. Взаимоотношениям русской интеллигенции и государства были в значительной степени посвящены две статьи П.Б. Струве и Б.А. Кистяковского. Интеллигенция – это специфический фактор русского политического развития. Ее историческое значение определяется прежде всего отношением к государству, как в его идеальном, так и в реальном воплощении. Отрицая государство и борясь с ним как с абстрактным злом, интеллигенция отрицает его конструктивное значение для формирования гражданского общества. Именно в противодействии государству интеллигенция Струве видит причину революции 1905 г. Правовая ограниченность русской интеллигенции проявилась даже в том, что ее идейные вожди не могли дать правового выражения своим идеалам – демократизму или социализму. Свидетельством тому оказалось и непонимание правотворческого процесса русской интеллигенцией в революционные годы.

Другой сквозной темой сборника стала тема «интеллигенция и народ». По мнению авторов «Вех», интеллигенция, посвятившая себя до революции одной главной цели – борьбе за счастье народа, – оказалась непонятой этим народом. Путь, которым шла интеллигенция прежде, оказался тупиковым, а попытка реализовать свой идеал не могла не привести к насилию. Жертвенность интеллигенции не была принята, русский

народ во время революции отказался от духовной опеки интеллигенции и предпочел действовать сам, причем так, как подсказывала ему его накопившаяся ненависть и неопределенная жажда лучшего. Имея такой опыт революции, Струве констатировал ответственность самого народа за свои действия. «Когда интеллигент размышлял о своем долге перед народом, он никогда не додумывался до того, что выражающаяся вначале долга идея личной ответственности должна быть адресована не только к нему, интеллигенту, но и к народу». Третья тема сборника – интеллигенция и революция. Интеллигенция всей своей предшествующей деятельностью подготавливала революцию, которой она была смята. Поэтому революция не оправдывает тех жертв со стороны интеллигенции, которые были ею принесены. Революция ведет лишь к разочарованию интеллигенции и неспособности ее к дальнейшей работе в области нерволюционного пути развития государства.

Сопоставление трех сборников показывает, как развивалась русская либеральная концепция, прошедшая три стадии развития: канун революции, анализ революции, характеристика нового режима и предложение бонапартистской альтернативы коммунизму.

В.Н. Шевченко. Конечно, ответ на вопрос, почему «Вехи» сегодня так актуальны, кому выгодно актуализация веховских предостережений, последует сам собой, как только мы определим, против чего так яростно боролись авторы «Вех». Сборник направлен против участия интеллигенции в политике. Комментируя «Вехи», некто И. Бикерман сказал 100 лет назад предельно точно: «Все обличения авторов “Вех” сведутся к одному: великий грех русского интеллигента в том, что он продал душу свою политике».

Почему следует всячески осуждать стремление интеллигенции во власть? И потом, при всей понятной нелюбви к власти, чума она что ли?

Я против предельно расширительной трактовки интеллигенции, как слоя умных и образованных людей. Такая трактовка радикально смещает фокус дискуссии, потому что вместо интеллигенции и тогда, и сегодня в обществе оказывается в наличии одна «образованщина» – люди с профессией и с очень ограниченным кругозором. Тогда понятен негодующий пафос А.Н. Бердяева в «Вехах», который со своей философской «высоты» бесцеремонно упрекает интеллигенцию в отсутствии у нее глубины постижения философских книжек. Критика самодержавной власти у Бердяева содержится всего в одной строчке, вся остальная статья – критика без всякого снисхождения тех, кто добивается, как сказали бы сегодня, новой архитектуры политического пространства. Не разобрались, не прочитали великих философов, а вот лезут в политику эти образованцы-оборванцы. Но дело, конечно, не в высшем образовании, не в хороших манерах или в заботливом отношении к окружающим людям.

Основу гражданского отношения к жизни составляет чувство собственного достоинства и совесть, которые не позволяют мириться с унижениями и оскорблениями себя и других. Интеллигент как таковой есть совестливый, порядочный человек. Но интеллигенция не есть слой интеллигентных людей с незапятнанной индивидуальной совестью. Интеллигенция, как социально-нравственное явление, есть публичная совесть общества. Это не профессия. Интеллигенция как социальный слой складывается из отдельных лиц, начинающих считать себя гражданами государства, и пытающихся реализовать свои личные потребности участия в публичной, политической сфере жизни, однако при отсутствии легальных для этого возможностей, сколько-нибудь действенных институтов гражданского общества.

В дореволюционной России интеллигенция сложилась и получила признание именно как эрзац, заместитель гражданского общества. Этим сказано главное. Поэтому гражданин в России – это человек, настроенный если не враждебно, то, по крайней мере, остро критически к власти, городскому обывателю с его мещанской психологией, к культуре аполитичности и сервильности. Одним словом, это «критически мыслящая личность». Таков реальный смысл понятия русская интеллигенция.

Но, прежде всего, интеллигенция берет на себя ответственность и смелость говорить любой власти, как она понимает правду о том, к каким последствиям ведут ее указы и законы, проводимые в жизнь реформы, ее отношение к человеку-работнику.

То, за что сражаются интеллигенты во все времена в России, это борьба за законное признание различных способов и путей участия отдельных граждан или организованных групп граждан в политической жизни. Как только появляются институты гражданского общества и они начинают более менее нормально функционировать, можно сказать: «Прощай, интеллигенция!». Значимость ее активной деятельности резко падает. Интеллигенция растворяется, уходит в партии, в свою профессиональную деятельность, превращается в интеллектуальную элиту и т.д.

Так почему же позитивное отношение к активной политической жизни у авторов сборника напрочь отсутствует? «Для русской интеллигенции, – пишет С.Н. Булгаков, – предстоит медленный и трудный путь перевоспитания личности. Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: Государственной – для осуществления “реформ”, экономической – для поднятия народного хозяйства, культурной – для работы на пользу русского просвещения, церковной – для поднятия сил учащей церкви, ее клира и иерархии». Именно этот призыв к нравственному самосовершенствованию и возмутил тогда все российское общество. Против «Вех» выступили не только революционеры. Были возмущены и либеральные круги, даже умеренно либеральные интеллигенты. Очень странно, что высший критерий интеллигентности – гражданственность как-то не увязывается в дискуссиях с гражданской активностью и социальной ответственностью интеллигенции.

«Вехи» заложили традицию резко отрицательного отношения к интеллигенции, пришедшей во власть. В 1915 г. В.В. Розанов записал в дневнике: «Пока не передавят интеллигенцию – России нельзя жить. Ее надо просто передавить. Убить». В конце XX в. известный философ В. Гиренок был столь же резок: «В 1917 г. к власти пришли левые интеллигенты. В 1991 г. их сменили правые интеллигенты. И те, и другие вызывают омерзение». В наиболее полном виде обвинительное заключение интеллигенции сформулировал В.В. Сапов в предисловии к изданию «Вехи: pro et contra»: «60 млн погибших и замученных за все годы советской власти – такой приблизительно будет цена неслышанного пророчества “Вех”. Приблизительно, поскольку разрушение культуры, нравственное одичание народа, потери от нереализованных потенциальных возможностей – все это не поддается точному учету». Не буду вступать в полемику по поводу 60 млн погибших или замученных, а также нравственного одичания народа при советской власти, тут все предельно ясно. Конечно же, сегодняшнее нравственное одичание российского народа – это все цветочки по сравнению с тем одичанием советского народа, от которого страна никак не может избавиться последние двадцать лет.

Как не было у нас гражданского общества 100 лет назад, так нет его и сегодня. Казалось бы, надо и сегодня бороться за него, что делают некоторые, главным образом, правозащитные организации, но это капля в море. Но российская власть во всех ее обликах не любила и не любит непредсказуемость, самостоятельность в поведении интеллигенции, не любит ее независимого характера. И потому пытается ее либо выставить на посмешище, либо построить в колонны.

Нынешняя постсоветская власть, особенно в 1990-е гг., неоднократно пыталась это сделать. В декабре 1997 г. состоялся первый учредительный съезд общероссийского общественного движения «Конгресс интеллигенции Российской Федерации». После конгресса прошло 11 лет, но что-то ничего не слышно про деятельность этого общественного движения, хотя и были созданы областные и региональные конгрессы интеллигенции, которые занялись главным образом просветительской деятельностью. А один московский политолог в верноподданныческом порыве сказал на этом учредительном съезде чудовищные слова: «Интеллигенция – это совесть власти».

Интеллигенция во власти в конце 1980 – начале 1990-х гг. – это миф, который использовался тогда для прикрытия расхищения бывшей партгосноменклатурой огромной государственной собственности. Биография подавляющей части новых поли-

тиков, как и «новых русских» – это биографии бывших номенклатурных работников разного ранга.

Но если вся политика под присмотром, тогда, кажется, в чем-то правы «Вехи». Не ходите, порядочные и образованные люди, в политику, не достойное это для вас занятие. Занимайтесь нравственным самосовершенствованием. Это хороший и дельный совет. Только почему-то власть говорит то же самое. Какое странное совпадение!

Вопреки благим намерениям, страна перешла в 1990-е гг. сразу от советского идеологического общества к массовому обществу с его порождением – человеком манипулятивным. На Западе, напротив, фаза становления гражданского общества была длительной, и приход массового общества не отменил гражданского. Можно ли привить нашей массовке, которая ничего не хочет, кроме того, чтобы потреблять и потреблять, развитые гражданские чувства и гражданскую ответственность? В условиях тотального господства нынешних СМИ, кажется, нет. Простой пример. В мае 1999 г. А.И. Солженицын, выступая на общем собрании Российской академии наук, посвященном 275-летию со дня ее основания, сказал, что трудно говорить об утешительном прогнозе для России. «Сегодня мы живем, – сказал он, – в условиях уникального в человеческой истории пиратского государства под демократическим флагом». Разве это не настоящий гражданский поступок писателя с мировым именем? Члены правительства, сидевшие в президиуме, кисло аплодировали. Речь Солженицына была опубликована только «Независимой газетой». Общество совершенно не «заметило» этого выступления. Никакой полемики, никаких откликов. Речь была предана забвению.

Цель авторов сборника «Вехи», которая лишь время от времени проявляет себя на поверхности текста, – добиться отречения российского общества от всего, что связано с идеей социализма, предать ее публичной порке, как опасное и неумное увлечение. Развенчать интеллигенцию – значит покончить именно с европейским социализмом, со всеми проявлениями его на русской почве, а заодно и с разными формами русского социализма. По словам П.Б. Струве, «для духовного развития Запада нет в настоящую эпоху процесса более знаменательного и чреватого последствиями, чем кризис и разложение социализма». Так что и сегодняшней нашей левой интеллигенции надо уняться: за 100 лет социализм, если верить Струве, так разложился в Европе, что сегодня от него не осталось и следа. Как бы не так.

Нынешняя власть постоянно говорит, что новая Россия желает подружиться с Европой, что у нас общие европейские ценности. Но эти ценности включают в себя не только либеральные, но и социалистические идеи. Знает ли власть, что в половине стран Европы социал-демократы, социалисты находятся у власти, что, несмотря на все проблемы, в Западной Европе создано социальное государство и что оно из государства всеобщего благосостояния трансформируется сегодня в государство, делающее огромные инвестиции в человеческий капитал?

Не следует преувеличивать роль интеллигенции в российской истории. Не она делает революции. Все, что она хочет, т.е. та ее часть, которая интересуется политикой и желает участвовать в политических дебатах, – это быть выслушанной властью. Но вот этого власть как раз и не может себе позволить. Власть добровольно, кажется, никогда еще в русской истории не отдавала ни частички своего безраздельного самовластного господства. Сама власть ставит интеллигента в ситуацию, лишенную компромисса – либо покаяние за «социалистические» шалости, либо борьба за право участия в публичной политике без унижительной проверки на лояльность – нет, не Родине, не Отечеству, а власти.

В.И. Толстых. Выступавшие по-разному оценивали книгу «Вехи», ставшую историческим документом: одни с интонацией восторженности, другие весьма скептически. По-своему оба подхода и обе оценки являются справедливыми. Я бы заметил и отметил своего рода парадокс «Вех» и веховцев, некое странное обаяние и притягательность этой небольшой книжки, каждый раз, с очередным юбилеем или каким-либо важным переломным событием, привлекающей к себе общественное внимание.

В марте 1999 г. мы в клубе «Свободное слово», в связи с 90-летием «Вех», целое заседание обсуждали «пути-перепутья российской интеллигенции». И пришли к печальному выводу насчет способности наших интеллектуалов видеть, понимать и предвидеть ход исторического развития. Вместо того, чтобы оппонировать власти, что является предназначением и святой обязанностью интеллигенции, ею овладевает «бес разрушения» (А.И. Герцен), и она начинает навязывать свою «интеллигентскую правду», однако, не беря на себя ответственность за последствия. Это произошло и подтвердилось дважды – в феврале и октябре 1917 г., а затем – в августе и декабре 1991 г. Я имею в виду не содержание того, что произошло в обоих случаях – здесь веховцы ничего не предугадали и ни от чего не предостерегли, но *безответственность* интеллигентов за результат их призывов и действий. Главное, что сегодня лично меня в веховцах привлекает – это их решимость выступить и сказать все, что они думают и знают об обществе и той ситуации, в которой оно оказалось. Не боясь ничьих возражений и упреков. Подсчитано, что более 90% всех выступлений и высказываний были «против» книги-сборника «Вехи» (и левых, и правых, и даже политически нейтральных), в том числе многих известных и авторитетных людей. Но веховцев это не смутило и не заставило потом раскаиваться в своем поступке.

Акцентирую на этом внимание вот почему. Пять лет назад в статье «Кто был никем, тот стал ничем» (Политический журнал. 2004. № 18) в полемически острой форме я поставил вполне веховский вопрос о том, что современные интеллигенты и интеллектуалы, *не сговариваясь, сговорились* обходить отныне стороной и не обсуждать наиболее важные, стратегические, «судьбоносные» проблемы российского развития. А именно: какой капитализм мы строим и уже возвели на месте «казарменного социализма»; какого типа рыночную экономику и форму демократического жизнеустройства создали; какие абсолюты и постулаты характеризуют нашу нынешнюю общественную мораль (и есть ли таковая теперь у нас вообще?), и какая моральная практика общества питает личную нравственность человека, определяет нравы и духовный климат российского социума. Наивно ждал ответа, или хотя бы возмущенного отклика. А вот веховцы однажды собрались и высказали все, чем они в тот момент были озабочены и возмущены и считали необходимым сделать предметом общественного внимания. И своей цели добились, вызвав активную реакцию общественного мнения тогда, заставив и нас, спустя целое столетие, обсуждать выдвинутые ими идеи и претензии.

Мне представляется, что подобный подход и способ действий целесообразен и перспективен в оценке достижений власти и интеллигенции, как в прошлом (далеком и недавнем), так и в настоящее время. Мы и сегодня расходимся в понимании и толковании веховской традиции, которая, кстати, не сводится ни к взаимоотношениям власти и интеллигенции, ни к спору о роли народа и личности в истории.

Б.С. Долгин. Немного о функции «Вех» и о том, почему они и «Иного не дано» – это книги, которые бессмысленно сравнивать. «Иного не дано» возникло на некоем фронтире общественной волны. Оно должно было стать прорывом в смысле смелости активно звучавших на кухнях высказываний. «Вехи» же в этом смысле – абсолютно противоположное явление. Они возникли как противостояние интеллектуальной волне. Поэтому сравнивать их странно. Если уж говорить о новейшей истории, то, скорее, попыткой создать аналог «Вех» можно считать многотомник «Иное» под редакцией Глеба Павловского.

В чем смысл этой функции? В том, чтобы противостоять некоторой принятой в обществе схеме раскола, когда, с одной стороны, интеллигенция говорит: «Мы знаем народ, мы за него боремся», а с другой стороны, государство говорит: «Нет, это мы знаем народ и это мы действуем так, чтобы его жизнь улучшилась». «Вехи» попытались это противоречие снять и дать существенно иные ответы на стоявшие тогда вопросы. Естественно, ответы получились односторонние. Это – не исследование из области социальных наук, не портрет интеллигенции того времени. Это то, что называется «обратным общим местом». Попытка «Вех» была очень полезной в том смысле, что задала пространство дискуссии, в котором можно было самоопределяться.

Принципиальная особенность «Вех» по сравнению с попытками критики интеллигенции, имевшими место до и после них (например, публицистикой Солженицына) – авторы, декларируя свой отход от наиболее популярных у интеллигенции догм, не становятся ренегатами своего «слоя», они остаются интеллигентами и даже либералами (дальнейшее смещение Струве в консервативный радикализм происходило уже заметно позже).

Из деконструкции «веховцами» слепого «народничества» интеллигенции важно извлечь еще один полезный урок, о котором начал говорить Павловский. Это – необходимость вкуса к изучению социальной реальности. Вместо инструменталистского оперирования лозунгами о народе важно разобраться, как же устроен этот самый народ, как и почему работает государственная власть. Сами «Вехи» в этом смысле никакого прорыва не обозначили, но опять-таки они спровоцировали ситуацию, которая могла бы ему способствовать.

«Вехи», как мы видим, провоцируют и разговор о том, что же такое интеллигенция. Кажется продуктивным рассматривать это понятие скорее как идеальный тип, попробовать сконструировать его параметры и разобраться, в какой степени можно говорить о наличии черт этого типа в реальных социальных группах. Одним из признаков этого идеального типа является характерная для него система ценностей, трансформировавшаяся со временем. Недостаточно констатировать «забвение» ценности равенства. Важно понять, в какой степени вообще оно когда-либо присутствовало как таковое или оно скорее скрывало за собой ценность справедливости, проявлявшейся в тех условиях в том числе в виде большего тяготения к выравниванию. Если это предположение верно, то это объяснило бы, как в других условиях – декларируемого и в некоторых рамках реализуемого равенства (или точнее – уравниловки), эта же ценность справедливости обращается в желание восстановить неравенство.

К. Шлегель. Мне было очень интересно. В определенном смысле я остаюсь на той точке зрения, что «Вехи» не дают рецептов решения проблем. Их ценность в том, что они создали пространство для их обсуждения. Но они требуют от нас, чтобы мы сами эти проблемы решали. Второе. Я бы очень хотел, чтобы российский дискурс включился в общеевропейский. Жаль, что эти две линии – размышлений российских интеллигентов и западных, так редко пересекались. В эмиграции беженцы-интеллигенты из России почти не встречались с беженцами из других стран, например, из фашистской Германии. Было бы очень важно соединить эти два течения беженцев XX в. и воссоздать их мысли о том, что произошло в век тоталитаризма. Русские и немцы жили в одних и тех же местах: сначала в Париже, потом – в Гарварде или Нью-Йорке. Но они нигде не встречались и не разговаривали о том, что испытали.

А.К. Сорокин. Мне кажется, что «Вехи» вольно или невольно сыграли роль интеллектуальной провокации, что, на мой взгляд, характеризует их скорее положительно. В этом и заключается их актуальность для сегодняшнего дня. Такая попытка должна была бы быть предпринята и сегодня. Вертикаль, свидетелями которой мы являемся во всех сферах жизни, нас ни во что хорошее не заведет. На этой оптимистической ноте, а она действительно оптимистическая, мы закончим.

© 2009 г. Е. Н. ТРЕФИЛОВ*

ОСОБЕННОСТИ КАЗАЧЬЕГО МОНАРХИЗМА конца XVII – начала XVIII века

Своеобразие социальной и политической жизни донского казачества давно привлекает внимание историков. Главной его составляющей считается широкая политическая автономия Войска Донского, или, как писал в 1666 г. беглый подьячий посольского приказа Г. Котошихин, «дана им (казакам. – *Е.Т.*) на Дону жить воля своя»¹. Возникает вопрос, каким образом подобные «вольности» влияли на отношение казачества к российским царям. Историки неоднократно отмечали, что донцы, хотя и позволяли себе иногда выпады в адрес российских монархов, в целом относились к ним с большим почтением. Так, например, один из крупнейших исследователей донского казачества первой половины XX в. С.Г. Сватиков считал, что казаки «видели в царе общенационального вождя»², а, по мнению современного историка Н.А. Мининкова, «в личности монарха для казаков персонифицировалось само государство, а царь выступал в качестве гаранта его единства и силы»³. Кроме того, в научной литературе неоднократно отмечалось, что подобные настроения были свойственны не только донским старшинам, но и мятежным казакам, например, К.А. Булавину⁴, до тех пор, пока он не решил «отложиться» от русского царя.

Тем не менее, по мнению некоторых историков, казачий монархизм отличался от монархизма крестьян и посадских людей (если согласиться, что среди этих двух категорий населения преобладал так называемый «наивный» или «народный» монархизм). Казачий монархизм представлял собой более сложное явление. В отношении казаков к царю одновременно могли сочетаться иррациональное обожание и вполне трезвые оценки. Так, по мнению казачьего историка конца XIX – начала XX вв. Е.П. Савельева, казаки, с одной стороны, испытывали «благоговение пред царской властью, как олицетворением высшей правды на земле», а с другой, чтили «московских великих князей, а потом царей... не за то, что они в силу судеб владыки на земле, а за то, что они всегда признавали за ними их древнее священное казачье право»⁵. О.Г. Усенко отмечал, что «“наивный монархизм” у казаков был развит, пожалуй, сильнее, чем у крестьян и жителей посада. Причиной тому – привилегированное положение казачества как замкнутого военно-служилого сословия». В то же время «положительное отношение донских казаков к монарху было далеко от слепого обожания. Казачий монархизм подразумевал соблюдение обеими сторонами ряда условий»⁶.

В историографии существует и другая точка зрения, согласно которой, казаки, в отличие от крестьян и посадских людей, совсем не испытывали пиетета по отношению к российским царям. По мнению В.Н. Королева, казаки были реалистами и прагматиками, а никак не монархистами. Об этом свидетельствуют поступки донцов, противоречившие их заявлениям о верноподданстве, которые делались ими исключительно из политических соображений. Об отсутствии глубокой привязанности к царю, свидетельствуют, например, намерения Булавина связаться с турецким султаном, уход некрасовцев на Кубань и др.⁷

Итак, существовал ли в действительности казачий монархизм, и, если существовал, то насколько он отличался от монархизма посадских людей и крестьян? Рассмотрим данный вопрос на примере петровского времени, являвшегося одним из тех периодов в истории Российского государства, когда гнев казаков и других категорий населения неоднократно направлялся не только на «злых бояр», но и непосредственно на царя. При этом важно сравнить, насколько повсеместный характер носили антицарские выпады среди казаков по сравнению с другими подданными, и какое влияние оказывали слухи о царе на умонастроения тех и других. Анализ

* **Трефилов Евгений Николаевич**, аспирант Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета.

самых выпадов против государя может быть весьма плодотворен для сравнения монархических настроений. Например, если правящего монарха ругают за то, что он поступает не так, как прежние государи, или вовсе отрицают его царское происхождение, то это вряд ли может свидетельствовать об отсутствии или падении престижа царской власти как таковой. Скорее наоборот, поскольку подобные выпады подчеркивают, что «настоящий», «правильный» царь не мог бы так поступить. Другое дело, когда хулителю царя отрицают сам институт царской власти или говорят о нем уничижительно.

Особое внимание обратим на восстание К. Булавина и время, предшествовавшее этому восстанию. Начиная с 1700 г., на казаков стали поступать доносы, согласно которым они не только произносили различные «непристойные речи» в адрес Петра I, но и готовили заговоры против него⁸. Конечной хронологической точкой рассматриваемого периода следует считать 1708 г., когда казаки-булавины приняли ряд решений, направленных против Петра I. Прежде всего, это намерение К. Булавина и его окружения, в случае неблагоприятных действий со стороны Петра I по отношению к восставшим, перейти в подданство к турецкому султану, выраженное в повстанческих письмах от 27 мая 1708 г. к кубанским казакам-раскольникам и к самому султану⁹. Отмечу также «заповедь» Булавина, «чтоб никто про именование великого государя не воспоминал». За несоблюдение этой «заповеди» и за разговоры о повинной царю полагалась смертная казнь¹⁰. С большой долей уверенности можно предположить, что уход на Кубань группы казаков во главе с И. Некрасовым под власть крымского хана в августе 1708 г. так же мог быть следствием антипетровских настроений среди казачества¹¹.

Среди источников, использованных в данном исследовании, необходимо выделить две группы: 1. Доносы и расспросные речи, как извечников, так и обвиняемых по этим изветам; 2. Письменные документы недовольных царем (донских казаков). Отмечу при этом, что к расспросным речам нужно относиться с большой осторожностью, поскольку показания у всех участников разбирательства часто добывались под пыткой. Нельзя исключить вероятности того, что обвиняемый, «не стерпя мучений», мог оговорить себя и других. По той же причине извечник мог отказаться от своего правдивого доноса. Более надежным источником являются документы, вышедшие непосредственно из-под пера самих казаков – воззвания и письма участников булавинского восстания¹². Безусловно, и к ним нужно относиться критически, но преимущество этих документов состоит в том, что они создавались без всякого воздействия со стороны властей и могли отражать истинные настроения казаков-булавиновцев. Особый интерес представляют упоминавшиеся выше письма кубанским казакам и турецкому султану, поскольку в них изложены причины недовольства царем.

Прежде чем перейти к ситуации на Дону, рассмотрим характер недовольства Петром среди других категорий населения. В исторической литературе общепризнано, что недовольство это было вызвано как неблагоприятным социально-экономическим положением, в котором в результате реформ оказалась большая часть населения России, так и различными новшествами, воспринимавшимися как угроза православной вере (бритье бород, замена русского платья на немецкое и т.д.). Кроме того, не нравилась подданным и личная жизнь Петра: общение с немцами, развод с царницей Евдокией и др.¹³ Тем не менее, недовольные, по крайней мере, в большинстве случаев, не ставили под сомнение престиж царской власти как таковой. Такие легенды о Петре, как о царе-антихристе или об «обменном» («подменном», «переменном») царе¹⁴, подчеркивали, что Петр – ненастоящий государь. «Какой де он нам, христианам, государь, – говорил примерно в 1704 г. некий монах Тихвинского монастыря, — он де не государь, латыш, поста де никогда не имеет и иных прельщает. Он де лъстед, антихрист, рожден де от нечистая девица»¹⁵.

Примерно в 1701 г. или 1702 г. жена дворового человека боярина Ф. Лопухина говорила: «Для того же стрельцов разорили и платье переменяли и тягости в мире стали, на Москве де переменная государь. Как де царица Наталья Кириловна родила царевну, а в то же время боярыня или боярышня, а подлинно не упомянет ж, родила сына, и того де сына взяли к царице и вместо царевны подменили»¹⁶. Интересно заметить, что даже в тех случаях, когда Петр не назывался антихристом или «обменным» царем, ругатели подчеркивали нецарственность его поступков: «какой де он Государь, он де бабоблуднишко», или «какой де Государь и баб всех вытаскал в службу, все царство запустошил, кому де дань будет давать» и т.д.¹⁷ Ходили в народе и слухи, согласно которым государь находится в «стекольном (в Стокгольме. – Е.Т.) в заточеньи» или вовсе умер. Они были весьма популярны среди участников Астраханского восстания 1705–1706 гг.¹⁸ Отсутствием настоящего государя повстанцы объясняли различные притеснения со стороны местного воеводы Т. Ржевского, введение немецкого платья и насильственное бритье бород¹⁹.

Важно отметить, что, несмотря на бытование вышеприведенных слухов и выпадов против Петра среди астраханцев, в их письменных документах (воззваниях и внутренней переписке)

они не нашли никакого отражения²⁰. Думаю, это связано с тем, что повстанцы, в том числе и самые решительные из них, не были полностью уверены в правдивости этих слухов²¹. Поэтому без всяких сомнений астраханцы приняли грамоту приказа Казанского дворца²², которая рассеяла последние тревоги насчет царя²³. Несмотря на отдельные выпады в адрес Петра²⁴, большая часть повстанцев продолжала надеяться на милость государя вплоть до разгрома восстания²⁵. Таким образом, недовольство астраханцев действующим монархом не следует преувеличивать²⁶.

Все вышеотмеченные легенды о Петре и выпады против него, варьируясь, а порой причудливо смешиваясь между собой, бытовали среди различных слоев населения Российского государства: бояр, дворян, стрельцов, духовенства, а особенно среди солдат, крестьян и посадских людей²⁷. В большинстве случаев, недовольство простонародья направлялось не против законного царя, а против узурпатора, якобы захватившего престол²⁸. Отсюда идеализация в народном сознании царевича Алексея, отмеченная еще задолго до его конфликта с Петром²⁹.

Как известно, в последние десятилетия XVII в. Войско Донское начало терять свои былые права и вольности, причем один из ударов по казачьим вольностям был нанесен как раз накануне рассматриваемого периода. После взятия Азова и заключения в 1700 г. мирного договора между Россией и Турцией казакам было запрещено совершать военные походы в пределы турецкого султана и крымского хана³⁰. Это стало сильным ударом по экономике донцов³¹, поскольку походы «за зипунами» были всегда важной статьёй их доходов³². После взятия Азова Войско Донское перестало также быть крайним форпостом и превратилось как бы во внутреннюю территорию Российского государства. Теперь московскому правительству сначала через азовского воеводу, а потом и губернатора стало гораздо легче контролировать казаков³³. Благодаря вышеотмеченным обстоятельствам, участились вмешательства России во внутренние дела Войска Донского. Так, например, казакам предписывалось заселение и обслуживание почтового тракта между Валуйками и Азовом³⁴. Правительство вводило ряд ограничений на ловлю рыбы, вырубку лесов и пр.³⁵ Кроме того, различные территориальные споры, возникавшие на границах Войска Донского, разрешались также не в пользу казаков. Спорные территории «отписывались на государя». Так было с бывшими Коренной и Савальской вотчинами Тамбовского епископа Игнатия и с бахмутскими соляными промыслами³⁶. В обоих случаях имел место вооруженный конфликт. И, наконец, российское правительство покусилось на исконное, с точки зрения казаков, право не выдавать с Дона беглых³⁷.

Вслед за некоторыми историками³⁸ можно предположить, что именно эти действия правительства, или, по крайней мере, некоторые из них, стали причиной недовольства Петром среди казаков. Правда, еще С.М. Соловьев, придерживавшийся этой версии, считал, что таких недовольных на Дону было немного³⁹. О.Г. Усенко пришел, в сущности, к тому же выводу. Более того, он полагает, что сведения об антипетровских настроениях либо сильно преувеличены, либо вовсе несостоятельны⁴⁰.

Обычно для характеристики антипетровских настроений историки привлекают сведения, полученные из извета донского казака верхнекаргальского городка И. Резанова 1700 г. По его словам, в январе того же года он был в гостях у попа Ромашки Иванова в казачьем городке Кумшаке. В присутствии многих казаков этот поп говорил следующие «непристойные слова»: «Ныне де им на Дону от Великого Государя тесно становится, как де он, Великий Государь, извоит быть на Дон, мы де его, Великого Государя, приберем в руки и отдадим его, Великого Государя, к турецкому султану, так де у них Дон будет по-прежнему, а прибрать де его, Великого Государя, в руки им и малыми людьми свободно для того, что де он, Великий Государь, извоит по реке Дону ходить в шлопке с малыми людьми, а их де в том умысле соберется человек с триста или с четыреста, да и многие де от них не отстанут, и те де казаки все, которые у него, Ромашки, в то время были, говорили те ж речи»⁴¹. В другой раз Резанов показал, что слова эти говорил казак Потап Мухин⁴².

Важно отметить, что, по словам изветчика, после того, как был захвачен Азов, «по се число донские казаки во всех городках переговаривали, чтоб Великого Государя прибрать в руки, так де у них Дон будет по-прежнему»⁴³.

Если верить Резанову, то Иванов не ограничился этими «непристойными словами». Поп учил казаков, что «седми де днями совершися мир, а как седми тысяч лет совершитца, конец веку будет, и описует де, что у Антихриста будут ноги коровьи, и возлюбит де он еллин, а русских людей откинет и чести руским людем не будет, и молвил про Великого Государя – то-то де Антихрист, у него де ноги коровьи, что носит башмаки немецкие, видите де вы и сами и разумеите и бегите от него прочь, чтоб вам не принять его антихристовой печати»⁴⁴.

Соловьев не отрицает, как таковое, намерение недовольных казаков схватить Петра. Однако, основываясь на словах «а прибрать его в руки нам и малыми людьми свободно», делает

вывод: «Таким образом, сами недовольные признавались, что у них мало людей»⁴⁵. По мнению Усенко, подобного намерения не существовало. Свою точку зрения историк основывает на том, что донос был признан ложным⁴⁶. Действительно, никто из обвиняемых не признал даже под пыткой возведенных на них обвинений⁴⁷, в то время как Резанов сознался в том, что «затаял он на них, казаков, и на Ромашку напрасно, спьяна»⁴⁸. За это, а также за другой донос, в ложности которого он признался, изветчик «по именному Великому Государя указу» от 29 января 1703 г. был казнен, а все, обвиненные им, были отпущены на свободу⁴⁹. Все, кроме Р. Иванова, который умер во время следствия⁵⁰.

Отмечу, что и ряд других свидетельств об антипетровских настроениях среди казаков отвергнуты Усенко на том основании, что и они в Преображенском приказе были признаны ложными⁵¹. Однако не страдает ли подобный подход излишней доверчивостью? Выше отмечалась специфика тогдашнего судопроизводства. Необходимо заметить также, что, по ряду ответов, на которые ссылается ученый, вообще не было проведено должного расследования, т.е. не были допрошены ни свидетели, ни обвиняемые. Тут сразу напрашивается аналогия с известным делом И.И. Искры и В.Л. Кочубея, где также не были привлечены к дознанию ни свидетели, ни обвиняемые, а изветчики под пыткой отказались от своих слов, в то время как измена Мазепы подтвердилась дальнейшими событиями.

Можно предположить, что в деле Резанова неслучайно возникает противопоставление Петра и турецкого султана. Тем более что сведения о недовольстве среди казаков положением дел после захвата Азова подтверждаются другими источниками. Так, например, по сообщению жителя г. Козлова К. Анцыфорова (от 14 апреля 1708 г.), побывавшего в стане булавинцев, казаки намеревались «то место, где ныне Азов и Таганрог, очистить, чтоб было все их казачкое»⁵².

Рассмотрим ситуацию на Дону более детально. Прежде всего, обратимся к делу, которое разбиралось почти параллельно с делом Резанова. Началось оно в апреле 1700 г., а закончилось в январе 1703 г. Казаки обвинялись в том, что не хотели пустить по одним данным – самого государя, а по другим – «государевы полки» «на остров», т.е. в Черкасск⁵³. Однако из дела видно, что подобные слова инкриминировались по сути только одному человеку, черкасскому казаку Рыковской станицы А. Чеботарю. О намерении казаков не пустить царские войска в Черкасск Чеботарь будто бы поведал дьячку Н. Васильеву⁵⁴. Причем Васильев настаивал на том, что, согласно словам Чеботаря, казаки намеревались не пустить в Черкасск именно царские войска, а не самого государя⁵⁵. Поначалу Чеботарь отрицал обвинение, но затем под пыткой признался: «про то де, что Государевых полков на остров не пустить, сказывал ему казак же Федор Соловецкой, а кто бы тех полков не пустил, того де ему не сказал, и от иных ни от кого про то не слышал»⁵⁶.

Ф. Соловецкой уже не мог ни подтвердить, ни опровергнуть правоту слов Чеботаря, поскольку был казнен по войсковому указу за намерение с другими «воровскими казаками» «воровства много учиня, и великому государю изменить, и на Кубань пойти»⁵⁷. Кроме того, и сам Чеботарь собирался покинуть Дон и уйти на р. Аграхань⁵⁸. «Быть может, – пишет Усенко, – кое-кто в Черкасске и сочувствовал единомышленникам А. Чеботаря, покинувшим Дон, однако, покаательно, что казаки подчинились указу ловить “изменников”»⁵⁹. В этой связи представляется совершенно невероятным, чтобы среди казаков мог иметься какой-то широкомасштабный план сопротивления царским войскам. Кроме того, с большой долей уверенности можно говорить, что не было такого плана даже у немногочисленных «воровских казаков». На это указывают два обстоятельства. Во-первых, в извете Васильева речь шла, по сути, не о заговоре, а о какой-то гипотетической возможности каких-то казаков оказать сопротивление царским войскам⁶⁰. Во-вторых, если даже Соловецкой и некоторые другие казаки вели подобные разговоры, то на деле они предпочли не сопротивление, а уход в чужие края.

Другие источники также свидетельствуют, что в канун булавинского восстания донцы в целом оставались лояльными по отношению к царю. Усенко убедительно показал, что порой не кто иной, как сами изветчики, свидетельствуют о почтении к Петру со стороны казаков⁶¹. Так, согласно доносу беглого стрельца В. Иванова (1700 г.) казаки отдельных городков говорили: «Долго ль нам так жить, государева жалованья нам не дают, а которая де под нами земля есть, и тое де земли половину ныне у них отымают, пошла де от них к Москве станица бить челом о государеве жалованье, и тое де станицу на Москве по се время одержали, неведомо для чего, знатно, недаром: хотят де над нами учинить так же, что и над стрельцами, послали де они 10 человек казаков про тое станицу проведать... и они де станут дожидаться... а будет де те 10 человек привезут им весте недобрые, и они де все съедутся в Черкасской и о том подумают»⁶². Отмечу, что даже доносчик не приписывает казакам обвинений Петра в расправе над стрельцами.

По свидетельству того же Иванова, казаки весьма бурно реагировали на произнесение хулы в адрес царя отдельными донцами. Один казак во время пирушки в Краснянском городке гово-

рил, что «у нас де ныне государя нет, а то де не государь, немчин, а как бы де он был старой государь, и он бы де не так делал, а то де веру верует немецкую». Другие казаки, услышав эти слова, «на того казака кричали и прогнали его из избы насекомыми»⁶³. Интересно, что расследования по этому доносу не проводилось. Почему в Преображенском приказе ему не поверили? Усенко полагает, что «по всей видимости, донские казаки в это время не давали повода заподозрить их в оппозиционности правительству и царю»⁶⁴. Однако я полагаю, что причина была не в этом, поскольку другие доносы на донцов подвергались тщательной проверке. Возможно, определенную роль сыграла неважная репутация извetchика-стрельца. Он бежал со службы, по собственному признанию, «с пьянства своего», за что был в конечном итоге бит «кнутом пешадно» и сослан в Сибирь «на вечное житье»⁶⁵. Может быть, на решение не вдаваться в подробности этого извета повлияло то, что сам донос подчеркивал лояльность казаков царю. А лишний раз раздражать донцов в Москве, видимо, не хотели.

Возможно, какие-то выпады против Петра среди казаков все же имелись. Так, например, Петр, возлюбивший бояр, противопоставлялся своему брату Ивану, возлюбившему чернь⁶⁶. Возможно, даже один из казаков называл Петра антихристом⁶⁷. Правда, в последнем случае установить достоверность доноса не представляется возможным.

Однако самым убедительным, на мой взгляд, аргументом, приводимым Соловьевым и Усенко в пользу того, что в канун булавинского восстания антипетровские настроения не играли на Дону какой-либо заметной роли⁶⁸, является отказ казаков поддержать Астраханское восстание 1705–1706 гг., а также выдача в Москву повстанческих посланцев⁶⁹. Конечно, и само Астраханское восстание с большим трудом можно назвать антимонархическим в собственном смысле слова, но важно то, что на Дону даже слухи, бытовавшие в Астрахани, не имели какого-либо серьезного значения. Об этом свидетельствует то, что именно донские казаки сообщили «на переговорке» астраханцам, среди которых ходили слухи о смерти Петра, что государь «многолетствует»⁷⁰. И, наконец, важно добавить, что источники не содержат никаких свидетельств о ропоте среди казаков по поводу того, что их собратьев, заподозренных в «непристойных речах» или в мятежных настроениях, посылают на следствие в Москву. Что также, видимо, свидетельствует о том, что в это время подобное разбирательство считалось среди донцов вполне законным.

Несмотря на все вышесказанное, нельзя все-таки упускать из виду стремление отдельных казаков, недовольных своим положением в канун бунта, покинуть Дон и уйти на р. Аграхань или Кубань. Несомненно, что это стремление было присуще сравнительно небольшой части казаков, однако без осмысления этого момента будет совершенно непонятно, почему булавинцы решились уйти из-под власти русского царя.

Угрозы покинуть Дон имели давнюю традицию. В том или ином виде они звучали время от времени на протяжении всего XVII в.⁷¹ Примечательно, что даже С. Разин, относившийся с большим почтением к царской фамилии, весной 1670 г. среди дальнейших путей повстанческого движения предлагал рассмотреть возможность пойти «к иному царю служить»⁷². До поры до времени подобные стремления оставались неосуществленными, однако в конце 1680-х гг., после разгрома старообрядческого движения на Дону, часть казаков-раскольников ушла на р. Куму и Аграхань (Северный Кавказ), а другая, менее многочисленная – на Кубань⁷³. В 1692 г. группа аграханских казаков присоединилась к своим собратьям на Кубани⁷⁴. Видимо, основным мотивом ухода казаков с Дона в рассматриваемый период был запрет походов «за зипунами». Так, например, уже упоминавшийся казак Чеботарь следующим образом призывал дьячка Васильева присоединиться к нему для бегства на Аграхань: «Пошли де на Аракан, видишь де здесь что делается: на добычу де не пускают, ... а на Аракане де беглые казаки Бусу розбили»⁷⁵.

Согласно доносу беглого солдата П. Прядильщикова (1700 г.), атаман скурихинской станицы А. Еремеев «с товарищи меж себя говорили: ныне де до них Государской милости не стало, пойдут де они на иную реку, да они ж де говорили: Великого де Государя указы разосланы по городам, чтоб Светлому Воскресению не быть, а разговляться б в Вербное Воскресение»⁷⁶. Правда, этот донос был признан ложным, поскольку Прядильщиков отказался от своих слов, объяснив их пьянством. Более того, он заявил, что и казаков таких не знает⁷⁷. Поскольку расследования по этому делу не проводилось, трудно установить, существовали ли такие казаки в действительности. Тем не менее, с большой долей уверенности можно утверждать, что, по крайней мере, часть этого извета не была выдумана беглым солдатом. Если про якобы существующий указ об отмене Пасхи Прядильщиков мог, допустим, придумать сам, основываясь на похожих толках, ходивших по всей России, то про специфические намерения и недовольства казаков он мог услышать только на Дону. В отписках войсковой старшины, не собиравшей покидать Дон, пусть в завуалированной форме, но также чувствуется недовольство положением дел на Дону: «А под крымския и под ногайския жилища для добычей никуда ходить и задоров чинить по

его в. г. (великого государя. – *Е.Т.*) указу не велено, и им Войску никаких добычей ни откуда нет и взять негде, и без его в. г. (великого государя. – *Е.Т.*) жалованья пропитаться им нечем»⁷⁸.

Поскольку одной из причин такого положения на Дону был захват Азова, то вполне закономерно, что у некоторых казаков могло возникать желание любой ценой исправить положение. Так, по свидетельству бывшего солдата Преображенского полка Ф. Аристова, в 1701 г. казак Качалинского городка Н. Смирной, ушедший на Волгу в судовые работники, по дороге из Астрахани в Нижний Новгород говорил работным людям: «Азову де городу недолго де быть за Государем, взяв де Азов-город, донские казаки передадутся к турецкому султану по-прежнему». К сожалению, решения по этому делу не сохранилось. Однако известно, что Смирной так и не признал своей вины. Кроме того, и свидетели отрицали, что слышали подобные слова от казака. Интересно заметить, что какой-то «шум» о казаках и Азове некоторые из свидетелей все же слышали, но о чем «шумели» спорщики, они не знали⁷⁹. Таким образом, разговор, а вернее спор, все же имел место. А если он не носил предосудительного характера, то почему Смирной вообще отрицает тот факт, что этот спор происходил в действительности?

Если даже не принимать во внимание сведения, содержащиеся в вышеприведенных документах, то все равно очевидно, что в это время казаки бежали не только на Аграхань за временной добычей, но и на Кубань под власть крымского хана, а значит и турецкого султана. Так, по словам попа рыковской станицы Ивана, привлеченного по делу Чеботаря, узнал он от своих прихожан, что «в прошлом году, изменив великому государю, бежал из Черкаского казак Савостка табунщик и живет на Кубани, а остался де в Черкаской сын его Еремка. И в прошедшем 1700 году перед святою неделю он Еремка отпущен из Черкаского на Кубань к отцу». Впоследствии поп узнал от донского казака И. Болдыря, вернувшегося «ис полону ис Кубани», что Еремка многих донских казаков соблазнил бежать на Кубань⁸⁰. Кубань могла быть привлекательна для донцов хотя бы тем, что крымский хан разрешал споры между кубанскими владельцами и тамошними казаками в пользу последних⁸¹.

Поскольку отдельные казаки не только выражали недовольство своим положением, но и бежали под власть чужих государей, можно предположить, что и в доносе Резанова была доля правды, и, возможно, какие-то «горячие головы» действительно думали схватить царя.

И, наконец, важно отметить, что К. Булавин и некоторые люди из его окружения были тесно связаны с казаками, бежавшими на Кубань. В письмах от 27 мая 1708 г. К. Булавин, помимо атамана кубанских казаков С. Пахомова, обращался также к своим знакомым казакам, ушедшим на Кубань из станиц Луганской, Трехизбянской, Митякинской. Двух других составителей писем, А. Ерофеева и Д. Игнатъева, связывали родственные и свойственные отношения с их предводителем С. Пахомовым: А. Ерофеев был его племянником, а Д. Игнатъев – шурином⁸². Отмечу также, что И. Некрасов, по свидетельству бывшего бахмутского атамана С. Кульбаки, «был в Голубых рядовым же казаком и в воровском замысле с Костькою, который наперед сего ушел на Аграхань для воровства ж и бунту... И великому государю во время азовского походу он, Игнашка, принес вину, за что по прощенью и наказанье ему учинено»⁸³.

Таким образом, накануне булавинского восстания казаки в целом оставались лояльными правительству и царю. Однако отрывочность сведений, содержащихся в расспросных речах, не дает полного представления о характере этой лояльности, т.е. была ли она основана только на прагматических соображениях или также имело место иррациональное почтение к царю. В то же время для какой-то части казаков была вполне приемлема идея смены русского царя на крымского хана или турецкого султана.

Представляется, что верность донцов царю была обусловлена двумя причинами. Во-первых, правительству не покушалось на традиционную одежду и внешний облик казаков. «И тем де они, – говорил в посольском приказе 16 сентября 1705 г. атаман легкой станицы С. Кочет, – донские казаки, перед иными народами от него, великого государя, пожалованы и взысканы, что к ним и по се число о бородах и о платье его, великого государя, указу не прислано, и платье де они ныне носят по древнему своему обычаю, как кому из них которое понравится»⁸⁴. Во-вторых, попытки отыскать беглых крестьян, посадских и «иных чинов» людей, осевших на Дону, заканчивались практически безрезультатно⁸⁵.

Если такое положение вполне устраивало донцов, то Петр I не мог быть им доволен. 6 июля 1707 г. царь направил на Дон сыскной отряд под предводительством Ю.В. Долгорукова. Ему предписывалось «беглецов» «во всех казачьих городках, переписав, за провожатыми и с женами их и с детьми высылать по прежнему в те же города и места, откуда кто пришел»⁸⁶. С разгрома этого сыскного отряда в Шульгинской станице в ночь на 9 октября 1707 г. казаками под предводительством К.А. Булавина, как считалось до недавнего времени, и началось восстание. О.Г. Усенко попытался опровергнуть эту общепринятую точку зрения. Он утверждает, что толчком к бунту явились слухи о гибели Петра I и царевича Алексея от рук бояр и немцев. Ввиду

этих обстоятельств разгром отряда и убийство его предводителя стали возможны, поскольку, с точки зрения казаков, сыск беглых приобретал незаконный характер. Более того, по мнению историка, восстание вспыхнуло бы даже в том случае, если бы отряд Долгорукова не был послан на Дон, т. к. смерть государя была достаточной для этого причиной⁸⁷. Однако у меня есть серьезные основания сомневаться в подобных выводах. Дело в том, что ни в одном источнике, относящемся к осени-зиме 1707–1708 гг., нет ни одного упоминания о подобных слухах среди казаков. Более того, все «конкретные примеры», приводимые историком в пользу своей гипотезы, относятся к марту–апрелю 1708 г.⁸⁸ Но, прежде чем рассматривать роль слухов о Петре в это время, необходимо выяснить отношение повстанцев к царю в предыдущие месяцы.

Сведений на этот счет имеется немного, но, тем не менее, они весьма важны. Прежде всего, обратимся к показаниям участников одного из сыскных отрядов (т.е. отряда, посланного для сыска беглых на Дону), ротных писарей Г. Чертоусова и К. Богданова. На допросе 17 ноября 1707 г. они рассказали, что в октябре того же года взявшие сыщиков под караул казаки казаринского городка и близлежащих станиц произносили различные «ругательные слова» и, между прочим, «указ государев ни во что ставили и похвалялись их, офицеров и солдат и посланных войсковых старшин побить»⁸⁹. Однако остается лишь гадать, что в данном случае означает «указ государев ни во что ставили». Скорее всего, выражаясь пренебрежительно о царском указе, казаки не произносили какой-либо хулы в адрес самого Петра, поскольку вряд ли писари утаили бы это от следователей.

Видимо, именно в этот промежуток времени у Булавина, а возможно и у некоторых других повстанцев, возникла мысль об уходе из-под власти русского царя.

Вероятно, толки на этот счет велись уже в октябре 1707 г. Об этом свидетельствуют распросные речи казака Л. Карташа. «Да ему ж де Леонтью, – рассказывал Карташ, – сказывали Кундрючя городка атаман Нестер Борода да Нестер Романов, после де убийства князя Юрия Долгорукова слышали они в Черкасском в кругу: есть ли де будет вор Булавин зимовать, и на весну де донские и хоперские казаки пойдут жить на Дарью реку и делают телеги»⁹⁰. По мнению К.В. Чистова, изучавшего легенду о «реке Дарье», трудно сказать «какая это именно Дарья (Сыр-Дарья, Аму-Дарья, вообще «Дарья» – т.е. река)»⁹¹. Видимо, корни этой легенды уходят к началу XVII в., когда яйцкие казаки совершали набеги на земли Хивинского хана, и основали там свои поселения. Из показаний Карташа очевидно, что про реку Дарью было известно и донским казакам, однако действительно ли булавины собирались туда направиться, установить со всей определенностью невозможно, поскольку сведения об этом получены из третьих рук.

Более определенные сведения о желании «отложиться» от русского царя относятся к периоду пребывания Булавина в Запорожской сечи, куда он направился в ноябре 1707 г. после неудачного начала восстания на Дону. 29 декабря 1707 г. сотник Новосергиевского города поведаль самарскому воеводе С. Шеншину, что после того как запорожские старшины отказали Булавину в помощи, «просил он Булавин кошевого, чтоб он дал ему с кошу лист и казаков до Крымского хана, чтоб с тем листом и с казаками ехать ему в Крым и просить у Крымского хана орды на вспоможение себе, для разорения великороссийских городов. И кошевой де о том не позволил и листа до хана не дал»⁹². Эта информация подтверждается и показаниями разведчиков (от 29 января 1708 г.), посланных острожским полковником И.И. Тевяшевым в Запорожскую сечь⁹³.

Думаю, что цель союза с крымским ханом заключалась не только в том, чтоб побить «злых бояр» и «немцов», у Булавина были более далеко идущие планы. Об этом свидетельствует следующее обстоятельство. В отписке черкасской администрации запорожским казакам (март–апрель 1708 г.) говорилось: «Изменил донской казак Кондрашка Булавин... сказывал вам, будто мы Войском Донским от в. г. отложились и для того, будто, его вора к вам прислали»⁹⁴.

Иная картина в отношениях к царской власти наблюдается в марте–апреле 1708 г. В это время после возвращения Булавина из Запорожской сечи восстание вспыхнуло с новой силой, охватив не только территорию Войска Донского, но и близлежащие уезды – Тамбовский, Козловский и др. Этот этап восстания закончился захватом 1 мая 1708 г. столицы Войска Донского Черкасского городка. Вот как характеризует этот период Усенко: «Речи и возвания булавиновцев в марте–апреле 1708 г. пропитаны уверенностью, что восставшие “стоят за великого государя, дом пресвятой Богородицы и истинную веру”. Можно подумать, что повстанцы были убеждены в том, будто жизни монарха, а также церкви и религии что-то (или кто-то) угрожает»⁹⁵. В конечном счете, как отмечалось выше, историк считает, что булавины были убеждены в гибели государя. Попытаемся разобраться, как влиял этот слух о царе на умонастроения повстанцев.

Собственно говоря, имеется только одно прямое упоминание о толках среди повстанцев насчет гибели монарших особ. Об этом «факте» поведаль один из ближайших сподвижников Булавина Л. Хохлач в Пристанском городке 9 апреля 1708 г. «шпиону» А. Полухину, посланному Козловским воеводой Г.И. Волконским в стан булавиновцев: «Тот воровский отоман Хохлач

говорил ему Афонасью будто в. г. и государя царевича в живе нет давно, а владеют де государством бояре да прибыльщики и немцы»⁹⁶. Усенко по этому поводу замечает: «Очевидно, подобные разговоры вели и другие участники движения, ибо в одном из донесений сообщалось: “восставшие говорят слова неистовые, что де их невозможно и писанию предать”»⁹⁷. Однако источник, на который ссылается ученый, не позволяет сделать вывод, что «неистовые слова» следует однозначно трактовать как слова о смерти царя⁹⁸. Хотя формулировка «невозможно и писанию предать», как правило, в документах тех лет означала какие-то «непристойные слова» о государе⁹⁹. Так или иначе, но некоторые примеры, приводимые Усенко, косвенно все же могут свидетельствовать о толках насчет гибели царя. Так, например, казаки, руководимые все тем же Л. Хохлачом, в конце марта 1708 г. «говорили битюцким крестьянам, чтоб они на в. г. хлеба не сеяли, а пахали б на себя»¹⁰⁰.

Можно предположить, что логика казаков заключалась в следующем: государь умер, и хлеба на него сеять незачем. Это тем более возможно, если иметь в виду, что Хохлач, предводитель отряда, был распространителем слухов о царе. Однако этот эпизод может иметь и другую трактовку. Дело в том, что в марте 1708 г. Булавин приказывал своим казакам, в том числе и Хохлачу, не сеять хлеба в связи с предстоящими боевыми действиями¹⁰¹. В связи с этим понятно, почему казаки запрещают дворцовым крестьянам сеять хлеб на своего непосредственного хозяина. Правда, при таком объяснении остается загадкой, почему крестьянам разрешается «пахать на себя». Возможно, подобный «антимонархический» выпад казаков объясняется гораздо проще. Дело в том, что битюцкий приказной, рассказавший об этом эпизоде, был жестоко избит булавинцами¹⁰². Возможно, он решил в отместку очернить их в глазах властей. Казаки Хохлача, на утверждение А. Полухина, что они отогнали из-под Тамбова «государевых лошадей», отвечали, что «те лошади... боярские, а не государевы»¹⁰³. Возможно, Усенко прав, и казаки действительно полагали, что лошади стали «боярскими» после смерти государя¹⁰⁴, однако на основании источника невозможно сделать столь однозначного вывода. Очевидно лишь то, что к царю эти казаки относились с почтением.

В источниках этого периода встречается слух о том, что Булавин посылал письма царевне Софье «для того, что де от нее к ним, Кондрашке и к воровским казакам, письма были ж»¹⁰⁵. Замечу, что царевны к этому времени уже не было в живых. Однако намерение некоторых повстанцев обратиться к Софье также может подтверждать наличие слухов о гибели царя, поскольку именно слухи о смерти Петра вызвали у московских стрельцов в 1698 г. желание посадить на престол царевну Софью или царевича Алексея¹⁰⁶. Однако неизвестно, насколько подобные надежды на Софью были популярны среди казаков, и питал ли их сам Булавин. Известно лишь, что поведали об этом станичнику села Кузьминой гати Г. Курепонову в начале апреля 1708 г. несколько казаков¹⁰⁷.

Наконец, как в письменных, так и в устных заявлениях повстанцев, в том числе и самого Булавина, за март-апрель 1708 г. содержатся призывы постоять за веру в сочетании с призывами постоять за государя¹⁰⁸. Это также могло быть связано с толками о Петре. Прежде всего, необходимо обратить внимание на обеспокоенность повстанцев по поводу «истинной христианской веры». В Петровское время часто действия властей, затрагивающие религиозные чувства подданных русского царя, вызывали в головах людей мысли о непорядках на самом троне. Например, именно этим были вызваны различные слухи о Петре, в том числе о его смерти, среди участников Астраханского восстания 1705–1706 гг.¹⁰⁹ Особенно важно, что некоторые участники этого восстания собирались постоять за государя, когда до них доходили слухи о смерти Петра¹¹⁰. Таким образом, подобные призывы означали необходимость постоять не конкретно за Петра, но за сам институт царской власти. О том, что реакция булавинцев могла быть аналогичной, свидетельствует тот факт, что призыв постоять за веру и государя исходил непосредственно от Хохлача – человека, говорившего о гибели царя¹¹¹. Если добавить, что Хохлач был тесно связан как с Булавиным, так и с другими авторами подобных заявлений¹¹², то картина вроде бы становится вполне ясной. Тем не менее, это только предположение, которое требует тщательной проверки.

Итак, возможно, что слухи о Петре в марте-апреле 1708 г. оказывали определенное влияние на умонастроения повстанцев. Однако до конца это влияние определить трудно. Напомню, что существует единственное прямое свидетельство о слухах насчет царя и ряд косвенных. Причем последние не всегда можно отнести к слухам насчет Петра со всей определенностью. Более того, они составляют лишь малую часть среди известных свидетельств об умонастроениях булавинцев в марте-апреле 1708 г.¹¹³

Так или иначе, но настроения казаков-повстанцев за вышеуказанный период можно охарактеризовать как верноподданнические. Даже люди, не сочувствовавшие булавинцам, свидетельствуют, что враждебной силой для казаков являлся не царь, а «бояре» и «немцы»¹¹⁴. Отсюда

вполне объясним и призыв «постоять за государя». Не отменяет монархических настроений среди булавиинцев и наличие слухов о смерти Петра, поскольку повстанцы хотели служить царской фамилии, пусть и в лице царевны Софьи. Что же касается намерения булавиинцев уйти под власть чужеземного государя, то источники за март-апрель 1708 г. ничего подобного не отражают. Более того, жителей такайских деревень (Козловского уезда) в марте 1708 г. казаки «приводили к вере, что им в Крым и в Литву не отъезжать, а стоять бы с ними заодно за дом Пресвятые Богородицы, за православную веру и за в. г.»¹¹⁵

Однако совсем иная картина в отношениях к царю среди булавиинцев наблюдается в мае 1708 г. В это время повстанцы добились наибольших успехов, захватив Черкасск и избрав новым войсковым атаманом К. Булавина, взамен казненному мятежниками Л. Максимову. 8 мая 1708 г. бывший бахмутский атаман С. Кульбака, допрошенный азовским губернатором И.А. Толстым, рассказал, что булавиинцы собираются, убив старшин и разграбив их имущество, «идти на Аграхань или на Куру реку, которая за Аграханью»¹¹⁶. Следует заметить, что Кульбака ушел из Черкаска 6 мая¹¹⁷, следовательно, мысли об уходе из-под власти русского царя обсуждались уже в начале этого месяца. Однако 24 мая в Ближней канцелярии в Москве Кульбака о целях булавиинцев говорил уже совсем иное. Он утверждал, будто после убийства старшин булавиинцы собирались «принести великому государю вину, чтоб они в том были прощены. А о замысле их воровском, приходе к Азову и к Троицкому и под украинные города, ничего он не слышал, только говорят, чтобы скорее в том вину принести, не дожидаясь к себе государевых полков»¹¹⁸.

Противоречие в показаниях Кульбаки диктовалось, скорее всего, не забывчивостью казака, а намерениями самих булавиинцев. Согласно показаниям толмача К. Оттаганова в Посольском приказе 9 июня 1708 г., в Троицком (приблизительно между 24 и 28 мая) у него состоялся разговор с казаком «из старшины», убежавшим от Булавина, который сказал следующее: «А слух де ему Булавиину есть, что идут на него многие государевы ратные люди, только он с ними бою дать не хочет, а хочет принести в. г. в вине своей повинную. А буде та вина его отпущена не будет, то намерение имеет он, очистив реку, бежать на Кубань или в степь, где удобное место сыщет, и для того отослал от себя на Кубань посыльщиков 3-х человек»¹¹⁹.

Другие источники свидетельствуют не только о намерениях булавиинцев уйти на Аграхань или Кубань, но и о реальных контактах с кубанскими татарами и тамошними казаками-старобрядцами¹²⁰. Итогом подобных умонастроений повстанцев явились письма кубанским казакам от 27 мая 1708 г. с просьбой о посредничестве между донскими казаками и султаном и письмо непосредственно самому «турскому царю».

В то же время Булавин пишет письма царским полководцам и самому царю с заверениями в верноподданстве¹²¹. Правда, в этих же письмах появляются и старинные угрозы оставить Дон. Так, например, в письме от 12 мая 1708 г. казаки отмечают, что если правительственные войска придут на Дон, то «мы войском реку Дон и со всеми заполными реками тебе, великому государю, уступим и на иную реку пойдём»¹²². Кроме того, Булавин грозит не только покинуть реку, но и оказать сопротивление царским войскам: «И буде посланные полки будут наши казачьи городки войною разорять, и мы вам будем противиться всеми реками и с нами вкупе и Кубанцы»¹²³. Вероятно, упоминание кубанцев, в сочетании с угрозой оставить Дон, является весьма прозрачным намеком уйти в подданство к крымскому хану и соответственно турецкому султану.

Все вышеприведенные данные, на первый взгляд, показывают, что монархизм булавиинцев в мае 1708 г. весьма далек от так называемого «наивного». Однако трудно установить, насколько подобные настроения были свойственны всей массе булавиинцев. Так, например, А.П. Пропштейн и Н.А. Мининков полагают, что отписки царю и полководцам несут на себе влияние казачьей старшины, присоединившейся к восстанию, и не отражают умонастроения активных повстанцев. Так, в частности, по поводу письма царю от 12 мая 1708 г. историки пишут: «Само письмо обращено к царю, однако в нем нет народно наивно монархического духа, который был характерен для всех предыдущих повстанческих документов. Оно напоминает обычную войсковую отписку донской старшины, привыкшей к регулярному сношению с правительством». При этом сам тон письма авторы называют «миролюбивым»¹²⁴.

Позволю себе усомниться в правильности таких оценок. Во-первых, насколько известно, в первые годы XVIII в. отписки с подобными угрозами из Черкаска в Москву уже не писали. Во-вторых, сходство булавиинского послания и войсковых отписок чисто стилистическое. И его легко объяснить. Дело в том, что писарь Булавина И. Андреев занимал ту же должность и при прежнем войсковом атамане Л. Максимове¹²⁵. Что же касается отсутствия наивно монархического духа в посланиях царю, то призывы постоять за великого государя (которые можно считать проявлением таких умонастроений) в мае 1708 г. практически полностью исчезают и из посланий тех булавиинцев (М. Колычев, С. Дранный и пр.), которых нельзя отнести к числу черкасских старшин¹²⁶. Кроме того, письма кубанским казакам и турецкому султану, на которые

черкасские старшины не имели никакого влияния, по сути дела, не несут в себе ничего нового по сравнению с письмами царю и его полководцам. И, наконец, нет никаких сведений о том, кто и как создавал эти послания. Тем более, сами же Пронштейн и Мининков замечают, что активные предводители повстанцев (например, И. Некрасов) покинули Черкасск только через день после составления письма¹²⁷. Следовательно, и они могли повлиять на его содержание.

Наконец, Булавин, на первый взгляд окончательно, решает порвать отношения с Петром. В повстанческом письме султану читаем: «По сем писании войсковой атаман Кондратей Афонасьев и все Войско Донское у тебя турецкого султана милости прося и челом бью. А нашему государю в мирном состоянии отнюдь не верь, потому что он многие земли и за мирным состоянием разорил и ныне разоряет»¹²⁸. Примерно в это же время Булавин произнес и свою «заповедь» о «запрете именованя великого государя».

Недовольство царем, а следовательно, желание «отложиться» от него, сформулировано Булавиным и его товарищами в письме кубанским казакам следующим образом: «А есть ли наш царь на нас с гневом поступит, и то будет турецкой царь владеть Азовом и Троицким городами». «А есть ли царь наш не станет жаловать, как жаловал отцов наших дедов и прадедов, или станет нам на реке какие утеснения чинить, и мы Войскам от него отложимся и будем милости просить у вышнего творца нашего владыки, а также и у турецкого царя, чтоб турецкий царь нас от себя не отринул. И потому мы от своего государя отложимся, что нашу веру христианскую в московском царстве перевел, а у нас ныне отнимает бороды и усы, также и тайные уды у жен и у детей насильно бреют»¹²⁹.

На первый взгляд, перед нами явное противоречие: с одной стороны, казаки хотят отложиться от царя по религиозным мотивам, а с другой – согласны служить государю в том случае, если он будет «жаловать» казаков и не будет чинить им притеснений. Создается впечатление, что казаки готовы пожертвовать христианской верой ради своих вольностей и привилегий. Но, на мой взгляд, дело тут в другом. Думаю, что повстанцы понимали, что если царем будут сохранены казачьи вольности, то ничто не будет угрожать, в том числе, и бородам, и «тайным удам», а, следовательно, и самой христианской вере. Важным моментом для понимания отношения булавиновцев к царю является тот факт, что повстанцы нигде в письме не называют Петра антихристом или «обменным царем». Они предъявляют претензии вполне законному государю. Таким образом, для царя как бы устанавливается определенный предел в его власти над казаками, который он не должен нарушать, в противном случае они оставляют за собой право уйти служить к чужому царю. Причем подобная идея, как было показано выше, в том или ином виде существовала у казаков уже давно. Вряд ли подобное трезвое отношение к монарху можно обнаружить среди других недовольных Петром I.

Отправив письмо султану и произнеся свою «заповедь», Булавин вроде бы сделал окончательный выбор. Однако на деле все было сложнее. Так, например, 22 июня 1708 г., побывавший на Дону острогожский посадский человек Ф. Осьминин свидетельствовал: «А из Черкасского де от Булавина присылаются грамоты непрестанно, чтоб отнюдь из городков казаки и своевольцы на Русь под города и на Волгу для разоренья и на войска государевы войною не ходили»¹³⁰.

Почему Булавин колебался в своем выборе? Конечно, это можно объяснить тем, что переход на Кубань представлял большую трудность, тем более в условиях наступления царских войск. Также повстанцы прекрасно знали «о мирном состоянии» между русским и «турским» царями, и могли опасаться, что Турция выдаст их России. Кроме того, надежды на прощение со стороны Петра также не были беспочвенны. Возможно, все эти соображения имели место. Но, представляется, что сводить все к крайнему прагматизму, было бы тоже неверно. Вспомним, что настроения Булавина и других повстанцев в марте–апреле 1708 г. можно охарактеризовать как монархические. Трудно представить, чтобы эти настроения улетучились в один момент. В письме кубанским казакам булавинцы следующим образом объясняют причины своего возмущения: «В прошлом 1707-м году они Лукьян с товарищи (имеется в виду бывший войсковой атаман Л. Максимов. – *Е.Т.*) описывались с бояры, чтоб у нас на реке русских пришлых людей всех без остатку выслать, кто откуда пришел с первого азовского походу. И по тем их прежде бывших старшин с бояры письму и совету прислали они бояре от себя к нам на реку полковника князя Юрья Долгорукова со многими начальными людьми для того, чтоб им старшинам с боярами всю реку разорить». Кроме того, «и в нынешнем 1708-м году они ж наши прежде бывшия старшины Лукьян да Ефрем (имеется в виду казненный булавиновцами Е. Петров. – *Е.Т.*) с товарищи, пересоветов с бояры, по тому ж Северскому Донцу езда, тако ж собранием, по городкам всякое разорения против вышписанного чинили»¹³¹. Почему в отправлении Долгорукова на Дон булавинцы не обвиняют непосредственно царя? Интересно, что и выпады против царя, в отличие от его чиновников, не сопровождаются негативными эпитетами: «Много русские люди бегут к нам

на Дон, денно и ночью, с женами и с детьми от изгоны царя нашего и от неправедных судей, потому что они веру христианскую у нас отнимают»¹³².

Таким образом, «трезвость» булавицев в отношениях к царю не следует преувеличивать. Очевидно, что решение перейти в подданство к турецкому султану давалось булавицам нелегко. И связано это было не только с соображениями чисто прагматического свойства, а с глубоким почтением к персоне монарха, от которого было трудно отказаться в одночасье. Неудивительно, что один из виднейших повстанцев С. Драный, видимо, продолжал питать надежды на государя. Из доношения Ф.В. Шидловского А.Д. Меншикову от 5 июля 1708 г. узнаем, что 30 июня под местечком Тор С. Драный «читал свои прелесные письма, что стали они за правду и идут к Москве, уведомляючись, где государь, и для ускромения бояр»¹³³.

Кроме того, публичные выпады Булавина против государя остаются единственными подобными. Побывавшие в стане повстанцев ничего не говорят о каких-либо непристойных словах в адрес Петра. Более того, 2 июня 1708 г. бежавший из Черкаска донской казак К. Кабан сказал, что на «многие непристойные слова» произносившиеся К. Булавиным в кругу «верховых городков казаки в том кругу ему говорили, что он много говорит, а с повинною к великому государю не посылает»¹³⁴. И, наконец, следует заметить, что не для всех было приемлемо уйти на Кубань. К примеру, Н. Гольный почему-то не ушел туда вслед за Некрасовым, хотя такая возможность у него была. Возможно, это также было связано с оставшейся надеждой на царя.

Безусловно, казачество не следует воспринимать как какую-то однородную массу, которая смотрела на царя совершенно одинаково. Однако загадка состоит в том, что порой у одних и тех же людей в отношениях к государю сочетались вроде бы несочетаемые вещи: иррациональное почтение и вполне трезвое отношение. Представляется, обусловлено это было исторической и политической спецификой возникновения и существования казачества. Рациональное начало в отношениях казаков к монарху объясняется, прежде всего, тем, что на протяжении многих лет донское казачество обладало широкой политической автономией. Достаточно вспомнить, что до 1671 г. казаки отказывались целовать крест на верность государю¹³⁵. Принесение присяги отдельными донцами в предыдущие годы Войском расценивалось весьма негативно. Так, например, казаки в своей войсковой отписке царю Михаилу Федоровичу и патриарху Филарету Никитичу (1632 г.), с одной стороны, просят простить их за убийство царского воеводы И. Карамышева, а с другой, отказываются подчиниться царскому указу приносить царю присягу: «И крестного целованья государи, как и зачался Дон казачья головами, не повелось». Относительно двух атаманов, согласившихся в Москве присягать царю, донцы пишут, что эти атаманы то «учинили, не помя старины, своими молодыми разумы, без нашего войскового совету и без приказа»¹³⁶.

Таким образом, получается, что казаки в определенном смысле своей войсковой указ ставили выше царского. Интересно заметить, что в некотором отношении такое положение сохранялось даже в начале XVIII в., т.е. когда многие права и вольности были казачеством уже утеряны. Так, в июле 1704 г. в послании Черкасской администрации майору Д. Шанкееву, прибывшему из Воронежа на р. Богучар для сыска корабельных работников, помимо обычных уверений адресата в том, что он действует без царского указа, между прочим говорилось: «без нашег(о) войскового ведома тебе хотя б и с указом Великого Государя с той реки Бугучару казаков наших в Русь сылать и сбивать с того места не за что»¹³⁷. Кроме того, находясь долгие годы на окраине страны, и тесно соприкасаясь с другими народами, казаки, в отличие от остальных подданных царя, понимали, что могут перейти в подданство к чужому государю. Это подтверждала и судьба их собратьев, кубанских казаков.

С другой стороны, почтительное отношение к государю тоже легко объяснимо. По мнению В.Г. Дружинина, кроме корыстных целей, которые заставляли поддерживать хорошие отношения с московским государством, у казаков были и другие причины преданности царю. «Стоит вспомнить то, что большинство казаков были плоть, взятая от плоти Московского государства, выросшие до побега на Дон среди чисто русских традиций; они уносили на Дон воспринятые ими Русские взгляды на церковь и власть государя, которые не так легко могли уж утратиться»¹³⁸. Также необходимо добавить, что, несмотря на обособленность казачества от России, наиболее ярко выразившейся в словах «чтоб над нами Русь не владела»¹³⁹, не следует забывать, что казаки поддерживали с Россией тесные связи, где зачастую оставались их родственники, а, кроме того, казачество постоянно пополнялось «новопришлыми», что также не могло не влиять на умонастроения донцов.

Подведем итог. За некоторыми исключениями, вплоть до мая 1708 г. настроения донских казаков можно охарактеризовать как верноподданнические. Причем в отличие от других подданных Петра I казаки в этот период не выражали особенного недовольства не только царской властью как таковой, но и правящим монархом, что, в частности, выразилось весьма незначительным влиянием слухов о царе в их среде. В то же время среди части казачества существо-

вала идея, согласно которой казаки могут уйти из-под власти царя в случае неблагоприятного положения на Дону. Ввиду угрозы со стороны правительственных войск, по крайней мере, часть казаков выразила свое недовольство царем, который хочет поправить их казачьи права. Причем недовольство выражалось законному царю, а не узурпатору, например, «обменному царю», что весьма отличало казаков от посадских людей и крестьян. В то же время казаки, в том числе и сам К. Булавин, пытались примириться с царем не только из прагматических соображений, но и из иррационального почтения к государю. Таким образом, казачий монархизм был сложным явлением, одновременно и напоминавшим монархизм других подданных и имевший значительные от него отличия.

Примечания

¹ *Котошихин Г.К.* О России в царствование Алексея Михайловича. М., 1906. С. 135.

² *Сватиков С.Г.* Россия и Дон (1549–1917). Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. Белград, 1924. С. 575.

³ *Мининков Н.А.* Донское казачество XVI–XVII вв.: черты характера, взгляд на мир, особенности мышления // Новый часовой. № 6–7. СПб., С.11.

⁴ См. напр.: *Полевой Н.А.* История Петра Великого. Ч. 2. СПб., 1843. С. 295; *Подъяпольская Е.П.* Восстание Булавина. М., 1962. С. 108, 197; *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII вв. и донское казачество. Ростов н/Д., 1983. С. 245, 246; *Буганов В.И.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков. М., 1976. С. 140–141 и др.

⁵ *Савельев Е.П.* История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Историческое исследование в 3 ч. Ч. 3. Ростов н/Д., 1990. С. 415–416.

⁶ *Усенко О.Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII вв. Ч. 2. Тверь. 1995. С. 55–56.

⁷ *Королев В.Н.* «На Дону нет царя» // «De die in die». Памяти А.П. Пронштейна (1919–1998). Сб. ст. Ростов н/Д., 2004. С. 241–257.

⁸ РГАДА, ф. 371. Преображенский приказ, оп. 1, ч. 1, д. 19, 122, 291; оп. 2, д. 815, 841, 1137.

⁹ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. М., 1935. Крестьянские и национальные движения накануне образования Российской империи: Булавинское восстание (1707–1708). С. 461–465.

¹⁰ Эти сведения сообщил 2 июня 1708 г. в Азове местному губернатору И.А. Толстому казак В. Фролов, бежавший из Черкаска. Новое о восстании К. Булавина // Исторический архив. № 6. 1960. С. 130. В советской исторической литературе разрыв булавинцев с Петром I характеризовали либо как смену не оправдавшего надежд русского государя на нового «доброего царя» в лице турецкого султана (*Подъяпольская Е.П.* Указ. соч. С. 109), либо как полный отказ от «царистских иллюзий» (*Буганов В.И., Лебедев В.И.* Новое исследование о булавинском восстании // Вопросы истории. 1963. № 12. С. 125; *Буганов В.И.* Об идеологии участников крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1974. № 1. С. 56–57; *его же.* Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков. М., 1976. С. 141; *его же.* Булавин. М., 1988. С. 241; *его же.* Петр Великий и его время. М., 1989. С. 115; *Пронштейн А.П.* Решенные и нерешенные вопросы истории и истории крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1967. № 7. С. 160).

¹¹ См., напр.: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 327, 330, 332; *Подъяпольская Е.П.* Новые материалы о восстании на Дону и в центральной России в 1707–1709 гг. // Материалы по истории СССР. Вып. V. М., 1957. С. 531.

¹² Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 230, 450–467; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 1. Пг., 1918. С. 191–194; Вып. 2. М.; Л., 1946. С. 600–602, 650–655, 659–660, 684–686, 687–689, 694–698.

¹³ Подробнее о недовольстве Петром I см.: *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа. М. 1957; *Анисимов Е.В.* Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке. М., 1999.

¹⁴ Анализ этих и других легенд о Петре I см.: *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 121–155.

¹⁵ Цит. по: *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 148.

¹⁶ Социальные движения в городах Нижнего Поволжья в начале XVIII века. Сб. док. М., 2004. С. 366.

¹⁷ РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1143, л. 117–119, 213–214.

¹⁸ Социальные движения... С. 60, 260, 263, 331, 332, 336, 337–345, 348–351, 367; *Голикова Н.Б.* Указ. соч. Приложение 2. С. 316, 317.

¹⁹ Голикова Н.Б. Указ. соч. Приложение 2. С. 312, 316–317; Социальные движения... С. 337, 340, 342–344, 349, 351, 367; Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 549.

²⁰ Социальные движения... С. 123–256; РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1144, л. 231–233, 245–248, 280–281; д. 1146, л. 1–8.

²¹ Социальные движения... С. 339–340, 356, 368; Голикова Н.Б. Указ. соч. Приложение 2. С. 317.

²² РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1149, л. 1–2.

²³ Социальные движения... С. 47, 49, 57–58, 73–76, 89–90, 134–135, 211, 320.

²⁴ Там же. С. 348, 364–370; Голикова Н.Б. Указ. соч. Приложение 2. С. 318; РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 458, л. 17–21, 73 об.–78.

²⁵ Социальные движения... С. 87, 94, 139.

²⁶ Подробнее об отношении повстанцев к Петру I см.: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. СПб., 1915. С. 532; Голикова Н.Б. Астраханское восстание 1705–1706 гг. М., 1975. С. 180, 222–223, 310–311; Усенко О.Г. Указ. соч. С. 25–26, 29; Трефилов Е.Н. Слухи и толки о государе в среде участников Астраханского бунта (1705–1706): сравнительный анализ воззваний и расспросных речей // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: История. 2007. Вып. 3. № 25 (53). С. 49–65.

²⁷ Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. С. 69–220.

²⁸ Нельзя не согласиться с Н.Б. Голиковой, что «крестьянство, проникнутое царистскими иллюзиями, верившее в добрые намерения царя, жадно прислушивалось ко всем слухам, стремясь найти причину ухудшения своей жизни. Поэтому они особенно легко и сочувственно воспринимали легенды о том, что Петр I не настоящий русский царь». Голикова Н.Б. Политические процессы при Петре I. С. 168.

²⁹ См., напр.: РГАДА, ф. 371, оп. 1, ч. 1, д. 496. Подробнее легенду о царевиче Алексее см.: Чистов К.В. Указ. соч. С. 141–155.

³⁰ Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А.А. Лишним. Т. 1. Новочеркасск, 1891. С. 191–192; Чаев Н.С., Бибилова К.М. Взаимоотношения Москвы и Дона накануне Булавинского восстания // Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 19.

³¹ Отмечу, что войсковая старшина жаловалась московскому правительству на неудовлетворительное положение казаков ввиду подобных запретов. См.: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 76, 77, 82, 150.

³² Подр. см.: Мининков Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.). Ростов н/Д., 1998. С. 145–168.

³³ См., напр.: Чаев Н.С., Бибилова К.М. Указ. соч. С. 19; Пронштейн А.П. Войско донское накануне булавинского восстания // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX в. М., 1969. С. 326.

³⁴ Акты, относящиеся к истории Войска Донского. С. 190–191. См. также: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 3–74, 107–110.

³⁵ Подр. см.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. С. 202–203, 206–207, 211–213, 224–226; Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 74–79, 80–82. Подъяпольская Е.П. Восстание Булавина. С. 64. Следует заметить, что ограничения, связанные с ловлей рыбы, были впоследствии несколько смягчены. См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. С. 213–214.

³⁶ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 74–79, 83–106, 113–114; РГАДА, ф. 111 (Донские дела). 1705 г., д. 22; 1706 г., д. 19.

³⁷ Впервые попытка отыскать беглых на Дону была предпринята в 1698 г. См.: Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 134–135; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 219–220. Подобные попытки предпринимались и в 1703–1704 гг. См.: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. С. 219–220; Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 119–124; РГАДА, ф. 111, 1704 г., д. 5. Кроме того, и сама Черкасская администрация порой также пыталась противодействовать проникновению беглых на Дон. См., напр.: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 115, 118.

³⁸ Соловьев С.М. Соч. в 18 кн. Кн. 8. М., 1997. С. 137; Краснов Н.И. Исторические очерки Дона // Русская речь. 1882. № 1. С. 196–197; Сватиков С.Г. Указ. соч. С. 130–131; Лебедев В.И. Булавинское восстание. М.; Л., 1934. С. 30; Чаев Н.С. Булавинское восстание (1707–1708). М., 1934. С. 26–27; Чаев Н.С., Бибилова К.М. Указ. соч. С. 17–18; Корчин М.Н. Донское казачество (Из прошлого). Ростов н/Д., 1949. С. 17–18; Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д., 1961. С. 258; Пронштейн А.П., Мининков Н.А. Указ. соч. С. 223; Avrich P. Russian Rebels, 1600–1800. N.Y., 1972. P. 141. См. также: Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях

ее главнейших деятелей. Кн. 3. Вып. 6. Репринтное воспроизведение издания 1873–1888 гг. в 7 вып. М., 1992. С. 594.

³⁹ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 125, 137.

⁴⁰ Усенко О.Г. Политические настроения на Дону в 1697–1707 гг. и повод восстания К.А. Булавина // Клио. 1997. № 1. С. 149–154.

⁴¹ РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1137, л. 7, 10–11, 41, 71 об.–72.

⁴² Там же, оп. 1, д. 19, л. 40 об.–41.

⁴³ Там же, оп. 2, д. 1137, л. 13.

⁴⁴ Там же, л. 9–10, 40, 70–71.

⁴⁵ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 137.

⁴⁶ Усенко О.Г. Политические настроения на Дону... С. 150. К такому же выводу пришел и американский историк Б. Боук. *Voescck B.J. Shifting Boundaries on the Don Steppe Frontier: Cossacks, Empires and Nomads to 1739.* (Ph. D. diss., Harvard, 2002. P. 368–370).

⁴⁷ РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1137, л. 36–39, 41–43, 72; оп. 1, д. 19, л. 41.

⁴⁸ Там же, оп. 2, д. 1137, л. 72–72 об., 75; оп. 1, д. 19, л. 41–42 об, 43–43 об, 44–44 об, 47.

⁴⁹ Там же, оп. 2, д. 1137, л. 75 об.–76; оп. 1, д. 19, л. 48, 48 об.

⁵⁰ Там же, оп. 2, д. 1137, л. 43, 70; оп. 1, д. 19, л. 48 об.

⁵¹ Усенко О.Г. Политические настроения на Дону... С. 151–152.

⁵² Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 206.

⁵³ РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 19.

⁵⁴ Там же, л. 17, 20, 25, 40.

⁵⁵ Там же, л. 18, 27. Рыковский поп И. Никифоров на допросах в Преображенском приказе также настаивал, что Н. Васильев рассказал ему о намерении казаков не пустить в Черкасск царские войска, а не самого царя, о чем поп и сообщил на круге в Черкасске весной 1700 г. Там же, л. 14–16, 21–23, 46 об. Правда, казак Б. Слюнин, сообщивший в Азове об извете И. Никифорова, утверждал, что поп на войсковом круге говорил о намерении казаков не пустить именно самого государя. Там же, л. 5, 6, 20, 28. Сообщение Слюнина подтверждает войсковая отписка (лето 1700 г.): Там же, л. 11–12.

⁵⁶ Там же, л. 19, 20, 27–28, 40–40 об., 42–42 об., 43 об., 44.

⁵⁷ Там же, л. 12, 15, 18, 19, 22, 26, 40 об., 46 об.–47.

⁵⁸ Об этом известно не только со слов других людей, но и со слов самого А. Чеботаря, не отрицавшего подобное намерение. См. подр.: Там же, л. 14, 17, 19–21, 25, 27, 28, 40, 40 об., 42–42 об., 43 об.–44.

⁵⁹ Усенко О.Г. Политические настроения на Дону... С. 151.

⁶⁰ РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 19, л. 17, 25, 40.

⁶¹ Усенко О.Г. Политические настроения на Дону... С. 151.

⁶² РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 841, л. 2–3, 5–6.

⁶³ Там же, л. 3, 5.

⁶⁴ Усенко О.Г. Политические настроения на Дону... С. 151.

⁶⁵ РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 841, л. 2, 7.

⁶⁶ Там же, оп. 1, ч. 1, д. 291, л. 27–29, 34–42, 45–47.

⁶⁷ Там же, л. 27–29, 34–36, 43–47. Отмечу также донос, свидетельствующий о пренебрежительном отношении к самому институту царской власти. Согласно извету «захребетника» А. Харина, на предложение одного казака Кардаильского городка выстрелить «про Государево здоровье» (дело происходило 29 июня 1703 г., во время царских именин), казак Я. Степанов ответил: «Диковина де царские Имянины, даром де порох терять, плевать де на то дело». Впоследствии Харин отказался от своего доноса. К тому же это единственное свидетельство подобного рода, а, следовательно, серьезных выводов на основании данного источника делать нельзя. Кроме того, из дела видно, что казаки стреляли «про государево здоровье», а значит, не вняли словам Я. Степанова. См. подр.: РГАДА, ф. 371, оп. 1, ч. 1, д. 122.

⁶⁸ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 125, 137; Усенко О.Г. Политические настроения на Дону... С. 152.

⁶⁹ Подр. об этом см.: Социальные движения... С. 13–19, 23–25, 36–38, 43–45, 54–55, 61–62, 64, 65–66, 77–81, 328.

⁷⁰ Там же. С. 340.

⁷¹ См., напр.: Донские дела. Кн. 2 // Русская историческая библиотека. Т. 24. СПб., 1906. Стб. 702; Мининков Н.А. Указ. соч. С. 10; *Voescck B.J. Op. cit.* P. 206–207, 209.

⁷² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сборник документов. Т. 1. М., 1954. С. 253.

⁷³ Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889. С. 184, 189, 191–196, 208–212.

⁷⁴ Там же. С. 210–212. Подробнее о кубанских казаках до ухода с Дона И. Некрасова см.: *Усенко О.Г.* Начальная история Кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сборник научных трудов. Тверь, 2000. Вып. 2. С. 63–77; *Боук Б.М.* К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4. С. 30–38.

⁷⁵ РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 19, л. 19, 27, 40–40 об., 42–42 об., 44.

⁷⁶ Там же, оп. 2, д. 815, л. 3.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 109.

⁷⁹ РГАДА, ф. 371, оп. 1, д. 291, л. 5–6, 8, 10–11, 12.

⁸⁰ Там же, д. 19, л. 16–19, 23–24, 27. О подговоре донцов бежать на Кубань см. также: Акты, относящиеся к истории Войска Донского. С. 204–205. Ввиду вышеприведенных сведений особого внимания заслуживает донесение австрийского посланника О. Плейера от 7 марта 1700 г., согласно которому к нему пришел казак и сообщил, что донцы собираются отложиться от Петра I. См.: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. III. СПб., 1858. Приложение. С. 651.

⁸¹ *Боук Б.М.* Указ. соч. С. 35.

⁸² Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 462–463. См. также: *Подъяпольская Е.П.* Восстание Булавина. С. 104–105.

⁸³ Новое о восстании К. Булавина. С. 125.

⁸⁴ Социальные движения... С. 18.

⁸⁵ Так, например, в 1703 г. стольники М. Кологривов и М. Пушкин, проводившие сыск беглых, ни в одном из пятидесяти городков не нашли ни одного человека. Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 120.

⁸⁶ Там же. С. 113.

⁸⁷ *Усенко О.Г.* Политические настроения на Дону... С. 154–156; *его же.* Психология социального протеста... Ч. 2. С. 13–14. Совершенно идентичную концепцию выдвинул после Усенко В.И. Лесин. См.: *Лесин В.И.* Донские казаки в прошлом и настоящем. Ростов н/Д. 1998. С. 94–96; *его же.* Еще раз о характере движения под предводительством Кондратия Афанасьевича Булавина // Проблемы источниковедения и отечественной истории. (Памяти А.П. Пронштейна). Ростов н/Д., 1999. С. 150, 157–159; *его же.* Мятежная Россия. М., 2000. С. 30–31, 62–64, 73–74, 78–79, 81, 85–86, 93. Отмечу, что некоторые дореволюционные историки уделяли определенное внимание слухам в среде булавиновцев. См.: *Ригельман А.И.* История о донских казаках. М., 1846. С. 96; *Дубасов И.И.* Очерки из истории Тамбовского края. М., 1884. Вып. 3. С. 56–57.

⁸⁸ *Усенко О.Г.* Политические настроения на Дону... С. 156.

⁸⁹ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 147.

⁹⁰ Там же. С. 163.

⁹¹ *Чистов К.В.* Русская народная утопия (Генезис и функции социально-утопических легенд). М., 2003. С. 349. В комментарии к одной из песен о Дарье-реке Б.Н. Путилов пишет: «В песнях о татарском полоне Дарья-река вряд ли обозначает конкретное географическое понятие, скорее – это общее, эпическое наименование реки, отделяющей русскую землю от татарской». Народные исторические песни. М.; Л., 1962. С. 320–321.

⁹² Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 363.

⁹³ Там же. С. 368.

⁹⁴ Там же. С. 376.

⁹⁵ *Усенко О.Г.* Политические настроения на Дону... С. 156.

⁹⁶ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 20.

⁹⁷ *Усенко О.Г.* Указ. соч. С. 156.

⁹⁸ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 203.

⁹⁹ См., напр.: РГАДА, ф. 371, оп. 2, д. 1137, л. 3.

¹⁰⁰ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 182–183.

¹⁰¹ Там же. С. 186–187, 196.

¹⁰² Там же. С. 182–183.

¹⁰³ Там же. С. 201.

¹⁰⁴ *Усенко О.Г.* Политические настроения на Дону... С. 156.

¹⁰⁵ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 190.

¹⁰⁶ Восстание московских стрельцов 1698 года. Сб. документов. М., 1980. С. 72–74, 98–99, 102, 112, 117, 125–126, 129–130 и др.

¹⁰⁷ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 190.

¹⁰⁸ Там же. С. 196, 230, 450–452.

¹⁰⁹ *Голикова Н.Б.* Политические процессы при Петре I. Приложение 2. С. 312, 316–317; Социальные движения... С. 337, 340, 342–344, 349, 351, 367; История Свейской войны. С. 549.

¹¹⁰ Социальные движения... С. 263, 339–340.

¹¹¹ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 230.

¹¹² Там же. С. 187, 195; Новое о восстании К. Булавина. С. 139–140. О сходстве мыслей по поводу смерти царя у Л. Хохлача и подручных ему казаков косвенно может свидетельствовать то, что в качестве конечного пункта булавинского движения они называли Польшу. См.: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 196, 203. О.Г. Усенко полагает, что «мысли о заграничном походе были вызваны, очевидно, тем, что Петр I в то время находился с войсками в Польше. Следовательно, восставшие полагали, что смерть царя наступила именно там». См.: *Усенко О.Г.* Политические настроения на Дону... С. 156.

¹¹³ Цели и планы булавинцев в марте-апреле 1708 г. неплохо известны. Среди них, помимо двух упоминаний Польши, ничто не указывает на слухи о государе. Побывавшие в стане булавинцев (в том числе и недоброжелатели), наверняка, не утаили бы разговоры о царе, если бы таковые активно велись. См. подр.: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 165–172, 174–179, 183–189, 191–192, 194, 199–200, 204–209, 213, 221, 226, 232, 234, 372, 375, 378; Новое о восстании К. Булавина. С. 138–142.

¹¹⁴ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 165–167, 174–175, 186–187 и др.

¹¹⁵ Там же. С. 196. Ср. с присягой, которую давали сами донские казаки в 1671 г.: «И в Крым, и в калмыки, и в Литву, и в немцы, и в инья государства не отъехать». Крестьянская война под предводительством Степана Разина. М., 1962. С. 148.

¹¹⁶ Новое о восстании К. Булавина. С. 122.

¹¹⁷ Там же. С. 122.

¹¹⁸ Там же. С. 125.

¹¹⁹ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 261.

¹²⁰ Там же. С. 244, 250, 253, 258, 269, 270, 272, 275, 303, 306, 424, 460–461; Новые материалы о восстании на Дону и в центральной России в 1707–1709 гг. // «Материалы по истории СССР». Вып. V. М., 1957. С. 525; Новое о восстании К. Булавина. С. 126–129. См. также: Дипломатические сообщения английского посланника Чарлза Витворта (1704–1708) // Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 50. С. 16–17.

¹²¹ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 452–457; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. С. 650–655, 684–689, 694–697. См. также: Вып. 1. С. 191–194.

¹²² Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. С. 652.

¹²³ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. С. 685. См. также: Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 455.

¹²⁴ *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Указ. соч. С. 257–258.

¹²⁵ Новое о восстании К. Булавина. С. 125.

¹²⁶ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 250, 459–460; Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7. Вып. 2. С. 655, 683–684. *Подъяпольская Е.П.* Восстание Булавина. С. 49–50.

¹²⁷ *Пронштейн А.П., Мининков Н.А.* Указ. соч. С. 257.

¹²⁸ Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 465.

¹²⁹ Там же. С. 464.

¹³⁰ Там же. С. 278.

¹³¹ Там же. С. 461–462.

¹³² Там же. С. 464.

¹³³ Там же. С. 290.

¹³⁴ Новое о восстании Булавина. С. 129.

¹³⁵ Присягу казаки принесли после выдачи С. Разина московскому правительству. Текст этой присяги см.: Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 3. С. 146–149.

¹³⁶ *Попов Х.* Материалы для истории Войска Донского // Сборник Областного Войска Донского статистического комитета. Новочеркасск, 1915. Вып. 13. С. 160–166.

¹³⁷ РГАДА, ф. 111, 1704 г., д. 5, л. 1 об.

¹³⁸ *Дружинин В.Г.* Указ. соч. С. 63.

¹³⁹ Эти слова были сказаны в письме запорожским казакам (не ранее 26 мая 1708 г.) одним из предводителей казаков-повстанцев С. Драным. Труды Историко-археографического института АН СССР. Т. 12. С. 460.

КАЗАЧЬИ СООБЩЕСТВА КРЫМСКОГО ХАНСТВА И СТАРООБРЯДЧЕСТВО НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ в конце XVII–XVIII веков

Изучение истории Крымского ханства – давнее и плодотворное направление отечественной историографии¹, вполне сопоставимое по своим результатам с исследованиями турецких, французских и новейших украинских историков². При этом в работах российских ученых преимущественно освещались военно-политические аспекты многовекового существования данного государства, еще в начале XVIII в. игравшего важную роль в европейской геополитике. В последние годы успешно преодолеваются представления о Крымском ханстве как сугубо «хищническом» образовании, оно все чаще рассматривается как неотъемлемая часть российской и шире – европейской истории, а его влияние на жизнь многочисленных соседей, включая Османскую империю, уже не сводится только к размерам демографических и экономических потерь, связанных с набегами на земли Венгрии, Молдовы, Польши, Украины и России. Явно устаревшим следует признать и тезис о том, что Крымское ханство и набеги, производившиеся с его территории, служили лишь рычагом опосредованного влияния Турции на политическую ситуацию в Восточной Европе³. Прав также И.В. Зайцев, отмечающий, что при изучении, например, русско-татарских отношений необходимо отказаться от попыток определить некий стабильный и неизменный образ одного народа в сознании другого⁴. В настоящее время исследователи все больше внимания уделяют богатейшей письменной и историографической традициям Крымского ханства, его культурным связям с христианским миром и, в частности, со славянством (в том числе, с запорожским казачеством), роли конфессиональной политики Гиреев и т.д.⁵ Историю славянства и старообрядчества в Крымском ханстве безусловно необходимо рассматривать в контексте взаимоотношений казачества Дона и Северного Кавказа с мусульманскими государствами Причерноморья.

Османские власти Азова и Гирей проводили в отношении казаков типологически схожую политику. Во второй половине XVII в. казаки с Дона уже нередко перебежали в турецкий Азов, принимая мусульманство и получая от бывших единоверцев уничижительное прозвище «ахриян». Например, донской казак М. Тарасенко, живший на Кубани в ханских владениях и пойманный в 1695 г., свидетельствовал, что в Азове он «басурманился», но «не обрезывался», и дано было ему имя Юсупка по «босурманской вере»⁶. Нельзя также не вспомнить об эпизоде с вылазкой из Азова к русским позициям одного «охреяна», посланного в июле 1695 г. турками для проверки слов перебежчика. Назвавшись казаком, он все осмотрел и вернулся в Азов⁷. Следует отметить и то, что на представителей южнорусских властей во второй половине XVII в. возлагалась обязанность ловить воровских людей, бегущих не только на Дон, но и в Крым⁸. По показаниям бывшего крымского пленника И. Глистина, в ханском войске в 1689 г. было несколько казаков, за год до того бежавших с Дона в Крым и там «обусурманившихся»⁹. Неудивительно, что хан отказался выдать беглецов кн. В. Голицыну. При этом он ссылался на то, что казаки приняли ислам «и оттого им стало сытно». Но имели место и другие случаи, которые также нельзя игнорировать: славяне нередко сохраняли свою веру, и тем «значительно усиливали христианский элемент в Крыму... поддерживали христианские святыни, оберегали остатки церквей, икон, мощи святых и пр.»¹⁰. Множество фактов, свидетельствующих о различных формах натурализации в ханстве славян-христиан, привел в своей обстоятельной работе М. Бережков¹¹. Конечно, принятие мусульманства существенно облегчало судьбу пленных, «если не тот час делало их свободными». Однако, как отмечал исследователь, «особой ревности к обращению... в магометанство не заметно у крымских татар». Славяне из числа ясырей отпускались на волю и, составляя общины, могли осесть в Крыму. М. Литвин писал в середине XVI в., что татары не держат рабов в неволе более 7-ми лет, что подтверждается и словами С. Герберштейна¹².

Церковный раскол привел не только к росту эсхатологических ожиданий, но и к изменению оценки России как «святой», «чистой», «белой». Активная деятельность на Дону «расколочителей», безусловно, способствовала формированию и распространению в регионе представлений о том, что «светлая Россия потемнела, а мрачный Дон воссиял и преподобными отцами на-

* Сень Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель генерального директора Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е.Д. Фелицына.

полнился, яко шестикрыльнии [серафимы] налетеша»¹³. Россия объявлялась при этом «уделом Антихриста», а гонители староверов («гонимых христиан, Христа в себе носящих»), превращались в «работающих сатане»¹⁴. Степи Дикого поля, напротив, приобретают черты «чистого» освященного пространства, чему способствовало, в частности, помещение игуменом Досифеем антиминса в Чирскую пустынь и обретение на Чиру мощей¹⁵. Крайне важным является свидетельство конца 1680-х гг. об обороне донскими старообрядцами новопостроенного ими городка в северной части р. Медведица. В ответ на предложение выдать своих вождей и сдаться они заявили, что «хотя все помрут, а городка не уступят и сами не отдадут». «И говорят, что той городок будет у них другой Иерусалим»¹⁶. Такое наименование также, видимо, подчеркивало святость, сакральную «чистоту» Дона в контексте противостояния «нечистой» Москве, тоже «Новому Иерусалиму»¹⁷. Не желая сдаваться, духовное спасение старообрядцы находили, бросаясь либо в огонь, либо в воды Медведицы.

В конце 1680-х гг. представители донских старообрядцев вновь заговорили о том, что «у нас-де свои горше Крыму... лучше-де ныне крымской, нежели наши цари на Москве»; «если роззорят Крым, то-де и... им... житья не будет»¹⁸. В конце XVII в. впервые в истории Крымского ханства подданными Гиреев стали сразу несколько сот православных славян, главным образом казаков, выходцев с Дона¹⁹. Приходя на Кубань одновременно, отдельными группами, они «били челом крымскому хану, чтобы их принял к себе в холопство. И крымской хан принял их... с великою любовью и велел им жить... Казыева улусу татарам (район междуречья Кубани и Лабы. – Д.С.). И впред... казаки ожидают к себе приходу на житье з Дону многих казаков»²⁰. Постепенно кубанские казаки, значительную часть которых составляли старообрядцы, чаще всего именуемые в российской документации «раскольщиками», превращаются в мощную боевую единицу. При этом исход старообрядцев на Кубань носил семейный характер²¹, и свидетельствова-вал о том, что земли Крымского ханства воспринимались ими теперь уже как «нормальные», а не «богопротивные». Казаки-старообрядцы, скорее всего, осознанно бежали на территорию Крымского ханства, где отсутствовала проблема скрытого отправления культа, добровольно-принудительного перехода в «никонианскую веру», и к тому же, как оказалось впоследствии, довольно успешно решалась проблема «законного» священства.

Вскоре хан велел прислать из Азова на Кубань азовского татарина Кубек-агу «для береженья тех расколщиков», дабы ногайские и иные орды «тем расколщиком никаких обид не чинили»²². Казаки начинают получать жалованье от хана и азовского бая, отправляют свои запросы лично к хану в Бахчисарай, причем просьбы новых подданных Гиреев весьма оперативно рассматриваются в Диване²³. В начале 1690-х гг. в османский Азов прибыла с Кубани группа казаков, подданных Гиреев, просивших азовского бая, чтобы тот дал им «рускаго попа»²⁴. В просьбе им было отказано, но лишь потому, что в тот момент не нашлось нужного казакам священника. В 1697 г. среди кубанских казаков находился «поп белой» с Медведицы, «да чернецов человек з дватцать живут с ними казаками особно куренем, а сказывают те чернецы, что они ушли для того, что их в вере неволят по-новому»²⁵. В 1702 г. казаки, проживавшие в Копыле, отправили через Крым на Северский Донец (приток Дона) «восм человек казаков к расколщику Авилу для взятья ево к себе в городок и о пропуске ис Крыму взяли у хана проезжий лист»²⁶. Примечательно, что и тогда, и позже казаки без всякого смущения обращались с подобными просьбами к крымским ханам, и почти всегда находили у них поддержку. Результатом этого стало заметное укрепление позиций «древлеправославной» (старообрядческой) церкви на Северном Кавказе на рубеже XVII–XVIII вв. Можно говорить даже о новом этапе в ее истории, на котором строительство храмов и приток духовенства поддерживались крымскими ханами, а порой и султанами²⁷. Таким образом, Кубань оказалась в ряду таких крупных старообрядческих центров XVIII в., как Ветка, Стародубье, Яик, Керженец, османские владения на Дунае²⁸.

«Сманивание» вскоре становится одной из главных забот кубанских казаков, которые в эти годы (после 1712 г.), обустроивают свою жизнь в городках, укрытых в болотисто-островных землях Тамани. Крымские ханы предоставили казакам полную религиозную свободу, однако постройку церквей какое-то время казаки позволить себе не могли, поскольку не хватало священников. А вот часовня была выстроена ими весьма скоро, радуя взоры всех православных, приезжавших в Хан-Тюбе – войсковой центр ханского Кубанского казачьего войска. Именно в эту часовню главного некрасовского городка сделал вклад Евангелием 1628 г. старообрядческий архимандрит Иосиф, бежавший из России на Кубань от преследований в начале 1720-х гг. В одной из вкладных записей, сделанной не позже 31 августа 1722 г., говорится: «230 году из лесного скита врознь бежали от гонения. Аз же архимандрит явися на Кубани, а игуменья София умре. И сию книгу дал аз в память по душе ея на Кубань в городок Хандуб в часовню казачью вечно поминать игуменью иноку Софию по церковному чину вовеки»²⁹. Казаки истово собирали церковную утварь, иконы, отказываясь в пользу ногайцев от другой «добычи», попадавшей

на Кубань после частых набегов на российские территории, включая и земли донских казаков. Есть сведения, что однажды им удалось вывезти из Царицына на Кубань чудотворную икону Богоматери.

Не последнюю роль в «сманивании» староверов на Кубань сыграл в середине 1750-х гг. «лжеепископ Анфим», «посвятивший» 2 человек в сан епископа, еще одного – в сан архимандрита, «а по слободам многое число попов, и дал им универсалы, чтоб иметь им по своим обрядам церковное служение». При этом еще до приезда Анфима на Кубань (куда он приехал по приглашению кубанских же казаков) там уже имелся старообрядческий епископ Феодосий. Тогда же на Кубани активизируется церковное строительство и, возможно, возникает монастырь³⁰. Аутентичное свидетельство об освящении построенной на Кубани церкви было зафиксировано в конце XIX в. Когда архимандрит Павел, настоятель одного из московских единоверческих монастырей, оказался в 1881 г. у казаков-некрасовцев в с. Эски-Казаклар на оз. Майнос (Анатолия), то местный священник показал ему старинный антиминос с надписью: «Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа в церкви Святыя Живоначальныя Троицы. Освящена бысть церковь сия в лето 7261 году, индикта 1, месяца августа 21 дня (т.е. в 1753 г. – Д.С.) на память святых мученик Фотия и Аникиты, при великом государе первопрестольнике Анфиме, епископе Кубанском и Гомильском»³¹.

Уже в первой трети XVIII в. в среде «потенциальных беглецов» из России крепнет убеждение в том, что «на Кубани жить хорошо, что на Кубани “староверят” и за старую веру не гонят»³². «По подговорам агентов Некрасова и его последователей» на Кубань бегут терские, донские, уральские казаки, выходцы из великорусских губерний³³. В начале 1750-х гг. основательно встревожило российские власти и вызвало любопытство самой императрицы Елизаветы Петровны дело «По доношению донского войскового атамана Ефремова о сыску расколников лжестарца Варфоломея и попа Тихона и протчих»³⁴. Арест Варфоломея в декабре 1752 г. в Дубовке (центре Волжского казачьего войска) и начавшееся следствие привели к тому, что на Яике были пойманы десятки наиболее деятельных «расколоучителей» (в основном как раз «лжестарцев» и «лжестариц») или, говоря словами Военной коллегии, целое «раскольническое сонмище»³⁵. Постоянная связь Яика с Дубовкой и непрерывное желание старообрядцев уйти на Кубань отчетливо прослеживались почти во всех материалах этого объемного дела. Так, поп Тихон уверял казаков Волжского казачьего войска, что «всех их может провезть на Кубань, как-де то уже оной поп и в прошлом году трех монахов и одного попа с Дубовки на Кубань отправил...»³⁶. Варфоломей же даже на втором допросе в Военной коллегии подтвердил, что «на Кубане расколником жить хорошо»³⁷.

Во владения Гиреев бежали не только древлеправославные миряне, но и представители духовенства, как черного, так и белого. В марте 1718 г. генерал-адмирал Ф.М. Апраксин сообщал митрополиту Стефану (Яворскому): «В казачьих донских городках при церквах, монастырях и часовнях во многих местах есть, укрываючись..., расстриженные и непосвященные старцы и попы, и чинят многие расколы и возмущения, а иные перешли к вору Некрасову на Кубань...»³⁸. К середине XVIII в. казаки, не без помощи Стамбула, уже не испытывали недостатка в духовенстве. После обращения казаков ханского войска в Стамбул с соотвествующей просьбой (до 1753 г.), султан приказал крымскому архиепископу Гедеону рукоположить в архиерейский сан казачьего «кандидата» – монаха Феодосия, что тот, несмотря на первоначальный отказ, вынужден был затем исполнить под давлением турецкого паши и отряда янычар³⁹. Когда в 1752 г. потребовалось отвести от некрасовцев подозрения в причастности к укрывательству беглых с Дона, крымские власти предлагали Войску Донскому сделать это по своему «закону», обещая заставить присягнуть не только казаков-мирян, но и лиц духовного звания. Ответ был краток и выразителен: «Их присяге верить невозможно. И так когда б оные и действительно присягали, то б они (донцы. – Д.С.) и такую их присягою удостоверятца не хотели»⁴⁰.

Престиж Кубани как центра староверия повышался и то, что священники, окормлявшие кубанское казачество, отправляли в другие крупные старообрядческие центры авторитетные послания. Так, известно послание о перекрещивании священников, составленное на основе либо «соборного рассуждения», либо частного совещания в начале XVIII в. иеромонахом Герасимом, умершим на Кубани в 1751/1752 гг. в 90-летнем возрасте⁴¹. Старообрядцы Крымского ханства, таким образом, активно участвовали в спорах среди своих собратьев той эпохи⁴². По-видимому, уже в первой половине XVIII в. на Кубани имелся скрипторий – пусть небольшое, но сообщество книжников, снабжавшееся книгами местными казаками (тот же Герасим уверенно анализировал «Соборное изложение» патриарха Филарета, катехезис и номоканон)⁴³.

В процессе удачной в целом адаптации казаков-старообрядцев к условиям Крымского ханства можно усмотреть осуществление «симфонии» между правителями и подданными, когда подданство не воспринимается как уничтожение свободы личности, личность активно о

себе заявляет, а «сопротивление, духовная и социальная активность... определены как важная мера спасения православного и всего православия»⁴⁴. В основе несомненного «благоденствия» свободного христианского славянского населения на территории Крымского ханства (и прежде всего на землях ногайской Кубани) лежали старообрядческий конфессиональный активизм, преданность Гиреям и, главное, принцип личной ответственности перед Богом за совершенные деяния. Все это вызвало закономерную реакцию ханов на такое поведение казаков и других старообрядцев и помогало им не просто выживать, но и развиваться – вплоть до времен исчезновения Крымского ханства.

Примечания

¹ См., в частности: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Отоманской Порты. Т. 1–2. М., 2005; *Греков И.Б.* К вопросу о характере политического сотрудничества Османской империи и Крымского ханства в Восточной Европе в XVI–XVII вв. (по данным Э. Челеби) // Россия, Польша и Причерноморье в XV–XVIII вв. М., 1979; *Артамонов В.А.* О русско-крымских отношениях конца XVII – начала XVIII вв. // Общественно-политическое развитие феодальной России. М., 1985; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.; Л., 1948; *Санин Г.А.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в середине XVII в. М., 1987; *Санин О.Г.* Отношения России и Украины с Крымским ханством в первой четверти XVIII века: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1996; *его же.* Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русско-крымские отношения // *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии.* Вып. 3. Симферополь, 1993; *Зайончковский А.* «Летопись кипчакской степи» (Теварих-и Дешт-и Кипчак) как источник по истории Крыма // *Восточные источники по истории Юго-Восточной и Центральной Европы.* Т. 2. М., 1969; *Виноградов А.В.* Русско-крымские отношения в 50-е – второй половине 70-х годов XVI в. Т. 1–2. М., 2007.

² *Inalcik H.* The Khan and the Tribal Aristocracy the Crimean Khanate under Sahib Giray I // *Harvard Ukrainian Studies.* 1981. № 10; *его же [Иналджик Г.].* Боротьба за Східно-Європейську імперію, 1400–1700 рр. *Крымский ханат, Османи та піднесення Російської імперії // Крымські татари: історія і сучасність (до 50-річчя депортації кримськотатарського народу).* Матеріали міжнародної наукової конференції (Київ, 13–14 травня 1994 р.). Київ, 1995; *Мыцык Ю.А.* О публикации дипломатия Крымского ханства // *Исследования по археологии и источниковедению отечественной истории 16–20 вв.* Днепропетровск, 1990; *Адресова С.С.* Взаємини Запоріжжя і Кримського ханства періоду Нової Січі (1734–1775 рр.): Дисс. ... к.і.н. Запоріжжя, 2006; *Veinstein G.* La population du sud de la Crimée au debut de la domination ottomane // *Memorial Ömer Lütfi Barkan.* P., 1980; *Desaive D.* Le Khanat de Crimée dans les Archives Ottomanes. Correspondance khans de Crimée et padichahs ottomans dans les registres des nâme-i hümayûn // *Cahiers du monde russe et soviétique.* 1972. Vol. XIII (4); *Le Khanat de Crimée dans les Archives du Musée du Palais de Topkapı // Présenté par Alexandre Bennigsen, Pertev Naili Boratov, Dilek Desaive, Chantal Lemercier-Quellejay.* P., 1978.

³ Подобного мнения придерживался известный востоковед А.Е. Крымский, полагавшийся на мнение одного из современников: «Турок держал Крымскую орду наготове, как охотник держит в своих руках свору собак» (*Крымский А.* *История Туреччины.* Київ; Львів, 1996. С. 183–184). В турецкой историографии подобный взгляд приобрел даже более жесткую форму. Так, Г. Иналджик считает, что Крымское ханство было составной частью Османской империи, а его правитель находился в положении «тикме», т.е. дигнитария, назначенного Портой (*Иналджик Г.* *Боротьба за Східно-Європейську імперію...* С. 117). Близка к такому мнению и позиция американского историка А.В. Фишера, склонявшегося к тому, что государство Гиреев окончательно сформировалось только после завоевания Крыма османами (в 1475–1478 гг.), и писавшего о «назначении» (installation) крымского хана султанами (*Fisher Alan [W].* *The Crimean Tatars.* Stanford, 1978. P. 8.).

⁴ *Зайцев И.В.* Между Москвой и Стамбулом. Джучидские государства, Москва и Османская империя (начало XV – первая половина XVI вв.). М., 2004. С. 187.

⁵ *его же.* Ad Fontes: Крымская историография эпохи Средневековья и Нового времени // *Тюркологический сборник 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье.* М., 2005; *Файзов С.Ф.* Письма ханов Ислам-Гирея III и Мухаммед-Гирея IV к царю Алексею Михайловичу и королю Яну Казимиру. 1654–1658. Крымскотатарская дипломатика в политическом контексте постпереславского времени. М., 2003; *его же.* Тугра и Вселенная. Моххабат-наме и шерт-наме крымских ханов и принцев в орнаментальном, сакральном и дипломатическом контекстах. М.; Бахчисарай, 2002; *Адресова С.С.* До питання про запорізько-татарські взаємини періоду Нової Січі // *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету.* Вип. IV. Запоріжжя, 1998; *ее же.* До питання про етнокультурні аспекти запорізько-татарських взаємин часів Нової Січі // *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету.* Вип. VI. Запоріжжя, 1999; *Грибовский В.В., Сень Д.В.* Проблема стабилизации российско-турецкого порубежья первой трети XVIII в. и роль элит Крымского ханства: кубанский султан Бахты-Гирей // *Калмыки в многонациональной России: опыт четырех столетий: Сб. науч. статей.* Элиста, 2008; *Некрасов А.М.* Женщины ханского дома Гиреев в XV–XVI вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы.* 1998 г. М., 2000; *его же.* О перспективах создания базы данных по генеалогии крымской дипломатии XV–XVI вв. // *Базы данных по истории Евразии в средние века.* Вып. 4–5. М., 1997.

⁶ РГАДА, ф. 210, стлб. 1406, л. 122. Еще в 1655 г. донские казаки сообщали о казаке Дениске, который бежал в «Озов и босурманился и заодно де он с азовскими тотары донских казаков воевали» (Там же, стлб. 401, л. 58).

⁷ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб., 1858. С. 236; Брикнер А.Г. История Петра Великого. М., 2002. С. 152.

⁸ Глазьев В.Н. Власть и общество на юге России в XVII веке: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001. С. 276.

⁹ Розыские дела о Петре Шакловитом и его сообщниках. Т. 3. СПб., 1888. Стлб. 938.

¹⁰ Бережков М.Н. Русские пленники и невольники в Крыму // Труды VI археологического съезда в Одессе (1884 г.). Т. 2. Одесса, 1888. С. 360.

¹¹ Там же. С. 342–372.

¹² Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 89.

¹³ Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным археографической комиссией. Т. 12. СПб., 1875. Документ № 17.

¹⁴ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые Братством св. Петра митрополита. Т. 7. СПб., 1885. С. 231.

¹⁵ Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII столетия. СПб., 1889. С. 78.

¹⁶ РГАДА, ф. 119, оп. 1, 1689, д. 2, л. 10.

¹⁷ Успенский Б.А., Лотман Ю.М. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М., 1996. С. 127. Говоря о восхождении выражения «Новый Иерусалим» к Апокалипсису, Успенский подчеркивает, что оно «объединяет апакалиптическую идею Второго Пришествия с пасхальной идеей Воскресения, обновления; все это вписывается в космологическую картину мира и... вполне отвечает эсхатологическим ожиданиям». См.: Успенский Б.А. Восприятие истории в Древней Руси и доктрина «Москва – третий Рим» // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. М., 1996. С. 93.

¹⁸ Дружинин В.Г. Указ. соч. С. 180, 182.

¹⁹ Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее – Архив СПбИИ РАН), ф. 178, оп. 1, д. 12366, 12449, 12450, 12348 и др.; РГАДА, ф. 210, столбцы Белгородского стола, стлб. 1406, л. 126, 177–178 и др.; ф. 119, оп. 1, 1697, д. 9, л. 8.

²⁰ Архив СПбИИ РАН, д. 12348, л. 1.

²¹ РГАДА, ф. 111, 1709 г., д. 11, л. 1 об.

²² Там же, ф. 210, столбцы Белгородского стола, стлб. 1406, л. 178.

²³ Там же, ф. 119, оп. 1, 1697 г., д. 9, л. 4.

²⁴ Там же, ф. 210, стлб. 1406, л. 178. Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества (1692–1708 гг.) // Из архива тверских историков: Сб. науч. ст. Вып. 2. Тверь, 2000. Боук Б.М. К истории первого Кубанского казачьего войска: поиски убежища на Северном Кавказе // Восток. 2001. № 4.

²⁵ РГАДА, ф. 119, 1697 г., д. 9, л. 8.

²⁶ Усенко О.Г. Начальная история кубанского казачества... С. 74.

²⁷ Мельников П.И. Старообрядческие архиереи // Русский вестник. 1863. № 6. С. 471; Фирман, данный турецким султаном Мустафой, по прошению Константинопольского Патриарха Серафима, Митрополиту Гедеоу, на Крымскую епархию // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2. Одесса, 1850.

²⁸ Подробнее см.: Сень Д.В. «Войско Кубанское Игнатове Кавказское»: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2002; его же. «На Кубани роскошником жить хорошо...»: Из истории формирования «социальных сетей» старообрядцев России и Крымского ханства (середина XVIII в.) // Фелицынские чтения (X): Материалы межрегиональной научной конференции. Краснодар, 2008. С. 136–144.

²⁹ Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е.Д. Фелицына. Инв. № КМ-1723. ПИК-14; Иванов В.И. Кириллическая книжность на Кубани в конце XVII – первой четверти XVIII века // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып. 4. Ч. 1. Краснодар, 2007. С. 63.

³⁰ Мельников П.И. Указ. соч. С. 472; Сень Д.В. «Войско Кубанское...». С. 65–66.

³¹ Павел Прусский (Леднев), архимандрит. Краткое описание путешествия во святой град Иерусалим и прочие святые места. М., 1884. С. 102. В свете имеющихся свидетельств о церковном строительстве стоит внимательно отнестись к словам эмигрантского историка А.К. Ленинова о том, что «закладка первой раскольничьей часовни в Великом Войске кубанском относится к концу XVII века... К половине XVIII века помимо часовень, имевшихся в каждом городке, было и несколько церквей». Другое его утверждение более спорно, но верно отражает полноправный статус Древлеправославной церкви на территории мусульманского государства: «Весь духовный клир, священники, причетники, и т.д. были выборными, включительно до архиепископа. Таким образом, кубанская казачья церковь по своему существу юридически была автокефальной» (Ленинов А.К. Великое Войско Кубанское // Вольное казачество. Париж, 1932. № 110–111. С. 8.)

³² Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т. 1. СПб., 1896. С. 67.

³³ Там же. С. 66.

³⁴ РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 426, ч. 1, л. 1–227.

³⁵ Селищев Н.Ю. Старообрядцы в Уральском казачьем войске в XVIII – первой половине XIX в. (проблемы и перспективы исследования) // Вестник МГУ. Сер. 8. 1994. № 5. С. 47.

³⁶ РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 426, ч. 1, л. 5 об.

³⁷ Там же, л. 124.

³⁸ *Лилеев М.И.* Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII–XVIII вв. Вып. 1. Киев, 1895. С. 305.

³⁹ *Мельников П.И.* Указ. соч. С. 471; Фирман, данный турецким султаном... С. 680.

⁴⁰ АВПРИ, ф. 115, оп. 1, 1753 г., д. 3, л. 7 об.

⁴¹ *Смирнов П.С.* Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 038–041.

⁴² *Его же.* Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 229.

⁴³ *Парфений, иеромонах.* Книга о промысле Божиим, как он чрез православие ведет к спасению, а неправославных обличает собственными их делами. СПб., 1857. С. 180; *Смирнов П.С.* Из истории раскола... С. 227.

⁴⁴ *Керов В.В.* Новый строй личности и новый тип религиозности в старообрядчестве // Липоване: история и культура русских-старообрядцев. Вып. 2. Одесса, 2005. С. 4.

РОССИЯ, ТУРЦИЯ И КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В 40–60-х годах XVIII века

40–60-е гг. XVIII в. – время больших потрясений на европейской арене, в которые была вовлечена и Российская империя. Именно этот, европейский вектор ее внешней политики (российско-шведская война; внешнеполитическая изоляция России, приведшая к дворцовому перевороту в Петербурге; Семилетняя война), и становится, как правило, предметом пристального научного анализа¹. В то же время оказавшийся еще более запутанным после окончания российско-турецко-крымской войны 1735–1739 гг. и заключения Белградского мира клубок противоречий в геополитическом треугольнике Петербург–Стамбул–Бахчисарай практически не затрагивается исследователями. В связи с этим возникает впечатление «разрыва» в исторической преемственности событий: если военная кампания Российской империи на южном направлении в 1730-х гг. выступает как естественная попытка реванша за Прутскую катастрофу 1711 г., то война 1768–1774 гг. на том же направлении воспринимается как некое отдельно стоящее событие екатерининской эпохи. Данная статья и призвана «перекинуть мостик» между сложившейся после Белградского мира 1739 г. политической конфигурацией в Причерноморско-Северокавказском регионе и «черноморской» политикой правительства Екатерины II.

В ходе войны 1735–1739 гг., в целом неудачной для Османской империи и просто катастрофической для Крымского ханства, Россия стремилась к решению своих насущных геополитических и экономических задач: установлению границ по северной прибрежной полосе Черного моря; обеспечению собственной черноморской и средиземноморской торговли; защите и дальнейшему развитию прикаспийской торговли. Однако к лету 1739 г. вокруг участников данного конфликта создалась парадоксальная внешнеполитическая ситуация. С одной стороны, военные успехи русского оружия, глубокий финансовый кризис, поразивший Османскую империю и улучшение русско-французских отношений, требовали от России проведения активной политики в отношении Стамбула для заключения мира на выгодных для себя условиях. С другой стороны, выход союзницы России – Австрии из войны с Османской империей и демонстративная подготовка Швеции к войне с Россией, а также наличие на Дунае многочисленной отоблизованной турецкой армии, могли создать ситуацию, при которой Россия, в условиях военного столкновения с Османской империей, оказалась бы в международной изоляции, а возможно, и в положении державы, воюющей на два фронта. При создавшемся положении русское правительство было вынуждено пойти на переговоры с Османской империей, которые и состоялись в Белграде. Посредником на переговорах выступила Франция. 29 сентября 1739 г. был подписан российско-османский мирный трактат. Согласно его условиям, Россия возвратила себе Азов (но должна была срыть все укрепления), и получила право построить крепость на донском острове Черкасе, а Турция – в устье Кубани; Большая и Малая Кабарда становились «нейтральными». Запорожье перешло в подданство России. При этом Таганрог не мог быть восстановлен, Россия не имела права создавать собственный флот (включая торговый) на Азовском и Черном морях².

Таким образом, Россия была вынуждена отказаться от решения тех задач, которые ставила перед собой накануне войны. Белградский мир 1739 г. слегка сдвинул южные границы России ближе к Черному морю, но не решил самой черноморской проблемы. Относительным успехом отечественной дипломатии можно считать признание сторонами независимости Большой и Малой Кабарды, что укрепило влияние России на Северном Кавказе и приблизило вхождение Кабарды в состав империи. Эта война считается одной из наименее удачных войн России в XVIII столетии³. Однако, на мой взгляд, это как раз тот случай, когда отсутствие видимых практических результатов кампании было компенсировано все-таки произошедшими сдвигами в балансе региональных сил и интересов. Так, признание независимости Кабарды усилило позиции России на Северном Кавказе. Для Крыма эта война вообще имела определяющее значение. Впервые за всю историю ханства вражеские войска вторгались непосредственно на территорию полуострова. При этом крымские татары не только не смогли себя защитить, но, что более важно, их не смогли защитить и османы. Эта новая ситуация поставила перед Крымским ханством такие задачи, решение которых, как показала история, оказалось ему не по силам. Кроме того, война 1735–1739 гг., а главное, умелая внешняя политика, проводимая Россией, существенно повысили ее авторитет в Европе.

* Дейников Равиль Тагирович, аспирант Московского государственного областного университета.

После Белградского мира Россия перешла от военных методов к экономическим, дипломатическим и, как бы сейчас сказали, подрывным методам решения крымской проблемы, о которых будет сказано ниже. Но в 1740–1750-е гг. наиболее актуальными для России внешнеполитическими задачами стали отставание завоеванных Петром I территорий Прибалтики и минимизация возникающих со стороны Пруссии угроз интересам России в Восточной Европе. Поэтому, черноморская проблема отошла для России в этот период на второй план. Однако, это не значит, что она была забыта.

Османская империя проводила в те десятилетия в целом мирную внешнюю политику. Ее правительство занималось в основном внутренним реформированием армии и административного аппарата с целью укрепления политической и экономической структуры государства. Наиболее последовательные реформы проводились при великом визире Рагиб-паше⁴. Во внешней политике Стамбула приоритетными направлениями было соперничество с Персией на Кавказе и в Малой Азии, впрочем, не доходившее до крупномасштабных военных столкновений. Любопытно, что правивший в 1748–1756 г. крымский хан Арслан-Гирей получил благодарность от османского султана за «соблюдение условий дружбы и приязни с Российской державою и Польской республикой»⁵. Конечно, набеги крымских татар не прекратились, однако они уже не носили систематического характера и совершались, в основном, отдельными феодалами собственными силами (как правило, в несколько десятков человек). Следует отметить, что точно такие же набеги на крымские земли осуществляли запорожские и донские казаки, а также подвластные России калмыки. Эта постоянная угроза набега приводила к тому, что обширнейшие территории, принадлежащие Запорожской Сечи, очень медленно заселялись⁶. Османские же и крымские территории, примыкавшие к русским и украинским землям, были фактически полосой отчуждения. Так, территории Приднестровья и Херсонщины фактически не были заселены⁷. Земли, лежащие между Бугом и Днепром, а также между Бугом и Днестром вообще не осваивались Турцией и административно даже не входили в ее состав. П.А. Румянцев в 1765 г. отмечал: «турки и татары... на сих степях никаких селений... не заводят»⁸. С середины XVIII в. здесь появляются украинско-молдавские селения, платившие дань крымскому хану (так называемая «Ханская Украина»). В таком состоянии они находились до 1774 г., а селения на территории между Бугом и Днестром (Очаковская область) – до 1791 г. В эти годы, существенно увеличились объемы приграничной украинско-крымской торговли. При этом сама Малороссия быстрыми темпами теряла элементы своей государственности. С 1734 г. место гетмана оставалось вакантным, а административные вопросы все чаще решались киевским губернатором. В этих условиях, Россия подняла вопрос о присутствии на территории Крымского ханства русского консула⁹, поскольку она не желала более, чтобы крымский вопрос был в исключительном ведении Украины. Можно предположить, что это изменение внешнеполитической концепции России в отношении крымско-татарского государства и являлось основной причиной постоянных отказов со стороны хана в принятии на своей территории русского консула. Факт принятия внешнеполитической миссии, имеющей значительно более низкий статус, чем посольство, лишний раз бы подтвердил политическую зависимость ханов от османских султанов. Поэтому, русский консул (резидент) в Крыму появляется лишь в 1763 г.

Одновременно российской стороной велась работа по усилению этнических противоречий внутри ханства. Дело в том, что по ряду причин объективного (различия в культуре, языке, образе жизни и хозяйствования) и субъективного характера (большая экономическая зависимость от России, постоянное соприкосновение с русскими подданными, сложные взаимоотношения с жителями собственно Крыма), ногайские татары, которые составляли около 40% населения ханства и занимали всю его территорию за пределами полуострова¹⁰, больше склонялись к подданию добрососедских с Россией отношений, чем крымские татары. Именно эти противоречия (и безуспешно) использовали русские агенты¹¹. Так, «в 1753 г. главные едисанские мурзы Кавай и Шинкуша прислали нарочного Хаджия Акай-Кутлу с прошением о принятии их со всем народом в подданство (российской короне. – *Р.Д.*), представляя, что главные буджацкие мурзы (едисанская и буджацкая – сильнейшие ногайские орды. – *Р.Д.*) с ними согласны»¹². В 1758 г. подобные попытки были повторены. Однако российское правительство, анализируя содержание писем от ногайских мурз, резюмировало, что «содержание их писем по-видимому такое, будто ногайские султаны и Эдисанские и Буджацкие мурзы искали здесь по принятом тогда противу Крым-Гирей хана неудовольствия, временного только убежища»¹³. Кроме того, России, участвующей в Семилетней войне, было невыгодно обострение отношений со все еще мощной и влиятельной Османской империей, и дело было отложено до лучших времен. Поэтому, официально, российское правительство принимало в подданство только общества (кланы), «наперед сего в здешнем подданстве бывшие»¹⁴.

Одновременно с 1740-х гг. начались активные мероприятия по заселению так называемых «Заднепровских мест» (территорий, расположенных южнее Днепровских порогов). Во многом

этому способствовало создание Украинской оборонительной линии. Ее строительство началось еще в 1731 г. на границе Малороссии и запорожских земель¹⁵. Постройка крепостей и заселение линии проходило быстрыми темпами. Известно, что, несмотря на войну, к 1740 г. Украинская линия имела уже 18 крепостей, связанных 140 редутами¹⁶. Кроме оборонительных целей (защиты внутренних районов Левобережной Украины от набегов крымских татар и, иногда, запорожцев) Украинская линия, безусловно, имела своей целью создание форпоста для будущих военных операций русской армии против Крымского ханства, поскольку все прежние походы на Крым заканчивались неудачей во многом из-за огромного удаления армии от баз снабжения, магазинов и госпиталей. Таким образом, с появлением Украинской линии, Крымское ханство, с военной точки зрения, становилось более уязвимым для российских войск.

Заселение и освоение Новороссии в значительной степени осуществлялось с помощью иностранных переселенцев, которых в целях защиты районов Малороссии и Слобожанщины размещали на северных границах Запорожской Сечи. Было решено «пришедших и впредь приходящих... сербов и протчих тамошних народов (имелись в виду православные подданные империи Габсбургов, которых Австрия согласилась отпустить в Россию. – *Р.Д.*)... селить в Заднепрских местах, а именно: начав от устья реки Каварлыка прямою линиею до верховья реки Тура на устье реки Каменки, от устья реки Каменки на вершину реки Омельника и по оной вниз даже до устья ее, где она в Днепр впадает, отступя от польской границы по 20 верст»¹⁷. 11 января 1752 г. генерал-майор Хорват (организатор переселения из Австро-Венгрии) получил жалованную грамоту, согласно которой, переселенцам предписывалось создать на отведенных им землях два гусарских и два папдурских полка (таким образом, за основу в новых землях было принято военно-административное деление Малороссии на полки и сотни – роты), назвать заселяемую страну Новой Сербией и построить там крепость Святой Елизаветы¹⁸. Эти процессы, естественно, вызвали живое беспокойство в Османской империи и в Крымском ханстве. В результате энергичных переговоров между правительствами двух империй, в 1754 г. русские власти решили срыть укрепления крепости Святой Елизаветы¹⁹.

Несколько по-другому проводилась политика в отношении кавказских народов. Подданными крымского хана в то время на Кавказе были адыги, занимавшие левобережье Кубани. Однако зависимость последних от Крыма была номинальной. «По крепости тех гор, в которых они живут, слушают их (ханов. – *Р.Д.*) в чем сами хотят»²⁰. Естественно, что такая позиция адыгов провоцировала постоянные набеги на них крымских и кубанских татар. В результате, не один раз различные адыгские племена заявляли о своем желании перейти в русское подданство²¹.

Традиционно крымские ханы считали своими подданными и кабардинцев. Согласно Белградскому договору 1739 г. Кабарда признавалась независимой, «буферной» территорией. Но, вопреки этому договору, крымские ханы вмешивались во внутренние дела Кабарды, требовали (и иногда добивались) от нее присылки дани людьми и скотом²². В 1750 г. из Петербурга был направлен в адрес турецкого правительства официальный протест в связи с постоянным вмешательством кубанского сераскира в кабардинские дела²³. Да и сама Блистательная Порта, во второй половине 40-х гг. XVIII в., засылала агентов в Кабарду и Дагестан, которые должны были убедить местных правителей «принять турецкое подданство и выступить против России»²⁴. Следует признать, что и Россия активно вмешивалась в дела Кабарды. В первой половине 1740-х гг. в Кабарду был направлен бригадир П. Кольцов с отрядом в 400 солдат, за ним были посланы майоры И. Барковский и П. Татаров. Помимо своей основной миссии по примирению враждующих группировок знати, эти эмиссары внимательно изучали Кабарду как один из важнейших театров военных действий в случае войны с Турцией или Ираном²⁵. В 1744 г. геодезист С. Чичагов составил первую подробную карту Большой и Малой Кабарды²⁶. Эти мероприятия российского правительства однозначно воспринимались в Турции и Крымском ханстве как вмешательство во внутренние дела Кабарды, а когда в 1753 г. русским эмиссарам в Кабарде удалось на некоторое время примирить враждующие группировки, то Османская империя официально обвинила Россию во вмешательстве в дела Кабарды и в ведении агитации с целью склонения кабардинцев вступить в российское подданство²⁷. Так что в эти годы шло упорное соперничество между Россией с одной стороны, и Османской империей и Крымским ханством – с другой, за гегемонию в Северном Причерноморье и на Кавказе. Лишь нескончаемая череда малых и больших европейских войн в 1740–1750-х гг. отодвинула дальнейшие попытки России решить те задачи, которые она ставила перед собой в ходе войны 1735–1739 гг.

Понимая это и учитывая опыт предыдущей войны, Османская империя начала готовить благоприятный внешнеполитический фон перед началом неизбежного нового столкновения с Россией. С конца 1750-х гг. в Стамбуле стали брать верх антироссийские настроения. Учитывая, что традиционными соперниками Османской империи были Иран, Австрия, итальянские

государства, а в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг. союзником России выступала Франция, Османская империя начала переговоры о союзе с Пруссией. Договор между двумя странами был подписан в 1761 г.²⁸ Но выход из войны с Пруссией России после воцарения Петра III и заключения российско-прусского союзного договора расстроили планы Стамбула.

Примерно те же настроения, что и в Османской империи, господствовали и в Крымском ханстве. В 1758 г. к власти в Бахчисарае в результате мятежа пришел новый хан – Крым-Гирей. Его отличала очень сильная неприязнь в отношении России. В 1758–1759 гг. новый хан проводил активную политику в Кабарде, пытаясь безуспешно привлечь ее князей к выступлению против России²⁹. Деятельность хана на Кавказе вызвала резкие протесты российского резидента в Стамбуле М. Обрезкова. 27 апреля 1761 г. Обрезков доносил в Петербург, что представленные им записки, основанные «на истине и на основательных резонах», возымели такой успех, что «весь испускаемый ханом яд ни во что обращается, и все им злостно вымышляемое и доносимое Порту в наименьшее уважение не приемлет»³⁰. Но крымский хан не успокаивался. В рамках заключенного осmano-прусского договора в Бахчисарае велись переговоры между ханом и представителем прусского короля о конкретных военных акциях крымских татар против России и Австрии. По данным М.В. Масаева речь шла о 16-тысячном корпусе татарской иррегулярной конницы³¹. Однако выход России из войны с Пруссией поставил на планах совместных прусско-турецких действий крест. Предлагаемые Пруссией против австрийских войск на территории Венгрии были для Крым-Гирея не столь интересны.

Любопытно, что из-за срыва набега 16-тысячного отряда крымцев на российские и украинские земли в период Семилетней войны, М.В. Масаев делает следующие выводы: «Все знают, что Крым был присоединен к России в царствование Екатерины Великой, что при Петре III не было ни войн с Османской империей, ни походов в Крым. Но при всем при этом роль незадачливого российского императора в решении судеб Крыма исключительно велика. Если бы не Петр III, Екатерине II в Крыму, пожалуй, просто было бы нечего делать. Петр III прекратил успешно развивавшуюся войну России с Пруссией... Это общеизвестно. Но немногие знают, что выход России из Семилетней войны предотвратил набег крымских татар через незащищенные рубежи вглубь страны... А что было бы, если бы эта шестидесятитысячная армия (ранее Масаев писал о 16 тыс. – *Р.Д.*) обрушилась на Россию, основные силы которой были заняты в Пруссии, где русские гарнизоны были разбросаны до Берлина включительно. России пришлось бы не только отказаться от притязаний на Восточную Пруссию, но и пойти на резкое ослабление своих позиций на юге в пользу Крымского ханства и Османской империи. Продолжение войны... отодвинуло бы выход России к Черному морю на неопределенный срок»³². Таким образом, Масаев полагает, что дальновидность Петра III, сведшего на нет все усилия России в ходе Семилетней войны, позволила ей избежать поражения на юге.

Реконструируя ситуацию периода Семилетней войны, следует заметить, что в Европе основную тяжесть войны с Пруссией несла на себе все же Австрия. Операции российских, французских и шведских войск носили в основном вспомогательный характер. Общее количество российских войск, воевавших против Пруссии не превышало 50 тыс. человек. Причем эти войска были в основном из центральных и северо-западных районов России. Поэтому, количество войск на юге России и в Малороссии не уменьшилось. Известно, что в последний мирный год перед русско-турецкой войной (1767 г.) российская армия насчитывала 186 869 человек, сверх того, около 92 тыс. солдат несли гарнизонную службу³³. В этот список не были включены особые части легкой кавалерии и ландмилиции, иррегулярные части (казаки, отряды калмыков, башкир, ногайцев и т.д.), а также войска гетмана. Эти неучтенные воинские подразделения при мобилизации могли дать не менее 40 тыс. человек. Не забудем и того, что данное количество регулярных войск и иррегулярных формирований (в общей сложности не менее 320 тыс. человек) находилось постоянно «под ружьем», а в случае мобилизации (как это было в 1768 г.) русская *регулярная* армия могла пополниться еще 50 с лишним тыс. человек³⁴. Таким образом, тезис Масаева о том, что в Пруссии были заняты «основные силы» России не выдерживает критики. Даже воюя с Пруссией, Россия сохраняла значительную часть своей военной мощи, вполне достаточную для успешного отражения крымско-татарского набега. Равным образом и утверждение Масаева, будто «выход России из Семилетней войны предотвратил набег крымских татар через незащищенные рубежи вглубь страны», не представляется убедительным. Данный автор не учитывает существования Белгородской и Украинской оборонительных линий. Последняя линия (создание которой было фактически завершено в конце 50-х гг. XVIII в.) простиралась более чем на 400 верст. На линии располагалось 18 крепостей на расстоянии 25 верст друг от друга. Линия была оснащена большим по тому времени количеством артиллерии: в ее крепостях и редутах было установлено 222 орудия (!). Называя эти сооружения «чудом произведения человеческого», современники сравнивали их с сооружениями Древнего Египта³⁵.

Следовательно, выход России из Семилетней войны никаким существенным образом не повлиял на ее взаимоотношения с Османской империей и Крымским ханством. Если бы Османская империя в то время вступила в войну на стороне Пруссии, то, вероятно, основные военные действия велись бы против австрийской армии на Балканах. Крымский же хан, скорее всего, должен был бы сдерживать русскую армию от похода в сторону Бессарабии и Валахии. Осознавая это, а также учитывая позицию Франции в ходе Семилетней войны, Порты оказалась в патовой ситуации. Пруссия войну проигрывала, а ввязываться в конфликт с венским и петербургским дворами при враждебной, в данном случае, позиции Франции Стамбулу было не с руки.

В этой связи не выглядит странным решение султана в 1764 г. о смещении Крым-Гирея. Тем более, что рискованная и агрессивная внешняя политика этого хана сочетались с самодурством и во внутренних делах, за что ему дали прозвище «Дели-хан» («Шальной хан»). Об этом свидетельствуют, как османские³⁶, так и российские источники³⁷. Скорее всего, основной причиной смещения хана являлась его агрессивная политика, которая бы неминуемо привела ханство, а вслед за ним и Османскую империю, к войне с Россией и союзной с ней империей Габсбургов, что в тех внешнеполитических условиях никак не входило в планы Стамбула. Хотя, конечно, враждебность Крым-Гирея к России вполне объяснима, учитывая столкновения интересов Бахчисарая и Санкт-Петербурга на приграничных территориях, а также то, что российский консул в Крыму Никифоров, следуя специальной инструкции Коллегии иностранных дел, занимался на полуострове еще и разведывательной деятельностью³⁸. Не случайно, преемник Крым-Гирея на ханском престоле – Селим-Гирей III первым делом потребовал убрать из Крыма Никифорова.

Таким образом, политика причерноморских стран 40–50-х гг. XVIII столетия лишь нагнетала напряженность в регионе и приводила к углублению взаимных противоречий. При этом основная причина созревания предпосылок новой русско-турецкой войны заключалась в том, что Белградский мир 1739 г. не решил ключевых региональных проблем. По его итогам Россия не смогла добиться осуществления своих насущных геополитических и экономических задач. Османской империи, со своей стороны, не удалось установить гегемонию на Кавказе и сохранить в Северном Причерноморье относительно комфортное для себя положение, сложившееся после неудачи Прутского похода русской армии 1711 г. Крымское ханство, в свою очередь, не только не обеспечило себе каких-либо геополитических и экономических выгод, – оно вообще утратило статус самостоятельной стороны конфликта и, со всей очевидностью, превратилось из субъекта политического процесса в его объект.

Есть основания утверждать, что в планах Петербурга сразу после завершения войны с Пруссией в 1763 г. была подготовка к войне с Османской империей за Северное Причерноморье и Северный Кавказ. А в тех условиях, это могло означать только одно – стремление разрушить существующую на тот момент систему военно-политической и религиозно-идеологической зависимости Крымского ханства от Османской империи. Не случайно, почти сразу после восшествия на российский престол Екатерины II, ей был представлен знаменитый доклад канцлера М.И. Воронцова «О Малой Татарии». В своем докладе канцлер отмечал, что соседство крымских татар «для России несравнительно вредительнее, нежели Порты Оттоманской; они весьма склонны к хищению и злодействам, искусны в скорых и внезапных воинских восприятиях, а до последней с турками войны приключали России чувствительный вред и обиды частыми набегами, пленением многих тысяч жителей, отгоном скота и грабежом имущества из областей российских, из которых многие в конец разорены и опустошены были... Россия принуждена для обороны и безопасности своей содержать против них линии с знатным числом войска и пребывать посреди миру, равно как бы во время войны, во всякой осторожности». В связи с этим Воронцов делал вывод, что «полуостров Крым местоположением своим столько важен, что действительно может почитаться ключом российских и турецких владений; доколе он останется в турецком подданстве, то всегда страшен будет для России, а напротиву того, когда бы находился под российскою державою, или бы ни от кого зависим не был, то не токмо безопасность России надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море под ея властью»³⁹. На основании этого свидетельства можно утверждать, что российское правительство в начале 1760-х гг. вполне осознавало неизбежность в ближайшее время нового военного столкновения с Османской империей. Но, исходя из записки Воронцова, ряд исследователей делает, на мой взгляд, неправильные выводы о внешнеполитических целях России в Северном Причерноморье в 60-е гг. XVIII столетия. Т.М. Феофилактова, например, считает, что «стратегический план царского правительства в решении крымского вопроса заключался в том, чтобы добиться независимости Крымского ханства от Турции, а затем присоединить его к своему государству. Народы Закубанья предполагалось склонить к подданству России мирными средствами»⁴⁰. Известно, что Воронцов вскоре фактически был удален от дел, а его преемник – Н.И. Панин в отношении

«черноморской проблемы» придерживался менее радикальных взглядов. Не оспаривая в целом данной Феофилактовой характеристики целей российского правительства в отношении народов Закубания, необходимо отметить, что «присоединение» Крымского ханства к России не стояло в повестке дня ее внешней политики рассматриваемого периода, что доказывают, в том числе, и дискуссии российских официальных лиц о статусе Крыма уже в период формальной независимости ханства⁴¹. Тем не менее, подготовка к неизбежной войне с Турцией привела к тому, что резко активизировалась подрывная деятельность русской агентуры в различных областях Османской империи⁴². С начала 1760-х гг. велось активное укрепление линии между Бугом и границей Украины с Крымским ханством в Новой Сербии, несмотря на то, что по Белградскому договору данная территория объявлялась нейтральной зоной. Более того, в 1763 г. в устье реки Темерник Россия начала постройку крепости Святого Дмитрия Ростовского (Ростова-на-Дону), которая позволяла контролировать сообщение и торговлю Крымского полуострова и Кубани.

Весьма активны были действия России и на Кавказе. Весной 1763 г. в урочище Моздок началось возведение одноименной крепости, куда переселился со своим родом, крестившийся и получивший чин подполковника князь К. Кончокин. Одновременно Терская пограничная линия с редутами достигла станицы Червленной, составив в длину около 200 верст к западу от устья р. Терек⁴³. Строящаяся крепость стала ключевой в создаваемой Кизлярско-Моздокской линии укреплений. Благодаря своему расположению, она, во-первых, полностью контролировала наиболее богатые пастбищные земли князей Большой Кабарды, а, во-вторых, по словам Крым-Гирея, новая крепость на таком месте находится, которое «есть единое полному проезду и сообщению дагистанов с кубанцами и крымцами». Если же она будет достроена до конца, то «всякое сообщение у татар с дагистанцами вовсе пресечена будет»⁴⁴. Крепость была достроена в 1765 г., получив 40 пушек и мощный гарнизон⁴⁵.

Однако не стоит полагать, что подобные действия предпринимались лишь одной стороной. Османская империя активно модернизировала армию и флот, усиливала укрепления и гарнизоны своих северочерноморских и кавказских оборонительных линий. В 1761 г. между Стамбулом и Берлином был заключен союзный договор, направленный, безусловно, против России и Австрии. Кроме того, крымский хан в 1759 г. перевел часть ногайцев из Буджака на левый берег Днепра и поселил их между реками Белозеркою и Рогачиком⁴⁶, что было запрещено Белградским договором. Одновременно он пытался доказать султану, что запорожцы занимаются самозахватом приграничных пустыющих земель и на этом основании просил позволения увеличить количество крымских переселенцев на данные территории до 50 тыс. человек⁴⁷.

Пользуясь тем, что строительство Моздока вызывало недовольство кабардинских князей, Крым-Гирей в ноябре 1763 г. заверил их, что «ежели они с российской стороны имеют притеснение, через поселение в урочище Моздок... то он, хан, обеспечивает их до того не допустить силою»⁴⁸. Это послужило основанием для обращения ряда князей Большой Кабарды в конце 1764 г. к крымскому хану с просьбой разрушить Моздокскую крепость⁴⁹, которая – замечу – была построена на территории Российской империи. В июне 1765 г. кубанский сераскер совершил крупную военную диверсию в районе Кизляра и был отбит с большим трудом⁵⁰.

Таким образом, обе стороны готовились к войне, которая становилась неизбежной. Причины называемого конфликта историки называют разные. Так, В.Е. Возгрин полагает, что Османская империя и Крымское ханство пали жертвой неспровоцированной агрессии со стороны России, которая уничтожила самобытную цивилизацию, сложившуюся на полуострове⁵¹. А. Фишер делает вывод, что наряду с экономическими причинами постоянного давления России на Крым, был весьма силен элемент своеобразной мести со стороны русских за многие столетия крымской агрессии⁵². Значительная часть отечественных историков склонна считать многолетнюю борьбу России за Северное Причерноморье обусловленной защитой южных рубежей и экономическим развитием нашей страны⁵³.

За исключением ничем не обоснованного мнения В.Е. Возग्रина, все остальные высказанные в литературе взгляды на причины борьбы России и Турции за Северное Причерноморье не противоречат объяснительной схеме, которая представляется на данный момент наиболее полной и убедительной. В соответствии с ней именно в Северном Причерноморье наиболее интенсивно в тот период шел процесс расширения становящейся Российской империи до своих естественных геополитических границ. Таковыми для нее на юге были Черноморское побережье, Большой Кавказ, Каспийское море и полупустыни Средней Азии. Нормальное развитие государства и этноса невозможно представить без опоры на эти естественные границы. Если этнос не дорос до них, то он испытывает недостаток необходимых для развития ресурсов. Если этнос перерос эти границы, то он испытывает огромное напряжение из-за переориентации естественных до того экономических и торговых связей, а также из-за необходимости защиты периферийных для себя территорий. Поэтому борьба за выход к Балтийскому и Черному морям

шла долгие десятилетия и должна была закончиться победой России, так как эта победа имела определяющее значение для российской государственности. Сходным образом на указанную проблему смотрел известный российский дипломат, публицист и мыслитель XIX в. А. Жomini, ближайший сотрудник канцлера А.Д. Горчакова. Он отмечал, что внешняя политика Екатерины II во многом определялась именно геополитическим положением России. «Задыхающейся в своих территориальных границах между Швецией, Польшей, татарами и турками России было необходимо расширяться и достичь своих естественных границ и моря. Это долг, право любого государства. Все государства образовались в силу этого закона. Россия должна была поступить также»⁵⁴.

При этом, геополитическое (а не экономическое) значение борьбы России за выход к Черному морю подтверждает следующий факт. В 1757 г. была основана торговая компания в г. Термерники для черноморской торговли. Российское правительство всячески поддерживало компанию, а османское правительство не мешало его деятельности. И, тем не менее, несмотря на перепроизводство товаров (особенно продукции сельского хозяйства) в южных областях России и на Украине, а также на гарантированный рынок сбыта в Турции, торговые операции компании представляли «одну только тень прямой коммерции» в основном по вине российских купцов⁵⁵. Связано это было, прежде всего, с военно-политической напряженностью в регионе, которая не способствовала экономическому развитию. Лишь снятие этой напряженности, отвоевание выхода в Черное море привело к развитию южной торговли России и, как следствие, к бурному экономическому росту Украины и Юго-Западной России. В этой связи не стоит переоценивать и роль субъективных факторов (религиозного и этнического), влиявших на отношения Российской империи с ее южными соседями. Как борьбе России и Швеции на рубеже XVII–XVIII вв. за Прибалтику и Финский залив никто не пытается придать некую религиозно-национально-эмоциональную окраску, так и в борьбе России с Турцией и Крымом за Северное Причерноморье не надо переоценивать подобные моменты. Да, они существовали. Но, во многом, являлись следствием определенной идеологической работы, которая проводилась в преддверии начала военных действий. Об этом прямо говорит современный исследователь Р. Джаббаров. Он в частности отмечает, что «главной причиной военных походов татар были экономические трудности, так как содержание громадного крымского юрта, занимавшего степи от Дона до устья Дуная, требовало несравненно больше того, что мог дать маленький Крымский полуостров». При этом «Крымское ханство находилось на рубеже конфессионального противостояния мусульманского и христианского миров. Это служило идеологическим обоснованием для военных походов и набегов на соседние государства»⁵⁶.

Таким образом, основной причиной противостояния России и Турции было все же объективное стремление первой к росту своей территории до естественных границ, а второй – недопущение отрыва своих периферийных территорий, оказавшихся в сфере национальных интересов России. Крымское ханство (как и Кабарда, Осетия, Молдавия, Валахия и другие земли) оказалось пешкой в чужой геополитической игре. Уже со времени присоединения к России Восточной Украины ханство могло либо остаться в орбите интересов Османской империи, либо попасть в орбиту интересов Российской империи. Другой альтернативы у него не было.

Глубинные причины российско-османских противоречий видели и современники. Так, французский дипломат Жан-Луи Фавье, анализируя военный конфликт 1768–1774 гг., отмечал, что эта война не является результатом интриги затеянной каким-нибудь министром по его прихоти, а вытекает из реальных интересов России⁵⁷. Французский просветитель К.-Ф. Вольней называл цели российской восточной политики второй половины XVIII в. естественными и вытекающими из национальных интересов страны⁵⁸. Европейские конфликты 1740-х – первой половины 1760-х гг. лишь отложили на несколько десятилетий попытку решения проблемы Северного Причерноморья. Это понимали все участники процесса и по возможности готовились к решительному столкновению.

Пришедшая к власти в 1762 г. Екатерина II, вероятно, и попыталась бы сразу переориентировать внешнюю политику России на уже ставший традиционным союз с Венским двором и, тем самым, начать войну с Османской империей и Крымским ханством. Но этому помешал вставший в повестку дня тогдашней российской внешней политики польский вопрос. В развернувшейся борьбе вокруг выбора кандидата на польский престол союзником России стала Пруссия⁵⁹; а союзник России по «южному» вопросу – Австрия оказалась в данном случае ее врагом. Эту ситуацию никак нельзя считать следствием внешнеполитической ошибки российской императрицы, поскольку кроме польских дел, определяющих в российско-австрийском противостоянии был факт союза Габсбургов и Бурбонов, а «Франция противодействовала политике России именно в регионах, важнейших для ее безопасности, т.е. в Швеции, Польше и Турции»⁶⁰. Все это привело к созданию так называемой Северной системы⁶¹, основные действующие лица которой (Россия,

Пруссия, Англия и Дания) смогли бы обеспечить нахождение у власти в Речи Посполитой и Швеции дружественных России сил и установили бы паритет с лагерем Бурбонов (французская, испанская, ряд итальянских монархий) и Габсбургов.

Совершенно очевидно, что в этих условиях решение «южного» вопроса, несмотря на рост напряженности в регионе, опять откладывалось на неопределенное время. Ведь, как справедливо отметила И. де Мадариага, с созданием Северной системы Россия фактически бы получила гегемонию на Балтике, правда подобная система была абсолютно бесполезна для государства с точки зрения борьбы с Османской империей⁶².

Между тем ситуация в Польше оставалась взрывоопасной. От имени коронного гетмана Яна Браницкого в Османскую империю направлялись письма с просьбой о военной помощи против вмешательства в польские дела России. В письмах прямо указывается на поддержку антирусских выступлений в Польше со стороны Франции и Австрии⁶³. Да и шляхта, подогреваемая французами и османами, была крайне недовольна пророссийскими мероприятиями, проводимыми новым польским правительством. Так, в 1764 г. Польша официально признала императорский титул за русскими царями⁶⁴, что означало и признание имеющихся на тот момент границ России. Более того, в случае начала русско-турецкой войны, Польша должна была предоставить России территориальную базу между Днепром и Днестром, необходимую для ведения военных действий⁶⁵. Последней же каплей, которая привела к гражданской войне, было решение сейма, принятое в 1768 г. под прямым давлением со стороны командования российских войск, об уравнивании в правах католической и православной шляхты. Из недовольной «исконно польской» шляхты составила Барская конфедерация, которая уже официально обратилась к Османской империи с просьбой о военной помощи⁶⁶. Турция и ее союзнице Франции показалось, что настал благоприятный момент для войны с Россией. Повод не замедлил себя ждать. Преследуя разбитых конфедератов, польские гайдамаки, верные королю, вторглись на территорию Крымского ханства, захватили и сожгли город Балту. После достаточно резких дипломатических демаршей Османской империи, в августе 1768 г. султан Мустафа III сменил на посту великого визиря Мухсинзаде-пашу на главу партии войны против России – Хамзу-пашу. Смена правительства во многом была обусловлена обещанной Францией субсидией в размере 3 млн ливров в случае начала войны против России⁶⁷. Любопытно, что еще в апреле 1766 г. французский посол в Стамбуле получил инструкцию следующего содержания: «единственной целью Ваших усилий должно быть вовлечение турок в войну (против России, – *Р.Д.*)... Нас не интересует конечный успех, но само ее объявление и ход позволят нам приступить к разрушению зловещих замыслов Екатерины»⁶⁸. Кроме того, с 1767 г. при Бахчисарайском дворе находился французский консул – барон де Тотт, основной целью которого, как справедливо указывает А. Фишер, было противодействие России и подготовка Крымского ханства к войне против северного соседа⁶⁹. Вслед за этими событиями последовал известный ультиматум турецкого правительства с требованием очистить Польшу от русских войск, отказаться от гарантий польской конституции и от защиты диссидентов⁷⁰. Российский посол А. Обрезков заявил, что он не уполномочен принимать подобные решения и должен связаться со своим правительством. В ответ на это, он и 14 сотрудников российской миссии были арестованы и посажены в Семибашенный замок⁷¹, что автоматически означало объявление войны. Необходимо в связи с этим отметить один немаловажный факт, который иногда упускается отечественными исследователями из виду: после успешного для России польского сейма февраля 1768 г., российский посол в Стамбуле заверил османское правительство в скором выводе войск из Польши. Но вместо этого операции против конфедератов приблизились к турецким границам и привели к взятию под контроль русскими войсками мощной пограничной крепости – Каменец-Подольский. Совершенно очевидно, что этот факт, как и военное укрепление России на Кавказе и Нижнем Дону, был воспринят правящей верхушкой Османской империи как прямая угроза национальной безопасности. Началась война, которая изменила политическую карту Северного Причерноморья.

Отметим, что глубинные причины нового российско-османского военного конфликта лежали, прежде всего, в нерешенности проблем Причерноморского и Кавказского регионов, которые с начала XVIII столетия превратились фактически в зоны проникновения и освоения для обеих держав. Эта ситуация приводила к бесконечному нагнетанию напряженности в приграничных областях, что заставляло обе державы проводить антагонистическую друг другу внешнюю политику. Однако, в то же время, нельзя сказать, что действия России в 1760-х гг. в Польше (весьма, кстати, резкие и, зачастую, не совсем оправданные), стали лишь поводом к открытой борьбе между Российской и Османской империями за интересы в других регионах (как это делает, например, А. Крючков⁷²). Представляется, что, во-первых, укрепление связей Венского и Версальского дворов позволило империи Габсбургов занять доминирующее положение в Центральной Европе и, частично, на Балканах; во-вторых, победа в Семилетней войне, «польские

дела», фактическое создание Северной политической системы, относительно успешные действия на Северном Кавказе сделали в свою очередь Россию доминирующей силой в Восточной Европе. В результате этих изменений Османская империя оказалась фактически выброшенной с европейской политической арены, что было неприемлемо для державы с амбициями лидера. Поэтому Стамбул должен был для себя решить проблему Северочерноморского и Кавказского регионов, а заодно, получить рычаги влияния в Речи Посполитой как ключевом государстве для противодействия прямым антиосманским мероприятиям, как со стороны России, так и со стороны империи Габсбургов. Поэтому новый военный конфликт между причерноморскими державами и был логическим продолжением войны 1735–1739 гг. Что касается Крымского ханства, то оно в данной ситуации самостоятельной роли не играло, превратившись для обеих противоборствовавших держав в такой же фронтир, как, например, Кабарда или Дагестан (конечно, с учетом целого ряда различий). Вектор грядущих перемен теперь зависел в большей степени не от крымскотатарской элиты, а от внешнеполитических тенденций, определяющих политику Петербурга и Стамбула.

Примечания

¹ См., в частности: *Коробков Н.М.* Семилетняя война. М., 1948; *Анисимов Е.В.* Россия в середине XVIII в. (Борьба за наследие Петра I). М., 1986; *Курукин И.В.* Дворцовый переворот 1741 года: причины. «технология», уроки // *Отечественная история.* 1997. № 5; Империя после Петра 1725–1765 гг. Записки русских сановников, приближенных к трону. М., 1998; История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 2000; и др.

² ПСЗ-I. Т. 10. № 7900. С. 900–902.

³ *Fisher A.W.* The Russian Annexation of the Crimea (1772–1783). Cambridge University press, 1970. P. 24; *Андреев А.Р.* История Крыма. М., 2000. С. 212.

⁴ *Кипросс Л.* Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 425–426.

⁵ Цит. по: *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России. М., 2005. С. 71.

⁶ *Кабузан В.М.* Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М., 1976. С. 100.

⁷ Там же. С. 52.

⁸ РГАДА, ф. 16, р. XX, д. 247, л. 4.

⁹ *Fisher A.W.* Op. cit. P. 25.

¹⁰ *Хоменок О.С.* Отделение ногайских орд от Турции (1768–1772) // Крымский музей (Симферополь). 1994. № 1. С. 24.

¹¹ *Дейников Р.Т.* Присоединение Крыма к России в конце XVIII столетия как естественноисторический процесс // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах № 3. М., 2001. С. 53.

¹² Государственный Архив при Совете министров Автономной Республики Крым, Ф. 535, оп. 1, д. 835, л. 1.

¹³ Цит. по: *Лобжанидзе Ф.А.* Ногайцы Северо-Западного Кавказа во внешней политике России во второй половине XVIII – 20-х годов XIX в. Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2006. С. 62.

¹⁴ АВП РИ, ф. Едисанские дела, б/н, 1757–1758 гг., л. 13.

¹⁵ РГВИА, ф. 14, оп. 41, д. 6, ч. 5, л. 269.

¹⁶ *Кабузан В.М.* Указ. соч. С. 51.

¹⁷ ПСЗ-I. Т. 13. № 9921 от 29 декабря 1751 г. С. 570–577.

¹⁸ Там ж. № 9924 от 11 января 1752 г. С. 581–585.

¹⁹ *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 72.

²⁰ Дипломатическая переписка Екатерины II (1762–1764) // Сб. РИО. 1885. Т. XLVIII. С. 517.

²¹ *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 45.

²² *Peyssonel.* Traité sur le commerce de la mer Noir. Vol. II. P., 1787. P. 310.

²³ АВП РИ, ф. Кабардинские дела, 1750 г., д. 3, л. 21 об.

²⁴ *Якубова И.И.* Северный Кавказ в русско-турецких отношениях в 40-е – 70-е годы XVIII в. Нальчик, 1993. С. 24–25.

²⁵ *Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.* Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 214–215.

- ²⁶ История Кабардино-Балкарской АССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 1. С. 168.
- ²⁷ *Грабовский Н.* Присоединение к России Кабарды и борьба ее за независимость // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. Тифлис, 1876. С. 122–123.
- ²⁸ *Киррос Л.* Указ. соч. С. 425–426.
- ²⁹ *Саламова Н.А.* Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях: от Каспийского похода Петра I до присоединения Крыма к России (1722–1783 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2007. С. 102–103.
- ³⁰ АВП РИ, ф. 89, 1761 г., д. 2, л. 118.
- ³¹ *Масаев М.В.* Борьба России за Крым // Свободный Крым. 1994. № 6. 24 декабря. С. 3.
- ³² *Масаев М.В.* Присоединение Крыма к России. Симферополь, 1997. С. 109–110.
- ³³ *Бескровный Л.Г.* Хрестоматия по русской военной истории. М., 1947. С. 202–203.
- ³⁴ *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. XIV. Т. 27. 1766–1772. М., 2002. С. 286.
- ³⁵ Тысячелетний дозор // Московский журнал. 1998. № 12.
- ³⁶ Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881. С. 140–146.
- ³⁷ *Смирнов В.Д.* Указ. соч. С. 83.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ АВП РИ, ф. 123, д. 4, 1762 г., л. 1–6.
- ⁴⁰ *Феофилактова Т.М.* Крымский и грузинский вопросы в русско-турецких отношениях (1768–1783) // Вопросы отечественной истории. Краснодар, 1995. С. 99.
- ⁴¹ См.: *Дейников Р.Т.* Российские военные и дипломаты о статусе Крыма в период правления Шагин-Гирея // Москва-Крым: Историко-публицистический альманах М., 2002. № 4. С. 50–59.
- ⁴² *Киррос Л.* Указ. соч. С. 427.
- ⁴³ *Сотавов Н.А.* Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. (От Константинопольского договора до Кючук Кайнарджийского мира 1700–1774 гг.). М., 1991. С. 144.
- ⁴⁴ АВП РИ, ф. 89, оп. 1763, д. 336, л. 91, 104, 104 об.
- ⁴⁵ Подробнее см.: *Сотавов Н.А.* Указ. соч. С. 149.
- ⁴⁶ *Скальковский А.* Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области // Журнал Министерства внутренних дел. Ч. 13. СПб., 1846. С. 21–23.
- ⁴⁷ *Дружинина Е.И.* Указ. соч. С. 66.
- ⁴⁸ АВП РИ, ф. 90, оп. 1763, д. 505, л. 2 об.-3.
- ⁴⁹ *Сотавов Н.А.* Указ. соч. С. 150.
- ⁵⁰ РГВИА, ф. 20, оп. 1/47, д. 743, ч. 1, л. 49.
- ⁵¹ *Возрин В.Е.* Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 258–263.
- ⁵² *Fisher A.W.* Op. cit. P. XII.
- ⁵³ См.: *Дружинина Е.И.* Указ. соч.; *Непомнящий А.А.* Отечественная дореволюционная историография о геополитических интересах России по отношению к Крыму // Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времен до наших дней. Материалы 1-х научных чтений 14–15 ноября 1996 года. Симферополь, 1996; *Крючков А.В.* Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство (последняя треть XVIII – начало XIX в.). Дисс... канд. ист. наук. Саратов, 2006; и др.
- ⁵⁴ Рукопись А.Г. Жомини о царствовании Екатерины II, Павла I, Александра I и Николая I до 1856 г. Заключение // Новая и Новейшая история. 1999. № 2. С. 79.
- ⁵⁵ *Фирсов Н.Н.* Правительство и общество в их отношениях к внешней политике России в царствование Екатерины II. Казань, 1902. С. 277.
- ⁵⁶ См.: *Джаббаров Р.* Религиозный фактор в военных походах крымских татар // Арраид (Киев). 2002. № 6 (43).
- ⁵⁷ *Politique de tous les cabinets de l'Europe, pendant les regnes de Louis XV et de Louis XVI.* P., 1801. P. 326.
- ⁵⁸ История философии. Т. 2, М., 1941. С. 436–438.
- ⁵⁹ *Koser K.* Geschichte Friedrichs des Grossen. Bd. 3. Stuttgart; Berlin, 1913. S. 273.
- ⁶⁰ *Мадариага де И.* Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 312.
- ⁶¹ См.: *Александров П.А.* Северная система. М., 1914.
- ⁶² *Мадариага де И.* Указ. соч. С. 312.
- ⁶³ Сборник некоторых важных известий... С. 94.

- ⁶⁴ Некрасов Г.А. Роль России в европейской международной политике. 1725–1739. М., 1976. С. 308–309.
- ⁶⁵ Юсупов Р.Р. Польский вопрос в политике России накануне русско-турецкой войны 1768–1774 гг. // Вестник Московского Университета. Сер. 3. 1980. № 3. С. 38.
- ⁶⁶ Дейников Р.Т. Присоединение Крыма... С. 57.
- ⁶⁷ Мадариага де И. Указ. соч. С. 331.
- ⁶⁸ Цит. по: Valloton H. Catherine II. P., 1953. P. 192.
- ⁶⁹ Fisher A.W. Op. Cit. P. 29–31.
- ⁷⁰ Valloton H. Op. Cit. P. 192.
- ⁷¹ Петросян Ю.А. Русские на берегах Босфора (исторические очерки). СПб., 1998. С. 124.
- ⁷² Крючков А.В. Указ. соч. С. 43.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

© 2009 г. В. С. БОБРОВА*

СЕКРЕТНЫЕ ФОНДЫ АРХИВОВ СИБИРИ В 1920-е годы

Ограничение доступа к тем или иным комплексам исторических источников в советский период всегда вызывало интерес как у профессиональных историков, так и у общественности. Проблема заключается не только в возникновении из-за этого «белых пятен» и искажении представлений о прошлом. Анализ политики сокрытия архивной информации позволяет увидеть, что казалось власти жизненно важным, обеспечивающим безопасность государства, а также по новому взглянуть и на взаимоотношения власти и общества в этот период.

В отечественной историографии эти проблемы в той или иной степени рассматривались в работах В.Е. Корнеева, О.Н. Копыловой, В.А. Савина, Т.И. Хорхординой, М.В. Зеленова; определенное значение для осмысления сформулированных проблем имеет монография Т.М. Горяевой о политической цензуре в СССР¹. Однако все имеющиеся исследования базируются главным образом на материалах центральных архивов. В этой связи реконструкция истории формирования секретных фондов в таком важном регионе, как Сибирь представляет несомненный научный и общественный интерес. В мои задачи входило проанализировать имеющиеся в госархивах Сибири источники по данной теме, изучить характер материалов, считавшихся секретными в 1920-е гг., проследить, чем были обусловлены изменения в составе секретных фондов, выявить связь формирования сферы секретов в архивном деле с развитием централизованной архивной системы в СССР и основными тенденциями политической истории страны.

Выделение из общей массы архивных материалов корпуса секретных приняло в советской России целенаправленный характер после принятия 1 июня 1918 г. декрета СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела». В годы Гражданской войны и установления советской власти в Сибири основные направления архивной политики, проводившейся главным образом органами военного управления и ВЧК, были обусловлены накалом информационной войны, в которой участвовали противоборствующие стороны. Деятельность созданного в феврале 1920 г. в Омске Сибирского областного управления архивным делом (Сибархива) во главе с военным комиссаром 5-й Красной армии и особо уполномоченным Главархива Л.Н. Старком, а затем сибирским большевистским деятелем В.Д. Вегманом определялась задачами сбора и вывоза в центр прежде всего архивов антибольшевистских правительств². Целью власти было собрать компрометирующий материал на политических противников и воспрепятствовать распространению нелюбимых сведений о себе, собранных противоположной стороной. Особую ценность в этом смысле представляли документы правительства А.В. Колчака.

Особенно интенсивно архивные документы вывозились из Сибири в 1920 г. Сбор колчаковских материалов осуществлялся в соответствии с постановлением СНК РСФСР от 17 января 1920 г., подписанным В.И. Лениным. В конце января 1920 г. Сибревком обратился к уездным революционным комитетам с требованием обеспечить

* **Боброва Виктория Сергеевна**, кандидат исторических наук, доцент Омской гуманитарной академии.

сохранность колчаковских документов³. Наряду с учрежденным в начале февраля при Сибревкоме Сибархивом, этим занималась ликвидационная комиссия отдела юстиции Сибревкома, возглавляемая А.Г. Гойхбаргом – соратником известного советского идеолога, историка и функционера М.Н. Покровского, с осени 1920 г. руководившего Главархивом. В марте 1920 г. особое внимание на розыск колчаковских документов требовал обратить Ф.Э. Дзержинский⁴. В апреле 1920 г. по приказу Л.Д. Троцкого была создана «Комиссия по исследованию и учету влияния на русское народное хозяйство войны и блокады Советской России Антантой», также заинтересованная в документах правительства Колчака⁵. Документы вывозились из Сибири⁶ в административном порядке без какой-либо предварительной архивно-технической обработки и тем более без научного обоснования.

Термин «секретные фонды» поначалу не употреблялся. Напротив, атмосфера революционных преобразований была проникнута пафосом открытости, стремлением снять завесу тайны с деятельности властных структур. В 1920 г. вопрос о засекречивании колчаковских документов еще не ставился. Концентрация этих документов в Москве была обусловлена политической целесообразностью и практическими нуждами. В отличие от революционеров и политиков, архивисты мыслили иными категориями. Руководствуясь представлениями о недроблении архивных фондов и хранении их по месту создания, они пытались воспрепятствовать выемке архивных материалов, либо предпринимали попытки создать страховые копии изымаемых документов. Например, иркутские архивисты перед отправкой колчаковских архивов в Москву сделали копии некоторых документов.

Однако сопротивление архивистов административным выемкам оставалось, как правило, безуспешным. В середине 1920 г. заместитель начальника Сибархива А.В. Лучинская направила письмо в Полномочное представительство ВЧК по Сибири при Сибревкоме, в котором просила составить точную опись имевшихся там архивных материалов. Оказалось, что 14 января и 12 февраля 1920 г. сотрудниками Омской губчека были изъяты и в июне 1920 г. переданы в Полномочное представительство ВЧК по Сибири материалы, хранившиеся в помещении архива бывшей Акмолинской областной управы, а также документы, собранные в декабре 1919 г. инспектором Главархива, известным меньшевиком Б.И. Николаевским и сложенные им в помещении музея Западно-Сибирского отдела Русского Географического общества. Апеллируя к декретам советского правительства, Лучинская требовала указать время возвращения документов в архив⁷. Ответа из ВЧК не последовало, а соратница Николаевского Лучинская вынуждена была уехать из Сибири.

Наиболее активно и целенаправленно формирование сферы секретов в архивном деле осуществлялось с 1922 г., что было связано с деятельностью пришедшего на смену ВЧК Государственного политического управления (ГПУ, ОГПУ). Архивные документы являлись ценным подспорьем в выявлении «врагов» и средством для продолжения «классовой борьбы» в мирных условиях. Наибольшую актуальность в 1922 г. приобрели так называемые «агентурные фонды» – архивные документы жандармских управлений, охранных отделений, полиции, общий доступ к которым был практически сразу ограничен. Интерес к архивным материалам такого рода проявляла также созданная в 1920 г. в Народном комиссариате просвещения и преобразованная в конце 1921 г. в отдел ЦК РКП(б) «Комиссия по собиранию, изучению и разработке документов по истории коммунистической партии и Великой октябрьской революции» (Истпарт). Ее действия особенно активизировались в 1922–1924 гг. и имели характер «розыскной» работы, направленной на выявление и разработку в контакте с ГПУ «агентурных фондов»⁸. Помимо них в архивах хранилось много других документальных материалов, успешно использовавшихся советской властью в политической борьбе, в том числе – уже упоминавшиеся архивы альтернативных большевикам правительств, фонды административных и судебных органов дореволюционного периода, религиозных и политических организаций. С 1923 г. ко всем архивным материалам, имевшим «актуальное политическое значение», применялось обобщающее название «секретные фонды».

На протяжении 1920-х гг. происходил процесс встраивания архивных органов в политическую систему СССР, в ходе чего в рамках Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) формировались целые комплексы закрытых для общего пользования документов, в которых испытывали нужду политические ведомства. Так, в октябре 1921 г. в Москве при Центрархиве был создан отдел по концентрации материалов «в области отделения церкви от государства». Здесь предполагалось сосредоточить документы Московского Поместного собора, временных высших церковных управлений, религиозную литературу всех вероисповеданий и сект, изданную после февраля 1917 г., а также документы, имевшиеся в ВЧК, НКВД, Наркоматах юстиции и просвещения. Создание этого отдела было связано с подготовкой декрета об изъятии церковных ценностей⁹. Новизна ситуации заключалась в том, что выемка архивных материалов производилась самими архивистами и была строго засекречена. В январе 1922 г. заместитель заведующего Центрархивом В.В. Адоратский направил заведующему Сибархивом В.Д. Вегману циркуляр под грифом «совершенно секретно», в котором сибирским архивистам предлагалось «изъять» у «церковников» делопроизводство бывшего Временного Высшего церковного управления, организованного в Омске при правительстве А.В. Колчака, и другие материалы, отражавшие «контрреволюционную деятельность» Русской православной церкви в период Гражданской войны. Отмечалось, что эти документы следует искать на частных квартирах бывших членов церковного управления, в Омской губчека, в канцелярии полномочного представителя ВЧК по Сибири И.П. Павлуновского, в местных отделах управления и юстиции. Весь собранный материал необходимо было «наитщательнейшим образом» упаковать и отправить в Центрархив. Одновременно предлагалось выслать в адрес Центрархива все прокламации, карикатуры, «исходившие от церковников в срок пребывания в Омске власти белогвардейцев», а также дела по обвинению церковнослужителей в контрреволюционных преступлениях, которые могли находиться в Омской губчека и других административных учреждениях¹⁰.

Организация подобных отделов противоречила логике архивного строительства, так как в это время происходил переход от секционного принципа распределения архивного материала в архивохранилищах к хронологическому. Путем создания подобных отделов Центрархив предпринимал попытки установить контроль над административными выемками архивных документов, вызванными той или иной политической необходимостью, и по возможности вернуть в государственные архивохранилища документальные материалы, оказавшиеся в административных органах. В 1922 г. для предотвращения бесконтрольных изъятий и безвозвратной утраты «политически актуальных» документов было решено создать в рамках Единого государственного архивного фонда политические секции, что закреплялось в положении о Центральном архиве РСФСР, утвержденном декретом ВЦИК 30 января 1922 г.¹¹ Именно поэтому, когда в январе 1922 г. Омская губчека потребовала от губернского архива в трехдневный срок выдать все оставшиеся после предшествующих изъятий документальные материалы колчаковских министерств, и заведующий Омским архивом А.Н. Иванов обратился за помощью к руководителю Центрархива М.Н. Покровскому, последний откликнулся незамедлительно. В день получения телеграммы из Омска 27 января 1922 г. Покровский направил телефонограмму заместителю председателя ВЧК-ГПУ И.С. Уншлихту, в которой просил отменить распоряжение Омгубчека, основываясь на том, что «Центрархив имеет возможность представить все необходимые документы заинтересованным учреждениям, не разрушая единства архивного фонда»¹².

Несмотря на имевшиеся нормативные документы и протесты архивистов, неконтролируемые изъятия архивных документов из сибирских архивов в начале 1920-х гг. являлись общей практикой. Например, заведующий Бийским отделением Алтайского губернского архива в 1922 г. докладывал в Алтайское губернское управление архивным делом: «20 числа в 3 часа дня ко мне явились 2 сотрудника Губ[ернского] пол[итического] управления и предъявили мандат на пересмотр и выемку дел из архива для ГПУ. Со следующего же дня началась работа то 2-х, то 3-х и 4 сотрудников ГПУ. Так

как многие архивные фонды лежали вперемежку, а также ввиду недоверия сотрудников ГПУ моим показаниям, все архивные фонды ... были перерыты страничка за страничкой. Взяты были в результате 66 нарядов: Бийской городской думы, уездного земства, Сенгилевского земства, местной полиции, милиции за 1914–1919 гг., Алтайской духовной миссии за разные годы и 88 брошюр политического характера изд[ания] 1917 г. ... Две ночи архивное хранилище было опечатано печатью ГПУ... Архивные фонды находятся сейчас в состоянии хаотическом, потребуется несколько дней для того, чтобы водворить дела на полки и собрать выпавшие из не сшитых дел листки»¹³.

Изъятые подобным образом документы безвозвратно утрачивались для истории, так как после оперативного использования, как правило, уничтожались, либо оказывались в безнадзорном состоянии. Вот как, например, было охарактеризовано состояние документов, изъятых в 1920 г. органами ВЧК из архива Славгородского уездного исполкома советов, в письме секретаря истпарта Омского губкома РКП(б) от 19 мая 1925 г.: «Товарищи партийцы – старые служаки Славгородского уисполкома говорят, что были материалы в архиве уисполкома всех существующих штабов в пределах Славгородского уезда, как красных партизан, так и белых бандитов. Но все это забрано Славгородским ГПУ-Чека в 1920 г. Переговорив с ГПУ, я узнал, что у них есть много материалов, но архив в таком хаосе, что черт ногу сломит, и для того чтобы выбрать нужный материал, потребуется много врем[ени], и потому я попросил ГПУ найти материал указанных штабов и передать мне; пообещались, но чувствуется, что они только обещаются, а сделано ничего не будет»¹⁴. О подобном же отношении к хранению использованных архивных документов свидетельствует факт утраты документов, изъятых в 1923 г. сотрудниками ОГПУ Тарского округа из церквей г. Тары. По свидетельствам священнослужителей – очевидцев этих событий, изъятие архивов происходило бессистемно, архивные материалы отбирались, укладывались в короб и увозились. Лишь один церковный староста смог найти документ, выданный сотрудником ОГПУ 14 декабря 1923 г., в котором было указано, что изъято 67 книг, 41 пачка дел и переписка. Разыскивая впоследствии упомянутые архивы, заведующий Тарским окружным архивным бюро А. Кускунов в 1928 г. провел «поверхностное обследование учреждений ОГПУ», где действительно нашел «архив разных городских церквей в количестве нескольких книг и пачки разрозненных дел, не более 25 килограмм». «Где находится весь остальной архив, изъятый из церквей, – отмечалось в докладной записке А. Кускунова в Сибирское краевое архивное бюро, – никто из сотрудников ГПУ не знает, так как с 1923 г. штат сотрудников до уполномоченного включительно менялся не один раз; есть предположение, что названные архивы утрачены в учреждении ОГПУ, но когда и кем, установить не представляется возможным»¹⁵.

Между тем, в 1923 г. декретами СНК РСФСР и ВЦИК от 2 августа и 12 сентября «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР находящихся в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР архивов активных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигрировавших за пределы республики за время с 1917 года» и «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР архивов семьи Романовых (бывшей царской фамилии) и некоторых других лиц» было объявлено о концентрации этих важнейших для советской власти материалов в политических секциях государственных архивов¹⁶. 17 октября 1923 г. Центрархив издал специальный циркуляр о выдаче архивных материалов по экстренным требованиям государственных органов¹⁷. В 1924 г. в Сибири началась повсеместная организация политических секций. В частности, в Омске председатель губисполкома 20 мая 1924 г. направил в адрес всех отделов губисполкома, уездных исполкомов, учреждений, предприятий и организаций Омской губ. циркуляр о сдаче архивных материалов, указанных в декретах от 2 августа и 12 сентября 1923 г., для учреждаемой в губархиве политической секции. Всем учреждениям, предприятиям и должностным лицам предлагалось в 3-х месячный срок сдать имевшиеся в их распоряжении материалы, в том числе «официальные документы, проекты бумаг, мемуары, дневники, личн[ую] переписк[у], ученые труды и исследования в рукописях, прокла-

мации, брошюры, листовки, записные книжки, заметки, фотографические снимки и т.д.»¹⁸.

Состав и задачи политических секций уточнялись через увязку интересов всех нуждавшихся в ее существовании сил. В циркуляре Центрархива от 2 июня 1924 г. создание в губернских архивах политических секций признавалось «неотложным ударным заданием местных архивных органов»¹⁹. В соответствии с этим документом, в политических секциях местных государственных архивов предполагалось сосредоточить «материалы всех учреждений и организаций за время с февральского переворота 1917 г., независимо от их содержания», за исключением архивных фондов организаций РКП(б) и отделов ГПУ. По всей вероятности, Центрархив стремился использовать административные усилия по организации политических секций для концентрации в государственных архивохранилищах материалов советского периода, которые включались в политическую секцию под общим наименованием «местного (губернского, областного) фонда Архива Октябрьской революции». Из материалов дореволюционного периода к политической секции были отнесены «архивы генерал-губернаторов и губернаторов (секретная их часть), градоначальств, губернских, уездных и соответствующих им полицейских управлений, губернских и железнодорожных жандармских управлений и охранных отделений, цензурных и прочих учреждений по делам печати, окружных судов и судебных палат (дела, связанные с политическим движением в стране и аграрными беспорядками), тюрем и т.п.»²⁰. Несколько позже циркуляром от 29 июля 1924 г. внимание местных архивных бюро обращалось на необходимость приоритетного сосредоточения в политических секциях архивных материалов историко-революционного характера дореволюционного периода. Здесь же отразилась попытка Центрархива включить в число фондов политических секций материалы, собранные истпартами²¹.

Организовывая политические секции, Центрархив предпринимал попытки согласовать деятельность всех заинтересованных в использовании архивных материалов ведомств с декретом о централизации архивного дела и положением о Едином государственном архивном фонде. В ходе организации политических секций Центрархивом предпринимались меры, направленные на разграничение сфер деятельности органов РКП(б) (истпартов), ОГПУ и Центрархива. Вначале контроль над работой политических секций установили истпарты. В частности, в Барнауле вопрос о создании в Алтайском губархиве политической секции обсуждался в Алтайском губернском комитете РКП(б). На состоявшемся 6 декабря 1924 г. заседании коллегии агитационно-пропагандистского отдела Алтайского губкома РКП(б) был заслушан доклад о состоянии губархива и разработан план мероприятий по организации политической секции. Было принято решение выделить из фонда истпарта в политическую секцию губархива «документы, снимки, печатные местные произведения и пр. и предложить также всем общественным организациям и сов[етским] учреждениям сдать в губархив, хранящиеся у них материалы». Губистпарту предлагалось разработать план собирания материалов по революционному движению. Для выявления необходимых архивных материалов планировалось использовать поездки на места инструкторов губкома и губисполкома. Горрайком РКП(б) обязывался для политической секции «подыскать из партийцев архиваруса»²². Заведующего политической секцией губархива планировалось ввести в состав коллегии истпарта²³.

Такого рода практика партийного контроля над деятельностью политических секций в середине 1920-х гг. была повсеместной. В соседнем с Сибирью Дальневосточном регионе вообще доминировало мнение, что политическая секция является актохранилищем истпарта. Например, в ходе инспекторской проверки состояния архивного дела на Дальнем Востоке выяснилось, что дальневосточные архивисты «вместо того чтобы запросить об этом Центр, ... посоветовались с губисполкомом и архматериалы политсекции начали понемногу перекачивать в истпарт». «Если прибавить к тому, что [з]ав[едующие] [п]олитсекциями являются и зав[едующими] истпартами, – отмечалось в служебной записке инспектора Центрархива, – то получается, что архбюро попада-

ет в “руки” последних и становится их рабочим аппаратом. Во всех губархивах, где мною произведено обследование, истпарты являются бесконтрольными хозяевами политекций. В Хабаровске, Чите, отчасти и Верхнеудинске и Владивостоке, истпарты наиболее ценные материалы концентрируют у себя, создавая особый архив»²⁴.

Центрархив стремился оградить архивы от вмешательства истпартов, стараясь ограничить роль последних в архивном строительстве сферой подбора кадров. В частности, описанная выше ситуация на Дальнем Востоке так была оценена инспектором Центрархива: «При настоящем положении дел в этих местах, это вред не приносит, ибо при наличии беспартийных заведующих архбюро, является крайне необходимым некоторые материалы взять в более надежные руки, но все-таки истпарты должны действовать по-другому: помогать Центрархиву в замене беспартийных заведующих партийными»²⁵. Такой подход впоследствии был закреплён в ряде циркуляров Центрархива и при поддержке органов ОГПУ реализован на практике.

Проведенные в 1924–1925 гг. мероприятия по организации политических секций обусловили попытки Центрархива установить сотрудничество с ОГПУ. В 1925 г. между Центрархивом и ОГПУ было заключено соглашение об использовании архивных материалов в оперативных целях. В секретном циркуляре Центрархива от 15 июня 1925 г. местным архивным учреждениям поручалось приступить к разработке политических архивов. Заведующим политических секций предлагалось, «учитывая крайне важное практическое значение архивных материалов жандармских управлений и охранных отделений, а также их секретный характер», привести в порядок данные документы и организовать работу по их использованию, а именно составить списки кличек секретных сотрудников, фамилий раскрытых провокаторов и жандармских чиновников²⁶. К 1927 г. первоначальная работа по выполнению данного задания считалась выполненной. В развитие циркуляра от 15 июня 1925 г. Центрархив 25 февраля 1927 г. предложил местным архивным учреждениям выявленных лиц занести на алфавитные карточки, а на лиц, проходящих по спискам секретной агентуры, составить архивные справки. Архивным бюро надлежало в 3-х месячный срок составить, согласовать с местными органами ОГПУ и выслать в Центрархив конкретные планы работы²⁷. Выполнение данного задания необходимо было производить в строгом соответствии с приложенным к циркуляру «Планом разработки бывших архивов органов политического розыска царского правительства по выявлению их секретной агентуры», который был рассмотрен и утверждён президиумом коллегии Центрархива 3 февраля 1927 г.²⁸ Дополнительные разъяснения были даны в циркуляре Центрархива от 28 июня 1927 г.²⁹

Одновременно с разработкой «агентурных фондов» в соответствии с циркуляром Центрархива от 13 июля 1927 г. на архивистов политических секций была возложена задача выявления материалов о 27 политических деятелях советской России, а именно о П.Л. Войкове, В.В. Воровском, А.М. Ворошилове, Ф.Э. Дзержинском, А.И. Догадове, А.С. Енукидзе, Г.Е. Зиновьеве, М.М. Калинин, Л.Б. Каменеве, Л.Б. Красине, Н.К. Крупской, А.В. Куйбышеве, В.И. Ленине, А.И. Микояне, В.М. Молотове, В.П. Ногине, С. Орджоникидзе, Я.Э. Рудзутак, А.И. Рыкове, И.В. Сталине, В.А. Томском, Л.Д. Троцком, И.С. Уншлихте, А.Д. Цюрупе, Г.В. Чичерине, В.Я. Чубарь и Е.М. Ярославском³⁰. Создание политических секций и привлечение архивистов к разработке сосредоточенных в них материалов в некоторой степени предохраняло архивы от несанкционированных административных выемок. В связи с тем, что с конца 1925 г. ОГПУ установило прямой контроль над деятельностью Центрархива, в таких изъятиях не было необходимости. Рейды по учреждениям и организациям с целью выявления «политически актуальных» материалов во второй половине 1920-х гг. проводились чекистами совместно с работниками архивов и имели взаимовыгодный характер. Сотрудничество было настолько тесным, что в 1927–1928 гг. архивисты даже производили обследования местных органов ОГПУ с целью возврата изъятых прежде материалов в государственные архивохранилища. Например, на совещании при Омском окружном архивном бюро по вопросу о выполнении задания Центрархива «о составлении алфавитных списков лиц, причастных к политическому сыску, тайных агентов, филеров,

провокаторов и т.д.», состоявшемся 14 марта 1927 г., было принято решение в процессе технической подготовки «изъять все материалы, имеющиеся по этому вопросу, в испарте, Г.П.У., обществе политкаторжан, краевом музее и ОДТГПУ»³¹.

Вместе с тем, сибирские архивы не смогли избежать перемещения ряда ценных архивных материалов, признанных секретными, в центр. Например, в 1926 г. в соответствии с секретными распоряжениями Центрархива из Сибири все-таки были вывезены остававшиеся еще здесь материалы правительства Колчака, включая и копии, сделанные в 1920 г. иркутскими архивистами. Оказалось, что подлинные документы, отправленные из Иркутска в 1920 г. до Москвы не дошли. Кроме того, любые материалы, «освещающие деятельность контрреволюции, колчаковщины и Сибирской областной думы» теперь ни в коем случае не подлежали использованию исследователями. Центрархив, собирая в 1926 г. сведения об имевшихся в Сибири колчаковских материалах, требовал в срочном и секретном порядке сообщить, «кому, какой и когда был предоставлен материал для научно-исследовательских работ и какие труды (конкретно) и кем подготовлены к печати»³². В соответствии с требованиями центра из Иркутска в середине 1920-х гг. было отправлено в Москву 22 ящика архивов А.В. Колчака³³. Значительное количество подобных материалов в этот период было вывезено и из Омска³⁴. В 1927 г. коллегией Центрархива было принято решение о концентрации в Москве материалов дипломатического характера, вследствие чего соответствующие архивные документы изымались из архивохранилищ Иркутска, Омска и других городов³⁵. Тогда же из сибирских архивов была вывезена значительная часть материалов советских военных и гражданских учреждений периода революции и Гражданской войны³⁶. В отличие от ситуации начала 1920-х гг., в середине десятилетия изъятия архивных документов из сибирских архивов происходили более упорядочено, ими руководил Центрархив под контролем ОГПУ. Пересылку архивов контрреволюционных правительств и всех материалов секретного или особо важного значения с ноября 1926 г. необходимо было согласовывать с транспортными отделами местных органов ОГПУ. Последние обязывались организовывать «неослабное внимание во все время следования груза вплоть до прибытия его в Москву»³⁷.

В декабре 1926 г. местные архивные учреждения получили циркуляр под грифом «совершенно секретно», в котором Центрархив просил в срочном порядке произвести обследование политических секций и сведения о их состоянии выслать в Центр. В ходе обследования необходимо было выяснять, имеет ли политическая секция отдельное помещение, или материалы хранятся в общем хранилище. Также требовалось указать, какие точно материалы сосредоточены в политической секции; осветить порядок пользования материалами и указать, кому выдаются документы³⁸. Материалы докладных записок, составленных заведующими архивными бюро в конце 1926 – начале 1927 г., дают полное представление о том, какого рода документы концентрировались в политических секциях архивов Сибири.

Одной из крупных в Сибири являлась политическая секция Омского архива – ведь именно в Омске в начале 1920-х гг. находился административный центр Сибири. Политическая секция местного архива была образована в 1924 г. и располагалась в отдельном помещении площадью 30 кв. м. В ней были полностью сосредоточены фонды Омского городского полицейского управления, Омского и Томского губернских жандармских управлений, степного генерал-губернатора, прокурора судебной палаты, окружного суда, Акмолинского губернатора, комиссий по выборам в Учредительное собрание, войск ЧОН, уголовного розыска, губчека, военных учреждений, частей и соединений Красной армии периода Гражданской войны³⁹. Уничтоженными политическими материалами считались архивы Омского губернского жандармского управления, так как меры, предпринятые архивистами к их розыску, не увенчались успехом⁴⁰. На все материалы политической секции были составлены инвентарные описи. Этими архивными делами пользовались Омский окружной отдел ГПУ и местный испарт, которым необходимые документы выдавались во временное пользование на срок до 3-х месяцев⁴¹.

Большое количество материалов находилось в политической секции Иркутского архива. В 1925 г. здесь были сконцентрированы дела местной тюремной инспекции, губернского жандармского управления, губисполкома, военно-окружного суда, губернской Рабоче-крестьянской инспекции (РКИ), а также секретные дела дореволюционного губернского управления и генерал-губернатора, материалы губернской полиции, прокуратуры и суда, охранного отделения, комиссара Временного правительства, Уфимского совещания, Сената периода правления Колчака, иркутского Политического центра⁴². При этом наиболее ранними являлись дела о декабристах, а самые поздние относились к фонду РКИ⁴³. Секция не имела изолированного помещения, а работа по приведению в порядок и учету отнесенных к ней архивных материалов шла очень медленно⁴⁴.

В Красноярском архиве политическая секция, организованная в 1924 г., находилась в смежной с истпартом комнате⁴⁵. В политической секции были сосредоточены материалы губернских уездных полицейских и жандармских управлений, прокуратуры, гражданского и военного судов, канцелярии губернатора и губернского управления, делопроизводство по выборам в Государственную Думу, а также архивы почти всех церквей и монастырей Енисейской губ., материалы по выборам в Учредительное собрание, архивы революционного и Временного комитетов Туруханского края, губернского комиссариата, комиссара по делам Урянхайского края, Красноярской следственной тюрьмы, губернских и уездных чрезвычайных комиссий, различных воинских управлений и частей⁴⁶. Из-за незначительных размеров помещения, отведенного для политической секции, некоторые фонды находились в общих хранилищах.

В Барнауле количество архивных материалов, отнесенных к политической секции, было невелико. Наиболее ценным считался газетный материал за период 1917–1919 гг., сохранившийся в Барнауле значительно полнее, чем в других архивах, а также архив губернского комиссара за 1918–1919 гг., губернской земской управы, материалы по партизанскому движению на Алтае и другие. Политическая секция размещалась в отдельном помещении, однако работа в ней почти не велась, материалы не были систематизированы⁴⁷. В Бийске политическая секция при окружном архивном бюро возникла в 1927 г. К ней были отнесены не разобранный и не описанный архив Бийского полицейского управления 1844–1917 гг. весом около 850 кг, находившиеся в таком же состоянии дела Горно-Алтайского исправника. Из пореволюционных материалов здесь имелись находившиеся в упорядоченном состоянии материалы Совета рабоче-крестьянских и солдатских депутатов 1917–1918 гг., исполкома, земской уездной управы и другие⁴⁸.

В Томске политическая секция размещалась в изолированной комнате, находившейся в общем здании архива (бывшей тюрьме). В ней были сосредоточены лишь политические и секретные дела губернского правления, судебных органов дореволюционного периода. Жандармский архив сохранился частично, так как он, наряду с архивом охранного отделения, в 1919 г. находился без присмотра и расхищался населением⁴⁹. Работа по выявлению и концентрации «политически актуальных» архивных материалов к 1927 г. не была закончена⁵⁰. В Минусинском окружном архивном бюро политическая секция не была организована в связи с отказом окружного исполкома советов утвердить предложенную заведующим архивным бюро смету расходов. Фонды жандармского управления и Комитета общественной безопасности были перемещены руководителем архива в местный отдел ОГПУ для совместной оперативной разработки⁵¹. В Сибирском краевом архивном бюро в Новосибирске политическая секция фактически отсутствовала. Соответствующие дела и документы были выделены для хранения в отдельном шкафу и занесены в особую книгу лишь в 1928 г.⁵²

Для выявления источников комплектования политических секций архивисты проводили обследования архивов и текущего делопроизводства советских учреждений. Однако учреждения стремились вывести определенную часть своих документов из-под контроля архивистов путем придания им статуса секретных. Формирование секретных частей в учреждениях, организациях и на предприятиях СССР началось

не позднее 1925 г.⁵³ В циркуляре Центрархива от 28 июля 1925 г. были объявлены секретными архивные части текущего делопроизводства органов РКП(б), ОГПУ, прокуратуры, отделений НКВД. В 1925 г. архивисты еще не отстранялись от контроля состояния архивного дела в этих учреждениях. Центрархив, «принимая во внимание, что поименованные выше учреждения свои архивные материалы содержат в порядке и в каждом отдельном случае согласовывают вопросы с Центрархивом», лишь предлагал архивистам местных архивных органов «обследование постановки архивной части текущего делопроизводства в учреждениях, характер работы коих является секретным, производить в последнюю очередь», поручая такие обследования исключительно сотрудникам – членам РКП(б)⁵⁴. Однако именно с этого времени начали множиться инструкции по ведению секретного делопроизводства. В конце 1926 г. были изданы «Правила постановки архивной части секретного делопроизводства в государственных, профессиональных и кооперативных учреждениях и предприятиях СССР». В этот период архивисты участвовали в обследованиях ведомственных материалов всякого рода, в том числе и секретных, считая их подконтрольными государственным архивным учреждениям. Например, заведующий Сибирским краевым архивным бюро В.Д. Вегман в октябре 1926 г. изъясил из секретного фонда Сибкрайисполкома дело под названием «Суд над колчаковскими министрами». По его отзыву, «дело находилось в некотором небрежном состоянии, главным образом потому, что его демонстрировали гостившей в Новосибирске немецкой делегации, желавшей познакомиться с тем, кто были колчаковские министры, и задававшей вопрос, почему расстреляли социал-демократа Шумилова»⁵⁵.

Обследования секретных архивов учреждений осуществлялись архивистами и других сибирских городов. В отчете о работе политической секции Красноярского окружного архивного бюро за 1927–1928 гг. отмечалось: «Секретные части архивов государственных и др. учреждений города хранятся в неогороженных ящиках в простых не обитых железом шкафах, но в особых комнатах, на 50% состояния удовлетворительного; пронумерованы, есть внутренние и инвентарные описи, остальные же этого не имеют, но это не лишает возможности производить над ними работы (разыскать справку и т.д.)»⁵⁶. В Бийске к материалам политической секции были отнесены не сданные в окружное архивное бюро и находившиеся при учреждении архивы советской милиции 1920–1921 гг. и «Исправтрудома» (тюрьмы) 1920–1925 гг.⁵⁷

Несмотря на секретный и актуальный для советской власти характер материалов, сосредоточенных в политических секциях, их работа не отличалась в Сибири четкостью и абсолютной конфиденциальностью. В Иркутском архиве она была затруднена из-за отсутствия денег на оплату постоянного работника⁵⁸. В отчете о работе политической секции Красноярского окружного архивного бюро за 1927/28 г. говорилось: «Первое время учет работы был; велся дневник и т.к. впоследствии на некоторое время ведение дневника было приостановлено, ввиду переброски работников, то восстановить в памяти было невозможно, поэтому дать какие-либо точные сведения не представляется возможным ... Задания поступают главным образом от Центрархива, ОГПУ, ОДООГПУ, истпарта, общ[еств]ва политкаторжан... По заданиям ОГПУ и ОДООГПУ: выдаются справки на бывших людей и розыск компрометирующего материала на поступающих на службу. Истпарт и общ[ество] политкаторжан [используют материал] об истории революционного движения... В политсекции зала для занимающихся нет. Работники ОГПУ, посещающие политсекцию, не стесняются своим присутствием, а наоборот, поскольку мы работаем по их заданию, на месте решаем вопросы, вытекающие при розыске... До настоящего времени политсекция работала по общему плану, даже отдельных – самостоятельных отчетов Центру не представлялось, почему создавалась некоторая неясность и нарушение правил конспирации»⁵⁹. В документе также нашел отражение характерный для этого времени конфликт архивистов с работниками местного истпарта, по-прежнему пытавшимися несанкционированным образом концентрировать у себя необходимые им документы: «При возвращении истпартом дел, взятых у нас во временное пользование, было выявлено: произведены выемки из

дел, недостача, без соответствующ[ей] отметки, из какого фонда и дела выемки произведены. Меры к предотвращению были приняты сейчас же, материал [возвращен] и восстановлен [там], откуда были произведены выемки. На будущее время работники испарта о недопустимости подобных явлений предупреждены»⁶⁰.

На протяжении 1926–1928 гг. засекречивание материалов, сосредоточенных в политических секциях, возрастало. К этому же времени относится постепенный отход испартов от «розыскной» деятельности, поскольку работа с «агентурными фондами» была признана прерогативой политических секций губархивов. В соответствии с циркуляром Центрархива от 14 апреля 1926 г. сотрудники испартов могли допускаться к работе с материалами политических секций только по представлении визы секретаря губкома ВКП(б) и заведующего испартом⁶¹. В циркуляре от 30 мая 1927 г. требовалось «прекратить всякий доступ» к архивам жандармских управлений и охранных отделений за исключением сотрудников архивных бюро, назначенных для непосредственной работы над этими материалами, и представителей ОГПУ, а также «ни в коем случае не сообщать никаких сведений» об их содержании без санкции начальника местного отдела ОГПУ⁶². Вся переписка о деятельности политических секций между Центрархивом и местными архивами шла под грифом «совершенно секретно».

В 1927 г. местные архивные учреждения получили «Инструкцию по ведению секретного делопроизводства в губернских, областных, краевых архивных бюро и Центрархивах АССР»⁶³, а также «Примерный перечень переписки, ведущейся местными органами Центрархива РСФСР совершенно секретно, секретно и как не подлежащая оглашению»⁶⁴. К совершенно секретным сведениям наряду с материалами оборонного значения была отнесена переписка об архивных материалах бывших концессионных предприятий, о наведении и выдаче справок о революционной деятельности, а также о лицах, служивших в полиции, жандармерии, охранным отделении, контрразведывательных органах контрреволюционных правительств. Секретной считалась переписка по вопросу о передаче архивных материалов иностранным государствам, по запросам о местонахождении, состоянии и о перемещении архивных фондов, имевших актуальное практическое и политическое значение. Также являлась секретной вся информация об архивных материалах политических секций, в том числе о выявлении и концентрации архивных материалов контрреволюционных правительств, о концентрации архивных материалов Красной армии, о передаче секретных архивных фондов союзным республикам. Секретной была объявлена информация о взаимоотношениях архивных учреждений с органами ОГПУ. Не подлежала оглашению переписка о белогвардейской и иностранной литературе. В январе 1928 г. специальный отдел ОГПУ разослал руководителям наркоматов и центральных учреждений и организаций письмо, в котором обращал внимание на недопустимость помещения в периодической печати сведений секретного характера, напоминая, что разглашение этих сведений в соответствии с постановлением ЦИК СССР от 26 мая 1927 г. подлежит разбирательству во внесудебном порядке. В письме требовалось принять «предупредительные меры» против разглашения секретной информации работниками учреждений, соприкасавшимися с материалами секретного характера. Копия данного письма с сопроводительной запиской Центрархива была разослана Сибирским краевым архивным бюро во все архивные учреждения Сибири⁶⁵.

Существовавшие в 1920-е гг. в архивах Сибири политические секции нередко подменяли собой архивный фонд пореволюционного времени. По мере накопления материалов советского периода, которое особенно активизировалось в 1926–1927 гг. вследствие проводимой Центрархивом кампании по обследованию архивов действующих учреждений и сдаче этими учреждениями дел, срок пользования которыми истек, складывались полноценные архивы Октябрьской революции, и возникала необходимость выделения из них секретной части. Согласно циркуляру Центрархива от 18 апреля 1928 г. политические секции были переименованы в секретные архивы⁶⁶. Это преобразование следует рассматривать в русле сталинской «революции сверху».

Ограничение доступа к материалам по истории революционного движения и фактическое засекречивание документов советского происхождения, увеличение объема материалов секретного характера и повышение уровня секретности, сращивание архивных учреждений с репрессивными органами наряду с трудностями в ходе практической реализации намеченных планов отражают эволюцию советской государственности в направлении нарастающего отчуждения между властью и обществом. Официальное публичное использование дефиниции «секретный архив» в конце 1920-х гг. свидетельствовало об окончательном разрыве с революционной традицией и о завершении системных изменений в стране.

Примечания

¹ *Корнеев В.С., Копылова О.Н.* Архивы на службе тоталитарного государства (1918 – начало 1940-х гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 3. С. 13–24; *Савин В.А., Виноградова Я.Ю.* Из истории создания и функционирования спецхрана в архиве // Отечественные архивы. 1994. № 1. С. 18–26; *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы. 1917–1980-е годы. М., 1994; *Зеленов М.В.* Спецхран и историческая наука в советской России в 1920–1930-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 129–142; *Горяева Т.М.* Политическая цензура в СССР. 1917–1991 гг. М., 2002.

² Об этом см.: *Боброва В.С.* Управление архивным делом в Сибири в 1920–1930-е годы. Новосибирск, 2006.

³ Государственный архив Новосибирской области (далее – ГА НО), ф. Р-2, оп. 1, д. 10, л. 3.

⁴ Там же, ф. Р-1, оп. 1, д. 105, л. 1–3.

⁵ Там же, л. 20.

⁶ Об отправке 8 вагонов архивных материалов в 1920 г. из Иркутска см.: *Познанский В.С.* Архивное строительство в Сибири в первое десятилетие Советской власти // Советские архивы. 1968. № 2. С. 30.

⁷ ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 9, д. 199, б. л.

⁸ О разработке такого рода архивных материалов в Центре страны, начатой в 1917 г., см.: *Корнеев В.Е., Копылова О.Н.* Указ. соч. С. 3–14.

⁹ Обнародован 23 февраля 1922 г.

¹⁰ ГА НО, ф. Р-2, оп. 1, д. 36, л. 1–1 об.

¹¹ Сборник руководящих материалов по архивному делу (июнь 1917 – июль 1941 гг.). Вып. 1. М., 1961. С. 21.

¹² ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 9, д. 333, л. 32, 39.

¹³ Центр хранения архивного фонда Алтайского края (далее – ЦХАФ АК), ф. Р-27, оп. 1, д. 19, л. 116–116 об.

¹⁴ Центр документации новейшей истории Омской области (далее ЦДНИ ОО), ф. 19, оп. 1, д. 489, л. 99 об.

¹⁵ ГА НО, ф. Р-2, оп. 1, д. 110, л. 136.

¹⁶ Там же, л. 24–25.

¹⁷ Сборник руководящих материалов по архивному делу... С. 102.

¹⁸ Государственный архив Омской области (далее – ГА ОО), ф. Р-261, оп. 1, д. 24, л. 14.

¹⁹ ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 9, д. 366, л. 55–55А; ГА НО, ф. Р-2, оп. 1, д. 59, л. 26–26 об. Документ опубликован в кн.: Сборник руководящих материалов по архивному делу... С. 105–106.

²⁰ Там же.

²¹ ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 9, д. 366, л. 73; ГА НО, ф. Р-2, оп. 1, д. 59, л. 48. Документ опубликован: Сборник руководящих материалов по архивному делу... С. 106–107.

²² ЦХАФ АК, ф. Р-292, оп. 1, д. 26, л. 8.

²³ Там же, л. 2.

²⁴ ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 9, д. 741, л. 13 об.

²⁵ Там же.

²⁶ ЦХАФ АК, ф. Р-293, оп. 1, д. 5, л. 9; ГА ОО, ф. Р-261, оп. 3, д. 1, л. 41.

²⁷ ЦХАФ АК, ф. Р-293, оп. 1, д. 5, л. 9–9 об.

²⁸ Там же, л. 10–13.

²⁹ ГА НО, ф. Р-2, оп. 1, д. 126, л. 13–14 об.

³⁰ ЦХАФ АК, ф. Р-293, оп. 1, д. 5, л. 32.

³¹ ГА ОО, ф. Р-261, оп. 1, д. 42, л. 24.

³² ГА НО, ф. Р-2, оп. 1, д. 111, л. 94.

³³ ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 9, д. 780, л. 38 об.

³⁴ ГА ОО, ф. Р-261, оп. 1, д. 30, л. 135.

³⁵ ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 9, д. 1346, л. 129.

³⁶ ГА ОО, ф. Р-261, оп. 1, д. 52, л. 50.

³⁷ Там же, л. 12.

³⁸ Там же, л. 25.

³⁹ Там же, л. 24, 24 об, 31.

⁴⁰ Большие усилия по розыску материалов Омского жандармского управления предпринимал в 1925 г. Омский истпарт, в ходе которых выяснилось, что отдельные фрагменты этого фонда находились в Москве и Ленинграде. См.: ЦДНИ ОО, ф. 19, оп. 1, д. 489, л. 110, 110 об. 111.

⁴¹ ГА ОО, ф. Р-261, оп. 1, д. 52, л. 31.

⁴² ГА РФ, ф. Р-5325, оп. 9, д. 780, л. 32, 34.

⁴³ Там же, 33.

⁴⁴ ГА НО, ф. Р-2, оп. 1, д. 84, л. 15.

⁴⁵ Там же, л. 14.

⁴⁶ Там же, л. 15 об.

⁴⁷ Там же, д. 84, л. 15.

⁴⁸ Там же, л. 3–3 об.

⁴⁹ Там же, л. 11.

⁵⁰ Там же, л. 16.

⁵¹ Там же, л. 12 об.

⁵² Там же, д. 110, л. 205.

⁵³ См.: *Савин В.А., Виноградова Я.Ю.* Из истории создания и функционирования ... С. 19.

⁵⁴ ГА ОО, ф. Р-261, оп. 1, д. 3, л. 149.

⁵⁵ Там же, л. 37.

⁵⁶ Там же, д. 110, л. 194 об.

⁵⁷ Там же, д. 84, л. 3–3 об.

⁵⁸ Там же, д. 153, л. 48, 48 об, 49, 49 об, 50, 50 об.

⁵⁹ Там же, д. 110, л. 195, 196.

⁶⁰ Там же, л. 195.

⁶¹ Там же, оп. 3, д. 1, л. 30.

⁶² Там же, л. 29; ГА НО, ф. Р-2, оп. 1, д. 126, л. 11, ЦХАФ АК, ф. Р-293, оп. 1, д. 5, л. 16.

⁶³ ГА НО, ф. Р-2, оп. 1, д. 126, л. 19–21 об.; ЦХАФ АК, ф. Р-293, оп. 1, д. 5, л. 23–25 об.

⁶⁴ ГА ОО, ф. Р-261, оп. 1, д. 42, л. 44–44 об.

⁶⁵ ЦХАФ АК, ф. Р-293, оп. 1, д. 5, л. 43.

⁶⁶ Там же, л. 44.

© 2009 г. Л. Г. НОВИКОВА*

РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ: ВЗГЛЯД ДВУХ ЗАПАДНЫХ ИСТОРИКОВ

История революций 1917 г. и Гражданской войны в российской провинции – тема сравнительно новая для западной историографии. Вплоть до 1980-х гг. в центре внимания исследователей находились прежде всего события в революционном Петрограде, а революция в других регионах часто рассматривалась как несколько запоздалое повторение петроградских событий. При этом интерес историков был обращен в первую очередь на политические элиты, в то время как действия и настроения большинства населения оставались без внимания.

В 1980-е гг. на Западе начали появляться работы, которые внесли два существенных изменения в эту петроgrado-центричную картину революции. Интерес историков, с одной стороны, стал смещаться от центра к периферии, и, с другой стороны, от

* **Новикова Людмила Геннадьевна**, кандидат исторических наук, преподаватель Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

политических элит – к рабочим, крестьянам, солдатам, иными словами, всем тем, кто не занимал руководящих позиций в центральных и региональных органах власти, но своим участием в революционных событиях влиял на ход революции. Таким образом, регионализация истории революции совпала по времени и содействовала утверждению социального направления в западной историографии¹.

Изменение исследовательского фокуса немедленно породило трещины в прежней историографической концепции. Так Дайан Кёнкер, изучавшая московских рабочих 1917 г., показала, что развитие революции в Москве заметно отличалось от Петрограда, и предположила, что в 1917 г. существовало несколько различных моделей революционных событий. Она также выявила, как региональные особенности, в частности – иной социальный состав рабочих и тесные контакты с другими слоями населения, обусловили более сдержанные отклики московских рабочих на политические события 1917 г.² Вывод о том, что революция в регионах развивалась по иным сценариям по сравнению со столицей, подтвердил Дональд Рейли, исследовавший 1917 г. в Саратове. Он показал, что революционные процессы в провинции не были простым отражением столичной революции, но нередко даже опережали по времени события в Петрограде, являясь результатом локальных условий и местных конфликтов³. В свою очередь, Орландо Файджес обратил внимание на революционные изменения в деревне, исследовав социальные процессы в нескольких Поволжских губерниях. Он проследил, как победа большевиков стала возможной благодаря социальной трансформации в российской деревне⁴. Взятые вместе, эти исследования в некоторой мере децентрализовали западную историографию российской революции.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что хотя западные авторы в своих работах использовали и достижения советских историков, уже, по крайней мере, с 1960-х гг. активно разрабатывавших тему революции в провинции, их общий исследовательский интерес развивался в ином направлении. Так, если советские историки, приводя обильный фактический материал, пытались представить события в отдельных губерниях как часть единого по форме революционного процесса, то западные исследователи, напротив, стремились разбить единую модель и показать, насколько различались локальные революции, прокатившиеся по стране в 1917 г.

Несмотря на то, что после появления в 1980-е гг. на Западе первых региональных исследований тема революции в провинции не исчезла со страниц научных журналов и сборников статей, новая волна монографических исследований появилась только в 2000-е гг.⁵ Рассматриваемые в данной статье две новейшие монографии о революционном периоде в губерниях европейской части России – британской исследовательницы Сары Бэдкок и американского историка Аарона Ретиша – являются ярким примером тех новых подходов к интерпретации российской революции, которые современные западные историки разрабатывают на региональном материале. В частности, революция в интерпретации Бэдкок и Ретиша предстает намного более комплексной и калейдоскопичной, чем представлялось ранее. По сравнению с предшествующими региональными исследованиями, они пытаются не только и не столько показать, чем отличалась революция в провинции от происходившего в столицах, но подчеркивают значительные различия, существовавшие как между отдельными губерниями, так и внутри самих губерний. Обращая внимание, подобно их предшественникам, на настроения людей и их роль в развитии революции, авторы делают особый акцент на множественности идентичностей простых людей, и показывают, как это, в частности, отразилось на взаимодействии масс и политических элит в революционный период.

В книге С. Бэдкок «Политика и народ в революционной России: провинциальная история»⁶ на широком материале провинциальных и центральных российских архивов и региональной прессы исследуются события в Нижегородской и Казанской губерниях в период с февраля по октябрь 1917 г. Автор отмечает значительные различия, которые существовали не только между этими двумя соседними губерниями, но и между уездами внутри одного региона и пытается понять природу откликов людей на революцию, исследуя их в непосредственном локальном контексте.

Она сосредотачивает в своей работе внимание на целом ряде ключевых тем, анализируя, в частности, распространение новостей о Февральской революции и культурно-просветительные кампании в провинции в 1917 г. Также она исследует место политических партий в провинциальной жизни на материале партии социалистов-революционеров и роль отдельных социальных групп в развитии революции на примере солдат и их жен. Специальные главы посвящены также наиболее важному земельному вопросу и проблеме продовольствия.

Главное внимание в книге Бэдкок обращено на взаимодействие политических элит и обычного населения в 1917 г. Этот подход является достаточно новаторским в исследовательской литературе о революции. Прежде всего, говоря о центральных и региональных элитах в целом, без разделения на представителей Временного правительства и Советов, автор перечеркивает все еще влиятельную концепцию двоевластия. Бэдкок обоснованно утверждает, что в провинции те и другие не только разделяли многие общие цели, но часто и работали вместе. Нередко это были одни и те же люди. В результате автор делает важный вывод, что «двоевластие существовало больше на бумаге, чем на практике», и главная линия раскола в провинции проходила не между органами Временного правительства и Советами, а между политическими лидерами в целом и простыми избирателями (с. 13, 19). В категорию обычного населения Бэдкок включает как крестьянское население, так и рабочих, солдат и маргинальные группы, например, беженцев и безработных. Рассматривая вместе мужчин и женщин, городское и сельское население, военных и гражданских лиц, автор справедливо подчеркивает размытость социальной идентичности в революционный период, когда разница, например, между солдатом и крестьянином или рабочим часто была условной и зависела от времени и контекста. Изучение обычного населения в совокупности позволяет сосредоточить внимание на общих проблемах, с которыми сталкивалась политическая элита, пытавшаяся донести смысл революции до жителей провинции, а также выявить отклики обычных людей на непрерывный политический кризис.

Свою главную задачу Бэдкок видит в попытке, исследовав переживания и настроения обычных людей, объяснить неудачу российского демократического эксперимента в 1917 г. Автор приходит к выводу, что в крушении российской демократии была повинна не «темнота» и «несознательность» масс, как полагала образованная общественность. Бэдкок считает, что массы, напротив, действовали вполне осознанно и рационально. Но, сделав сознательный выбор в пользу защиты своих локальных и краткосрочных интересов, они не поддержали общегосударственные цели политических элит, и это, в конечном итоге, предопределило судьбу недолговечной российской демократии.

Бэдкок наглядно демонстрирует различия в представлениях политических элит и обычного населения о сути послефевральского порядка на примере попыток политических лидеров контролировать общественный дискурс о революции. Так, если органы Временного правительства пытались изобразить Февраль как конец революции, то обычные люди видели в происходившем только начало более глубокого социального переустройства общества. Инициированные политическими верхами культурно-просветительные кампании, хотя и охотно посещались ими как развлекательные мероприятия, не смогли утвердить в провинции видение революции, соответствующее представлениям элит, и внедрить среди населения гражданские ценности.

Различия в восприятии политического процесса 1917 г. между элитами и обычными людьми наиболее ярко проявились на примере политических партий. Бэдкок показывает, что если в дискурсе политических элит партии играли ведущую роль, то в механизмах низовой политики и в жизни обычных людей они практически отсутствовали. На примере партии эсеров автор убедительно демонстрирует, что население, голосуя за них на общероссийских выборах, руководствовалось репутацией эсеров как «крестьянской партии», представлениями о собственных краткосрочных выгодах и действиями местных эсеровских лидеров, которые далеко не всегда соответствовали позиции центральных органов партии. Таким образом, население не считало необхо-

димым во всем соглашаться с партийной программой и не демонстрировало устойчивой партийной лояльности, которая была необходима для успеха демократической политики. Местные же лидеры выдвигались населением и вовсе без учета партийности. Главную роль играла их связь с местной средой и рабочее или трудовое крестьянское происхождение. Это подчеркивает, что политические партии слабо укоренились в российской политической системе 1917 г. и что в массовом сознании региональные и локальные нужды имели преимущество над общенациональными проблемами.

Преобладание местных, региональных и локальных интересов в действиях обычных людей Бэдкок ярко демонстрирует на примере земельного и продовольственного вопросов. Автор подчеркивает, что в поземельных конфликтах в 1917 г. местные условия имели определяющее значение и объясняли различия в масштабах земельных переделов и уровне насилия. Бэдкок опровергает представления о преобладающей стихийности и насильственности крестьянских захватов земель. Она подчеркивает, что крестьяне, напротив, преимущественно действовали сдержанно и рационально, широко используя псевдо-легальные способы овладеть землей, в частности применяя революционную риторику прав и свобод. Крестьяне действовали рационально и в своих откликах на продовольственную политику государства, сделав сознательный выбор в пользу защиты своих собственных интересов от кажущихся чрезмерными требований власти по сдаче продовольствия. В ответ политическая элита была вынуждена все более активно прибегать к вооруженной силе для обеспечения хлебозаготовок и, тем самым, вступала в открытый конфликт с собственными избирателями. Растущий раскол между населением и политическими элитами Бэдкок показывает и на примере взаимоотношений власти с солдатами и их женами. Добиваясь осуществления своих требований, солдаты и солдатки действовали нередко помимо и даже против органов демократического представительства, в частности советов, вынуждая их на жесткие ответные меры. Вместе взятое, все это подрывало авторитет демократической власти как выразителя интересов масс.

Книга Бэдкок представляет богатый и разнообразный материал о тех проблемах, с которыми сталкивались обычные провинциальные жители в 1917 г. и о тех непреодолимых препятствиях, которые встали перед политической элитой, пытавшейся построить демократическую систему на обломках царского режима. Шаг за шагом, автор убеждает читателя, что проблема заключалась вовсе не в ошибках отдельных политических лидеров, а в том, что представления обычного населения и политической элиты о сути революции и интересах граждан были в принципе несовместимы друг с другом. Этот важный вывод ставит провинциальную историю, представленную Бэдкок, в центр главных дебатов о смысле и ходе российской революции.

Книга Бэдкок не является легким чтением из-за широкого разброса тем, выбор которых не всегда может показаться строго последовательным. Также дихотомия между элитами и обычным населением, которая служит главной аналитической осью в книге, как представляется, в реальности не всегда была выражена отчетливо. Ее нарушала, в частности, чрезвычайно возросшая вертикальная политическая мобильность населения в 1917 г., когда многие представители социальных низов кооптировались в ряды политической элиты. Как показано в книге, это вело к тому, что, например, местные представители партии эсеров были и по социальному составу, и по проводимой политике ближе к населению, чем к центральным элитам. Тем не менее, Бэдкок убедительно показывает, что отказ широких масс провинциального населения поддержать общенациональные цели Временного правительства и их стремление защищать свои локальные и краткосрочные интересы оказались решающими факторами в крушении демократической партийной политики и падении демократической власти в 1917 г.

В книге А. Ретиша «Российские крестьяне в революции и гражданской войне: гражданственность, идентичность и создание Советского государства, 1914–1922»⁷ на примере Вятской губ. также анализируются роль регионального контекста и механизмы поведения простых людей в период революции. По сравнению с исследованием Бэдкок работа Ретиша одновременно конкретнее по предмету исследования

(она посвящена крестьянам и их взаимоотношениям с политическими и культурными элитами) и шире по хронологическим рамкам (автор рассматривает весь период длительного военно-революционного кризиса со вступления России в мировую войну и до завершения гражданской войны). Для Ретиша региональный контекст также играет определяющую роль в понимании крестьянского участия в революции. Однако он не прослеживает триумф локальных интересов, а, напротив, исследует, как в годы Первой мировой войны, революции и Гражданской войны крестьяне приобщились к массовой политике и в результате стали неотъемлемой частью общенациональной политической общности. Автор изучает взаимодействие крестьян с царским, Временным, советским и различными антисоветскими правительствами. Именно в лучшей способности большевиков включить разные группы сельского населения в советский национальный проект он видит ключ к успешному утверждению их власти в деревне и в стране в целом.

Начиная изложение с лета 1914 г., Ретиш подчеркивает важнейшую роль мировой войны в трансформации вятской деревни. Тотальная война и государственная мобилизация сработали как катализатор крестьянского национализма и последующей революции. Война окончательно подорвала традиционный сельский уклад. С другой стороны, как утверждает автор, военная и трудовая мобилизации, усилившееся присутствие государства в деревне и патриотическая атмосфера первых месяцев войны впервые подтолкнули крестьян к тому, чтобы преодолеть местную ограниченность и воспринять национальную идентичность⁸.

Если мировая война сделала крестьян членами российской нации, возложив на них обязанности в связи с участием в национальной войне, но не дав политических прав, то Февральская революция подняла их до уровня полноправных граждан в национальной политической общности. Ретиш показывает, что крестьяне с готовностью восприняли свою новую гражданскую роль, участвуя в праздниках революции, воспринимая революционные символы и голосуя на выборах. Даже земельные претензии крестьян отражали их новое гражданское сознание, поскольку они не просто утверждали, что земля исконно была крестьянской, но и указывали на свои политические права «свободных граждан и гражданок». Как и Бэдкок, Ретиш показывает применительно к 1917 г. растущий раскол между крестьянством и политической элитой. Однако он объясняет его не различием между общегосударственными целями элит и локальными интересами обычных жителей, а желанием политической элиты рассматривать стремившихся к равноправию крестьян как граждан второго сорта. Именно поэтому крестьяне со временем стали отвергать покровительство элит и доверять представительство своих интересов крестьянским депутатам, что, по мнению Ретиша, было одним из свидетельств формирования множественного понимания российской нации – и как общности всех граждан, и как особой крестьянской нации.

Если Временному правительству не удалось успешно включить крестьянство в свой политический национальный проект, то целенаправленные шаги Советской власти по привлечению к себе различных групп сельского населения дали ему преимущество и перед политическими предшественниками, и перед противниками в Гражданской войне. Главным шагом большевиков по налаживанию контактов с крестьянством Ретиш закономерно считает Декрет о земле, который поставил в центр дебатов о гражданстве не политические права, как это было раньше, а социальные и экономические выгоды. Как подчеркивает автор, декрет не был признанием совершенных земельных переделов и бессилия государства перед замкнувшимся в себе сельским миром, а служил укреплению советской власти в деревне. Вятские крестьяне использовали советские законы для подтверждения своих земельных прав, а советское государство, действуя как посредник в земельных спорах внутри деревни, закрепляло свое присутствие в сельской жизни. Именно этого, по мнению Ретиша, не удалось добиться многочисленным противникам большевиков. Автор показывает на примере созданного в результате Ижевского восстания правительства Прикомуча, что противники Советской власти

не смогли предложить альтернативы реквизициям продовольствия и насильственным мобилизациям. Более того, они не выступили посредниками в деревенских спорах и, как и предшествующее Временное правительство, не рассматривали крестьян в качестве равноправных граждан. Поэтому в конфликте между большевиками и антибольшевистскими режимами крестьяне в итоге предпочли большевиков.

Попытки большевиков вовлечь крестьян в государственное строительство и популяризировать советскую власть усилились после ликвидации Прикомуча в ноябре 1918 г. Исследуя утверждение власти советов в вятской деревне, Ретиш показывает особую роль комбедов, которые в 80% сел губернии стали первыми органами советской администрации. Автор подчеркивает, что крестьяне не рассматривали комбеды как враждебный деревне институт. Комбеды, как и переизбранные советы, только закрепили начавшийся ранее переход власти на селе от пожилых, зажиточных крестьян к молодому поколению, бывшим фронтовикам и красноармейцам, которые к тому же имели опыт взаимодействия с новым государством и после возвращения в деревню желали сотрудничать с советским режимом. Именно они составили основной контингент членов партии в деревне и стали административной связью между советским правительством и селом.

На последнем этапе Гражданской войны приобщению широких слоев крестьянства к новому строю служили пропагандистские и просветительские кампании, модернизационные проекты в сельском хозяйстве и особые программы, нацеленные на привлечение молодежи, женщин и национальных меньшинств. Например, политика по развитию национальных меньшинств учила нерусское население «говорить по-большевистски»⁹ и использовать язык национальных идентичностей, чтобы получить доступ к ресурсам и возможностям для культурного роста. А в ходе проводившейся в августе 1920 г. «недели крестьянина» населению раздавались необходимые сельскохозяйственные инструменты, что служило демонстрацией заботы государства о крестьянстве.

По мнению Ретиша, крепче всего связал государство и крестьян голод 1921 г. Несмотря на то, что вятскую деревню от вымирания во многом спасло продовольствие, поставляемое и распределяемое Американской администрацией помощи¹⁰, крестьяне не вполне понимали ни природу этой помощи, ни то, что она пришла из США, но принимали ее, так же как и несколько запоздалую поддержку со стороны советского правительства. В советских же мерах по оказанию содействия голодающим Ретиш видит первые кирпичи, заложенные в основании будущего «советского государства благосостояния», в котором правительство взяло на себя обязанность заботиться о нуждах населения (с. 239). Вывод этот, впрочем, не бесспорен, если учитывать, что большевистская политика в деревне в тот период была противоречивой и сама в немалой степени являлась повинной в возникновении голода. Крестьяне, в свою очередь, как показывает автор, требуя помощи от государства во время голода, утверждали свои права как граждане социалистической нации, и таким образом участвовали в формировании советской политики. В результате не только государство влияло на крестьян, пытаясь выковать из них новых граждан, но и крестьяне, отвергая ту или иную политику или приспосабливая ее к своим нуждам, помогали формировать государственную власть.

Хотя Ретиш обращает главное внимание на включение крестьян в общенациональную политическую общность, его книга в целом значительно глубже, чем просто исследование крестьянского мировоззрения в период революции. Используя широкий материал более чем десятка российских и зарубежных архивов, автор рисует поистине энциклопедическую картину революционной трансформации вятской деревни. Он исследует не только политические изменения, но и, например, гендерную и возрастную динамику в деревне, а также меняющееся положение национальных меньшинств. Ретиш делает важное наблюдение, что, несмотря на различное отношение политической власти к русским и нерусским крестьянам, удмурты, мари и татары, составлявшие почти четверть населения Вятской губ., не ощущали настолько остро

этнические различия и воспринимали себя как единую социальную группу – крестьянство.

Не менее важно и то, что Ретиш показывает, насколько разнородна была российская деревня в период революции и насколько отличалось поведение вятских крестьян, например, от действий крестьян Черноземья. Так, преобладавшие в Вятской губ. государственные крестьяне чаще всего в 1917 г. не участвовали в самочинных захватах земли, но терпеливо ждали законов о земельной реформе. Также поддержка ими большевиков вовсе не была связана со страхом возвращения помещиков, так как помещичье землевладение в губернии было минимальным. Проникновение большевистской власти в вятскую деревню также отличалось от советизации Поволжья, описанного О. Файджесом. Например, если в Поволжье комбеды были органами, враждебными крестьянской общине, в составе которых преобладали сельские маргиналы и пришлые элементы, то в Вятской губ. они создавались полноправными членами сельского общества, и, следовательно, имели больший авторитет и давали возможность для молодой и активной части деревни улучшить свой социальный статус.

Несмотря на широту и убедительность исследования Ретиша, отдельные заключения его работы представляются спорными. В частности, возражения может вызвать утверждение, что большинство вятских крестьян сознательно «решило поддержать большевистское государство, так как оно защищало их интересы» (с. 265). Ретиш безусловно прав, что и агенты Временного правительства, и антибольшевистские режимы свысока смотрели на «отсталое» и «невежественное» крестьянство. Но так ли уж сильно отличались от них большевики? Конечно, они интегрировали крестьян в советский государственный проект, но даже на примере избирательной системы, где у рабочих было многократное преимущество, видно, что крестьяне, по сравнению с пролетариатом, рассматривались как недостаточно политически развитые. Помимо этого, посредничество государственной власти в разрешении деревенских споров также едва ли можно считать уникальным для большевиков. Уже до революции крестьяне широко прибегали к посредничеству государства для защиты своих прав в деревенских конфликтах¹¹. И можно предположить, что, продержись антибольшевистские правительства у власти несколько дольше, они также неизбежно должны были бы взять на себя посредническую роль в деревне. Наконец, говоря о сознательном принятии крестьянами власти большевиков, следовало бы остановиться на обстоятельствах этого решения. Ретиш приводит ужасающие данные о том, что уже к 1920 г. в результате мобилизаций, голода, эпидемий, репрессий и бегства населения число жителей вятской деревни сократилось почти наполовину (с. 259)¹². Возможно, выбор в пользу советской власти был в большей мере, чем это представляется Ретишу, обусловлен острым желанием крестьян, чтобы окончилась война, кто бы ни вышел победителем из конфликта, или тем, что обезлюдевшая и вымирающая от голода деревня не имела больше сил и возможности сопротивляться.

Что нового приносят региональные исследования Бэдкок и Ретиша в общее понимание революции в России в целом? Обе работы не ставят точку в исследованиях революции в провинции и не предлагают законченной интерпретации революционного процесса, однако являясь важным этапом в создании нового историографического нарратива. Прежде всего, Бэдкок и Ретиш уже изначально исходят из того, что не было единой, повторявшейся повсеместно модели революционного процесса. Они детально рассматривают, в чем именно состояли региональные отличия, показывая особенности отдельных регионов и различия внутри одного региона, изучая в совокупности местную экономическую и социальную структуру, географию и политику. Помимо этого, исследуя действия и отклики простых жителей на революцию, авторы делают еще один шаг дальше и пытаются создать новый исторический синтез, где бы учитывались множественная – социальная, региональная, гендерная и политическая – идентичность населения. Они также предлагают новые аналитические конструкции для целостной интерпретации взаимоотношений провинциального населения и политических элит и центральной власти в годы революции. Рассматривая 1917 г., Бэдкок

делает акцент на преобладании центробежных сил и господстве локальных интересов над общенациональными. Тем временем Ретиш, анализируя революционный период в целом, подчеркивает процесс воссоздания государства и нового изобретения российской/советской нации, в котором обычные люди играли активную роль. Таким образом, благодаря новейшей историографии, российская провинция выглядит уже не площадкой для второстепенных конфликтов, сопровождавших борьбу за власть в столицах, а тем местом, где решался как исход этой борьбы, так и формы создававшейся новой политической общности.

Примечания

¹ О направлениях в западной историографии революции 1917 г. см.: *Acton E. Rethinking the Russian Revolution*. L., 1990. P. 35–48; *Idem. The Revolution and its historians // Critical companion to the Russian Revolution, 1914–1921*. Bloomington, 1997. P. 3–17. Отдельные западные работы о революции на российских окраинах появились еще до начала 1980-х гг., однако они были посвящены, прежде всего, национальным районам. См., например: *Suny R. G. The Baku Commune, 1917–1918: Class and Nationality in the Russian Revolution*. Princeton, 1972. Здесь и далее ссылки даются исключительно на работы западных авторов. Не умаляя вклада современных российских исследователей в изучение проблемы, я хотела бы прежде всего ознакомить читателя с современной западной историографией темы.

² *Koenker D. Moscow Workers and the 1917 Revolution*. Princeton, 1981.

³ *Raleigh D. Revolution on the Volga: 1917 in Saratov*. Ithaca, 1986. См. также: *Raleigh D. Experiencing Russia's Civil War: Politics, Society, and Revolutionary Culture in Saratov, 1917–1922*. Princeton, 2002.

⁴ *Figes O. Peasant Russia, Civil War: The Volga Countryside in Revolution (1917–1921)*. Oxford, 1989.

⁵ См., в частности: *Penter T. Odessa 1917: Revolution an der Peripherie*. Köln, 2000; *Karsch S. Die bolschewistische Machtergreifung im Gouvernement Voronež (1917–1919)*. Stuttgart, 2006.

⁶ *Badcock S. Politics and the People in Revolutionary Russia: A Provincial History*. Cambridge, 2007.

⁷ *Retish A. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922*. Cambridge, 2008.

⁸ О национализирующем влиянии массовой мобилизации в годы Первой мировой войны см. также: *Sanborn J. The mobilization of 1914 and the question of the Russian nation: A reexamination // Slavic Review*. 2000. Vol. 59. N 2. P. 267–289; *Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb, 2003.

⁹ Понятие «говорить по-большевистски» (speaking Bolshevik) было введено Стивеном Коткиным, см.: *Kotkin S. Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization*. Berkeley, 1995.

¹⁰ Подробнее о ее деятельности см.: *Patenaude B. The Big Show in Bololand: The American Relief Expedition to Soviet Russia in the Famine of 1921*. Stanford, 2002.

¹¹ Об этом см., например: *Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*. Bloomington, 2004; *Gaudin C. Ruling Peasants: Village and State in Late Imperial Russia*. DeKalb, 2007.

¹² Эти процессы не были особенностью только вятской деревни, о масштабах демографической катастрофы в стране в целом см.: *Adamets S. Guerre Civile et Famine en Russie: Le pouvoir bolchevique et la population face à la catastrophe démographique 1917–1923*. P., 2003.

НАЦИОНАЛИЗМ И АВТОРИТАРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ: дебаты в современной немецкой историографии

Переход от традиционного общества к демократии поставил проблему разрыва гражданского общества и государства, поиска новой социальной идентичности. Классические идеологии XIX–XX вв. предложили свои концепции выхода из этой ситуации, однако к настоящему времени утратили свое значение. Лишь одна из них – национализм – сохранила и даже упрочила свое влияние при переходе к XXI в., отмеченному выраженными процессами интеграции и дезинтеграции национальных государственных образований. Идеология классического национализма (при всем различии его трактовок) основана на положении, что мир состоит из отдельных, четко различимых наций, каждая из которых обладает выраженными чертами и исторически обусловленными особенностями, причем нация выступает как единственный легитимный источник политической власти¹. Обращение к идеологии национализма как чрезвычайно эффективному средству социальной мобилизации и легитимации политических режимов, однако, ставит под угрозу цели самой демократии, может вести к авторитаризму.

Решение проблем национальной идентичности без срыва демократического процесса – актуальная задача европейской науки и политической практики. В условиях европейской интеграции немецкая историография, традиционно особенно чувствительная к данной проблематике, обсуждает следующие проблемы: понятие нации и его содержание; степень устойчивости данного явления в истории; интеграционные и дезинтеграционные процессы; ассимиляция национальных и религиозных меньшинств в многонациональных государствах; преемственность и разрывы в национальном развитии; его специфические черты в глобальном контексте; социальные функции мифов и стереотипов национального сознания; историческая динамика и типология форм авторитарной модернизации и их легитимации; конструирование вариативных стратегий преодоления кризиса идентичности².

Прежде всего, принятие современной концепции «нации» означает для немецкой историографии радикальное и чрезвычайно трудное переосмысление ключевых для нее традиционных положений. Восприятие тезиса англо-саксонской историографии о нации как преимущественно конструированном феномене – продукте культуры, «воображаемом сообществе» – заставляет говорить о национальной истории как культурном артефакте. Констатируем отказ немецкой историографии от господствующего ранее (и восходящего к эпохе формирования национальных государств) представления об исторической незыблемости и неизменности данного явления. В настоящее время, напротив, подчеркивается возможность различных стратегий многонациональных политических объединений – конфедеративных, федеративных, квазифедеративных, основанных на принципах деволюции или автономизации, добровольной или принудительной интеграции. Этот подход становится актуальным в условиях «хаоса идентичности» как перманентного состояния современной Европы и поиска формулы ее интеграции³. После Второй мировой войны, пишет Д. Лангевитше, – Европа стала лабораторией перспективных форм государственного устройства. Советский Союз в сфере своего господства практиковал политику принуждения, которая была направлена (как оказалось, безуспешно) – против нации как государствообразующей основы, в то время как в Западной Европе была сделана ставка на поиск возможностей добровольного включения национальных государств в надгосударственные структуры, причем без использования нации как традиционного легитимирующего основания.

* Медушевский Андрей Николаевич, доктор философских наук, главный редактор журнала «Российская история».

Было запущено развитие, беспрецедентное в истории – эксперимент, который следует рассматривать, как важнейшую инновацию в длительной истории конструирования государств. Принципиальная особенность нового политического образования заключается в том, что оно конструируется на базе международного, а не национального государственного права. Однако до сих пор не ясно, как будет решена проблема суверенитета: станет ли «Союз народов Европы» конфедерацией – «союзом государств», где сохранится «интегрированная государственная самостоятельность» или будет создана федерация – европейское союзное государство. Таким образом, резюмирует автор, – «Европейская федерация – модель политического порядка, не имеющая исторических преобразов»⁴. В этом контексте историография обратилась к теме империй – их созданию, интеграции и дезинтеграции, параметрам национальной, культурной и политической идентичности. Изучение крупнейших многонациональных империй Европы XIX в., таких как Австро-Венгерская, Российская, Османская и Британская, призвано раскрыть их отличие от национальных государств и определить специфику интеграционных механизмов. Тем не менее, чрезвычайно широкая трактовка имперского феномена и различие параметров сравнительного анализа затрудняло до последнего времени получение доказательных и поддающихся проверке выводов, особенно важных в перспективе современных интеграционных процессов.

В связи с этим приоритетное место в историографии отводится транснациональным интеграционным и дезинтеграционным процессам, оказывающим влияние на национальное развитие⁵. Сюда относится прежде всего история миграций, культурного обмена и ситуаций встреч национальных культур, способствующих преодолению исторической замкнутости и формированию общих ценностей. Это направление представлено сравнительным исследованием миграционных процессов, связанных с такими социальными катастрофами как французская или русская революция, мировые войны или конфликты периода холодной войны («Пражская весна» 1968 г.)⁶. Имеется в виду, в частности, поставить русскую постреволюционную эмиграцию в контекст общих миграционных процессов, выявить параметры ее положения в разных регионах Европы, специфику ее центров по странам, а также культурные характеристики различных национальных групп эмиграции⁷. Второе направление представлено перемещениями интеллектуальных элит в истории, известными как «утечка мозгов», их приобретение и вообще циркуляция в мировом масштабе. Это явление стало в XX в., который определяется как «век миграций», самостоятельным фактором национального развития, учитывая значение транснациональных коммуникаций и новых технологий⁸. Мировая конкуренция в этой сфере способна (как показывает миграция научной элиты из Германии в США в период нацизма или из России в Европу после революции) не только влиять на национальное развитие, но даже определять его, особенно в связи с ролью технических и военных знаний, а также гуманитарного профессионализма. Примером третьего направления выступают контакты различных (даже враждебных) государств в сфере культурных проектов, например, в процессе спортивных состязаний как способа социальной интеграции и национальной мобилизации. Интересный исследовательский проект такого рода – сравнительный историко-социологический анализ футбольных матчей, проходивших в различных странах Европы в разное время при самых необычных обстоятельствах, например, между командами противостоящих наций и держав, даже в условиях оккупации, в период ленинградской блокады и т.д.⁹ Изучение социальных и психологических факторов таких встреч, а также их политических и пропагандистских следствий (как показывает, например, анализ матча между СССР и ФРГ 1955 г.), – отмечает Д. Дальманн, – выходит далеко за рамки описательной национальной истории и становится индикатором важных интернациональных процессов¹⁰. Эти исследования, во всяком случае, существенно расширяют наши представления о параметрах социальной идентификации, массовой мобилизации и национальных символах.

При изучении процессов культурной ассимиляции противопоставляются концепции «нации-государства» и «культурной» или гражданской нации, идентичность

которой выстраивается не на основе этнической принадлежности населения, но на основе его приверженности языку, общим культурным ценностям, действующим правовым нормам, историческим традициям. Этот подход предполагает критику тех национальных государств, которые затушевывают свой поликонфессиональный или полиэтнический характер с целью осуществления ассимиляции национальных меньшинств в рамках формулы – «одна нация – одно государство» и, напротив, позитивное отношение к экспериментам в области мультикультурализма.

В контексте глобализации подчеркивается необходимость разграничения таких понятий как религия, нация, государство. Религиозная идентичность рассматривается как вполне автономный фактор формирования современного общества, который может иметь различные комбинации с национальным и политическим, однако их соединение ведет к авторитаризму¹¹. Наиболее серьезным вызовом западной цивилизации с этих позиций признается радикальный исламизм или исламский фундаментализм, который выдвигает концепцию, противоположную плюрализму – интегрзм, т.е. объединение государства, общества (нации) и религии в одну систему и с этих позиций предлагает альтернативный образ будущего. Дискуссия в новейшей историографии по этой проблеме была инициирована концепцией конфликта цивилизаций, противопоставлявшей свободную цивилизацию (западную) и несвободную (исламскую). Последняя рассматривалась как новая версия тоталитаризма – «третий тоталитаризм», имеющий черты сходства с двумя предыдущими (немецким национал-социализмом и советским коммунизмом). Однако противники этой точки зрения указывали на неадекватность сравнения: при внешних чертах сходства с тоталитарными идеологиями XX в., исламизм не может рассматриваться как версия пути к модерну, является скорее камуфляжем этого процесса и представляет собой попытку сдержать силы модернизации¹². В этом смысле основная ошибка коалиции в Ираке состояла, по мнению критиков, в отождествлении тоталитарного режима этой страны с исламизмом, что не позволило привлечь и использовать национальные традиционалистские силы, находившиеся в жесткой оппозиции к нему. Национальный и этнический компонент в этой конструкции, следовательно, выступает самостоятельным и автономным по отношению к религиозному и политическому. В ФРГ тема конфессионального и национального плюрализма актуализируется в связи с появлением значительного мусульманского населения.

Схематично можно выделить три идеальных типа религиозных позиций в отношении демократического общества и правового государства – позитивная, нейтральная и негативная. Однако дифференцированный подход позволяет уловить значительно большее число позиций с учетом реального функционирования религиозных стереотипов в обществе: «прагматики» (мусульманское население, вполне адаптировавшееся в демократическом обществе и не ставящее под сомнение его правовые установления); «противники ислама» (часть бывших мусульман, которые под влиянием предшествующего негативного опыта занимают чрезвычайно критическую позицию в отношении ислама, выступают в поддержку светского государства и безоговорочно поддерживают западную правовую систему); «исламисты» (несмотря на чрезвычайную широту этого понятия, им обозначаются прежде всего сторонники радикального ислама, отрицающие западную правовую систему, выступающие с анти-христианских и анти-западных позиций за установление, иногда насильственными методами, исламского права вплоть до создания «немецкого халифата»); «традиционалисты» (группа мусульман, в основном мигрантов, которые рассматривают свое положение как чрезвычайное и вынужденное, занимают оборонительную позицию по отношению к ценностям светского общества, стремясь сохранить «подлинно» мусульманские нормы стран, из которых они вышли, но исходят из возможности мирного сосуществования с западным обществом); наконец, «местные мусульмане» (защитники самостоятельной, равноправной позиции ислама в Европе, исходящие из принятия норм и ценностей западного общества, но одновременно стремящиеся к адаптации самого ислама, в том числе исламских стран, к новой реальности в мире), учитываю-

шей положение меньшинств в разных странах и новые тенденции развития (например, появление особого исламского феминизма)¹³. Данный дифференцированный подход, имеющий более широкое методологическое значение, позволяет осуществить более точную классификацию национальных и религиозных меньшинств с точки зрения доминирующих ценностей западного общества, перспектив их самоидентификации и адаптации, политических прав, прогнозировать их отношение к правовым нормам, в частности таким наиболее значимым для них как семейное и уголовное право, образование, положение женщин в обществе.

Эти подходы к адаптации религиозных и национальных меньшинств представлены в современной историографии немецких мигрантов в разных частях мира. В значительной литературе о немецком населении в России реализован междисциплинарный и многофакторный анализ параметров его социальной интеграции. Так, при изучении немецких колоний на Украине XVIII–XIX вв. «тяжелое приспособление немецких поселенцев к чуждому миру российского государства» раскрывается на уровне повседневной жизни по таким параметрам как экология (географические условия, климат, почвы), физическое самочувствие (демография, медицина, болезни, образование), социальный и экономический статус (расслоение общины, формы трудовой деятельности, торговля, образование), поиски национальной самоидентификации в многоэтничном и религиозном окружении, отношение к правовой и административной системе государства¹⁴. В коллективном немецко-российском исследовании о немцах в России и СССР между двумя мировыми войнами предметом анализа стали радикальные изменения их положения в результате революции, разрушения элементов гражданского общества с крушением Российской империи, а также попытки адаптироваться к новой реальности советского режима¹⁵. В этом контексте ключевыми параметрами стали конституционно-правовое положение немецкого населения (его территориального и политического самоопределения), его адаптация к меняющимся идеологическим и административным приоритетам государства, влияние войн, репрессий и депортаций на демографическое, географическое и экономическое существование, а также принципиальный вопрос о культурных, религиозных и политических факторах его самоидентификации. Постановка этих вопросов как в немецкой, так и в российской историографии¹⁶, оказалась полезна с эвристической точки зрения – привлечения междисциплинарных методов и значительного объема новых источников, которые ранее не вводились в научный оборот или не замечались официальной советской историографией.

Отказ от линейной модели исторического развития позволил сформулировать ряд новых подходов, актуальных для переосмысления исторического процесса Германии. Во-первых, он означает отказ от традиционного для германской историографии рассмотрения исторического процесса с позиций исключительного приоритета национальных ценностей, а истории – как телеологического движения к созданию национального государства. Рассмотрение истории Германии как неудержимого спонтанного движения к обретению национальной государственности предстает как исторический миф. Теоретическим выражением этой концепции стала философия права Гегеля и политический курс Бисмарка, видевших в новом государстве (ядро которого составляла Пруссия) – моральное и физическое воплощение немецкого народного духа, результат длительной исторической эволюции и воплощения божественной воли. Данная конструкция, являвшаяся легитимирующей основой политического консенсуса имперской системы (как в Германии, так и в ряде других имперских государств), господствовала в академических кругах XIX в. и в Веймарский период (например, в трудах Х. фон Трейчке и М. Вебера) и далее вплоть до формирования ФРГ, определив развитие национальной историографии¹⁷. «Немецкая катастрофа» середины XX в., как ее определил Ф. Майнеке, – означала не только политическое и военное поражение, но прежде всего разрыв национальной истории и нравственности, власти и духовности. Она перечеркнула сложившуюся в XIX в. романтическую идею великой империи и выдвигала радикальный пересмотр концепции империи как такого

политического образования, которое является конечной целью и венцом исторического развития немецкой нации. Формировавшаяся национальная идентичность и выражающие ее традиционные исторические представления и символы вновь оказались расколоты, а политика памяти получила совершенно различные интерпретации в двух немецких государствах. Эта ситуация в современной историографии выражена очень резко: существуют ли вообще прочные основания немецкой исторической идентичности?¹⁸

Во-вторых, представлена возможность рассмотреть немецкую историю нового и новейшего времени как циклический процесс смены периодов разрушения и стабилизации. Ключевой способ немецкой модернизации, согласно данному подходу – серия бюрократических революций «сверху», которые лишь на время стабилизировали систему, но затем возвращали ситуацию к застою и новому потрясению. Так, в результате реформ и успешных войн Фридриха Великого Пруссия стала великой европейской державой, оставаясь ею до катастрофы наполеоновских войн начала XIX в. Последующие реформы Штейна-Гарденберга (отмена крепостничества, введение городского и провинциального самоуправления, налоговые, военные и административные реформы) способствовали развитию гражданского общества и стабилизации бюрократической монархии, однако не смогли предотвратить революции 1848 г. Наконец, «белая революция» Бисмарка (1866–1879) стабилизировала систему на 40 лет (до 1917 г.), но продемонстрировала свою уязвимость кризису уже по прошествии одного десятилетия¹⁹. Все эти попытки авторитарной модернизации были способны стабилизировать систему лишь на несколько десятилетий, но не обеспечивали устойчивости либерального развития, завершаясь катастрофами. В XX в. эти тенденции получили еще более мощное выражение, заканчиваясь до последнего времени новыми катастрофами – сначала 1918–1919 гг. и затем 1989–1990 гг. В действительности, считает Лангевитше, «немецкая национальная история последних двух столетий есть история катастроф» (*Zusammenbruchsgeschichte*), что не могло не наложить отпечатка на национальное самосознание. Эта радикальная критика германского исторического опыта, аналогии которой можно обнаружить в российской историографии постсоветского периода, заставляет Лангевитше задаться вопросом, «не есть ли эта цепочка катастроф – немецкая особенность?»²⁰

В-третьих, становится возможным пересмотреть ряд особенностей германского исторического процесса в контексте европейского развития. Они таковы: типологическое отнесение Германии к категории «запаздывающих наций», которые слишком поздно сформировали национальное государство; специфика германского федерализма, который вел к образованию так называемой федеративной нации, сформировавшейся на основе объединения ряда государств, а не нации-государства, т.е. централизованного национального государства (как в Англии и Франции). Этот «незавершенный характер формирования нации» («unvollendeter Nationalstaat») не позволил исторически возникшему немецкому национальному государству своевременно перестроиться в национальное государство современного типа. Наконец, это – отставание (по сравнению с Западом Европы) в формировании рациональной системы парламентаризма и демократических институтов и сохранение авторитарной политической системы, которую либералы начала XX в. (Г. Преисс) определяли как антитезу британскому народному государству – бюрократическое государство («Gegensatz von Obrigkeitsstaat und Volksstaat»), конституционализму – псевдо-конституционализм (или «мнимый конституционализм»), и рациональной бюрократии – личное правление²¹. Этот теоретический и понятийный инструмент оказал существенное влияние на позицию либерализма стран Центральной и Восточной Европы, в частности – России. Поэтому смысл модернизации они видели в европеизации Германии (прежде всего – Пруссии), борьбе за правовое государство и парламентаризм. В этом контексте «особый путь» Германии интерпретируется современной историографией как признак ее отсталости, незавершенности модернизации, а в конечном счете – как следствие стратегии авторитарной модернизации. В этой мрачной катастрофической истории, – полагает Лангевитше, – протекал для Германии «длительный путь на Запад».

С этих позиций в современной немецкой историографии выстраивается типология форм авторитарной модернизации и их технологий. Различаются прежде всего исторические и современные варианты национального авторитаризма. Так, можно согласиться с тезисом о том, что абсолютизм в Европе XVI–XVII вв. был формой становления национальных государств и в этом смысле – политическим выражением государственного суверенитета как формы национальной идентичности (именно с этих позиций часто дается оценка режимов Петра Великого и Фридриха Великого). Но это утверждение может быть оспорено для большинства европейских стран применительно уже ко второй половине XIX в. и тем более не является справедливым по отношению к XX в. Реформы Бисмарка, ставшие завершением немецко-прусской традиции «революций сверху», сбалансировали традиционалистскую политическую систему, но не смогли предотвратить ее последующего крушения. Эксплуатация национализма для достижения империалистических и авторитарных целей, характеризовавшая правление Бисмарка, как и Наполеона III, – стала воплощением перехода от политики XVIII в. к политике XX в., от эпохи аристократического абсолютизма к эпохе «авторитарного национализма». Прагматизм в конструировании дипломатических союзов не исключал, а скорее даже предполагал приверженность режима авторитарным установкам²².

Добившись на этом пути блестящих успехов во внешней политике, имперский режим вынужден был заплатить за них высокую цену во внутренней: нация была отождествлена с государством, что вело к росту национализма, культурного и этнического подавления национальных меньшинств, и, в конечном счете, имело «фатальный побочный эффект – укрепление нетерпимости немцев к другим нациям»²³. Для политической системы Германии это означало воспроизводство слабости гражданского общества, отказ от формирования полноценных демократических институтов – парламентаризма, местного самоуправления и системы политических партий, выражающих интересы большинства. Режим Бисмарка вел к бюрократизации и стагнации, культу власти и силы, подавлению личности и ее прав. Эти тенденции нашли в XX в. концентрированное выражение в режиме национал-социалистской диктатуры.

Использование национализма как мощного фактора социальной мобилизации практически всеми тоталитарными и авторитарными режимами XX в. связано с общими тенденциями мирового развития: переходом от традиционного аграрного общества к индустриальному и размыванием исторически сформировавшихся социальных связей, секуляризацией общества, крушением легитимности имперских режимов и необходимостью новых факторов социальной мобилизации в условиях ускоренной мобилизации, формированием образа врага в период мировых войн²⁴. Существенное значение этот фактор сохранил в странах, вынужденных в XX в. решать задачи не только социального, но и национального самоопределения. Так, например, режим коммунистического правления в Китае и культ Мао Цзе-Дуна сохраняет амбивалентность оценок. Признавая, с одной стороны, его ответственность за миллионные жертвы периода «культурной революции», современный немецкий исследователь констатирует его вклад в решение проблемы национального возрождения. Мао определяется как «Бисмарк Китая», который возродил национальное государство, отстоял его независимость, и заложил основы новой политической легитимности. Последующий отказ режима от практики массового террора не привел, однако, к развенчанию этой легитимности: в отличие от Сталина и Гитлера, Мао остается фигурой, которая воплощает для китайцев важную фазу национального развития²⁵.

Самостоятельной функцией авторитарного национализма признается решение проблемы секуляризации общества в исламском мире. Выдвинутая Кемалем Ататюрком стратегия националистического, лаицистского и модернистского курса, – подтвердила свою эффективность в этом отношении, была продолжена и доведена до высшей стадии его последователями, став «гражданской религией» современной Турецкой республики. Она стала теоретическим выражением союза трех сил, возглавляющих модернизацию в исламских странах, – армии, бюрократии и европеизирован-

ной интеллигенции, причем о ее актуальности в исламском мире говорит постоянное стремление оспорить ее положения со стороны традиционалистских сил (радикального исламизма, османизма и национального сепаратизма)²⁶. Созданный Кемалем режим, по мнению современных исследователей, трудно поддается классификации: он не являлся аналогом известных версий тоталитаризма, отличался от однопартийных диктатур или авторитарных режимов Европы и Латинской Америки своего времени и должен быть определен скорее как «просветительская диктатура» во главе с «воспитателем нации», а не харизматическим вождем. Именно поэтому он (в отличие от других исламских государств) способен без крупных социальных потрясений эволюционировать в направлении западной демократии, парламентаризма и реальной многопартийности. Новейшим вариантом националистической модернизации признается также появившаяся в Сингапуре «авторитарная технократия», формулой которой является «благополучие без политики», т.е. экономический рост без активного гражданского общества.

В этом контексте заслуживают внимания подходы немецких авторов к посткоммунистическим переходным режимам, экспериментирующим с формулой национального авторитаризма. Если одни исследователи видят в современной российской политической системе в целом прагматическую попытку стабилизации в условиях хаоса, вызванного крушением коммунизма, то другие усматривают в ней реставрационные тенденции, отмечая сходство с имперской моделью. Фундаментальным отличием российской политической культуры от западной (и немецкой) признается то, что в России государство возникло задолго до формирования нации в ее современном понимании, являлось в известном смысле наднациональным образованием как в период империи, так и в советский период, а отчасти сохраняет это положение в настоящее время (особенно учитывая многонациональный характер Российской Федерации и незавершенность формирования федеративных отношений)²⁷. В определенной мере именно государство формирует гражданскую нацию и, поэтому, его кризис или стабилизация оказывает непосредственное воздействие на параметры национальной идентичности. Проблема переходного периода заключается в том, идет ли речь о спонтанной системной реакции национального сознания на дестабилизацию государства (исторически являвшегося несущей основой и гарантом стабильности во враждебном мире) или осознанном и целенаправленном выборе элитой модели авторитарной модернизации?

Конструирование современной гражданской нации в России предполагает ситуацию выбора: между полноценным гражданским обществом и системой ограниченного плюрализма в одной из многочисленных исторических модификаций. Первый путь оказывается более сложным, поскольку связан с трансформацией укорененных традиционных стереотипов в сознании населения, второй – более прост в реализации, так как опирается на эти стереотипы или даже укрепляет их, однако дает значительно менее стабильные результаты. Современные аналитики российской политической системы ограничивают рассмотрение проблемы критикой авторитарных тенденций текущего периода. Определяя современный российский режим как «деформированную демократию» («*gelenkten Demokratie*»), они подчеркивают преемственность авторитарных политических традиций царской, советской и постсоветской России²⁸. Основные параметры данной политической культуры, отличающие ее от западной, усматриваются в правовом нигилизме, поиске «особого пути», октроированном и мнимом конституционализме и вообще приоритете бюрократической надстройки над обществом (*Kultur des Obrigkeitsstaats*). Все они, как отмечалось выше, – понятия, сформулированные предшествующей немецкой либеральной историографией в ходе критики германского имперского режима начала XX в. и вряд ли могут быть механически перенесены на Россию, но именно поэтому заслуживают анализа в сравнительной ретроспективе германского опыта. Эксплуатация властью патриархальных славянофильских стереотипов в виде «русской идеи», «соборности», сближения государства и церкви, иерархи которой выступают с критикой западной концепции прав человека,

«патриотизма», граничащего с национализмом, и т.п., – есть при такой интерпретации не столько попытка восстановления национальной идентичности, сколько консервативная реакция на демократический процесс и стремление повернуть его вспять. Следствием может стать авторитарная система с персонализированным характером власти, напоминая патримонильные властные структуры прошлого.

Рассматривая консервативные компоненты современной официальной риторики, – такие, как идеи «восстановления великой державы», «суверенной демократии», «сильного государства» и «диктатуры закона», немецкие аналитики усматривают в них легитимацию курса авторитарной модернизации, ведущего к изоляционизму, централизации управления и ограничению демократических институтов, стагнации и бюрократизации режима. Правосудие оказывается на распутье – между официально прокламированным идеалом правового государства и выстраиванием вертикальных структур принятия решений. Выход усматривается в устранении существующей напряженности в отношениях России с Европейским Союзом, принятии европейских гуманитарных стандартов и полноценном сотрудничестве России с Европейским судом по правам человека с целью преодоления политизированного правосудия. Вопрос в том, каким образом существующая комбинация автократии, олигархии и демократии способна обеспечить стабильность и модернизацию страны в длительной перспективе. Реконструкция современной России по авторитарным лекалам прошлого, – полагают они, – не способствует достижению другой цели – правовой и экономической модернизации страны. Существенную, если не определяющую роль в ситуации постсоветского выбора играет позиция правящей элиты – ее способность осознать масштаб проблемы и предвидеть перспективы принимаемых решений.

В этой перспективе чрезвычайно информативно обращение историографии к сравнительному изучению национальных мифов²⁹. В России и Германии эти мифы при ближайшем рассмотрении оказываются схожи: теория «особого пути», его непознаваемости рациональными научными методами, тезис о национальной самобытности («русская душа» или «дух немецкой нации»), не допускающей модернизации по рациональному («западному») образцу, апология авторитарной государственности, выстраивание на этой основе образа геополитического врага, друга и союзника. Все эти стереотипы, эксплуатируемые в разное время как немецкими, так и российскими почвенниками, не только прочно укоренены в историческом сознании двух бывших империй, но обладают способностью взаимно усиливать друг друга. «Немецкое общество, – отмечает, например, Ф. Бомсдорф, – также является потребителем российских мифов. Люди знают эти мифы, они их даже чувствуют. В определенной степени многие российские мифы стали немецкими мифами». И далее он призвал, наряду с разоблачением «российских мифов» критиковать и немецкие³⁰.

Актуализация мифов – важный аспект консолидации авторитарного национально-го сознания, как в период войн, так и внутренней нестабильности. Констатируя идущие в современном обществе противоположно направленные процессы ремифологизации и демифологизации, исследователи обращают внимание на необходимость их анализа в сравнительной перспективе и с позиций универсальных гуманитарных ценностей. Здесь есть известное противоречие между научным и практическим решением проблемы: концепция, более соответствующая требованиям научной достоверности, не всегда оказывается более функциональной с точки зрения целей консолидации общества и укрепления позиций властной элиты. Центральная проблема для современного сообщества – поиск таких концепций, которые позволяли бы осуществлять демократическую консолидацию общества, научную критику фальшивых доктрин и разрабатывать подходы и понятия, поддающиеся эмпирической проверке.

В какой мере авторитарный национализм способен решить проблему конструирования национальной идентичности в глобализирующемся мире? В современном мире, характеризующемся резким подъемом национализма, возникает ситуация, которую можно определить призывом – «меньше национализма и больше модернизации». Однако в истории нового и новейшего времени формирование национальных государств

и процессы модернизации были тесно взаимосвязаны, порождая феномен авторитарной модернизации. Выбор данной стратегии определялся совокупностью факторов: логикой борьбы государств за выживание на мировой арене, исторически сформировавшимися параметрами национальной политической культуры и легитимности традиционных монархических режимов, необходимостью аккумуляции природных и человеческих ресурсов в условиях колониализма и предела мира великими державами, решением задач национального возрождения или ускоренной мобилизации при переходе от традиционного общества к современному, стремлением правящих элит к идеологическому обоснованию своего права на доминирующую роль и контроль над подвластными территориями. Взаимодействие этих факторов делало формулу авторитарной модернизации едва ли не воплощением идеальной модели рационального выбора (обеспечение национального единства, снятие противоречий общества и государства, абсолютизация власти, информации и контроля, устранение оппозиции проводимому курсу). Эффективность этой формулы подтверждалась, казалось бы, историей ряда наиболее успешных государств – империй, а также созданных ими мощных идеологических конструкций. Примеры срывов на этом историческом пути (войн, агрессивного национализма и ксенофобии, диктаторских режимов) долгое время выступали как исключения, результаты отдельных ошибок элит или лидеров соответствующих государств. Сама эта системная конструкция не ставилась под вопрос.

В современной науке эти положения подвергнуты радикальному пересмотру, причем следует признать, что немецкая историография пошла в этом направлении гораздо дальше российской. Отказ от стереотипов национальной историографии прошлого предполагает переосмысление проблемного поля исторической науки. Речь идет о противопоставлении двух основных концепций – «глобальной» или «транснациональной» истории», с одной стороны, и «национальной истории» в собственном смысле (т.е. истории доминирующей нации и ее государства), – с другой. Найти компромисс между этими двумя подходами оказывается чрезвычайно трудным делом, поскольку под вопрос ставятся базовые ценностные ориентиры традиционных школ национальной историографии. На этом фоне появляются противоположные тенденции в общественной мысли и исторической науке: глобальная история против национальной или региональной; история человечества против истории национальных государств, история интеграционных процессов против национальной замкнутости и исключительности. Поиск форм европейской интеграции и места отдельных государств в ней стимулировал постановку новых проблем: характер кросскультурных процессов и взаимодействий; соотношение преемственности и разрыва в политической культуре национальных государств; их типология и критерии сравнительного изучения; сопоставление исторических моделей политических режимов с точки зрения их вклада в формирование национальной идентичности и модернизации соответствующих государств, а также эффективности избираемых ими политических технологий решения проблемы. Необычайно важным стало переосмысление мифов и ответственности элитных групп за выбор вектора модернизации, позиции интеллигенции, поскольку именно она создает тот теоретический инструментарий, с которым работают политики в критической фазе современной мировой и национальной истории.

Примечания

¹ Национализм в мировой истории. М., 2007.

² Nationalismus und nationale Identität in Ostmitteleuropa im 19. und 20. Jahrhunderts. Marburg, 2000; Nationalismen in Europa. West- und Osteuropa im Vergleich. Göttingen, 2001; Inszenierungen des Nationalen. Geschichte, Kultur und die Politik der Identitäten am Ende des 20. Jahrhunderts. Köln, 2001; Nation und Nationalismus in Europa. Kulturelle Konstruktion von Identitäten. Stuttgart, 2002.

³ Nationalstaaten in der europäischen Integration. Opladen, 2002; Die Zukunft von Nationalstaaten in der europäischen Integration. Opladen, 2002; Europäische Integration in der öffentlichen Meinung. Opladen, 2003.

- ⁴ *Langewiesche D.* Reich, Nation, Föderation. Deutschland und Europa. München, 2008. S. 181, 190.
- ⁵ Transnationale Geschichte. Themen, Tendenzen und Theorien. Göttingen, 2006.
- ⁶ Migration nach Ost und Südosteuropa vom 18. bis zum Beginn des 19. Jahrhunderts. Ursachen – Formen – Verlauf – Ergebnis. Stuttgart, 1999; Über die trockene Grenze und über das offene Meer. Binneneuropäische und transatlantische Migrationen im 18. und 19. Jahrhundert. Essen, 2004; Unfreiwilliger Aufbruch. Migration und Revolution von der Französischen Revolution bis zum Prager Frühling. Essen, 2007.
- ⁷ Der grosse Exodus. Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941. München, 1994.
- ⁸ Elitenwanderung und Wissenstransfer im 19. und 20. Jahrhundert. Essen, 2008.
- ⁹ Überall ist der Ball rund. Zur Geschichte und Gegenwart des Fussballs in Ost- und Südosteuropa. Essen, 2006.
- ¹⁰ *Dahlmann D.* «Fussball ist nur Fussball» oder «Fussball als Tor zur Welt und als Realitätsmodell» // Überall ist der Ball rund. Zur Geschichte und Gegenwart des Fussballs in Ost- und Südosteuropa – Die Zweite Halbzeit. Essen, 2008. S. 287–325.
- ¹¹ Nation und Religion in der deutschen Geschichte, Frankfurt am Main, 2001; Nation und Religion in Europa. Mehrkonfessionelle Gesellschaften im 19. und 20. Jahrhundert. Frankfurt am Main, 2004; Religionen im Konflikt. Vom Bürgerkrieg über ökogewalt bis zur Gewalterinnerung im Ritual. Münster, 2005.
- ¹² *Dahrendorf R.* Versuchungen der Unfreiheit. Die Intellektuellen in Zeiten der Prüfung. München, 2008.
- ¹³ *Rohe M.* Das Islamische Recht. Geschichte und Gegenwart. München, C.H. Beck, 2009. S. 383–392.
- ¹⁴ *Myeshkov D.* Die Schwarzmeerdeutschen und ihre Welten. 1781–1871. Düsseldorf, 2008.
- ¹⁵ Deutsche in Russland und in der Sowjetunion. 1914–1941. Berlin, 2007.
- ¹⁶ *Герман А.А., Иларионова Т.С., Плева И.Р.* История немцев России: Учебное пособие. М., 2005; См.: также: *Герман Ф.Ф.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007.
- ¹⁷ *Медушевский А.Н.* Der Staat als juristische Person. Eine vergleichende Begriffsstudie zur Theorie des Staates // Diskurse der Personalität. Die Begriffsgeschichte der «Person» aus Deutscher und Russischer Perspektive. München, 2008. S. 207–223.
- ¹⁸ *Schulze H.* Gibt es seine dauerhafte Identität der deutschen Geschichte? // Russland und Deutschland. Die gemeinsame Geschichte und ihre Erforschung. Moskau, 2006. S. 49–55.
- ¹⁹ *Gall L.* Bismarck: Der weisse Revolutionär. Frankfurt am Main, 1980; *Pflanze O.* Bismarck. Der Reichskanzler. München, 2008. S. 674.
- ²⁰ *Langewiesche D.* Reich, Nation, Föderation. Deutschland und Europa. München, 2008. S. 159.
- ²¹ Liberalismus im 19. Jahrhundert. Deutschland im europäischen Vergleich. Göttingen, 1988; Föderative Nation. Deutschland Konzepte von der Reformation bis zum Ersten Weltkrieg. München, 2000; Modell Deutschland. Erfolgsgeschichte oder Illusion? Göttingen, 2007.
- ²² *Gall L.* Bismarck und Russland // Russland und Deutschland. S.116–118.
- ²³ *Pflanze O.* Bismarck. Der Reichskanzler. S. 677.
- ²⁴ Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa 1919–1944. Schöning, 2001.
- ²⁵ *Dabringhaus S.* Mao Zedong. München, 2008. S. 123.
- ²⁶ *Kreiser K.* Atatürk. Eine Biographie. München, 2008. S. 298.
- ²⁷ *Kappeler A.* Russland als Vielvölkerreich. Entstehung. Geschichte. Zerfall. München, 1993.
- ²⁸ *Mommsen M., Nussberger A.* Das System Putin. Gelenkte Demokratie und politische Justiz in Russland. München, 2007.
- ²⁹ Mythos und Nation. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewusstseins in der Neuzeit. Frankfurt am Main, 1996; Mythen der Nationen. Ein europäisches Panorama. München, 2001.
- ³⁰ Старо-новые российские мифы: кризис знания или сознания? Материалы российско-немецкого форума. М., 2009. С. 7.

Критика и библиография

В. А. Невежин. «Если завтра в поход...» Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х годах. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 319 с.

Рецензируемая монография является первой частью диалогии о деятельности советских пропагандистских органов в преддверии советско-германской войны. Свою задачу В.А. Невежин видит в том, чтобы «расширить и конкретизировать представления об организационных основах советской пропаганды» тех лет, «показать реальную значимость задействованных в ней руководящих кадров и рядовых исполнителей, которые контролировали, направляли и осуществляли пропагандистские акции по подготовке населения к войне» (с. 39–40).

С точки зрения Сталина, как показано в книге, враждебными СССР были не отдельные зарубежные страны, а вся их совокупность, которую он именовал «капиталистическим окружением», подчеркивая, что речь идет о более цивилизованном и опытном противнике, не знающим никаких преград в борьбе против Советского Союза. При этом, с одной стороны, пропагандировалась идея, что СССР не должен дать себя втянуть в конфликт «провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками», с другой – указывалось на необходимость быть готовыми к неизбежной войне с империалистическими государствами. По мнению тогдашнего государственного руководства, полностью устранить опасность, связанную с капиталистическим окружением, можно было лишь путем его ликвидации в результате победы пролетарских революций как минимум в нескольких странах. При этом подчеркивалось, что Красная армия должна быть готова прийти на помощь революционным рабочим за границей. Автор отмечает, что подобные заявления делались на совещаниях, а не официально, чтобы не обострять лишний раз отношений с западными державами, чего, впрочем, не всегда удавалось избежать (с. 92–94, 112–113).

Таким образом, обстановка требовала от органов пропаганды немалой гибкости, однако, как показано в монографии, интеллектуальный уровень их сотрудников далеко не всегда соответствовал уровню стоявших перед ними задач. Это касается прежде всего лиц, их воз-

главлявших – А.С. Щербакова, Л.З. Мехлиса, а вот что касается А.А. Жданова, о котором также подробно рассказывается в книге, то он имел куда лучшее образование, чем стоило бы отметить. Не «отставали» от Щербакова и Мехлиса и многие рядовые сотрудники. Так, один из цензоров предлагал снять статью, где упоминались револьверные станки, думая, что на них изготавливают револьверы. На эффективности работы пропагандистской машины отрицательно сказывались репрессии, приводившие к «изъятию» многих более подготовленных сотрудников и дестабилизировавшие обстановку в органах пропаганды (с. 67–78).

Советская пропагандистская машина оказалась явно не готова к выполнению своих задач во время боев на о. Хасан и р. Халхин-Гол. Показательно, что Мехлис предлагал писать в листовках призывы к японским солдатам прекратить борьбу за чуждое им дело, а то и вовсе свергнуть императора, что, естественно, могло привести лишь к результату, противоположному ожидаемому. Имели место крупные недоработки в деле организации пропаганды в собственных войсках – так, на Халхин-Голе армейские газеты не выходили подчас по нескольку дней; не хватало политработников, солдаты равнодушно относились к доводам о том, что им надо защищать Монголию в силу соответствующего договора, и политорганам пришлось заменить их тезисом о том, что монгольские границы – ключ к советским рубежам (с. 118–127).

Непростая ситуация сложилась после заключения пакта о ненападении с Германией. Если антифашистская пропаганда находила горячий отклик в сердцах советских людей, то поворот на 180° многих из них поверг в недоумение. Пропагандисты нередко жаловались: «Не знаешь, что писать и как писать, нас раньше воспитывали в антифашистском духе, а сейчас наоборот». Загнанные в тупик вопросами слушателей, они вынуждены были прибегать к «железному» аргументу: раз пакт заключен в присутствии товарища Сталина, то поводов для недоверия нет. Любопытно, что люди не только недоумевали, но и выска-

зывали достаточно пронизательные наблюдения, предвосхитившие многие позднейшие соображения историков, вокруг которых велись или еще ведутся споры: предполагалось, например, наличие секретной части пакта; последний, как считали некоторые, дал Гитлеру возможность развязать Вторую мировую войну; указывали, что советская помощь укрепит Германию (с. 138, 141, 143, 156–157, 168–169).

17 сентября 1939 г. советские войска вступили в Восточную Польшу. Хотя Молотов и заявил вполне откровенно, что Польша пала в результате ударов германской, а затем и Красной армий, в советской пропаганде тема поражения этой страны в результате двух последовательных ударов «явно не прослеживается». Вместо этого указывалось на преемственность между событиями 1920 и 1939 гг., вспоминались победы Первой Конной, но одновременно, как отмечает автор, ощущалась идея реванша за советско-польскую войну и, тем самым, заметим, *de facto* признавалось поражение Красной армии в 1920 г. Но советские военнослужащие на карикатурах, посвященных разгрому «панской» Польши обычно не изображались. Автор справедливо отмечает бессмысленность принятого в советской пропаганде выражения «панская Польша», ибо «пан» – обращение к любому мужчине в Польше (с. 167).

Как указывается в книге, поход в Польшу вызвал разноречивые суждения у советских людей: одни предлагали требовать у Германии восстановления границ царской России; другие думали, что идут воевать с вермахтом; третьи (даже подчас политработники!) прямо говорили, что происходит раздел Польши, что СССР сам «загрехает жар чужими руками» и сравнивали пакт с Германией с Мюнхенским соглашением. Отвод советских частей за Западный Буг одни восприняли положительно, как отказ от захватнических действий, другие считали, что уступать Гитлеру нет смысла, ибо война с ним неизбежна. Поражает меткостью высказывание капитана Гороховика из Харьковского военного округа: «Гитлер хочет быть вторым Наполеоном. Вот забрал Чехословакию, а теперь Польшу; в 1939–1940 гг. Францию, а в 1941 г. – СССР (sic! – *В.Н.*)» (с. 178–181).

Жестокое отрезвление наступило в Финляндии. Автор указывает, что политработники не знали, с какими лозунгами обращаться к населению Финляндии (между прочим, советская пропаганда обещала финнам введение восьмичасового рабочего дня, существовавшего в Финляндии уже более 20 лет!), что утверждения об освободительном характере похода в Финляндию многих не убеждали, и пришлось заменить их на лозунг защиты

северо-западных границ СССР, прежде всего Ленинграда. Военные жаловались, что «шапкозакидательская» пропаганда прежних лет дурно повлияла на бойцов. В то же время в конце войны в армии заговорили, что надо добивать «финляндскую белогвардейщину», и в будущем с Финляндией «воевать все равно придется» (с. 206–212).

После войны с финнами на первых порах произошли некоторые изменения. Сталин выступил против культа гражданской войны, который сам же еще недавно насаждал, началась кампания по борьбе с «шапкозакидательскими» настроениями, однако она довольно быстро сошла на нет (с. 217–218, 237). Особенно показателен доклад Л.З. Мехлиса от 10 мая 1940 г., в котором содержалось много верных наблюдений: принижается опыт старой армии – «проводится [его] неправильное охаивание» (с. 224 – как будто охаивание бывает правильным!); шапкозакидательские настроения вредят делу воспитания армии; изучение опыта армий вероятного противника поставлено плохо; представление о том, что трудящиеся стран, на территории которых СССР будет вести боевые действия, восстанут и будут поголовно переходить на сторону РККА, неверно, и т.д. (с. 223–227). Однако слова по большей части и остались словами. Автор обращает внимание, что на обсуждении доклада, проходившем 13–14 мая 1940 г., постоянно звучала идея о том, что если раньше говорили об отражении лишь вторгшегося на советскую землю врага, то теперь Красная армия должна готовиться к наступательной войне. Но пока не уточнялось, какой противник имеется в виду. Однако по мере ухудшения отношений между СССР и Германией контуры будущего неприятеля стали вырисовываться все явственнее: была присуждена Сталинская премия имевшему откровенно антигерманскую направленность фильму «Александр Невский»; все чаще осуждалась идеология расизма; Сталин оказал поддержку И.Г. Эренбургу в деле издания антифашистского романа «Падение Парижа», что имело немалый резонанс (с. 257–270).

Весной 1941 г., как показано в книге, Сталин окончательно взял курс на подготовку наступательной войны с Германией, что сказалось и на пропаганде. Особенно выразительна в этом смысле его речь на собрании выпускников военных академий 5 мая 1941 г., не раз обсуждавшаяся в историографии и публицистике. В ней «вождь» восхвалял мощь Красной армии и недвусмысленно давал понять, что вскоре ей предстоит наступательная война. В частях РККА появились антифашистские фильмы «Профессор Мамлок», «Семья Оппенгейм» и другие, не демонстрировав-

пиеся с 1939 г., да и вообще антигерманская пропаганда в войсках с мая 1941 г. стала вестись открыто. 21 мая «Комсомольская правда» напечатала статью полкового комиссара И. Баканова, который призвал готовиться к войне, не называя при этом Англию и ее союзников «поджигателями войны», что сразу же отметили зарубежные обозреватели. Наверху подобная откровенность была сочтена неуместной, последовали «оргвыводы», однако важно, что статья Баканова показала, как далеко зашла антигерманская пропагандистская кампания. Даже после известного заявления ТАСС 13 июня 1941 г., опубликованного на следующий день в газетах, директивы во враждебном третьему рейху духе остались для политработников в силе. По мнению автора, идея наступательной войны стала проникать в массы, однако нападение Германии поставило на повестку дня уже войну оборонительную (с. 271–311).

Такова изложенная в монографии версия событий. Исходя из того, что автор представляет пропагандистскую кампанию как находившуюся лишь в начальной стадии, он не принимает мнение тех авторов, которые считают, будто схватка с Германией планировалась уже в 1941 г. Однако в книге не поставлен вопрос о том, на что рассчитывал Сталин, готовясь к такой войне – ведь Германия была тогда очень сильна, имела немало союзников, тогда как СССР этим похвастаться не мог. Может быть, «вождь» верил, что советские вооруженные силы сумеют должным образом подготовиться? В.А. Невежин считает, что апологию Красной армии и принижение достоинств вооруженных сил других стран, прозвучавшие в речи Сталина 5 мая, надо рассматривать не с точки зрения отражения реальности, а как пропагандистскую акцию (с. 278–279). Однако в том-то и беда, что генсек сам уверовал в силу своей армии, поскольку, независимо от того, собирался он в тот момент нападать на Германию или нет, военная доктрина оставалась наступательной, тогда как на деле наступать войска в силу низкого уровня подготовки не умели (обороняться, впрочем, тоже). По-прежнему пропагандисты почти ничего не говорили о тяготах войны, вместо этого воспевая лишь мощь советских вооруженных сил. В книге говорится о предложении генерал-лейтенанта И.Н. Музыченко

издавать журналы, где населению рассказывалось бы о трудностях военной службы (с. 237), но не упомянуто о том, как на него откликнулась власть – разумеется, не обратила внимания.

Трудно согласиться с авторской оценкой суждений, которые встречались в шеститомнике «Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945»: «Утверждалось, что в советской пропаганде якобы “ошибочно” характеризовался тыл возможного противника, считалось, что он является непрочным» (с. 20). Однако тыл Германии оказался прочным, а заявления советской пропаганды – ошибочными.

Жаль, что в книге не сказано о таком важном аспекте пропаганды, как вопрос о возможных союзниках. А ведь советское правительство в 1939 г. четко обозначило свою позицию по этому вопросу: «Страна социализма не нуждается в помощи какого бы то ни было другого государства для защиты своей независимости»¹. Об этом вскоре после гитлеровского нападения забыли, как и о доктрине наступательной войны, и всякий иностранный политик, который не выступал за скорейшую помощь СССР, рассматривался чуть ли не как пособник агрессора.

В целом же следует подчеркнуть, что книга основана на богатом фактическом материале, почерпнутом из архивных материалов, официальных документов, мемуаров, прессы тех лет. Значительное место уделено анализу историографии, что далеко не всегда делается в работах по советской истории. Наконец, книга написана ясным и увлекательным языком и потому будет с интересом прочитана не только специалистами, но и всеми, кто хочет разобраться в событиях кануна Великой Отечественной войны.

А.В. Короленков, кандидат исторических наук (журнал «Новая и новейшая история»)

Примечания

¹ Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. М., 1999. С. 209.

² Партийное строительство. 1939. № 9. С. 57. Цит. по: Международный кризис 1939–1941 гг. от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 75.

**СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война 1939–1941:
Дискуссии, комментарии, размышления / Отв. ред. и сост.
С.З. Случ. М.: Наука, 2007. 487 с.**

На протяжении четырех десятилетий история советской внешней политики накануне и в начале Второй мировой войны была в историографии СССР и союзных с ним стран предметом грубых манипуляций и табуирования. Официальная марксистская историография, зажатая в жесткие рамки идейно-политических установок, трактовала события, не допуская каких бы то ни было сомнений в искренности советских усилий, направленных на «предотвращение фашистской агрессии». Эта историография оправдывала многое: подписание советско-германского договора о ненападении как чуть ли не отчаянного акта самозащиты, вторжение Красной армии в Польшу, подписание советско-германского Договора о дружбе и границе, аншлюс СССР Прибалтийских государств, «Зимнюю войну» между СССР и Финляндией, а также оккупацию Бессарабии и Северной Буковины – все эти свидетельства далеко не мирных намерений московского руководства игнорировались без лишнего церемоний. В итоге события практически всего периода с сентября 1939 г. до нападения Германии на Советский Союз оказались в запретной историографической зоне.

Эта избирательная, служащая целям легитимации советского режима, практика восприятия исторических событий натолкнулась на неприятие и непонимание не только на Западе. И по другую сторону «железного занавеса» немало профессиональных историков весьма критически относились к официальной исторической пропаганде. Но до второй половины 1980 гг. советская цензура и партийные установки препятствовали свободному научному анализу собственного тоталитарного прошлого. Возможности критической переоценки истории советской дипломатии открылись только в ходе начатой М. Горбачевым перестройки. Не в последнюю очередь под влиянием стремления республик Прибалтики к отделению в центр общественного интереса поначалу выдвинулся вопрос о правовых основах пакта Сталина-Гитлера. Однако связанная с этим историографическая дискуссия очень скоро вышла за установленные рамки и вылилась в широкую полемику относительно целей, мотивов и методов сталинской внешней политики в предверии Великой Отечественной войны.

В рецензируемом сборнике, составитель и ответственный редактор которого – московский историк С.З. Случ, проанализированы и документированы как ход, так и результаты этой

полемики, и по сей день оказывающие влияние на развитие российской историографии.

В исследовательской части книги, примыкающей по замыслу к фундаментальному труду немецкого историка Яна Липинского¹, посвященному истории возникновения и более чем полувековой политико-идеологической борьбы вокруг Секретного дополнительного протокола к Договору о ненападении между СССР и Германией от 23 августа 1939 г., Случ уделяет много внимания дискуссии вокруг Секретного протокола. В отличие от Липинского, он сознательно ограничивается оценкой той части полемики, которая велась в академических кругах, но при этом распространяет ее тематические рамки на весь комплекс сталинской политики на европейском направлении в конце 1930-х – начале 1940-х гг. Это позволяет не только четко обозначить контуры основных конфликтных точек историографического противостояния, но и показать, насколько трудным был путь освобождения советской историографии от партийно-политической опеки. Вместе с тем Случ не стремился во что бы то ни стало выяснить, какова мера ответственности цеха историков за свою мнимую или действительную морально-этическую несостоятельность. Напротив, для него реконструкция тогдашней дискуссии – это лишь повод поставить вопрос о сохраняющемся воздействии тенденций в историографии, вызванных перестройкой, на нынешнее состояние российских исследований этой темы.

Тот факт, что Случ в поисках ответа на этот вопрос приходит к иным выводам, чем Липинский, в значительной мере объясняется различием в критериях оценки, которыми они пользуются. В то время как Липинский оценивает дискуссию о Секретном протоколе через уровень знаний, достигнутый западными историками, Случ, наряду с фиксацией расширения этого уровня, большое значение придает научно-политическому воздействию развивавшейся полемики. Такой подход имеет значение не только для общей оценки результатов «спора советских историков», который, как не без оснований полагает Случ, оказал немаловажное влияние на процесс освобождения сознания от партийно-идеологических догматов, но и на оценку вклада каждого из участников этого процесса. Не случайно сборник предваряет посвящение памяти многолетнего директора Института славяноведения РАН В.К. Волкова.

Вопрос отнесения к тому или иному историческому направлению определяет не столько степень совпадения со взглядами Случа, сколько конкретный вклад отдельного историка в придание дискурсу возможно более научного характера и формирование плюралистической культуры спора. С этой точки зрения более чем оправданным представляется признание заслуг В.К. Волкова, под руководством которого Институт славяноведения превратился в важный форпост Перестройки в советской исторической науке.

Охарактеризованная выше целевая установка Случа определяет структуру рецензируемой книги. Во введении он излагает свой взгляд на развитие советской внешней политики в 1939–1941 гг., важнейшим направлением которой он считает советско-германские отношения. Не подлежит сомнению, что подписание пакта о ненападении было не стихийным решением кремлевского руководства, а результатом многолетних и целенаправленных усилий Сталина, имевших целью достижение соглашения с Гитлером. При этом Сталин руководствовался не только соображениями, связанными с обеспечением безопасности страны, но и надеждой на расширение сферы советского господства и влияния, опираясь на стратегическое партнерство с нацистской Германией (с. 16). Гитлер, однако, лишь тогда отреагировал на советские предложения, когда стал нуждаться в поддержке при нападении на Польшу и обеспечении тыла при осуществлении Западной кампании. Заключение противоречившего международному праву соглашения 23 августа 1939 г. решило судьбу польского государства и способствовало тем самым развязыванию Второй мировой войны, причем СССР, введя 17 сентября 1939 г. свои войска на территорию Польши, де-факто занял позицию воюющей стороны на стороне агрессора (с. 19). В то время как Сталин в последующие месяцы сосредоточился на военно-политическом «освоении» сферы интересов, отошедшей ему в соответствии с договорами, заключенными в августе и сентябре 1939 г., Гитлер последовательно использовал сотрудничество с СССР для усиления германского военного потенциала. Абсолютно не понимая подлинные намерения «партнера», Москва сохраняла приверженность сотрудничеству с третьим рейхом даже тогда, когда переговоры В.М. Молотова в Берлине в ноябре 1940 г. обнаружили полную несовместимость интересов сторон. Своей ирреальной политикой, резюмирует Случ, Сталин существенно способствовал усилению будущего противника в войне и в час величайшего бедствия лишил СССР его естественного союзника – Францию.

В обширном обзоре Случ обращается к реконструкции и анализу процессов, наложив-

ших отпечаток на развитие советской историографии в годы перестройки. Он отмечает, что дух реформ относительно поздно проник в эту область науки. Хотя программная речь Горбачева на январском пленуме ЦК КПСС в 1987 г. создала известные возможности для критической переоценки советской истории, сфера внешней политики еще долго оставалась за пределами академического дискурса. Ответственность за это ложится, как показывает Случ, и на сопротивление внутри исторического цеха, и на крайне непоследовательный курс гласности, осуществлявшейся политическим руководством с его в высшей степени противоречивыми «сигналами» (с. 44–48).

Тенденции развития начали меняться в 1988 г., что поначалу выразилось в явном увеличении числа публикаций по истории советской внешней политики накануне Второй мировой войны. Правда, авторы большинства этих работ по-прежнему отстаивали тезис, что у СССР не было альтернативы германо-советскому пакту о ненападении. Однако качественный прорыв произошел только в следующем году (с. 70). Начавшаяся тогда дискуссия вокруг оценки событий 1939 г. впервые привела к открытому столкновению историков. При этом фракция «ревизионистов», к наиболее видным представителям которой, наряду с М.И. Семирягой и В.М. Кулишем, принадлежал также ответственный редактор рецензируемой книги, подверглись яростным атакам со стороны историков-«традиционалистов» – Л.А. Безыменского, А.С. Орлова, О.А. Ржешевского и В.Я. Сиполса, нашедших в лице В.М. Фалина наиболее влиятельного защитника своих интересов.

Невзирая на продолжавшееся сопротивление сторонников просталинской историографии, в 1990 г. дискуссия обрела новую динамику и содержательную глубину. Такому развитию событий способствовало публичное осуждение пакта Сталина-Гитлера II-м съездом народных депутатов СССР в декабре 1989 г., послужившее своего рода психологическим раскрепощением историков. К тому же они получили возможность опираться не только на западные, но и на новые отечественные издания документов. Это было очень важно, так как доступ к архивам все еще оставался существенно ограниченным (с. 108).

Если в течение двух предшествующих лет в центре дискуссии находились такие проблемы, как предыстория и последствия заключения пакта о ненападении, то в последний год существования Советского Союза интерес историков был сосредоточен прежде всего на советско-германских отношениях накануне Великой Отечественной войны. К числу наиболее заметных процессов, давших

о себе знать в том году, Случ причисляет опустимое замедление реформирования советской историографии и явное нарастание тенденций консервации традиционной интерпретации истории. Присохдившее не в последнюю очередь нашло отражение в политике некоторых издательств и журналов, препятствовавших публикации критических материалов (с. 171).

Подводя итоги советского «спора историков», Случ приходит в целом к позитивным выводам. Дискуссия не только привела к серьезной переоценке многочисленных исторических фактов, но и способствовала утверждению альтернативных концептуальных подходов, существенно расширивших познавательный горизонт советской/российской исторической науки (с. 172). Случ обосновывает свою точку зрения впечатляющим перечнем новаций, наглядно демонстрирующих радикальность разрыва с бытовавшими на протяжении десятилетий мифами официальной советской историографии.

Живое впечатление о том, насколько противоречивым оказался процесс реформирования советской/российской исторической науки, оставляет документальная часть тома. Она разделена на два временных блока и включает материалы шести «круглых столов», проведенных в 1989–1990 гг. и 2000–2002 гг. в Институте славяноведения РАН по затронутому здесь комплексу вопросов, опубликованных ранее в журнале «Советское славяноведение» (позже «Славяноведение»).

Расширив временные рамки этого раздела книги до начала 2000-х гг. Случ таким образом дал возможность читателю включить полемику эпохи Перестройки в контекст последующего историографического развития. При сопоставлении этих двух дискуссионных периодов, разделенных всего одним десятилетием, прежде всего, обращает на себя внимание более высокий научный уровень поздних «круглых столов». Если во время дискуссий конца 1980-х – начала 1990-х гг. речь шла в первую очередь о реконструкции табуированных до тех пор исторических событий, то в последующем предметом острых споров и расхождений стала проблема установления различных связей между общепризнанными к тому времени фактами и их трактовка. При этом предметом разногласий прежде всего оставались мотивы действий сталинского руководства, т.е. проблема, по сей день не утрачивающая актуальности ввиду ограниченности источниковой базы. О растущем уровне профессионализации дискурса свидетельствует увеличивающаяся дифференциация подходов и аргументация участников дискуссий, которые в большей степени, чем ранее, опирались на давно известные западные и вновь откры-

тые советские документы. К числу сохраняющихся недостатков российской историографии следует отнести не критическое отношение к источникам, порой явно тенденциозную их интерпретацию, а также по-прежнему высокую степень политизации дискуссий. Большую озабоченность, чем недостаточно высокий профессиональный уровень историков, вызывает общая тенденция к реанимации традиционных тезисов просталинской историографии под «патриотическими» лозунгами, присутствующая в российских исследованиях последних лет. Это особенно касается оценки исторической роли советско-германского пакта о ненападении, на «оборонительном» характере которого вновь делается акцент. Случ не без основания видит в этом признак ползучей реидеологизации российской исторической науки (с. 187). До тех пор пока политическое руководство страны придает больше значения культивированию «положительной» картины прошлого, нежели открытию архивов для его адекватного изучения, есть основания, констатирует он, опасаться реанимации старых и возникновения новых мифов, не имеющих ничего общего с действительным ходом исторических событий, и углубления существующего разрыва между достигнутым уровнем исторического знания и все еще сохраняющимся шансом сделать его частью общей культуры российских граждан.

Книгу завершает обширный перечень публикаций по теме, увидевших свет в России с 1992 по 2006 гг.

Рецензируемый сборник запоминается тонким и одновременно нелюбезно откровенным подходом в освещении событий недавнего советского прошлого, которое редактор-составитель и автор не только наблюдал как их современник, но и принимал в них активное участие. Ему удалось реконструировать сложный процесс интеллектуальной эмансипации советской/российской исторической науки на одном из ее важных участков и заострить внимание на проблемах, с которыми еще и сегодня сталкиваются российские коллеги по историческому цеху.

Д-р Виктор Кнолль
(Центр изучения новейшей истории,
Потсдам)

Примечание

¹ *Lipinsky J.* Das Geheime Zusatzprotokoll zum deutsch-sowjetischen Nichtangriffsvertrag vom 23. August 1939 und seine Entstehungs- und Rezeptionsgeschichte von 1939 bis 1999. Frankfurt a/M. u. a., 2004. Рецензию на кн. Я. Липинского см.: Отечественная история. 2007. № 4. С. 192–195.

Т. Дидрих. Паулос. Травма Сталинграда. Биография. Изд-во: Фердинанд Шёнинг. Падерборн; Мюнхен; Вена; Цюрих, 2009. 579 с.*

В ФРГ издана первая фундаментальная научная биография фельдмаршала Фридриха Паулоса (1890–1957), написанная сотрудником потсдамского Военно-исторического исследовательского центра бундесвера д-ром Т. Дидрихом и охватывающая всю историю жизни германского военачальника. Жизнеописание Паулоса, составленные ранее немецкими авторами, в основном рассматривали его судьбу до пленения в Сталинграде 31 января 1943 г.¹; в работах советских и российских историков, в отличие от германской историографии, главное внимание уделялось пребыванию Паулоса в советском плену².

Т. Дидрих, используя все доступные источники, досконально изучил биографию своего героя. Книга написана на основе материалов Архива германского либерализма, Архива социал-демократии, земельных архивов Баварии и Бранденбурга, Федеральных архивов в Берлине, Кобленце и Лихтенфельде, Федерального военного архива, материалов Федерального уполномоченного по документам госбезопасности бывшей ГДР, архива Института современной истории, собрания прессы Центра изучения новейшей истории, Германской справочной службы (бывшей справочной службы вермахта), Военно-исторического исследовательского центра бундесвера в Потсдаме (все – ФРГ), Национального архива США в Вашингтоне, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военного архива, личных архивов семьи Паулос и других хранилищ. Список источников и литературы, помещенный в книге, насчитывает 26 страниц, набранных мелким шрифтом (с. 517–543).

С именем Паулоса, одного из самых известных представителей «преступного военного руководства Гитлера», связаны «гибель 6-й армии в Сталинграде, советский плен и политическая деятельность, направленная против гитлеровского режима и политическая активность в ГДР. Был ли Паулос на самом деле лишь трагической фигурой на трагической войне? Или же стоит глубже проанализировать процесс формирования и развития его личности на фоне бурного времени, в котором он жил, изучить его мышление и мотивы, побуждавшие к действию, попытаться понять

его поколение? Паулос не только пробился в военную элиту Германии, на протяжении его жизни четырежды менявшей формы своей государственности, но и был типичным представителем своего поколения офицеров. Однако его социальное происхождение имело существенное отличие: он не был ни дворянином, ни происходил из высшего слоя буржуазии вильгельмовской Германии. В высшие круги вермахта он попал благодаря своим способностям, интеллигентности и умению быть нужным», – пишет автор (с. 7).

Фридрих Паулос, как считает Дидрих, был, «при всех особенностях и чертах характера, типичным продуктом своей эпохи» (с. 456) – представителем поколения германских офицеров, начавшего делать военную карьеру на закате империи кайзера Вильгельма и ставшего ядром военной элиты третьего рейха. Приход нацистов к власти Паулос воспринял позитивно: между политикой Гитлера и национал-консервативными взглядами Паулоса было много общего. Разумеется, Паулос как человек, наделенный правовым сознанием (в юности он даже изучал право в университете Марбурга), не одобрял безграничное насилие, расистскую идеологию и лишение прав целых групп населения, но он рассматривал эти меры нацистов как историческую необходимость, направленную на укрепление государства. «Хотя Паулос не разделял, а во многом и отклонял партийную идеологию, он был очарован личностью Гитлера, верил в политический и военный гений “фюрера”, в его чувство ответственности перед немецким народом» (с. 458). При нацистах Паулос быстро поднимался по служебной лестнице. Если в 1933 г. он был майором, то к началу Второй мировой войны – уже генерал-майором. «До Сталинградской битвы Паулос был важной и безупречно функционирующей частью военной машины вермахта. Правовые и моральные соображения, связанные с ведением войны, занимали его, как и многих других офицеров его поколения, лишь в той степени, в какой они касались его служебных функций и личной ответственности. Паулос разделял ответственность на политическую, которую несли Гитлер и нацисты, и на военную – сферу компетенции командования вермахта, включая, в частности, и зону его полномочий. В связи с этим он относил ответственность за войну и мир, за ведение войны как таковое, за преступления, чинимые немцами, за пре-

*Т. Diedrich. Paulus. Das Trauma von Stalingrad. Eine Biographie. Verlag: Ferdinand Schöningh. Paderborn; München; Wien; Zürich. 2009. 579 s.

следование евреев, которые он не одобрял, но которые были вне сферы его влияния, к сфере ответственности политического руководства» (с. 457–458).

Сталинградская битва означала перелом в сознании и поведении Паулюса. «Травма Сталинграда» и советский плен повлияли на всю его дальнейшую жизнь. Опасения Гитлера, что в «крысоловке», так нацистский фюрер называл внутреннюю тюрьму в Москве на Лубянке, Паулюс непременно заговорит, не оправдались. Обращение с Паулюсом было в СССР корректным. Да и в «крысоловке» его не держали. Фельдмаршал находился в лагерях и на специальных объектах (дачах), получал хорошую еду, квалифицированную медицинскую помощь. При нем находились его личный повар, ординарец и адъютант. Сначала пленный фельдмаршал вел себя сдержанно: никаких политических заявлений он не делал. Он категорически отказался вступить в созданные в 1943 г. в СССР немецкие антифашистские организации – Национальный комитет «Свободная Германия» и «Союз немецких офицеров» (СНО). Однако после неудачного покушения на Гитлера 20 июля 1944 г., в котором приняли участие высокопоставленные чины вермахта, Паулюс изменил свое решение. 8 августа 1944 г., в тот день, когда в Берлине по приказу Гитлера был повешен личный друг Паулюса фельдмаршал фон Витцлебен, Паулюс выступил по радиостанции «Свободная Германия» и заявил о своем вступлении в открытую борьбу против Гитлера. «События последнего времени, – гласило обращение Паулюса “К немецкому народу и военнопленным офицерам и солдатам, находящимся в СССР” – сделали для Германии продолжение войны равнозначным бессмысленной жертве. Для Германии война проиграна. В таком положении страна оказалась в результате государственного и военного руководства Адольфа Гитлера... Методы обращения с населением в занятых областях со стороны части уполномоченных Гитлера преисполняют отвращением каждого настоящего немца и вызывают во всем мире гневные упреки в наш адрес. Если немецкий народ сам не отречется от этих действий, он будет вынужден нести за них полную ответственность» (с. 333). 14 августа 1944 г. Паулюс вступил в СНО. На следующий день Паулюс и 29 плененных немецких генералов подписали обращение к генералам и офицерам армейской группы «Норд» отрезанной в Прибалтике. По инициативе Паулюса 9 декабря 1944 г. было принято составленное по его проекту обращение 50 плененных генералов к немецкому народу и вермахту. Как справедливо отмечает военный историк из ФРГ Ф. Уле-Веттер, «большинство генералов, и в их числе Пау-

люс, решились на сотрудничество с русскими, стремясь к поражению свастики, а не во имя Сталина и коммунистов России»³.

Для нового мировоззрения Паулюса, в основном сформировавшегося к этому времени, было характерно то, что он ориентировался не столько на историческую традицию барона фон Штейна, возглавившего в России во время борьбы против Наполеона Немецкий освободительный комитет, и генерала Йорка фон Вартебургга, вопреки воле короля Пруссии заключившего с Россией конвенцию о сотрудничестве в войне против Наполеона, сколько на пример генералов Гинденбургга и Людендорфа, которые потребовали от кайзера в конце сентября 1918 г. для спасения Германии начать мирные переговоры с Антантой⁴. Паулюс «осознавал знаковое значение своей персоны для целей СНО и колебался между примерами хорошо ему известной “легенды об ударе ножом в спину” и Тауроградской конвенции Йорка» (с. 327–328).

30 октября 1944 г. Паулюс обратился с личным письмом к Сталину. Излагая «как маршал маршалу» свои «глубокие соображения и надежды», Паулюс просил Сталина принять его (с. 338–339). Сталин никогда не встречался со своим высокопоставленным пленником, однако могущественное покровительство кремлевского хозяина и после войны продолжало защищать Паулюса. Судьба Паулюса в советском плену выгодно отличалась от участи многих его коллег, в частности, президента СНО генерала Зайдлица и двух других плененных фельдмаршалов вермахта – Клейста и Шёрнера. Они, в отличие от Паулюса, содержались не на подмосковных дачах со своими поварами и ординарцами, а в тюрьмах МГБ. Как Зайдлиц, так и Клейст и Шёрнер были признаны в СССР военными преступниками и получили суровые приговоры⁵. Однако и Паулюсу пришлось выступить перед судом – на Нюрнбергском процессе 11 февраля 1946 г., но не в роли обвиняемого, а в качестве свидетеля обвинения, разоблачившего германский генеральный штаб как послушное орудие агрессивной войны в руках Гитлера. В качестве персонально ответственных за осуществление агрессивных планов Паулюс назвал Геринга, Кейтеля и Йодля. На следующий день, 12 февраля 1946 г. во время перекрестного допроса обсуждалась тема участия Паулюса в планировании и осуществлении агрессии против СССР. Паулюс признал свою личную ответственность за план «Барбаросса», выполнение которого «стало возможно вследствие нарушения существовавших договоров и международных правовых норм» (с. 352–353).

Паулюс вернулся из Нюрнберга в Москву, так и не встретившись с семьей. Бывший

германский фельдмаршал был поселен на подмосковной даче, где писал заметки о войне для генштаба Красной армии, консультировал советский фильм о Сталинградской битве. Советский лидер даже отправил немецкого фельдмаршала на отдых и лечение в Крым. В свою очередь, Паулюс не забыл поздравить «господина генералиссимуса» Сталина по случаю его 70-летия и назвал последнего «великодушным другом немецкого народа». Лишь после смерти Сталина, в конце октября в 1953 г., Паулюс был репатрирован из СССР и поселился в ГДР, в городе Дрездене, где и умер 1 февраля 1957 г.

Еще в плену Паулюс «начал записывать свои личные наблюдения и выводы. Главный из них – Германия никогда больше не должна даже пытаться воевать с Россией: такая война безысходна в военном отношении и не имеет политических оправданий. Эта мысль и понимание того факта, что именно участники Второй мировой войны и лично он, один из авторов плана «Барбаросса» и военачальник, проигравший битву под Сталинградом, несет глубокую ответственность за судьбу послевоенной демократической Германии, вдохновляла его в борьбе против военного участия Западной Германии в альянсе, направленном против Советского Союза. Новая немецкая армия, за создание которой он выступал, должна была служить своему народу и не подчиняться иностранной воле, в качестве которой он рассматривал лишь США. И в ГДР он старался сохранять верность самому себе и отстаивать цели, соответствовавшие его убеждениям» (с. 459).

Фундаментальное исследование Т. Дидриха вызвало большой интерес обществен-

ности ФРГ: об этом говорит уже второе издание книги (первое вышло в свет в 2008 г.) и положительные отклики немецкой прессы⁶. Хотелось бы надеяться, что эта книга будет переведена на русский язык и издана в нашей стране.

**Б.Л. Хавкин, кандидат исторических наук
(журнал «Новая и новейшая история»)**

Примечания

¹ *Görlitz W.* Paulus: «Ich stehe hier auf Befehl». Frankfurt a/M., 1960 (русск. перевод: *Гёрлиц В.* Паулюс: трагедия фельдмаршала. Смоленск, 2006); *Diedrich T.* Friedrich Paulus – Patriot in zwei Diktaturen. – *Die Militäreliten des Dritten Reiches.* Berlin, 1995. S. 388–405.

² *Blank A.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR. Köln, 1979; *Бланк А.С., Хавкин Б.Л.* Вторая жизнь фельдмаршала Паулюса. М., 1990; *Reschin L.* Feldmarschall im Kreuzverhör. Friedrich Paulus in sowjetischer Gefangenschaft 1943–1953. Berlin, 1996.

³ *Uhle-Wetter F.* Hoehe und Wendepunkte deutscher Militärgeschichte. Mainz, 1984. S. 342.

⁴ *Борозняк А.И.* Генерал-фельдмаршал Паулюс: эволюция мировоззрения // НКСТ–50 лет. Красногорск. 1994. С. 76.

⁵ *Хавкин Б.Л.* Фельдмаршал Паулюс и генерал артиллерии фон Зайдлиц в советском плену // Россия и Германия. Вып. 3. М., 2004, с. 297; *Христофоров В.С., Макаров В.Г., Хавкин Б.Л.* Дело фельдмаршала Шёрнера. По материалам ЦА ФСБ России // Новая и новейшая история. 2008. № 4.

⁶ *Lapp P.J.* Patriot zwischen den Fronten // *Süddeutsche Zeitung*, 29.IX.2008; *Stöver B.* Diedrich Torsten: Paulus. Das Trauma von Stalingrad. Eine Biographie. Paderborn, 2008 // Н-Soz-u-Kult, 05.03.2009.

А.А. Горский, В.А. Кучкин, П.В. Лукин, П.С. Стефанович. Древняя Русь: очерки политического и социального строя. М.: Индрик, 2008. 480 с.

Коллективная монография А.А. Горского, В.А. Кучкина, П.В. Лукина и П.С. Стефановича «Древняя Русь: очерки политического и социального строя» имеет необычный формат. Каждый из авторов представлен в ней одной работой, и эти работы не объединены какой-либо локальной темой, как обычно бывает в монографиях подобного рода. А.А. Горский посвящает свое исследование политико-административному делению Руси XI – первой трети XIII в. В.А. Кучкин – развитию княжеской десятичной системы в X – начале

XVI в. П.В. Лукин – политически активным группам населения домонгольской поры, принимавшим участие в вечах и собраниях. П.С. Стефанович – вопросу о юридическом и ритуальном оформлении служебных отношений между князем и боярами до конца XV в. Однако несмотря на такое тематическое разнообразие и хронологическую несимметричность формирующих книгу материалов, она оставляет весьма цельное впечатление.

Единство всем четырем исследовательским текстам придает заметная общность

исторических взглядов и методологических подходов, присущих их авторам. Ученые близки в своем понимании социально-политической природы Древней Руси, критически относятся к одним и тем же научным теориям (например, к концепции общественного строя домонгольской Руси И.Я. Фроянова и его последователей). Объединяет исследователей и неприятие «априоризма», а также схематичности и искусственности многих укоренившихся в историографии мнений. Подобным явлениям в книге противопоставлено стремление к тотальному использованию и скрупулезному анализу сохранившихся источников, к уточнению и рассмотрению в исторической динамике ключевых для каждой темы понятий древнерусского языка и к поиску корректной научной терминологии. В равной степени авторов рецензируемой монографии характеризует желание изучать избранное явление в просторном историческом контексте. Вследствие этого результаты каждого исследования оказываются обширнее заявленной в заглавии конкретной научной задачи. Наконец, роднит представленные очерки то, что разбираемые в них сюжеты находятся в ряду определяющих для понимания социально-политической истории Древней Руси. Их новое прочтение, представленное в монографии, неизбежно ведет к пересмотру ряда устоявшихся представлений.

Открывает книгу очерк А.А. Горского «Земли и волости». Изучение территориально-политической лексики в древнерусских источниках XI–XIII вв. привело ученого к выводу, что появление понятий «земля» и «волость» (и, соответственно, стоявших за ними административных единиц) относилось к эпохе становления государственности у восточных славян, и что эти понятия не были тождественны. Первое из них обычно указывало на независимое государство (всю Русь – «Русскую землю», а затем на политические образования, возникшие в процессе ее дробления). Второе в большинстве случаев означало составную часть такого государства, находившуюся под управлением того или иного представителя династии. Это позволило автору привести еще один аргумент в пользу точки зрения, что окончательный распад Древнерусского государства произошел не в XI, а в XII столетии, поскольку именно тогда его части (прежние «волости») начали именоваться «землями». Другими словами, в XII в. политическая трансформация Руси была вполне осознана современниками и это осознание нашло свое выражение в политическом языке. Интересным и, видимо, требующим дальнейших изысканий, представляется и другое наблюдение Горского. Лишь два политических образования, возникшие на пространстве Древнерус-

ской державы, не определяются в источниках как «земли» – это области с центрами в Киеве и Переяславле. Рассуждая о возможных причинах подобной «терминологической выделенности» двух южных регионов Руси, автор очерка указывает, в частности, на то, что обе территории не получили собственных княжеских династий и находились в своего рода «коллективном владении» (в первом случае – всех сильнейших ветвей Рюрикава дома, во втором – различных ветвей семейств Мономашичей). Такое объяснение представляется наиболее плодотворным. По всей видимости, отсутствие постоянной династии могло восприниматься как признак неполной суверенности. Примечательно, что и Новгородская республика с ее своеобразным отношением к князьям сравнительно редко определяется в источниках как «земля».

Продолжает монографию очерк П.В. Лукина «Вече: социальный состав». После двухвекового обсуждения вопроса об участниках вечевых собраний и, соответственно, о политических возможностях различных групп древнерусского общества, обращение к этой теме потребовало от автора полной инвентаризации сохранившихся известий о вече и многоступенчатого анализа содержащихся в них данных социального характера (как правило, кратких и невнятных). Разумеется, такой анализ был бы невозможен без тщательного разбора социо- и этнохронимической практики древнерусских книжников. Через весь очерк тянется нить тонкой историко-филологической работы – автор устанавливает смысловые диапазоны таких понятий как «мужи», «люди», «граждане», «киевляне», «новгородцы» и т.д. В результате, Лукин приходит к выводу, что в древнерусских политических собраниях (не всегда, причем, определяемых в источниках именно словом «вече») участвовали почти исключительно свободные горожане, среди которых можно выделить две основные группы. Во-первых, это господствующий, постоянно участвовавший в политической жизни слой, представленный в ранний период дружинной элитой, а затем (примерно с середины XII в.) – боярской знатью (утратившей непосредственную связь с дружинной организацией) и верхушкой торгово-ремесленного населения. Во-вторых, это масса свободного городского населения, которая включалась в политическую жизнь в исключительных ситуациях. Констатируя отстраненность от вечевой деятельности сельских жителей, автор подчеркивает, что такое положение вещей, сложившееся на Руси, было едва ли не исключительным явлением среди «народных собраний» славянского мира. В самом конце своей работы Лукин ставит интересный вопрос об

участии в вечевых собраниях женщин. Впрочем, отсутствие в источниках прямых данных заставило его указать на необходимость дальнейшего изучения проблемы и ограничиться осторожным замечанием, что древнерусские горожанки, вероятно, могли принимать определенное участие в политической жизни, но без права решающего голоса.

Третий очерк, «Князь и бояре: клятва верности и право отъезда», принадлежит перу П.С. Стефановича. Вопреки кажущейся узости избранных сюжетов, в центре внимания оказывается важная и малонизученная проблема – характер отношений между князьями и служилой знатью в Древней Руси. Хронологически очерк посвящен домонгольскому периоду (хотя логика исследования нередко заставляет автора проследить развитие интересующих его сюжетов вплоть до первых десятилетий существования Московского государства). Географически же этот раздел монографии ограничен теми землями, где существовала сильная княжеская власть (т.е. с определенного момента Новгород и Галич отходят в работе на второй план). Скучность материала подтолкнула Стефановича не только к расширению хронологических рамок, но и к рассмотрению проблемы с использованием лингвистических и историко-сравнительных методов обработки данных. Самостоятельное научное значение имеет проведенное автором исследование боярских «карьер» и «генеалогий» X – начала XIII в. В итоге, ученый приходит к выводу, что, вопреки распространенному мнению, в домонгольской Руси отсутствовал правовой институт персональной клятвы боярина при поступлении на службу (аналогичной присяге вассала в Западной и Северной Европе), а словесные формулы, произносившиеся в этом случае – «приятя в сердце», «сложити голову», «служити животом» и другие – лишь выражали готовность боярина к верной службе (правда, неясной остается вероятная степень сакрализованности этих формул). Что же касается права отъезда (атрибута свободного характера отношений князя и его дружины), то, хотя в домонгольский период оно фактически существовало, юридически оформлено еще не было и на практике обычно реализовывалось представителями служилой знати лишь в исключительных случаях. В целом такой неинституциональный характер процедур поступления на службу и оставления ее, по мнению Стефановича, отражал архаический пласт дружинной культуры и имел соответствия в древней практике других раннесредневековых народов Европы.

Завершает книгу очерк В.А. Кучкина «Десятские и сотские Древней Руси». Исследование строится по принципу ретроспекции – от

более поздних и понятных явлений к более ранним. Детальный анализ актового материала XV – начала XVI в. позволил автору заключить, что десятские и сотские этого времени еще не были связаны с крестьянскими общинами, а входили в децимальную систему княжеского (реже – митрополичьего или монастырского) хозяйства, элементы которой существовали как в городах, так и в сельской местности. Десятские выполняли административную работу, выступали финансово-фискальными агентами князя, производили межевание земли, присутствовали на судебных разбирательствах в качестве свидетелей. Стоявшие над ними сотские помимо того еще участвовали в сделках с княжеской землей, наблюдали за торговыми делами, имели некоторые судебные функции и т.д. Обращение к источникам XI–XIV вв. привело исследователя к мысли, что децимальная система зародилась еще во времена Древнерусского государства, когда власти начали раздавать мелкие ссуды-купы, которые должны были быть затем отработаны. Для организации таких отработок должники организовывались «в ячейки-десятки, легко управляемые, удобные как для проведения различных работ, так и для взимания одолженных средств». Над такими десятками ставились десятские, которыми, в свою очередь, руководили сотские. Таким образом, исследователь отказывается от распространенного мнения, что в княжескую децимальную систему входило все свободное население городов и что она, помимо прочего, имела важное военное значение, оформляя народное ополчение. Местом рождения и первоначального распространения децимальной организации Кучкин считает город и лишь с течением времени находит признаки ее распространения на сельскую округу (не позднее XIII в.). Еще одной линией ее эволюции являлось постепенное понижение социального статуса десятских и особенно сотских. Если древнейшие свидетельства позволяют говорить о том, что сотские рекрутировались из числа бояр, то со временем эту должность начали занимать представители незнатных слоев. В работе отмечаются и региональные особенности в развитии институтов десятских и сотских. С укреплением Московского государства, согласно выводам автора, децимальная организация как реликт прежней политико-административной системы постепенно отмирает.

Краткая рецензия не позволяет коснуться всего, что в монографии представляется интересным и плодотворным, равно как и требующим дальнейшего обсуждения. Тем не менее, разговор о ней будет страдать явной неполнотой, если не сказать хотя бы нескольких слов о методологических подходах авторов к

изучению понятийного строя древнерусского языка. Главная проблема здесь заключается в нетерминологическом характере многих политических, социальных, географических и иных интересующих историка понятий в древнерусских источниках. К примеру, показательный случай «терминологического сбоя» в языковой практике Древней Руси упоминается в очерке А.А. Горского. На фоне систематического употребления слова «земля» в значении «независимое государство» в источниках XII–XIII вв. возникает такое «несистемное» лингвистическое понятие как «Русская земля», в узком значении обозначавшее территорию, которая ни в каком отношении не может быть признана единой политической общностью: (владения князей Киева, Переяславля и (частично) Чернигова). Смысловая неустойчивость «терминологии», ее вариативность, нередкая перемешанность разновременных семантических слоев – явления, характерные для многих древних языков. Трудности, порождаемые такой ситуацией при изучении древнерусских источников, стали предметом специального внимания в отечественной историографии не так давно. Рецензируемый труд показывает образец осознанного и корректного отношения к названным особенностям изучаемого языка. Этот подход отличает всех авторов, а в очерке П.В. Лукина он получает и

теоретическое развитие. В частности, ученый говорит о недопустимости «терминологического фетишизма», когда каким-либо понятиям «в результате *выборочного* изучения источников предписывается вполне определенное значение, а затем сквозь призму этого будто бы раз и навсегда определенного значения рассматриваются [остальные] источники». При изучении сложных понятий Лукин призывает всякий раз внимательно анализировать содержащий их контекст, который часто помогает понять, какой из смысловых вариантов понятия используется в данном конкретном случае. Плодотворность именно такого подхода проиллюстрирована множеством примеров, содержащихся во всех четырех частях книги.

Без сомнения, рецензируемая монография не закрывает научных дискуссий по проблемам, оказавшимся в центре внимания ее авторов. Но она выводит эти дискуссии на новый научный уровень и намечает важные перспективы для дальнейшего изучения социально-политической истории Руси домосковского периода.

А.В. Лаушкин,
кандидат исторических наук
(Московский
государственный университет
им. М. В. Ломоносова)

Международная научная конференция

«Чтения памяти профессора

Ольги Михайловны Медушевской»

13 декабря 2008 г. кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Историко-архивного института РГГУ проведена международная научная конференция: «Чтения памяти профессора Ольги Михайловны Медушевской». Целью Чтений стало представить вклад выдающегося российского ученого в становление современной методологии гуманитарных наук, определить результаты и направления развития научной школы теоретического источниковедения О.М. Медушевской. В рамках международной конференции была осуществлена презентация новой фундаментальной книги О.М. Медушевской – «Теория и методология когнитивной истории», а также проведен «круглый стол», посвященный ее обсуждению. В конференции приняли участие известные ученые, представляющие РГГУ, другие центральные университеты – МГУ им. М.В. Ломоносова, ГУ-ВШЭ, Российский государственный аграрный университет (МСХА им. К.А. Тимирязева), крупнейшие академические и исследовательские институты – Институт российской истории РАН, Институт всеобщей истории РАН, Институт славяноведения РАН, Институт истории естествознания и техники РАН, Археографическая комиссия РАН, ВНИИДАД и другие центральные академические и профессиональные журналы, государственные архивы, музеи, а также многочисленные региональные университеты.

Чтения открылись пленарным заседанием под председательством В.А. Муравьева (д.и.н., ИАИ РГГУ). Выступили заслуженный деятель науки, академик РАО С.О. Шмидт (ИАИ РГГУ), М.Ф. Румянцева (к.и.н., ИАИ РГГУ), А.Н. Медушевский (д. филос. н., журнал «Российская история»). С.О. Шмидт поделился своими воспоминаниями о работе с О.М. Медушевской и отметил ее роль в становлении преподавания методологии истории, источниковедения и исторической географии. М.Ф. Румянцевой был сделан обзор творческого наследия О.М. Медушевской, выделены основные направления ее научной и педагогической деятельности. А.Н. Медушевский раскрыл значение когнитивно-информационной концепции О.М. Медушевской в современном гуманитарном знании.

Открывая пленарную часть конференции, С.О. Шмидт и В.А. Муравьев подчеркнули, что О.М. Медушевская – ключевая фигура в развитии методологии истории и теоретического источниковедения конца XX – начала XXI в. В ее творчестве представлен синтез основных направлений мировой гуманитарной науки и российской школы теоретического источниковедения; сформулирована новая философская концепция исторической науки, показаны возможности ее применения в академических исследованиях и учебном процессе. Они указали на преемственность взглядов Медушевской в отношении русской классической науки и фундаментальный вклад ее идей в развитие современной историографии. Отправной точкой ее исследований стала методология истории академика А.С. Лаппо-Данилевского, с которой она познакомилась через своих учителей (А.И. Андреева и В.К. Яцунского); предмет исследовательской деятельности состоял в разработке этого направления на основе практически всех известных видов источников и отстаивании методов научного критического исследования в условиях предельно идеологизированного государства; результат выражается в появлении принципиально новой исследовательской концепции и уникального лекционного курса в области методологии истории и теоретического источниковедения.

М.Ф. Румянцева раскрыла содержание исследовательской парадигмы когнитивной истории О.М. Медушевской, показав, что ее значение выходит за рамки собственно исторической науки в ее традиционном понимании. Это – философская концепция гуманитарного познания, представляющая собой синтез современной теории информации, наук о человеческом мышлении и теоретического источниковедения (если говорить только об основных подходах). Концепция когнитивной истории видит решение проблемы в изучении целенаправленного человеческого поведения, которое, развиваясь в эмпирической реальности, неизбежно сопровождается фик-

сацией результатов исследования, созданием интеллектуальных продуктов. Эти последние и становятся отправной точкой доказательного исторического познания, возможного на основе методов классического источниковедения. Очевидно, – подчеркнул докладчик, – что речь идет о появлении новой научной парадигмы и уже нельзя писать по этому кругу вопросов без учета данной концепции, имеющей вполне цельный характер, что делает ее полноценным ориентиром для всех гуманитарных дисциплин.

По мнению А.Н. Медушевского, убедительность данной концепции состоит в том, что она не просто предлагает объяснение явлений и процессов в прошлом и современности, но и выстраивает доказательные критерии проверки достоверности (и, что не менее важно, недостоверности) получаемого знания. В центре исследования оказывается прежде всего – анализ информационного продукта целенаправленного человеческого поведения или вещи, какова бы ни была природа ее эмпирической реальности. В результате мы получаем наукоучение – то методологическое ядро дисциплин гуманитарного цикла, без которого невозможен целостный подход к познанию и решение проблем высшего образования. Становится возможным реконструировать весь алгоритм научного познания в истории – от первых шагов ориентации индивида в природе и обществе до получения системных социальных знаний и навыков, определяющих деятельность и создаваемые в ходе нее информационные продукты. Поэтому концепция О.М. Медушевской, – подчеркнул он – есть качественно новый этап в обсуждении этих вопросов (по отношению к концепции Лаппо-Данилевского), а ее имя, безусловно, должно быть поставлено в истории рядом с такими мыслителями XX в. как А. Тойнби, М. Блок и А.С. Лаппо-Данилевский.

Идеи О.М. Медушевской обсуждались в ходе работы четырех секций конференции: «Источник в системе информационного общества»; «Образ науки: от трудов историков к образовательной практике»; «Стратегии источниковедческих исследований: от Средневековья к Новому времени»; «Источниковедение Новейшего времени: историк в глобальном мире», где выступили представители научной, педагогической, архивной и музейной общественности.

Проблематика первой секции «Источник в системе информационного общества» включала два блока проблем – архивоведческий и источниковедческий. В докладе Т.М. Горюевой (д.и.н., РГАЛИ) с поэтическим названием «Магия документа» анализируется значение архивного наследия как целостного порождения культуры для современного гуманитарного знания, выявляются новые направления и тенденции в обращении к хранящимся в архивах историческим источникам, соответствующие новой информационной ситуации в социуме. К практикам обращения к историческим источникам в новой информационной ситуации обратилась и И.В. Сабенникова (д.и.н., ВНИИДАД), рассмотревшая ключевые проблемы публикации документов в электронном виде. Т.И. Хорхордина (д.и.н., ИАИ РГГУ) в своем докладе суммировала вклад Медушевской в развитие архивоведения, выявила принципиальное значение ее методологических работ для современных архивоведческих исследований. Н.И. Басовская (д.и.н., ИАИ РГГУ) обратилась к проблематике «устной истории», показав, что и здесь источниковедческие разработки Медушевской дают надежную методологическую основу для исследовательских практик. Казалось бы, гораздо более локальному сюжету был посвящен доклад С.И. Маловичко (д.и.н., МСХА им. К.А. Тамиряева) «Актуализация этического отношения к средневековому автору и библейские примеры в Повести временных лет», но обращение к этической проблематике отчетливо связано с присущим творчеству О.М. Медушевской единству этики и гносеологии. Таким образом, в работе этой секции особое внимание было уделено вопросам взаимосвязи и взаимозависимости источниковедения и других гуманитарных дисциплин, разработки методов получения целостного верифицируемого знания о человеке, роли источника как информационного ресурса в социальной практике человечества.

Предметом обсуждения во второй секции «Образ науки: от трудов историков к образовательной практике» стали, главным образом, проблемы историографии источниковедения. В докладе С.С. Илизарова (д.и.н., Институт истории естествознания и техники РАН) была исследована работа историка-архивиста Г.Ф. Миллера в Московском архиве Коллегии иностранных дел. Г.Н. Ланской (к.и.н., ИАИ РГГУ) рассмотрел труды М.Н. Покровского в культурно-феноменологическом аспекте. Доклад В.А. Черных (д.и.н., Археографическая комиссия РАН) был посвящен творчеству Дэвида Пабло Бодера. В докладе В.М. Магидова (д.и.н., ИАИ РГГУ) был описан вклад Б. Матушевского в изучение кинодокументального наследия. В ходе работы секции особо подчеркивалась взаимосвязь научной и образовательной практик.

Работа третьей – «Стратегии источниковедческих исследований: от Средневековья к Новому времени» и четвертой – «Источниковедение Новейшего времени: историк в глобальном мире» секций была посвящена практическим исследованиям в области источниковедения российской и зарубежной истории XI–XXI вв. В своем докладе Д.А. Добровольский (к.и.н., ИАИ РГГУ) обратился к «классической» проблеме реконструкции летописных сводов XI в. и

предложил оригинальные научные методы решения этой традиционной источниковедческой задачи. В выступлении Ю.Э. Шустовой (к.и.н., ИАИ РГГУ) рассмотрена история Львовского Успенского Ставропигийского братства на материалах личной библиотеки его членов. Д.Н. Рамазанова (к.и.н., Институт славяноведения РАН) в своем докладе, изучив послание александрийского патриарха Мелетия Пигаса, выявила календарно-хронологические представления второй половины XVI – начала XVII в. Эта работа, выполненная на стыке кодикологии, палеографии, хронологии и источниковедения, имеет полидисциплинарный характер. А.Е. Чекунова (д.и.н., ИАИ РГГУ) исследовала журнал секретной Нерчинской экспедиции, затронув проблематику как источниковедения, так и исторической географии, т.е. тех дисциплин, которые постоянно находились в центре научно-образовательной деятельности Медушевской. В докладе Е.В. Плавской (ИАИ РГГУ) были выявлены особенности изучения журнальной публицистики второй четверти XIX в. как вида исторических источников. А.Н. Медушевский посвятил доклад изучению соотношения понятий права и справедливости в трудах юристов рубежа XIX – начала XX в. Е.В. Пчелов (к.и.н., ИАИ РГГУ) провел целостное источниковедческое исследование дневника Николая II.

Ряд докладов был посвящен проблемам источниковедения, архивоведения и археографии советского и постсоветского периодов. Н.С. Тархова (д.и.н., Российский государственный социальный университет) рассказала о результатах источниковедческого исследования целостного видового корпуса источников – делопроизводственных документов Народного комиссариата обороны СССР, а также остановилась на археографических сложностях, возникающих при их публикации. Доклад А.В. Елпатьевского (к.и.н., ВНИИДАД) был посвящен проблеме восприятия советской действительности испанцами, воспитывавшимися в СССР, а затем вернувшимися на родину. Для решения этой проблемы автор разрабатывает комплекс мемуарных источников, особое внимание обращая на факт написания мемуаров по возвращении из СССР в Испанию. С.И. Садовников (к.и.н., Учебный центр Федерального института развития образования) предложил опыт просопографического исследования «Рота капитана Н.И. Садовникова в боях за Мелитополь (1943 г.)». Б.С. Илизаров (д.и.н., ИРИ РАН) дал источниковедческий анализ ответа И.В. Сталина на письмо студента А. Холопова в связи с языковедческой дискуссией 1950 г. В докладе В.Д. Банасюкевича (к.и.н., ВНИИДАД) дан источниковедческий и архивоведческий анализ обращений граждан в федеральные органы государственной власти. Здесь важно акцентировать внимание на том, что практически во всех представленных в этой секции докладах классическая источниковедческая разработка видового комплекса исторических источников, по логике самого исследования, выводит авторов в сопредельные предметные области археографии, просопографии, истории ментальностей и т.д.

В ходе Чтений и «круглого стола» по книге О.М. Медушевской «Теория и методология когнитивной истории» (М., РГГУ, 2008) выступавшими (С.О. Шмидт, В.А. Муравьев, Б.С. Илизаров, Н.И. Басовская, М.Ф. Румянцева, В.М. Магидов, А.В. Елпатьевский, В.Д. Банасюкевич, И.В. Сабенникова, Е.Н. Швейковская (д.и.н., Археографическая комиссия РАН), С.И. Маловичко, Т.М. Горяева, Т.И. Хорхордина, преподаватели, архивные и музейные работники Н.С. Тархова, Ю.Э. Шустова, Е.В. Пчелов, Р.Б. Казаков (ИАИ РГГУ), Л.Б. Сукина (канд. культурологии, Институт программных систем – «Университет города Переславля»), Г.Н. Савельева (к. филол. н., РГГУ), Г.Р. Саатчан (ООО «Развивающие и формативные технологии»), Н.В. Нор (ГИМ), А.М. Булагов (РГГУ)) были поставлены проблемы истории как строгой науки, эмпирического объекта исторического знания, феноменологической парадигмы источниковедения в системе гуманитарного знания, интеллектуальных источников концепции О.М. Медушевской, ее места в системе эпистемологии XX – начала XXI вв., ее значения для современной науки, гуманитарного образования и социальной практики в ее широком понимании.

Подчеркивалось, что концепция О.М. Медушевской – имеет фундаментальный характер, представляет переломный этап развития науки, формулирует основу современного гуманитарного познания и создает новый язык науки – развернутую систему определений и терминов и поэтому должна быть положена в основу университетского преподавания. В результате принятия данной концепции история выступает как точная наука, способная не только представлять описательные (нарративные) схемы, но и создавать доказательные вариативные модели изучаемых явлений; наконец, возникает возможность нового междисциплинарного синтеза истории с другими науками, добившимися сходных (верифицируемых) результатов в этой области (как например, право, структурная лингвистика, антропология, изучающая «вещи» и их социальное функционирование).

В рамках когнитивно-информационной парадигмы Медушевской, – отмечали все участники «круглого стола», – выясняется значение общей концепции гуманитарного образования в РГГУ, прежде всего его источниковедческой и историко-архивной составляющей, принципиальной

для формирования исследователя и вообще критически мыслящей личности. Всякая дисциплина и отдельные ее представители находят свое адекватное место в рамках гуманитарного познания: философия, теория информации и искусственного разума, историография, филология, антропология, источниковедение, архивоведение, архивистика, вспомогательные исторические дисциплины – оказываются объединены не механически, но выступают как звенья одной познавательной и педагогической логики.

Таким образом, в рамках Чтений памяти О.М. Медушевской были представлены самые разные проблемные области гуманитарного и социального знания и широкий хронологический спектр исследований по российской истории и источниковедению. На первый взгляд, такое разнообразие может восприниматься, по-видимому, как стремление охватить все разнообразие научных интересов Медушевской. Но дело все-таки не в этом или не только в этом. Да, на протяжении своей долгой научной жизни она обращалась и к проблемам архивоведения, и к тематике исторической географии и картографии, и к исследованию крупных видовых комплексов исторических источников советского времени¹. Но гораздо важнее, что в последние десятилетия О.М. Медушевская разрабатывала целостную источниковедческую концепцию, дающую надежный метод получения строгого научного знания в разных областях гуманитаристики и социального знания, и в самое последнее время ей удалось предложить научному сообществу принципиально новую парадигму «когнитивной истории», в теоретическом пространстве которой – с большим или меньшим успехом – работают ее ученики, последователи и коллеги, разделяющие ее методологические устремления. Именно это единство устремлений к когнитивной ориентированности, методологической рефлексии и продемонстрировали участники Чтений.

Кафедра источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин выдвинула предложение о включении в название Историко-архивного института имени О.М. Медушевской.

Материалы Чтений памяти О.М. Медушевской подготовлены к изданию.

**Е.В. Плавская,
М.Ф. Румянцева, кандидат исторических наук
(Историко-архивный институт РГГУ)**

Примечание

¹ См.: Казаков Р.Б., Румянцева М.Ф. О.М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения // *Российская история*. 2009. № 1. С. 141–150.

Международная научная конференция «Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра»

100 лет назад в Санкт-Петербурге произошли события, имеющие важнейшее значение для мировой истории женского движения. 10 декабря 1908 г. в зале городской думы открыл работу I Всероссийский женский съезд. Собрание это поражаало современников своей представительностью: на его заседаниях присутствовали более тысячи делегатов, треть которых составляли жительницы ближних и самых отдаленных окраин империи, его деятельность освещали более 100 корреспондентов не только столичных и провинциальных газет, но и иностранных изданий, его открытие приветствовали городской голова Н.А. Резцов, известный историк Н.И. Кареев, депутат I Государственной думы Л.И. Петражицкий и другие. За 7 дней работы съезда были заслушаны сотни докладов, а некоторые читались повторно, поскольку нанятые для проведения съезда помещения не могли вместить всех желающих присутствовать на заседаниях секций.

Прения по докладам порой выливались в жаркие споры, особенно когда дело касалось политических резолюций или обсуждения вопроса о судьбе женского движения в России. Несмотря на ряд запретов и жесткий контроль во время проведения съезда (на всех собраниях находились полицейские приставы), поборницы женского равноправия затрагивали самые острые социальные и политические проблемы своего времени, говорили о готовности и способности женщин внести свой вклад в решение разных задач – от борьбы с проституцией и организации женского образования до аграрной реформы и обеспечения женского представительства в политике. Постановление о создании общероссийской организации, которая сплотила бы женское движение, можно считать главным достижением I Всероссийского женского съезда.

В память о тех событиях и в ознаменование того вклада, который внесли в историю России первые «равноправки», 21–23 марта 2008 г. в Санкт-Петербурге была проведена международная научная конференция «Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра». Она объединила исследователей женского социального опыта, женской повседневности, борьбы за интересы женщин, представляющих как Россию и ближнее зарубежье, так и страны Западной Европы и США. Этот научный форум показал, что тематика женской истории и гендерных исследований актуальна и востребована, число заинтересованных участников обсуждения растет, а поставленных вопросов значительно больше, чем ответов. На пленарных и секционных заседаниях поднимались проблемы, волновавшие наших предшественниц столетие назад, и намечались новые сюжеты, продиктованные современностью.

О становлении и развитии этого нового научного направления в России, о сложностях и противоречиях, возникающих в рамках академического сообщества историков, и о перспективах развития женской истории говорила на первом пленарном заседании председатель Национального комитета историков-женщин РФ д.и.н. Н.Л. Пушкарева (Санкт-Петербург)¹. Она отметила, что «женская тема», не являясь приоритетной или востребованной самостоятельной областью исторических изысканий, развивалась в нашей стране десятилетиями параллельно с эволюцией «женских исследований» и «женской истории» в США и Западной Европе. И если за «железным занавесом» возникновение гендерной теории происходило в лоне феминистского сознания и по сути было частью феминистской политики, то в российском контексте история женщин лишена «запальчивости и радикализма», «более академична по характеру», а гендерная история, призывающая к пересмотру принципов мышления и подходов к анализу прошлого, все еще находится в стадии становления. Особенностью нынешнего этапа развития женских и гендерных исследований Пушкарева считает «сосуществование» представителей двух течений: одно отличается попытками изучать женщин в истории, опираясь на аналитический инструментарий феминизма, другое стремится откеститься от него и создавать исследования, претендующие на полную «независимость». Она назвала такое сосуществование «мирным», поскольку порой сторонницы этих подходов предпочитают не замечать друг друга. Однако путь к успеху всего направления женской и гендерной истории лежит, по ее мнению, в развитии диалога между представителями научных групп.

Один из главных организаторов научной встречи – к.и.н. М.Г. Муравьева (Санкт-Петербург) подчеркнула, что осмысление правового положения женщин (а именно такой акцент был задан названием научного мероприятия, проводимого на базе юридического факультета университета) невозможно без обращения к самым разным аспектам сосуществования женщин и мужчин в прошлом и настоящем, без анализа соответствующего гендерного порядка и дискурсивных значений публичного и приватного в различные эпохи. Поэтому узкоспециальные, на первый взгляд, формулировки не должны помешать встрече и плодотворному сотрудничеству представителей всех направлений в области женских и гендерных исследований.

Как и следовало ожидать, почетное место в повестке конференции заняли сюжеты, связанные с историей женского движения в России вообще и I Всероссийского женского съезда 1908 г., в частности. Пленарный доклад к.с.н. И.И. Юкной (Санкт-Петербург) был посвящен оценке достижений и потере русского феминизма на рубеже XIX–XX вв.² При всей кажущейся узости феминистского движения («это было городское движение женщин привилегированных групп»), ориентированных на решение исключительно женских проблем, подчеркнула докладчица, оно существенно повлияло на общественное сознание и продвижение России по пути модернизации, в том числе – на принятие закона 1912 г. о страховании рабочих, на достижение равенства в избирательном праве (за несколько месяцев до прихода к власти большевиков в 1917 г.). Большой интерес и оживление вызвало выступление проф. Р. Рутчильд (Гарвард, США), известного знатока истории и историографии женского движения дореволюционной России. Ее доклад «Съезд 1908 г., его значение тогда и теперь» был построен вокруг развенчания мифов, сопровождающих как историю съезда, так и историю движения женщин в России вообще. Так, вопреки устоявшемуся мнению, съезд не был собранием лишь представительниц петербургской элиты и «сливок» провинциального общества. Большинство его участниц составляли группы женщин-профессионалов, происходивших из разных социальных страт и выражавших интересы значительного числа россиянок. Потому и вопросы, касающиеся положения работниц и крестьянок, занимали далеко не последнее место в выступлениях участниц и участников заседаний. Не подтверждается и тезис о том, что доминирующие позиции на съезде занимали кадетки, которые якобы «лоббировали» партийные интересы. Наконец, Р. Рутчильд подвергла сомнению и распространенное утверждение о незначительном воздействии съезда на общественное мнение и на развитие женского движения.

Эти и другие темы получили развитие в ходе работы секций. Автор этих строк в своем выступлении, например, сделала акцент на особой мобилизующей роли событий столетней давности. Первый женский съезд собрал воедино разрозненные и политически неоднородные женские группы и заложил основу для создания общероссийской организации феминисток.

В этой связи часто встречающиеся в историографии утверждения о спровоцированном так называемой «рабочей группой» расколе якобы монолитного движения россиянок на «буржуазную» и «пролетарскую» ветви выглядят очередным мифом. Несколько других докладов также было посвящено анализу женского активизма в XIX – начале XX в. О.А. Волкова (Минск) поведала о малоизвестных страницах истории первой женской политической партии в России – Женской прогрессивной партии во главе с М. Покровской. М.С. Воронина (Харьков) и И. Сикорска-Кулеша (Варшава) описали специфику положения женщин и их борьбы за свои права в западных губерниях Российской империи. Сообщения О.В. Шныровой (Иваново) и Д.Б. Вершининой (Пермь) о британских суфражистках помогли поместить рассуждения о русском феминизме в более широкий интернациональный контекст.

Особого внимания заслуживает изучение различных общественных дискурсов, сложившихся в России вокруг «женского вопроса», и участницы конференции не обошли и эту тему. Так, Н.Н. Козлова (Тверь) проанализировала публицистику противников женского равноправия и продемонстрировала, как в этих текстах переплетаются господствующие гендерные стереотипы и националистическая риторика. Осмыслению теоретического наследия российских народников посвятила свое выступление Г.Н. Яковлева (Витебск), а Е.И. Трофимова (Москва) затронула проблему восприятия теоретического и литературного наследия А.М. Коллонтай.

В работе других секций получило отражение все многообразие социального и культурного опыта женщин, наших предшественниц и современниц. Много внимания было уделено трактовке правового положения и общественных возможностей представительниц разных сословий, регионов и эпох. Не менее востребованной оказалась тематика, связанная с изучением женской повседневности и антропологией женского тела. Презентация различных подходов к изучению девичества в докладах Э.М. Шарифуллиной (Ульяновск), А.А. Темкиной (Санкт-Петербург) и М.В. Золотухиной (Москва) дополнялась анализом практик материнства в выступлении Ю.В. Градской (Стокгольм), эволюции отношения к браку и семье в работах А.Н. Дулова (Витебск), Т.Ф. Шубиной (Архангельск), Е.М. Жидковой (Самара) и др. Группа исследователей посвятила свои усилия изучению влияния войн на формирование женской идентичности. Например, П.П. Щербинин (Тамбов) показал, что военные конфликты и революционные потрясения начала XX в. способствовали развитию общественной инициативы и самостоятельности женщин в городах Черноземного центра России, а О.В. Чуракова (Архангельск) проследила за изменением правосознания и идентичности россиянок в годы Первой мировой войны. Темы женского письма и самоописания прозвучали в докладах К. Сарсенов (Лунд, Швеция), Э-Б.М. Гучиновой (Москва) и др. Значительное место в программе конференции было отведено интерпретации проблем современности: особенностям женского политического участия и женского движения в России и в странах ближнего зарубежья, трансформации гендерного порядка. В частности, петербургский социолог Е.А. Здравомыслова очертила параметры нового гендерного контракта, который, по ее мнению, может быть выражен красноречивой формулой «коммерциализация заботы». Наконец, нельзя не отметить работу «круглого стола» «Насилие над женщинами», объединившего историков, социологов и правоведов в обсуждении актуальной теоретической, политической и социальной проблемы.

Три дня напряженной работы оставили впечатление живого и заинтересованного общения единомышленников. Конференция создала пространство, в котором мы получили возможность «говорить» на одном «языке» – языке сообщества исследователей. Кстати, это выражение имеет и буквальный смысл, ведь все зарубежные участницы читали доклады на русском языке. Добавлю, что довольно полное представление о масштабе и географии конференции, о содержании выступлений и всем разнообразии мнений и исследовательских позиций позволяет составить сборник, вышедший из печати накануне открытия этого научного форума³.

В ходе его работы произошло еще одно важное событие, которое, я надеюсь, станет этапом в развитии отечественной историографии. На организационном заседании участницы и участники конференции заявили о создании Российской ассоциации исследователей истории женщин и гендерной истории. Ассоциация представляет собой российский национальный комитет Международной федерации исследователей женской истории (МФИЖИ), образованной в 1987 г. Первая конференция вошедших в ее состав организаций была проведена в 1989 г. в Белладжио (Италия), и с этого времени создатели женской истории встречаются регулярно, практически ежегодно. С 1990 г. МФИЖИ входит в состав Международного конгресса историков (МКИ), собирающегося раз в пятилетие, на правах аффилированного члена конгресса. Ближайший научный форум МКИ состоится 22–28 августа 2010 г. в Амстердаме.

Цель МФИЖИ состоит в поддержке исследовательниц и исследователей, чья сфера научных интересов связана с историей женщин, женского социального опыта и аксиосферы женского, в

координации деятельности национальных комитетов историков женщин разных стран, которые служат связующими звеньями между МФИЖИ и отдельными исследователями темы в разных странах. Формы сотрудничества участников Федерации весьма разнообразны. Они включают в себя организацию международных и региональных конференций (последняя состоялась в августе 2007 г. в Софии), «круглых столов», семинаров, поддержку издательских проектов⁴.

На петербургской конференции в марте, наконец, поставлена точка в затаившемся процессе организационного оформления российского национального комитета Федерации. Участники ассоциации единодушно избрали председателем национального комитета Н.Л. Пушкареву, вклад которой в развитие и институционализацию российской женской истории сделал ее признанным лидером этого историографического направления. Справедливости ради следует уточнить, что эта конференция стала плодом усилий маленькой инициативной группы, представлявшей Россию на форуме МФИЖИ в Софии, и потому проходила под эгидой Международной федерации исследователей истории женщин.

Конференция показала, что число исследователей женской темы растет, и сегодня у нас есть силы и возможности для плодотворной совместной работы, а российская женская история может быть достойно представлена на мировом уровне.

**Н.В. Новикова, кандидат исторических наук
(Ярославский государственный педагогический университет)**

Примечания

¹ Высказанные с трибуны идеи Н.Л. Пушкарева развивает в своей последней монографии: *Пушкарева Н.Л. Гендерная теория и историческое знание*. СПб., 2007.

² Недавно вышла из печати ее книга, анализирующая теорию и практику русского феминистского движения: *Юкина И.И. Русский феминизм как вызов современности*. СПб., 2007.

³ См.: *Гендерное равноправие в России. Мат-лы междунар. науч. конф., посвященной 100-летию I Всероссийского женского Съезда 1908 г.* 21–23 марта 2008 г. СПб., 2008.

⁴ Примером такого сотрудничества стало издание объемного биографического словаря деятелей женского и феминистского движения стран Восточной Европы. См.: *A Biographical Dictionary of Women's Movements and Feminisms. Central, Eastern, and South Eastern Europe: 19th and 20th centuries*. Budapest, 2006.

Власть – общество – личность в истории России

28–29 ноября 2008 г. в Смоленском государственном университете (СмоГУ) проходила ставшая уже традиционной III Всероссийская (с международным участием) научная конференция молодых историков, посвященная проблеме «Власть – общество – личность в истории России». Конференция была приурочена к 90-летию университета и проведена при поддержке Администрации г. Смоленска. Приветствие участникам направил председатель оргкомитета, ректор СмоГУ, д.и.н. Е.В. Кодин. С приветственным словом выступил декан исторического факультета университета С.А. Кремень.

Пленарное заседание было посвящено юбилею СмоГУ и обсуждению современных проблем преподавания истории и подготовки ученых-историков в региональных вузах. Заведующий кафедрой истории России д.и.н. О.В. Козлов посвятил доклад специфике научной подготовки студентов и аспирантов на историческом факультете СмоГУ. Профессор Б.И. Понарицын (Пермь) предложил в своем выступлении пути повышения интереса студентов к истории в процессе ее преподавания. М.В. Каиль (СмоГУ) остановился на научной работе исторического факультета СмоГУ на протяжении всей его истории, отметив специфику современных научных направлений по изучению сталинизма в российской провинции (рук. проф. Е.В. Кодин), а также истории учреждений культуры и образования в провинции рубежа XIX–XX вв. (рук. проф. О.В. Козлов).

На рабочих заседаниях четырех секций с сообщениями выступили более 40 молодых ученых, представлявших на конференции образовательные и научные учреждения Москвы, Санкт-Петербурга, Твери, Перми, Калуги, Брянска, Воронежа, Ставрополя, Тулы, Рязани, Белгорода. Мероприятие предусматривало и заочное участие. Благодаря этому в сборник материалов конференции¹ вошли также работы ученых из отдаленных регионов России и ближнего зарубежья.

Самой многочисленной по составу участников оказалась секция «Власть и общество: опыт взаимоотношений в России». В сфере внимания ученых оказались проблемы социальной политики, идеологии, реалии политической жизни страны в контексте взаимоотношений власти и различных общественных сил, а также отдельных личностей. Большинство докладов были посвящены советскому времени. Оживленную дискуссию вызвал доклад Е.В. Киселевой (Брянск) «Формирование культа брянского большевика И. Фокина. 1917–1922 гг.». К малоизученным аспектам нэпа обратились Е.В. Семенко (Воронеж) и А.Н. Жуков (СмоГУ). Проблемы политических репрессий и их идеологии объединили сообщения О.Л. Шариповой и О.В. Корниловой (СмоГУ), С.С. Малофеева (Тула) и П.А. Северинца (Москва). Осмыслению взаимоотношений власти и общества в истории постсоветской России, выявлению критериев ее периодизации было посвящено выступление Д.А. Пушмина (РГГУ, Москва).

В рамках секции, посвященной истории общественных институтов, рассматривалась специфика Земских соборов XVI в. – М.Ю. Мартынова (Рязань), становление суда присяжных в России – И.А. Игнатенкова (СмоГУ), особенности сельских выборов в провинции (на примере Вологодского уезда) конца XIX столетия – Д.А. Мухин (Европейский университет, Санкт-Петербург), специфика формирования исторической памяти о деятельности земства – Е.С. Данович (СПбИИ РАН), работа Всероссийского союза земств и городов в годы Первой мировой войны – П.В. Забелин (СмоГУ).

Немалый интерес исследователей вызвала работа секции «Проблемы развития духовности и религиозных институтов в истории России. История Русской православной церкви», подготовленной и проведенной при поддержке исторического факультета Тверского государственного университета (ТвГУ) и лично д.и.н., проф. Т.Г. Леонтьевой. Специфике применения феноменологического подхода в практике исследования древнерусского агнографического наследия было посвящено выступление Н.В. Башнина (Европейский университет, Санкт-Петербург). Д.А. Беговатов (ТвГУ) проанализировал информационный потенциал дневников тверского духовенства. М.В. Каиль (СмоГУ) коснулся специфики реализации первых декретов советской власти в отношении Русской православной церкви в провинции. К проблемам епархиальной жизни в годы Великой Отечественной войны обратились Д.И. Черняков (Брянск) и иеромонах Серафим (Амельченков) (Смоленск).

Для обсуждения историографии и источниковедения рассматриваемых в рамках тематики конференции проблем была организована особая секция, работа которой была построена вокруг сообщений представителей источниковедческой школы Историко-архивного института РГГУ: Д.И. Алексеевой, Е.А. Долговой, П.А. Алипова.

Проблемы современной системы высшего исторического образования, функционирования и работы инициативных объединений молодых исследователей стали темой работы круглого стола, завершавшего рабочую программу конференции. Участники дискуссии поделились своими взглядами и оценками успехов, проблем и перспектив молодежной науки в России и высказали убеждение в том, что работа молодежного научного объединения историков СмоГУ являет собой пример позитивного развития этой сферы. Организаторы конференции отметили рост интереса молодых ученых к обсуждаемой тематике.

В дни работы конференции ее участники получили возможность познакомиться с городом и совершить историко-культурную поездку в имение В.Н. и М.К. Тенишевых в Талашкино.

**Е.В. Козин, доктор исторических наук,
М.В. Каиль
(Смоленский государственный университет)**

Примечание

¹ Власть – общество – личность в истории России: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции молодых ученых. Смоленск, 28–29 ноября 2008 г. Смоленск, 2008.

Чтения, посвященные 80-летию со дня рождения В.Г. Тюкавкина и А.Г. Кузьмина

29–30 октября 2008 г. на базе Учебно-научного центра актуальных проблем исторической науки и образования Московского педагогического государственного университета в рамках плана научных мероприятий и Инновационной образовательной программы МПГУ прошли Чтения, посвященные 80-летию со дня рождения В.Г. Тюкавкина и А.Г. Кузьмина.

Исследования В.Г. Тюкавкина по проблемам социально-экономического и политического развития России рубежа XIX–XX вв. и А.Г. Кузьмина, затрагивающие широкий спектр вопросов истории домонгольской Руси, прочно вошли в золотой фонд отечественной историографии. Около 30 лет их научной и образовательной деятельности неразрывно связаны с историческим факультетом МПГУ. Тюкавкин и Кузьмин подготовили десятки докторов и кандидатов наук, работающих в настоящее время как в МПГУ, так и других педагогических вузах России, научных организациях РАН, музеях, архивах, учреждениях образования различного уровня.

В Чтениях приняли участие представители четырех академических институтов (Институт российской истории РАН, Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН, Институт социологии РАН, Институт теории и истории педагогики РАО), свыше 30 вузов России.

В ходе пленарного заседания и работы 4 секций было заслушано свыше 80 докладов и сообщений. Особый интерес вызвали выступления руководителя Центра истории русского феодализма ИРИ РАН, профессора, д.и.н. Н.М. Рогожина, почетного профессора МПГУ, д.и.н., заведующего кафедрой новейшей отечественной истории МПГУ Э.М. Шагина, известного писателя Ю.М. Лошица, профессора, д.ф.н., ведущего научного сотрудника ИРЛ РАН С.Н. Азбелева, профессора кафедры Истории России МПГУ, д.и.н. М.Ю. Лачаевой, профессора, д.и.н., сопредседателя правления Союза писателей России С.В. Перевезенцева, профессора, д.и.н., и.о. заведующего кафедрой Истории России МПГУ, Проректора МИОО А.В. Лубкова, д.и.н., ведущего научного сотрудника ИРИ РАН К.А. Аверьянова.

С докладом по проблеме отражения новейшей отечественной истории в современных вузовских учебниках выступил доц., к.и.н., заместитель директора Российского государственного архива экономики С.И. Дегтев.

Активное участие в работе секции приняли студенты, аспиранты и молодые ученые, продемонстрировавшие высокий уровень владения навыками самостоятельного научного исследования.

**Г.А. Артамонов, кандидат исторических наук
(Московский педагогический государственный университет)**

Юбилей Е.И. Пивовара

15 декабря отмечает свой 60-летний юбилей член-корреспондент РАН, профессор, доктор исторических наук, ректор Российского государственного гуманитарного университета Ефим Иосифович Пивовар.

С момента поступления на исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Е.И. Пивовар посвятил делу служения исторической науке и образованию всю свою жизнь. Он представляет собой образец настоящего ученого, которого всегда отличали высочайший профессионализм, скрупулезность в исследовательской работе и научная смелость.

За годы своего труда Е.И. Пивовар внес и продолжает вносить заметный вклад в развитие таких направлений как теория истории, источниковедение, изучение русского зарубежья и постсоветского пространства.

Работая заведующим отдела истории СССР за рубежом, а затем историографии, источниковедения, методов исторического исследования журнала «История СССР», заместителем главного редактора журнала «Отечественная история», членом международного редакционного совета и заместителем главного редактора международного альманаха «Исторические записки», членом редколлегии журналов «Российская история» и «Вестник архивиста» Е.И. Пивовар проявил себя как крупный организатор в области исторической научной периодики.

Труды юбиляра, посвященные исследованиям в области социальных явлений и последствий научно-технической революции для истории России XX в., показывающие коренные изменения различных социальных групп в эпоху НТР, стали новым шагом в социальных исследованиях в отечественной историографии, заложили прочный методологический, историографический и источниковедческий фундамент для дальнейшего развития этой проблематики. Вместе с академиками И.Д. Ковальченко, Л.В. Миловым, профессором В.З. Дробижевым Е.И. Пивовар участвовал в создании отечественной школы количественных методов в исторических исследованиях.

Большое внимание Ефим Иосифович уделяет изучению русского зарубежья, русской эмиграции. Его работа в этом направлении, важным творческим результатом которой стала монография «Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии», показывает, что осмысление «русского мира» в международном контексте, в том числе на постсоветском пространстве, является не только условием формирования объективного взгляда на мировой исторический процесс, но и важной составляющей для понимания современных социокультурных процессов и их прогнозирования.

Е.И. Пивовар стал основоположником российской школы изучения истории постсоветского зарубежья. В монографии «Постсоветское пространство: альтернативы интеграции» впервые системно и комплексно рассматриваются предпосылки, современное состояние и перспективы интеграции стран, ранее входивших в качестве союзных республик в состав СССР, заметное внимание уделяется такому важному и малоизученному аспекту как социокультурная интеграция, в том числе и взаимодействие в сфере образования и науки.

Создание и успешное развитие под руководством Е.И. Пивовара кафедры стран постсоветского зарубежья РГГУ и кафедры стран ближнего зарубежья на историческом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова стало важным шагом в популяризации постсоветского пространства как объекта изучения. Студенты, специализирующиеся на этих кафедрах получают комплекс знаний, который позволяет им стать не просто квалифицированными, но и востребованными специалистами.

Сегодня, занимая высокий пост ректора Российского государственного гуманитарного университета, Е.И. Пивовар много делает для развития этого крупного учебно-научного центра как современного конкурентоспособного университета исследовательского типа, для укрепления инновационной составляющей и потенциала всего российского образования.

Редакция журнала «Российская история» от всей души поздравляет юбиляра и желает ему крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Докторские диссертации по отечественной истории, утвержденные президиумом ВАК Министерства образования и науки Российской Федерации в мае – ноябре 2008 г. (специальность 07.00.02 – отечественная история и 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования)

1. *Гребеницкова Галина Александровна.* «Балтийский флот в период правления Екатерины II: проблемы развития и роль в системе самодержавной монархии». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Санкт-Петербургском государственном морском техническом университете, где работает соискательница; защищена в Северо-Западной академии государственной службы.

2. *Янковская Галина Александровна.* «Социальная история изобразительного искусства в годы сталинизма: институциональный и экономический аспекты». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Пермском государственном университете, где работает соискательница; защищена в Томском государственном университете.

3. *Пелих Алексей Леонидович.* «Политика Советского государства по организации и развитию научных исследований в 1917–1991 гг.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Армавирском государственном педагогическом университете, где работает соискатель; защищена в Московском педагогическом государственном университете.

4. *Кириллов Павел Васильевич.* «Государственная политика модернизации профессионального образования в России (конец 1980-х–2005 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Российском государственном университете туризма и сервиса; защищена в Московском педагогическом государственном университете; соискатель работает в Волгоградском государственном колледже профессиональных технологий, экономики и права.

5. *Ефремов Валерий Яковлевич.* «Деятельность властных структур по укреплению морального духа Вооруженных сил Советского государства (1918–1991 гг.). Историографическое исследование». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Самарском государственном педагогическом университете; защищена в Московском государственном областном университете; соискатель работает в Вольском высшем военном училище тыла (военный институт) МО РФ.

6. *Новожилов Валерий Юрьевич.* «Деятельность государственных структур по формированию духовной культуры армии императорской России (вторая половина XIX – начало XX в.). Историографическое исследование». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Московском университете МВД России; защищена в Военном университете МО РФ; соискатель работает в Центральном музее внутренних войск МВД РФ.

7. *Павловский Игорь Владимирович.* «Государство и общество средневековой Руси. Западные влияния и отечественный культурный фонд». Специальность 24.00.01 (теория и история культуры).

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, где работает соискатель.

8. *Тихонов Андрей Константинович.* «Политика Российской империи по отношению к католикам, мусульманам, иудеям в последней четверти XVIII – начале XX в.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Санкт-Петербургском государственном университете; соискатель работает во Владимирском филиале Российской академии государственной службы при Президенте РФ.

9. *Кевбрина Ольга Борисовна.* «Становление и развитие кооперативной школы Республики Мордовия (1925–2005 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Саранском кооперативном институте Российского университета кооперации, где работает соискательница; защищена в Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева.

10. *Дутчак Елена Ерофеевна.* «Старообрядческие таежные монастыри: условия сохранения и воспроизводства социокультурной традиции (вторая половина XIX – начало XXI в.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Томском государственном университете, где работает соискательница.

11. *Сухова Ольга Александровна.* «Социальные представления и поведение российского крестьянства в начале XX в. 1902–1922 гг. (По материалам Среднего Поволжья)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Пензенском государственном педагогическом университете им. В.Г. Белинского, где работает соискательница; защищена в Самарском государственном университете.

12. *Дашкевич Людмила Александровна*. «Городская школа в общественной и культурной жизни Урала конца XVIII – первой половины XIX в.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте истории и археологии УрО РАН, где работает соискательница.

13. *Казьмина Ольга Евгеньевна*. «Русская Православная Церковь и новая религиозная ситуация в современной России (этноконфессиональная составляющая проблемы)». Специальность 07.00.07 (этнография, этнология и антропология).

Диссертация выполнена и защищена в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, где работает соискательница.

14. *Куприянов Александр Иванович*. «Культура горожан русской провинции конца XVIII – первой половины XIX в.: Опыт межрегионального исследования». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Институте российской истории РАН, где работает соискатель.

15. *Штейн Михаил Гиршевич*. «Дворянские роды Ульяновых и Лениных в истории России». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Республиканском гуманитарном институте Санкт-Петербургского государственного университета; защищена в Санкт-Петербургском государственном университете; соискатель работает в Санкт-Петербургском институте иудаики.

16. *Савчук Наталья Васильевна*. «Социально-экологические проблемы хозяйственного освоения Ангаро-Енисейского региона (1950-е–1991 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Ангарской государственной технической академии, где работает соискательница; защищена в Иркутском государственном университете.

17. *Лимонова Мария Александровна*. «Студенческая молодежь Российской Федерации в эпоху системных реформ (1985–2003 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете, где работает соискательница.

18. *Федоренко Олег Иванович*. «Российское крестьянство в 1953–1991 гг.: производственная деятельность, культурный уровень, образ жизни». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете; соискатель работает в Краснодарском филиале Московского педагогического государственного университета.

19. *Шинин Олег Васильевич*. «Деятельность органов государственной безопасности в межвоенные годы 1922–1941 гг. (На материалах Дальневосточного региона СССР)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете; соискатель работает в Федеральной службе безопасности Российской Федерации.

20. *Софронов Вячеслав Юрьевич*. «Миссионерская деятельность Русской Православной Церкви в Западной Сибири в конце XVII – начале XX в.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Алтайском государственном университете; соискатель работает в Тобольском государственном педагогическом институте им. Д.И. Менделеева.

21. *Кузнецов Сергей Олегович*. «Государственная и меценатская деятельность рода Строгоновых в имперский период». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Санкт-Петербургском государственном политехническом университете, защищена в Северо-Западной академии государственной службы; соискатель работает в Государственном Русском музее (филиал – Строгановский дворец).

22. *Черкасов Александр Арвелодович*. «Гражданская война на Кубани и Черноморье (1917–1922 гг.): “третья сила” в социально-политическом противостоянии». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Сочинском государственном университете туризма и курортного дела, где работает соискатель; защищена в Ставропольском государственном университете.

23. *Поправко Елена Александровна*. «История музейного дела в Приморском крае (1941–2000 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Дальневосточном государственном университете, где работает соискательница; защищена в Северо-Западной академии государственной службы.

24. *Бондарев Виталий Александрович*. «Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20-х – начале 40-х гг. XX в. (на материалах Ростовской обл., Краснодарского и Ставропольского краев)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Южно-Российском государственном техническом университете (Новочеркасский политехнический институт), где работает соискатель; защищена в Ставропольском государственном университете.

25. *Балыбердин Юрий Александрович*. «Общественно-политическая жизнь в Вятско-Камском регионе в начале XX в. (1900–1914 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете; соискатель работает в Вятском государственном гуманитарном университете.

26. *Шаргородская Софья Борисовна*. «Формирование системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях нарастания угрозы международного терроризма (1992–2004 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Институте международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, где работает соискательница; защищена в Московском педагогическом государственном университете.

27. *Балалыкин Дмитрий Алексеевич*. «Русский религиозный раскол в контексте церковно-государственных отношений второй половины XVII в. в отечественной историографии». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена в Московском государственном университете сервиса, защищена в Российском университете дружбы народов, где работает соискатель.

28. *Баранов Валерий Петрович*. «Деятельность органов государственной власти по развитию внутренних войск МВД СССР и России в 1968–2001 гг.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Военном университете МО РФ; соискатель работает в Главном командовании внутренних войск МВД РФ.

29. *Старшова Наталья Ивановна*. «Политика государства по социальному развитию российского села: 1985–2007 гг. (на материалах областей Поволжья)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Саратовском государственном социально-экономическом университете; соискательница работает в Правительстве Саратовской области.

30. *Коровин Владимир Викторович*. «Организация сопротивления в тылу немецко-фашистских войск на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Курском государственном университете, защищена в Курском государственном техническом университете, где работает соискатель.

31. *Белоусов Игорь Иванович*. «Кадровая политика Российского государства в армии и на флоте в XVIII в.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Военном университете МО РФ, где работает соискатель.

32. *Борисов Валерий Михайлович*. «Высшая школа Российской Федерации в условиях системы реформ (1984–1999 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Московском государственном гуманитарном университете им. М.А. Шолохова, где работает соискатель; защищена в Московском педагогическом государственном университете.

33. *Тарасова Светлана Владимировна*. «Исторический опыт разработки и реализации проектов реформирования системы образования Российской Федерации в 1984–2004 гг.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Московском государственном гуманитарном университете им. М.А. Шолохова, защищена в Московском педагогическом государственном университете; соискательница работает в Московском городском университете управления Правительства Москвы.

34. *Шилина Ирина Борисовна*. «Становление и развитие экономического образования в контексте природоохранной политики Российской Федерации в 1992–2003 гг.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском педагогическом государственном университете, где работает соискательница.

35. *Боленко Наталья Михайловна*. «Становление и развитие федеративных отношений в России (90-е гг. XX – начало XXI в.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена и защищена в Московском гуманитарном университете (ННОУ); соискательница работает в Первой генерирующей компании оптового рынка электроэнергии.

36. *Рыбаков Сергей Владимирович*. «Православная интерпретация русской истории в отечественной историографии». Специальность 07.00.09.

Диссертация выполнена и защищена в Институте истории и археологии УрО РАН; соискатель работает в Уральском государственном техническом университете.

37. *Чёрная Мария Петровна*. «Русский город Сибири конца XVI–XVIII вв. в археолого-исторической ретроспективе». Специальность 07.00.06 (археология).

Диссертация выполнена в Томском государственном университете, где работает соискательница; защищена в Институте археологии и этнографии СО РАН.

38. *Цыренова Зинаида Егоровна*. «Традиционная культура коренных народов Восточной Сибири (1920 – конец 80-х гг.): опыт сохранения и развития». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Иркутском государственном педагогическом университете, защищена в Бурятском государственном университете, где работает соискательница.

39. *Лукьяненко Сергей Степанович*. «Создания территориально-производственных комплексов Сибири в контексте государственной политики размещения производительных сил в восточных районах РСФСР в 60–80-е гг. XX в.». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Армавирском государственном педагогическом университете, где работает соискатель; защищена в Московском педагогическом государственном университете.

40. *Магомаев Ваха Хасаханович*. «Социально-экономическое развитие республик Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Чеченском государственном университете, где работает соискатель; защищена в Московском педагогическом государственном университете.

41. *Любичанковский Сергей Валентинович*. «Губернская администрация и проблема кризиса в позднемперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.)». Специальность 07.00.02.

Диссертация выполнена в Поволжском филиале Института российской истории РАН; защищена в Северо-Западной академии государственной службы; соискатель работает в Оренбургском государственном педагогическом университете.

42. *Титова Татьяна Алексеевна*. «Этнические меньшинства в городах Республики Татарстан». Специальность 07.00.07 (этнография, этнология и антропология).

Диссертация выполнена в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина, где работает соискательница; защищена в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова.

43. *Черных Александр Васильевич*. «Традиционная календарная обрядность русских Прикамья в конце XIX – середине XX в. (региональный аспект праздничной культуры)». Специальность 07.00.07 (этнография, этнология и антропология).

Диссертация выполнена в Институте истории и археологии УрО РАН, где работает соискатель; защищена в Институте археологии и этнографии СО РАН.

**Составлено по Протоколам Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ**

Памяти академика С.А. Платонова

В 2008 г. исполнилось 75 лет со дня смерти академика Сергея Федоровича Платонова (1860–1933) одного из основателей петербургской исторической школы. Этот год был отмечен несколькими акциями, воздавшими долг академику С.Ф. Платонову.

Многие годы Платонов был профессором Петербургского университета, директором Императорского Женского педагогического института. После Октябрьской революции он работал в междуведомственной комиссии по охране и устройству архивов упраздненных учреждений, затем – заместителем председателя Главного управления архивным делом, заведующим Петроградским отделением Главархива. В 1925–1929 гг. Платонов был директором Пушкинского Дома, а в 1925–1928 гг. – директором Библиотеки Академии наук.

Трагическую роль в судьбе ученого сыграло так называемое «дело Академии наук». 12 октября 1929 г. в управление ОГПУ по Ленинграду и области поступили агентурные сведения о хранении в Библиотеке Академии наук важных политических архивов, якобы не известных советской власти. Через комиссию по чистке аппарата Академии наук была организована проверка этих сведений. В Библиотеке были обнаружены подлинные экземпляры манифестов об отречении от престола Николая II и его брата Михаила, документы ЦК партий кадетов и эсеров, некоторые другие материалы. Вину за «сокрытие» документов (об их наличии сообщалось во ВЦИК еще в 1926 г.) возложили на Платонова. 5 ноября 1929 г. Политбюро постановило отстранить ученого от всех занимаемых им постов.

Однако этим дело не ограничилось. В ночь с 12 на 13 января 1930 г. Платонов и его дочь Мария были арестованы. Вскоре в тюрьме оказалось много его коллег, представителей старой профессуры. Среди них были Н.П. Лихачев, М.К. Любавский, Е.В. Тарле, С.В. Бахрушин, П.Г. Васенко, Ю.В. Готье, В.Г. Дружинин, Д.Н. Егоров, В.И. Пичета, Б.А. Романов, А.И. Яковлев, всего 115 человек. Им было предъявлено обвинение в участии в контрреволюционной монархической организации «Все-народный союз борьбы за возрождение свободной России». По версии ОГПУ, целью организации являлось свержение советской власти и установление конституционной монархии во главе с великим князем Андреем Владимировичем (бывшим учеником Платонова). Роль премьер-министра будущего правительства, якобы, отводилась самому Платонову.

8 августа 1931 г. пятнадцать «главных преступников», среди которых был Платонов, приговорили к 5 годам ссылки. Местом ссылки ученого и двух его дочерей назначили Самару. В этом городе Платонов умер 10 января 1933 г.

В Самаре усилиями первого проректора Самарского государственного университета профессора П.С. Кабытова после длительных переговоров с городскими властями было принято решение о переименовании улицы Вольской, на которой расположены учебные корпуса и общежития Самарского государственного университета, в улицу академика Платонова. Позднее на территории сада им. Щорса, на месте которого раньше располагалось городское кладбище Самары, где был захоронен С.Ф. Платонов, был установлен памятный знак.

17 ноября в Санкт-Петербурге была открыта мемориальная доска академику С.Ф. Платонову. Идея установки доски принадлежала С.О. Шмидту. Задуманное было реализовано благодаря усилиям Международного благотворительного фонда имени Д.С. Лихачева и поддержке Фонда «Константиновский». Доска установлена на стене дома 73–75 по Каменноостровскому проспекту, в котором академик проживал с 1916 г. по 1930 г., когда он был арестован по печально известному «академическому делу» и отправлен в ссылку в Самару. На церемонии открытия доски выступили председатель Археологической комиссии РАН С.О. Шмидт, председатель Фонда Д.С. Лихачева писатель Д.А. Гранин, директор Санкт-Петербургского Института истории РАН В.Н. Плешков, директор Библиотеки РАН В.П. Леонов, внучка академика Н.М. Платонова-Игнатова. Мемориальная доска изготовлена по проекту Вячеслава Бухаева, автора многих мемориальных досок и памятников, установленных в России и за ее пределами.

Памяти Д.И. Исмаил-Заде

23 января 2009 г. ушла из жизни д.и.н. Диляра Ибрагимовна Исмаил-Заде. Она родилась 11 октября 1931 г. в Баку в семье известных азербайджанских врачей – профессора И.М. Исмаил-Заде и академика АМН Азербайджана, офтальмолога У.С. Мусабековой. После окончания исторического факультета Азербайджанского университета Диляра Ибрагимовна работала научным сотрудником Государственного музея истории Азербайджана (1959–1965 гг.), Института истории Азербайджана Академии наук Азербайджанской ССР (1968–1970 гг.), недолго – научным редактором издательства «Советская энциклопедия» и журнала «История СССР», а с 1970 г., в течение 38 лет, была сотрудником Института российской истории РАН (с 1989 г. – в должности ведущего научного сотрудника).

Первоначальная область исследований Д.И. Исмаил-Заде – социально-экономическая история Закавказья в XIX – начале XX в. Этой теме были посвящены обе ее диссертации: кандидатская –

«Кочевое хозяйство в процессе оседания кочевников Азербайджана в XIX – начале XX в.» (1962 г.), и докторская – «Русское крестьянство в Закавказье (30-е гг. XIX – начало XX в.)» (1984 г.), защищенные в ИРИ РАН. защите докторской диссертации предшествовала книга «Русское крестьянство в Закавказье (30-е гг. XIX – начало XX в.)» (М., 1982), одна из восьми книг, написанных или подготовленных к изданию Дилярой Ибрагимовой. Историей Закавказья она продолжала заниматься и в дальнейшем. В 1991 г. увидела свет ее монография «Население городов Закавказья в XIX – начале XX в.». В конце 1990-х – начале 2000-х гг. она активно участвовала в создании сотрудниками Центра истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН четырех фундаментальных коллективных монографий: «Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления» (М., 1998), «Русское население национальных окраин России XVII–XX вв.» (М., 2000), «Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия» (М., 2003), «Русские в Евразии XVII–XIX вв. Миграции и социокультурная адаптация в иноэтнической среде» (М., 2008). Исследования Д.И. Исмаил-Заде, богатый научный опыт и огромная эрудиция выдвинули ее в ряд ведущих специалистов по истории Кавказа в нашей стране. Ее труды известны и за рубежом.

Занимаясь историей Кавказа, Диляра Ибрагимовна не могла пройти мимо той блестящей плеяды российских государственных деятелей, представители которой занимали ключевые посты в администрации Кавказского наместничества и сыграли большую роль в политико-культурном взаимодействии народов Кавказа и России. Проблемы межэтнических взаимоотношений, продуманно и во многом успешно разрешавшиеся государственными деятелями прошлого, придавали ее работам особо значимый характер. Жизни и деятельности одного из кавказских наместников, министра Императорского двора и уделов, гр. И.И.Воронцова-Дашкова (1837–1916) Д.И. Исмаил-Заде посвятила две монографии: «Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский» (М., 2005) и «И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор» (СПб., 2008). В них, помимо воссоздания биографии этого крупного государственного деятеля, опубликован целый ряд важных документов и материалов, дающих представление не только о политике кавказского наместника, но и об облике человека, принадлежавшего к культурной элите тогдашнего русского общества. Другой кавказский наместник, великий князь Михаил Николаевич (1832–1909) также привлек заинтересованное внимание исследовательницы. Диляра Ибрагимовна была превосходным знатоком истории Дома Романовых. Она одним из первых профессиональных историков обратилась к изучению истории династии Романовых, введя в научный оборот большой пласт архивных документов и фотографий. В 1992 г. вышла из печати подготовленная ею совместно с д.и.н. А.Н. Бохановым книга-альбом «Российский Императорский Дом: письма, дневники, фотографии». Это было первое издание подобного рода в новейшей отечественной историографии. Д.И. Исмаил-Заде занималась также биографией старшего сына великого князя Михаила Николаевича – Николая Михайловича (1859–1919), крупного историка и энтомолога, знатока искусства, пользовавшегося в придворных кругах славой «либерала». Диляра Ибрагимовна посвятила ему несколько работ, переиздала первую часть его исторического труда об императоре Александре I (в книге «Николай Михайлович. Император Александр I». М., 1999), а в своей книге об императрице Елизавете Алексеевне опубликовала ранее недоступную главу Николая Михайловича о романе супруги Александра I с кавалергардом А.Я. Охотниковым. Она опубликовала также переписку Николая Михайловича с императрицей Марией Федоровной, письма его брата Михаила Михайловича, документы, связанные с М.Ф. Кшесинской.

Рубеж XVIII – начало XIX вв. нашли отражение в двух книгах Д.И. Исмаил-Заде: «Императрица Елизавета Алексеевна. Единственный роман императрицы» (М., 2001), первой в истекшие десятилетия специальной монографии о супруге Александра I, и «Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания» (М., 2003), представляющей собой переиздание воспоминаний Ф.Г. Головкина, впервые вышедших в переводе с французского в 1912 г. В последние месяцы жизни Диляры Ибрагимовна успела завершить еще одну масштабную комментированную публикацию – биографию княжны В.И. Туркестановой.

Диляра Ибрагимовна была не только замечательным ученым, но и прекрасным человеком. В памяти всех, кому посчастливилось с ней общаться, она, без сомнения, оставила яркий и неповторимый след. Ее чуткость и деликатность, подлинная культура, пронизывавшая весь ее облик, рождали огромную радость от общения с ней. Всем нам, ее друзьям и коллегам, будет очень ее не хватать. После ее ухода осталось главное – прекрасные книги и благодарная память о ней, которую мы будем хранить всегда.

Друзья и коллеги

Указатель материалов, опубликованных в журнале «Российская история» в 2009 году

Актуальные проблемы исторической науки

Медушевский А.Н. – Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном познании. № 4.

Россия в мировом пространстве

Шамин С.М. – Переводы иностранной прессы в русской книжной рукописной традиции до начала XVIII в.: история изучения. № 2.

Свиридова Т.А. (Калуга) – Прусский (германский) тип местного самоуправления в русской публицистике и историко-правовой мысли (1840-е гг. – 1917 г.). № 2.

Сизоненко А.И. – Отношения России со странами Латинской Америки в XIX – начале XX в. и их освещение в отечественной историографии. № 2.

Дик Е.Н. – Российско-мексиканские отношения в 1741–1991 гг. и их влияние на Мексику. № 2.

Сапронова М.А. – Страны Магриба в военных обзорах и путевых заметках русских путешественников XIX в. № 2.

Агуреев С.А. – Восприятие Эфиопии в российском общественном сознании на рубеже XIX–XX вв. № 2.

Кострикова Е.Г. – Боснийский кризис 1908 г. и общественное мнение России. № 2.

Распопович Р. (Черногория) – Военная конвенция между Черногорией и Россией 1910 г. № 2.

Боден Р. (ФРГ) – Религиозный фактор во внешней политике СССР и советско-индонезийские отношения. № 2.

К 70-летию начала Второй мировой войны

Локальные конференции 1939–1940 гг. в контексте глобального противостояния

Сахаров А.Н. – Другая война: к выходу нового сборника документов о советско-финляндской войне. № 5.

Вихвайнен Т. (Финляндия) – К 70-летию начала «Зимней войны». № 5.

Колодникова Л.П. – Историческая память о советско-финляндской войне 1939–1940 гг. № 5.

Воронин А.В., Семенов Д.Г. (Мурманск) – Советско-финляндская война 1939–1940 гг. в Заполярье. № 5.

Бушуева Т.С. – Халкин-Гол: взгляд через 70 лет. Малоизвестные страницы предыстории Второй мировой войны. № 5.

Международные отношения в предвоенной Европе

Новиков М.В. (Ярославль) – Советский Союз и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. № 5.

Случ С.З. – Пока еще не последовали удары... Политика Германии и СССР в отношении Польши (октябрь 1938 г. – август 1939 г.). № 5.

Война, официальная пропаганда и массовое сознание

Голубев А.В. – «Мы ждали второго фронта»: союзники глазами советского общества в годы Второй мировой войны. № 6.

Мельниченко М.А. – Феномен фронтового анекдота: народное творчество или инструмент агитации. № 6.

Синицын Ф.Л. – Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1941 – первой половине 1945 г. № 6.

Война и гражданское население

«Весь народ сильно сдал телом»: война и советский тыл глазами инженера И.А. Харкевича. Публикация А.А. Гордина, Р.Е. Глинер, Н.В. Колесниковой. № 6.

Журавлев Е.И. (Ростов-на-Дону) – Гражданский коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны. № 6.

Война как профессионально-техническое противостояние

Фельдман М.А. (Екатеринбург) – Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г.: сравнительные характеристики. № 6.

Яшин С.В. (Нижний Новгород) – Органы военных сообщений Красной армии и эксплуатация железных дорог в годы Великой Отечественной войны. № 6.

Кикнадзе В.Г. – Морская радиоэлектронная разведка СССР в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. № 6.

Имперская бюрократия и реформы начала XIX в.

Чернов К.С. – «Реформа администрации должна быть предпочтительнее конституции». № 4.

Манаев Г.Г. – Правительствующий Сенат в начале XIX в.: подготовка и реализация реформы 1805 г. № 4.

Внутренняя политика России в начале XX в.

Куликов С.В. (Санкт-Петербург) – Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы. № 4.

Соловьев К.А. – Механизмы взаимодействия исполнительной и представительной ветвей власти, 1906–1914 гг. № 4.

Гайда Ф.А. – Внутриправительственные конфликты в период кризиса третьестепенной системы (1911–1917 гг.). № 4.

Высылка, чистка, террор: формы репрессивной политики

Лозбенев И.Н. – Выселение бывших помещиков из мест их проживания в регионах Центральной России в 1925–1927 гг. № 1.

Шевченко В.А. – «Необходимо ударить, кого следует, чтобы делу не мешали»: введение антирелигиозного воспитания в советской школе в 1928–1929 гг. № 1.

Киселева Е.Л. – Чистка государственного аппарата 1929–1932 гг. № 1.

Конасов В.Б., Кузьминых А.Л. (Вологда) – 1937 год: региональный аспект. № 1.

Советское общество: к переосмыслению социальной стратификации

Доброноженко Г.Ф. (Сыктывкар) – Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии. № 5.

Раков А.А. – Кто такой «кулак»? (Опыт регионального исследования по материалам архивов Южного Урала). № 5.

Зубкова Е.Ю. – На «краю» советского общества. Маргинальные группы населения и государственная политика. 1940–1960-е гг. № 5.

Город и урбанизация в российской истории

Бон Т.М. (ФРГ) – «Социалистический город» или «европейский город»: урбанизация и рурализация в Восточной Европе. № 1.

Чжан Найхэ (КНР) – Российская урбанизация в китайской перспективе: обзор исследования Чжана Гуансяна об урбанизации в России в XVIII–XIX вв. № 1.

Региональная история

Медушевский А.Н. – Региональная история в глобальном измерении. № 3.

Истомина Э.Г. – Европейский Север: региональный подход. № 3.

Европейский Север в истории России: «Круглый стол». № 3.

Россия на Севере Европы

Региональные интересы и государственные приоритеты

Федоров П.В. (Мурманск) – Северное направление российской стратегии в современной отечественной историографии. № 3.

Минаева Т.С. (Архангельск) – Беломорская внешняя торговля и таможенная политика России в XVIII в. № 3.

Лизунов П.В. (Северодвинск) – Архангельская купеческая биржа в XVIII–XIX вв. № 3.

Россия и страны Северной Европы

Такала И.Р., Соломеш И.М. (Петрозаводск) – «Неизвестная война»? Два века российской историографии русско-шведской войны 1808–1809 гг. № 3.

Рогинский В.В. – Историческое значение Фридрихсгамского мира 1809 г. для России. № 3.

Клинге М. (Финляндия) – Международные аспекты Финляндской войны. № 3.

Нильсен Й.-П. (Норвегия) – «Русская угроза» на севере Европы и Ноябрьский договор 1855 г. № 3.

Веригин С.Г., Лайдинен Э.П., Чумаков Г.В. (Петрозаводск) – СССР и Финляндия в 1941–1944 гг.: неизвестные аспекты военного противостояния. № 3.

Данилов Н.А., Козлов Д.С. (Архангельск) – Холодная война в Арктике: итоги международной научной конференции. № 3.

Север Европейской России

Церковь, духовенство и государство

Корпела Ю. (Финляндия) – Святая Анна Новгородская: факт и правда в истории. № 3.

Никонов С.А. (Мурманск) – Архивы монастырей Кольского Севера XVI – начала XVIII в. № 3.

Суслова Е.Д. (Петрозаводск) – Северное духовенство как источник пополнения приказной бюрократии XVII в.: опыт локального исследования. № 3.

Камкин А.В. (Вологда) – Сельское приходское духовенство Европейского Севера России в XVIII в. № 3.

Бардилева Ю.П. (Мурманск) – Кампания по вскрытию святых мощей и закрытие монастырей на Европейском Севере России в 1918–1929 гг. № 3.

Центр и местное управление

Ефимова В.В. (Петрозаводск) – Олонецкая губерния под управлением генерал-губернатора А.Ф. Клокачева. № 3.

Кораблев Н.А., Мошина Т.А. (Петрозаводск) – Олонецкие губернаторы эпохи Великих реформ. № 3.

Журавлев П.С. (Архангельск) – Укрупнение территорий на Европейском Севере России в 1917–1919 гг. № 3.

Бутвило А.И. (Петрозаводск) – Формирование территории Карельской Трудовой Коммуны как политическая проблема. № 3.

Революция и модернизация: социально-экономические аспекты

Саблин В.А. (Вологда) – Крестьянское хозяйство и рынок на Европейском Севере России в 1917–1920-х гг. № 3.

Филимончик С.Н. (Петрозаводск) – Процессы модернизации на Европейском Севере России в 1920–1930-х гг.: социально-экономические аспекты. № 3.

Димони Т.М. (Вологда) – Модернизация аграрной экономики на Европейском Севере России в 1930-х – первой половине 1960-х гг. № 3.

Супрун М.Н. (Архангельск) – Экономическое развитие Европейского Севера СССР в послевоенный период: основные тенденции и результаты. № 3.

Общественно-культурная и этническая среда

Биланчук Р.П. (Вологда) – Устно-письменная историческая традиция приходских сообществ середины XIX в. № 3.

Чернякова И.А. (Петрозаводск) – Местное крестьянское сообщество в Карелии XIX в. в борьбе за выживание: стратегия или интуиция. № 3.

Пашков А.М. (Петрозаводск) – Карельские просветители и краеведы середины XIX – начала XX в. № 3.

Ляхтеяники М. (Финляндия) – Саамы на европейской сцене. № 3.

Пулькин М.В. (Петрозаводск) – Евреи на Европейском Севере России: проблема адаптации (конец XIX – начало XX в.) № 3.

Максимова Л.А. (Сыктывкар) – Этнокультурные процессы в контексте экономической модернизации на Европейском северо-востоке в 1930–2000 гг. № 3.

Секиринский С.С. – Россия и Европа: польский взгляд с Русского Севера. № 3.

«Круглый стол»

100-летие «Вех». Интеллигенция и власть в России. 1909–2009. № 6.

Публикации

В августе 68-го: взгляд с другой стороны. К выходу русского перевода воспоминаний А. Дубчека. Публикация Ю.В. Богданова. № 4.

Статьи

Аврус А.И., Гапоненков А.А. (Саратов) – Саратовский университет в годы революции и Гражданской войны (1917–1920 гг.). № 4.

Банникова Е.В. (Оренбург) – Уральское купечество в русско-азиатской торговле первой половины XIX в. № 1.

Вербицкая О.М. – Население российской деревни в демографическом кризисе 1990-х гг. № 4.

Дейников Р.Т. – Россия, Турция и Крымское ханство в 40–60-х гг. XVIII в. № 6.

Лисовой Н.Н., Смирнова И.Ю. – Участие русских дипломатов в церковно-политической жизни восточных патриархов в середине XIX в. № 1.

Медушевский А.Н. – Российская история: Новые рубежи и пространство диалога. № 1.

Мельникова Л.В. – Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых как прообраз Красного креста. № 5.

Сень Д.В. (Краснодар) – Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII–XVIII вв. № 6.

Скорик А.П. (Новочеркасск), **Тикиджян Р.Г.** (Ростов-на-Дону) – Красные партизаны в советской действительности 1920-х – 1930-х гг. (на материалах Юга России). № 4.

Солдатенко В.Ф. (Украина) – Феномен украинской революции. № 1.

Сон Ж.Г. – Проблемы национальных меньшинств в Красной армии 1930-х гг. (на примере корейцев в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии). № 2.

Трефилов Е.Н. – Особенности казачьего монархизма конца XVII – начала XVIII в. № 6.

Федоровых А.П. – Проблема Черноморского флота в российско-украинских отношениях в 1990-е гг. (история возникновения). № 1.

Фролова М.М. – Воплощение замысла – Чертковская библиотека. № 2.

Шекшеев А.П. (Абакан) – Хасхылар: протестное поведение хакасов (конец 1919 – начало 1930-х гг.). № 2.

Сообщения

Боярченко В.В. (Рязань) – С.Г. Строганов, С.С. Уваров и «История Флетчера» 1848 г. № 5.

Ермолов И.Г. (Орел) – Органы самоуправления на оккупированных территориях РСФСР. № 1.

Носов К.С. – Стоимость деревянных оборонительных сооружений по новгородским росписям середины XVII в. № 1.

Проскурякова М.Е. (Петрозаводск) – Военные госпитали Выборгской провинции в период русско-шведской войны 1741–1743 гг. № 5.

Шустов С.Г. (Пермь) – Граф С.Г. Строганов и отмена крепостного права на уральских горных заводах. № 5.

Исторические портреты

Репников А.В., Христофоров В.С. – Василий Витальевич Шульгин. № 5.

Дискуссии и обсуждения

Горский А.А. – К спорам по «варяжскому вопросу». № 4.

Давыдов М.А. – К вопросу о потреблении населения в России в конце XIX – начале XX в. № 2.

Мурашева В.В. – «Путь из ободриг в греки...» (археологический комментарий по «варяжскому вопросу»). № 4.

Мионов Б.Н. (Санкт-Петербург) – Модернизация имперской России и благосостояние населения. № 2.

Нефедов С.А. (Екатеринбург) – О связи демографических показателей и потребления в России конца XIX – начала XX в. № 2.

Роднов М.И. (Уфа) – Третья Россия (о крестьянстве и не только). № 2.

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

Боброва В.С. (Омск) – Секретные фонды архивов Сибири в 1920-е гг. № 6.

- Вовина-Лебедева В.Г.** (Санкт-Петербург) – Н.Ф. Лавров за чтением А.А. Шахматова. № 4.
- Егоров А.Н.** (Череповец) – Проблема взаимосвязи нового либерализма и социализма в современной отечественной историографии. № 2.
- Казяков Р.Б., Румянцева М.Ф.** – О.М. Медушевская и формирование российской школы теоретического источниковедения. № 1.
- Карнаухов Д.В.** (Новосибирск) – Концепция ранней этнической истории Руси и Московии в хронике Мартина Кромера. № 1.
- Медушевский А.Н.** – Национализм и авторитарная модернизация: дебаты в современной немецкой историографии. № 6.
- Миллер А.И.** – «Народность» и «нация» в русском языке XIX в.: подготовительные наброски к истории понятий. № 1.
- Новикова Л.Г.** – Революции 1917 г. и Гражданская война в российской провинции: взгляд двух западных историков. № 6.
- Отто А.** (ФРГ) – Церемониал, церемония и ритуал российского придворного общества XVIII в.: теоретико-методологический анализ в контексте современной западной историографии. № 2.
- Тимофеев Д.В.** (Челябинск) – Понятие «собственность» в России первой четверти XIX в.: опыт реконструкции смыслов. № 1.
- Критика и библиография**
- Агуреев С.А.** – В.М. Муханов. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. № 1.
- Андреев Д.А.** – Д.И. Стогов. Правомонархические салоны Петербурга-Петрограда (конец XIX – начало XX в.). № 1.
- Бендин А.Ю.** (Республика Белоруссия) – А.А. Сафонов. Свобода совести и модернизация вероисповедного законодательства Российской империи в начале XX в. № 4.
- Бугай Н.Ф.** – М.И. Мамаев. Актуальные проблемы национальных меньшинств Северного Кавказа: социальное положение, трансформация. № 5.
- Академик РАН Виноградов В.А.** – В.В. Алексеев, Д.В. Гаврилов. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. № 2.
- Дурновцев В.И.** – Историсофия историка. № 4.
- Жуковская Т.Н.** (Петрозаводск) – Становление финно-угорских историко-этнографических исследований в России: опыт комплексного анализа. № 2.
- Зашихин А.Н.** (Архангельск) – Гражданская война на Севере в биографиях ее участников № 4.
- Кноль В.** (Германия) – СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война 1939–1941: Дискуссии, комментарии, размышления. № 6.
- Кодзаев К.М.** (Владикавказ) – Ф.Х. Гутнов. Горский феодализм. Ч. I–II. № 5.
- Козлов С.А.** – В.Я. Гросул. Русское зарубежье в первой половине XIX в. № 5.
- Колоницкий Б.И.** (Санкт-Петербург) – А. Рабинович. Большевики у власти. Первый год советской эпохи в Петрограде. № 4.
- Короленков А.В.** – В.А. Нежин. «Если завтра поход...». Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х гг. № 6.
- Лаушкин А.В.** – А.А. Горский, В.А. Кучкин П.В. Лукин, П.С. Стефанович. Древняя Русь очерки политического и социального строя № 6.
- Либих А.** (Швейцария) – Рабочее оппозиционное движение в большевистской России 1918 г. Собрания уполномоченных фабрик и заводов. Документы и материалы. № 1.
- Лисейцев Д.В.** – Т.А. Опарина. Иноземцы в России XVI – XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. № 2.
- Медушевский А.Н.** – С. Пирани. Русская революция в отступлении, 1920–1924. Советские рабочие и новая коммунистическая элита. № 5.
- Мезин С.А.** (Саратов) – П.А. Кротов. Основание Санкт-Петербурга: Загадка старинной рукописи № 2.
- Носенко Е.Э.** – Б. Натанс. За чертой. Евреи встречаются с позднейимперской Россией. № 2.
- Павлов Д.Б.** – И.С. Розенталь. «И вот общественное мнение!». Клубы в истории российской общест-венности. Конец XVIII – начало XXв. № 5.
- Попович Н.Б.** (Республика Сербская (Босния и Герцеговина)) – С. Живанов. Падение Российской Империи. Т. I–II. № 4.
- Постернак А.В.** – М.В. Новиков. СССР, Коминтерн и гражданская война в Испании 1936–1939 гг. № 5.
- Пушкарева И.М., Пушкарев Л.Н.** – Аполлон Давидсон. Я Вас люблю. № 4.
- Рогожин Н.М.** – В.И. Иванов. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII вв.: механизм становления крепостного права. № 1.
- Сабенникова И.В.** – О.М. Медушевская. Теория и методология когнитивной истории. № 2.
- Самсоненко Т.А.** (Сочи) – М.А. Градицкая, А.П. Скорик. Женщины-колхозницы Юга России в 1930-е гг.: гендерный потенциал и менталитет. № 5.
- Саран А.Ю.** (Орел) – А.Г. Тепляков. «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. № 2.
- Секиринский С.С.** – Между Англией и Английской набережной. № 1.
- Степанский А.Д.** – Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917 гг. № 4.
- Токарев В.А.** (Магнитогорск) – А.В. Голубев. «Если мир обрушится на нашу республику...»: Советское общество и внешняя угроза в 1920–1940-е гг. № 4.
- Трепавлов В.В.** – История Удмуртии. В 3 т. № 4.
- Трепавлов В.В.** – Ю.М. Юсупов. История Башкортостана XV–XVI вв. (социально-политический аспект). № 5.
- Хавкин Б.Л.** – Т. Дидрих. Паулос. Травма Сталинграда. Биография. № 6.
- Христофоров И.А.** – В поисках гражданского общества. № 2.

Из редакционной почты

- Сарташова М.В.** (Балахна) – О происхождении Кузьмы Минина. № 4.
Морохин А.В., Пудалов Б.М. (Нижний Новгород) – К биографии Кузьмы Минина. № 4.
Тантелеев П.А. (Тобольск) – Сибирь: начало истории – новая версия. № 4.

Научная жизнь

- Артамонов Г.А.** – Чтения, посвященные 80-летию со дня рождения В.Г. Тюкавкина и А.Г. Кузьмина. № 6.
Базанов П.Н. (Санкт-Петербург) – Международная конференция «Нансеновские чтения – 2008». № 4.
Баранов Е.Ю. (Екатеринбург), **Лабузов В.А.** (Оренбург) – Международная научная конференция «Аграрное развитие и продовольственная политика России в XVIII–XX вв.: проблемы источников и историографии». № 2.
Бугай Н.Ф. – Государство и нация в России и Восточной Европе: международная научная конференция в Венгрии. № 1.
Бугай Н.Ф. – Всероссийская научно-практическая конференция «Современные этнополитические и этноконфессиональные процессы на Северном Кавказе: проблемы и пути решения». № 5.
Избаш-Гоцкан Т.А., Шкляев И.Н. (Украина) – II Воронцовские чтения в Одессе. № 5.
Кодин Е.В., Каиль М.В. (Смоленск) – Власть – обшество – личность в истории России. № 6.
Колодникова Л.П. – Диалог историков России и Казахстана. № 1.
Кропачев С.А. (Краснодар) – Международная научная конференция в Париже о сталинском «Большом терроре». № 1.
Кузнецов А.А., Морохин А.В., Николаев Д.А. (Нижний Новгород) – Международная научная конференция «Мининские чтения». № 4.
Марасанова В.М. (Ярославль), **Пушкарева И.М.** – Всероссийская научно-практическая конференция по истории российского либерализма в Ярославле. № 4.
Медушевский А.Н. – История сталинизма: итоги и проблемы изучения. Международная научная конференция. № 5.

- Мельничук Г.А.** – Научно-практическая конференция «Шпацк: 455 лет в истории России». № 4.
Мосейкина М.Н. – Первые «Нансеновские чтения» в Санкт-Петербурге. № 1.
Новикова Н.В. (Ярославль) – Международная научная конференция «Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра». № 6.
Павлов Д.Б. – Международные научные конференции по изучению российской имперской политики в Азии (Саппоро–Осака–Киото). № 1.
Плавская Е.В., Румянцева М.Ф. – Международная научная конференция «Чтения памяти профессора О.М. Медушевской». № 6.
Рогожин Н.М. – Конференция «Проблемы истории феодальной России». № 5.
Сабенникова И.В. – Проблемы перемещенных культурных ценностей: российско-германский симпозиум. № 5.
Стефанович П.С. – Международная конференция «Религия и интеграция в Московском государстве: идеи и практика, возможности и пределы (XV–XVII вв.)». № 1.
Стрижкова Н.А. – Россия и мир: проблемы взаимовосприятия культур. № 2.
Усманов С.М. (Иваново), **Семененко А.М.** – Русскость и российскость: в поисках идентичности. № 2.
Филимонов В.Я., Берговская И.Н. (Калуга), **Романовский В.К.** (Нижний Новгород) – III Всероссийская научная конференция «Н.В. Устрялов в истории мировой политической мысли». № 4.

Докторские диссертации по отечественной истории. № 6.

Новые книги по отечественной истории. № 1.

Юбилей

Пивовара Е.И. № 6.

Памяти

Исмаил-Заде Д.И. № 6.

Академика Платонова С.Ф. № 6.

СОДЕРЖАНИЕ

К 70-летию начала Второй мировой войны

Война, официальная пропаганда и массовое сознание

- Голубев А.В. – «Мы ждали второго фронта»: союзники глазами советского общества в годы Второй мировой войны 1
- Мельниченко М.А. – Феномен фронтового анекдота: народное творчество или инструмент агитации..... 28
- Синицын Ф.Л. – Проблема национального и интернационального в национальной политике и пропаганде в СССР в 1944 – первой половине 1945 г. 40

Война и гражданское население

- «Весь народ сильно сдал телом»: война и советский тыл глазами инженера И.А. Харкевича. Публикация А.А. Гордина, Р.Е. Глинер, Н.В. Колесниковой (Нижегород) 53
- Журавлев Е.И. (Ростов-на-Дону) – Гражданский коллаборационизм на Юге России в годы Великой Отечественной войны 70

Война как профессионально-техническое противостояние

- Фельдман М.А. (Екатеринбург) –Рабочие промышленности СССР и Германии к июню 1941 г.: сравнительные характеристики..... 75
- Яшин С.В. (Нижегород) – Органы военных сообщений Красной армии и эксплуатация железных дорог в годы Великой Отечественной войны 92
- Кикнадзе В.Г. – Морская радиоэлектронная разведка СССР в конце 1930-х – первой половине 1940-х гг. 102

«Круглый стол»

- 100-летие «Вех». Интеллигенция и власть в России. 1909–2009..... 106

Статьи

- Трефилов Е.Н. – Особенности казачьего монархизма конца XVII – начала XVIII в. 125
- Сень Д.В. (Краснодар) – Казачьи сообщества Крымского ханства и старообрядчество на Северном Кавказе в конце XVII– XVIII вв. 141
- Дейников Р.Т. – Россия, Турция и Крымское ханство в 40–60-х гг. XVIII в. 147

Историография, источниковедение, методы исторического исследования

- Боброва В.С. (Омск)– Секретные фонды архивов Сибири в 1920-е гг. 158
- Новикова Л.Г. – Революции 1917 г. и Гражданская война в российской провинции: взгляд двух западных историков..... 169
- Медушевский А.Н. – Национализм и авторитарная модернизация: дебаты в современной немецкой историографии..... 177

Критика и библиография

- Короленков А.В. – В.А. Невежин. «Если завтра в поход...» Подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30–40-х гг. 187
- Кноль В. (Германия) – СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война 1939–1941: Дискуссии, комментарии, размышления 190
- Хавкин Б.Л. – Т. Дидрих. Паулюс. Травма Сталинграда. Биография..... 193

Лаушкин А.В. – А.А. Горский, В.А. Кучкин, П.В. Лукин, П.С. Стефанович. Древняя Русь: очерки политического и социального строя.....	195
--	-----

Научная жизнь

Плавская Е.В., Румянцева М.Ф. – Международная научная конференция «Чтения памяти профессора О.М. Медушевской».....	199
Новикова Н.В. (Ярославль) – Международная научная конференция «Правовое положение женщин в России: вчера, сегодня, завтра».....	202
Кодин Е.В., Каиль М.В. (Смоленск) – Власть – общество – личность в истории России ...	205
Артамонов Г.А. – Чтения, посвященные 80-летию со дня рождения В.Г. Тюкавкина и А.Г. Кузьмина	207
Юбилей Е.И. Пивовара	208
Докторские диссертации по отечественной истории	209
Памяти академика С.Ф. Платонова	213
Памяти Д.И. Исмаил-Заде.....	213
Указатель материалов, опубликованных в журнале в 2009 г.	215

CONTENTS

Towards the 70th Anniversary of the World War II

War, official propaganda and the mass consciousness

Golubev A.V. – «We did wait for the Second front»: the Allies seen by the Soviet people	3
Melnichenko M.A. –The phenomenon of war anecdote: a folklore genre or the instrument of propaganda?	28
Sinitsyn F.L. – The problem of national and international in the national policy and state propaganda in the USSR in 1944–1945.....	40

War and the civil population

«All people are seriously weakened of body»: the war and the home front through the eyes of engineer L.A. Kharkevich. <i>Published by A.A.Gordin, R.E. Gliner, and N.V. Kolesnikova (Nizhny Novgorod)</i>	53
Zhuravliov E.I. (Rostov on Don) – Civil collaborationism on the Russian South during the Great Patriotic War.....	70

War as a technical and professional face-off

Feldman M.A. (Ekaterinburg) – Soviet and German industrial workers by the June of 1941: A comparison.....	79
Yashin S.V. (Nizhniy Novgorod) – The Red Army’s Administration of military communications and the use of railways in 1941–1945	93
Kiknadze V.G. – Soviet Naval radio-electronic intelligence, late 1930s – first half of the 1940s	102

«Round table»

A centenary of «The Landmarks» (« <i>Vekhi</i> »). Intelligentsia and the power in Russia, 1909–2009	106
	221

Articles

Trefilov E.N. – Specifics of the Cossack monarchism of the late 17 th – early 18 th centuries	125
Sen' D.V. (Krasnodar)–The Cossack communities of the Crimean khanate and the Old Belief of the Northern Caucasus, the late 17 th – early 18 th centuries	141
Deinikov R.T. – Russia, Turkey, and the Crimean khanate, 1740s–1760s	147

Historiography, Source studies

Methods of Historical Research

Bobrova V.S. (Omsk) –The secret archival collections of Siberia in the 1920s	158
Novikova L.G. – The revolution of 1917 and the Civil War in Russian regions: a view by two western historians	169
Medushevsky A.N. – Nationalism and the authoritarian modernization: debate among modern German scholars	177

Book reviews

Korolenkov A.V. – V.A. Nevezhin. «If Tomorrow We Are on March...» Preparation to the War and the Ideological Propaganda of the 1930s–1940s	187
Knoll V. (Germany) – USSR, Eastern Europe and the World War II, 1939–1941: Discussions, Commentaries, and Reflections	190
Khavkin B.L. – T. Diedrich. Paulus. The Stalingrad Trauma. A Biography	193
Laushkin A.V. – A.A. Gorskii, V.A. Kuchkin, P.V. Lukin, P.S. Stefanovich. Ancient Rus': Essays on Political and Social System	195

Academic life

Plavskaiia E.V., Rumiantseva M.F. – International Research Conference «Readings in the memory of Professor O.M. Medushevskaiia»	199
Novikova N.V. (Yaroslavl') – International Research Conference «Legal status of women in Russia: past, present, and the future»	202
Kodin E.V., Kail' M.V. (Smolensk) – Power – Society – Personality in Russian history	205
Artamonov G.A. – Readings dedicated to the 80 th birthday anniversary of V.G. Tiukavkin and A.G. Kuzmin	207
Anniversary of E.I. Pivovarov	208
Doctor Dissertations on Russian History	209
In memoriam of Academician S.F. Platonov	213
In memoriam of D.I. Ismail-Zade	213
Index of publications in «Russian history» in 2009	215

Редакция

- Секиринский С.С.** – Отдел Новейшей истории
Мамонов А.В.
Мельникова Л.В. – Отдел Новой истории
Лисейцев Д.В. – Отдел Древней и Средневековой истории
Костина Р.В. – Отдел истории народов
Христофоров И.А. – Отдел историографии, источниковедения,
методов исторического исследования
Шахназарова М.Г. – Заведующая редакцией
Виккел О.Л. – Литературный редактор
Мац А.Г. – Младший редактор

Сдано в набор 30.07.2009

Подписано в печать 12.10.2009

Формат бумаги 70 × 100^{1/16}

Печать офсетная

Усл. печ.л. 18,2

Усл.кр.-отг. 23,8 тыс.

Уч. изд.л. 25,2

Бум.л. 7,0

Тираж 1290 экз.

Зак. 696

Свидетельство о регистрации № 0110244 от 8.02.1993 г.

в Министерстве печати и информации РФ

Учредители: Российская академия наук, Институт российской истории РАН

Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 117036, Москва В-36, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 8-499-723-69-10

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099 Москва, Шубинский пер., 6